

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

1986

• НАУКА •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1986

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Ответственный редактор
доктор филологических наук
Ров Рс ИВАНОВ

МОСКВА
"НАУКА"
1988

Редакционная коллегия:

*А. Ванагас, Вяч. Вс. Иванов, В. Мажюлис,
Л. Г. Невская, В. П. Нерознак, М. К. Рудзите,
Т. М. Судник (отв. секретарь),
А. Е. Супрун, В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев*

Рецензенты:

Р. А. Агеева, Т. В. Булыгина

В. Н. ТОПОРОВ

**ЯЗЫК И КУЛЬТУРА:
ОБ ОДНОМ СЛОВЕ-СИМВОЛЕ
(к 1000-летию христианства на Руси
и 600-летию его в Литве)**

Две великие годовщины исторического христианства отмечаются в эти годы: в 1987 шестисотлетие крещения Литвы, в 1988 тысячелетие крещения Руси. Эти два события, сыгравшие исключительную роль в истории этих стран и предопределившие на многие столетия их место в истории, должны расцениваться и как события вселенского характера. Литва была тем заповедным уголком Европы, той "лавкой древностей", где дольше всего сохранялись многие архаизмы и пережитки давно минувших времен — от языковых форм, "современных", по словам Мейе, латинскому языку III в. до н.э., до туров (этот вид в лице своего последнего представителя закончил свою многотысячелетнюю историю, не пережив, видимо, XVI в. именно в Литве/Герберштейн, посетивший Литву в 1517 г., еще упоминает о туре/). Точно так же и язычество как официальная государственная форма религии дольше всего сохранялось в Литве. Поэтому ее крещение означало, что с конца XIV в. вся Европа (по крайней мере на официальном уровне) стала христианской, и, следовательно, были заложены основы для начала нового этапа в жизни европейского человечества — христианизированной истории, наполненной новым содержанием и определяемой новыми целями, общими — в принципе — для всех ее участников. Совершившееся четырьмя столетиями ранее принятие христианства на Руси не только приобщило к уже христианскому миру наиболее обширную и самую отдаленную часть единого пространства — Восточную Европу, но и тем самым в исторически ближайшем будущем открыло новый огромный мир, который должен был христианизироваться с помощью русских христиан, "тружеников одиннадцатого часа". Через семь веков (или несколько более) христианство утвердилось, за относительно небольшими исключениями, на всем пространстве Северной Евразии вплоть до Ледовитового и Тихого океанов. И каковы бы ни были последующие судьбы христианства в Восточной Европе, его наследие стало неотъемлемой составной частью духовной культуры и здесь, — может быть, особенно здесь.

Утверждение христианства на Руси и в юго-восточной Прибалтике не было изолированным явлением. Как бы ни было велико и, на первый взгляд, самодовлеюще это событие для названных стран, оно составляло лишь звено в длинной череде подобных событий — христианизации тогдашнего мира и прежде всего Европы, — рас-

Балто-славянские исследования 1986. — М.: Наука, 1988. — с. 267.

Б20 ISBN 5-02-010896-0.

Седьмой том ежегодника содержит материалы и исследования по истории контактов балтийских и славянских языков и культур. Значительное внимание уделяется вопросам балто-славянской топониматики, исторической диалектологии смежного с балтийским ареала великорусских и отчасти белорусских говоров. Для широкого круга филологов, историков.

Б 4602000000-393 311-88—IV
042(02)-88

ББК 81

ISBN 5-02-010896-0

© Издательство "Наука", 1988

тянувшейся во времени почти на полтора тысячелетия. В этой гигантской пространственно-временной и культурно-исторической перспективе, казалось бы, разрозненные события, каждый раз вызываемые к жизни "своим", как бы случайным набором причин и мотивов, следствий и целей, обнаруживают свою закономерную и внутренне необходимую связь, то единство конкретного, реального, исторического и общего, идеального, провиденциального (как сферы "сверхисторического"), которое связывает все эти части в органически синтезируемую целостную картину, обладающую своей телеологией, раскрывающейся лишь постепенно. Поэтому само рассмотрение этой удивительной исторической панорамы, где пространства и времена подобны этапам некоей грандиозной эстафеты, конечная цель которой ясна ее участникам лишь отчасти, таит в себе многие и важные уроки.

Если говорить о славянах, то их встреча с христианством была довольно непосредственно связана с распадом славянского этнокультурного единства, выходом из своей прародины и распространением из нее вовне и прежде всего на юг, по направлению к старым центрам средиземноморской цивилизации, к этому времени уже прочно христианизированным. Не духовные ценности, а нечто более наглядное и материально-убедительное влекло славян прежде всего на юг, за Дунай, но, отправившись, как и многие другие народы до них и после них, за одним, они нашли другое и были поставлены перед необходимостью выбора — принятия или отказа. В связи с избранной здесь темой особенно интересен, конечно, первый вариант, который к тому же имеет и другое преимущество, на этот раз общего характера, — большей информативности, особенно острой диагностичности, поскольку он связан с отчасти парадоксальной ситуацией "христианства до христианства". Поэтому постановка вопроса об истоках, о самых первых славянах-христианах весьма привлекательна как с точки зрения общей истории христианства, так и с точки зрения истории христианства у славян. Нельзя полностью исключать, разумеется, таких ситуаций, как, например, встреча случайно оказавшегося в Риме в дни Петра и Павла славянина (попавшего в рабство или приехавшего сюда по Великому янтарному пути ради торговых дел) с тамошними христианами или знакомство с крымскими готами-христианами (уже в середине III в. они исповедывали христианство) или с христианами Малой Азии, где уже и тогда, не говоря о более поздних временах, славяне могли быть ходким товаром на рабовладельческих рынках. Но при всей допустимости (или даже вероятности) подобной игры случая, способов доказательства таких встреч пока нет и остается только иметь их в виду как самый отдаленный резерв и как теоретический аспект вполне реальной проблемы. Более того, нужно помнить, что в этих случаях с христианством встречалось не какое-то славянское политическое или социальное объединение, не племя или род, но отдельный человек, который в новом для него мире, становясь христианином или не становясь им, оказывался в изоляции от соплеменников и, с одной стороны, как бы утрачивал свою "славянскость", а с другой, все равно практически

не имел возможности передать свой личный опыт приобщения к новой вере своим соплеменникам и сородичам. Поэтому подобная линия, по крайней мере в плане "внешнего", становилась тупиковой (здесь можно думать об отдельных представителях славянского этноязыкового комплекса, которые едва ли могли быть не увлечены в конце IV в. готами в их движении на юго-запад)¹.

Иная, более достоверная, хотя, строго говоря, тоже пока почти не доказуемая ситуация складывается, начиная с VI в., когда славяне значительными массами перешли Дунай и вторглись на Балканы, с одной стороны, и достигли Адриатического побережья, разрушив Диррахиум (547—548 гг.), — с другой. О новом характере этого движения славян сообщает тот же Прокопий, имея в виду их вторжение в 527 г.: "...огромная толпа славян, какой никогда раньше не бывало, явилась на римскую территорию. ...Славяне твердо заявили, что явились сюда, чтобы осадить и взять Фессалонику и города вокруг нее" (De bello Goth. III, 40). Впрочем, и в этом случае византийские императоры нанимали славян на военную службу. В связи с событиями 555 г. Агафий сообщает о трех военачальниках, сражавшихся против персов и носивших славянские имена — *Vьse-gard-, *Svarun-, *Dobro-jezd². Особенно интересно, что сын последнего носил уже неславянское имя (Леонтиос. Agath. IV, 18) и был, судя по всему, христианином, может быть, первым из известных нам по имени. Через 25—30 лет после этого славяне прочно заселили всю Грецию, достигнув Пелопонеса.

В течение двух с половиной веков (600—860 гг.) существовала "славянская Греция". К концу ее существования (середина IX в.) славяне оказались практически полностью христианизированными, но сами, параллельно этому процессу, утрачивали свою этнолингвистическую принадлежность, переставали быть славянами. Завершение христианизации "греческих" славян, чему, в частности, способствовала целенаправленная деятельность императора Василия I и патриарха Фотия, совпало в основном с принятием христианства болгарами и сербами.

События середины VI в., существенно затронувшие Паннонию и смежные территории (вторжение аваров, уход лангобардов в Северную Италию и т.п.), привели к тому, что поток славян устремился на юго-запад, в верховья Дравы, вплоть до Энса и даже Тальяменто в северо-восточном углу Италии. Здесь, в долинах восточных Альп, они вошли в соприкосновение с баварцами, которые в это время были еще язычниками. Утверждение христианства среди баварцев шло медленно, и оно стало фактом лишь на рубеже VII—VIII вв., когда св. Эммерам (Haimhramm) крестил герцога Теодо (ок. 695—ок. 718) и многих других баварцев и столицей стал Регенсбург, отныне став-

¹ Однако известны и обратные ситуации, правда, позже. Так, Прокопий сообщает о том, что для отражения готов римляне использовали 1600 всадников, большую часть которых составляли гунны, славяне и анты (De bello Goth. I, 27, запись относится к 536—537 гг.).

² Ср.: Ὀυσίγαρ(ε)δος [καί] Σουαρούνας, σκλάβος ἀνὴρ; Δαβραγέζας, Ἄντης ἀνὴρ ταξίαρχος (Agath. Histor. III, 121; ср. также III, 6—7; IV, 20 и др.).

ший влиятельным центром христианизации этого края³. Все эти события не могли остаться без отклика и в соседних землях, занятых к этому времени славянами. Центрами влияния были Фрейзинг, Пассау и особенно Зальцбург. В этой ситуации едва ли можно предполагать, что местные славяне не начали постепенно христианизироваться. Однако первые надежные свидетельства приобщения к христианству становятся известными в связи с эпизодами княжеской жизни. Так, около 743 г. Боруа Карантанийский посылает своего сына Горазда и племянника Хотимира воспитываться в одном из недавно основанных монастырей⁴. Последний вернулся из Баварии со священником Майоранусом. Во время правления Хотимира (50—60-е годы VIII в.) христианство основательно распространяется в Карантании (Каринтия и Штирия). Основание в 769 г. герцогом Тассило монастыря в Иннихине (римск. *Aguntum*), у истоков Дравы, на одном из важных альпийских путей, было задумано как создание нового миссионерского центра, деятельность которого распространялась и на местных славян.

Славянские племена, оказавшиеся южнее (в Истрии, Хорватии, на Далматинском побережье Адриатики), пришли сюда язычниками и нашли здесь иную обстановку, чем в Карантании. Старое население этих мест уже было христианизировано. Более того, эта территория была местом, где сталкивались или соприкасались интересы Рима и Византии⁵. Ряд источников (и не только письменных)⁶ свидетельствует о дестабилизирующем характере славянского присутствия и открытой враждебности к местному христианскому населению. Она проявлялась в нападениях на него, ограблениях церквей, угрозах в отношении главных церковных центров (Спалато и Дирахиум) и т.п. Установление в конце VIII в. франкского контроля над паннонской Хорватией и активность церковных властей в франкской Аквилее (*Cividale*) способствовали более лояльному поведению славянских вождей населения этих мест и сведению эксцессов к минимуму. Во всяком случае Борна (ок. 810—ок. 821) и его преемник Владислав (ок. 821—ок. 835) считались уже христианами. На основании надписи в церкви Святого Креста в Нине⁷ делают вывод, что уже при Годеславе славянская верхушка была христианизированной.

Следовательно, именно эти две группы славян, достигших Восточных Альп и северо-восточного побережья Адриатики (предки будущих

словенцев и хорватов), видимо, ранее других славян приобщились к христианству, сохранив свой язык и свою этническую принадлежность. Этот процесс, вероятно, уже довольно отчетливо обозначился к концу VIII в., а может быть, и несколько ранее. Впрочем, отдельные случаи (видимо, вынужденного) обращения в христианство известны в конце VIII в. и у болгар (Телериг, ок. 772—777). При Круме (ок. 803—814) многие ремесленники-христиане переводятся в Болгарию; вместе с тем, попадая в плен, болгары нередко принимают крещение. Происходящее в это время растворение болгарско-тюрского элемента в славянском, с одной стороны, и постоянные контакты с Византией, с другой, объясняют и нарастающее распространение христианства в Болгарии и специально христианизацию славянского элемента. И хотя до введения христианства в 864—865 г. оппозиция болгарский—христианский (греческий) остается актуальной, число примеров крещения в верхушечном слое болгарских правителей все увеличивается⁸. Почва была достаточно хорошо подготовлена, и официальное принятие христианства (царь Борис был крещен константинопольским патриархом) открыло путь широкому распространению новой веры. В 870 г. Болгария уже признается архиепископией. Через некоторое время разветвляется энергичная переводческая деятельность, появляются первые опыты оригинального творчества в области религиозной литературы, обнаруживаются тенденции к передаче своего опыта другим народам. Немногом позже, чем в Болгарии, христианство было принято и в Сербии (ок. 870 г.). Деятельность Кирилла и Мефодия в 60-е годы IX в. слишком хорошо известна, чтобы говорить о ней здесь. Нужно только особо отметить их деятельность в Паннонии, в Блатенском княжестве при дворе Коцела, и последующую интенсивную и плодотворную деятельность их учеников в Македонии (Климент, Наум и др.), где в Охриде сформировался подлинный центр славянского христианского просвещения.

Христианизация славянских народов и земель к северу от Балкан существенно отличалась от аналогичных процессов приобщения к христианству балканских славян. Особенно характерны в этом отношении Моравия и Чехия. Моравская миссия солунских братьев, содержание их деятельности и достигнутые в результате ее успехи известны и очевидны. Менее определена ситуация до 60-х годов IX в. С большей или меньшей достоверностью можно говорить о слабости контактов моравских славян с христианством, по крайней мере, до VIII в. Но с этого времени влияние центров распространения христианства, находившихся на немецких землях к западу от Чехии и Моравии, становится все более и более настоятельным, иногда оно сопровождается насильственными действиями. В 845 г. Людовик Немецкий принудил креститься 14 чешских вельмож, а в 846 г. вторгся в Моравию и сверг Моймира. Само обращение Ростислава к византийскому императору и особенно его слова, переданные послами, о том, что "наш народ отверг язычество" и что он нуждается в учителях, которые наставили бы его в вере на родном языке,

³ Ср.: *Bauerreiss R. Kirchengeschichte Bayerns. Vol. I. Von den Anfängen bis zu den Ungarneinfällen. St. Ottilien, 1949.*

⁴ *in insulam chemingi lacus* (*Conversio 4*).

⁵ Об этой ситуации отчасти можно судить по более яркому примеру, относящемуся к тому же времени, — Венеции, которую иногда называют "латинско-византийским гибридом". Кстати, можно напомнить, что Венеция до конца X в. платила дань славянам, жившим на побережье, что обеспечивало ей столь необходимую для нее свободу мореплавания.

⁶ На мозаике в церкви св. Венанция изображается преследование славянами далматинских христиан.

⁷ Ср.: *GODES[L]AV IUPPANO [...] ISTO DOMO CÖSTRUXIT.* — См.: *Jelić L. Dvorska Kapela sv. Križa u Ninu. Zagreb, pl. XVIII (fig. 34); Šišić F. Priručnik izvora hrvatske historije: 1/1 — do god. 1107. Zagreb, 1914, 118, N 5.*

⁸ Так, христианами стали два сына Омуртага (ок. 814—ок. 831).

лучше всего свидетельствуют о далеко зашедшей христианизации⁹ и готовности еще полнее и глубже утвердиться в новой вере. Но все возрастающие претензии Зальцбургской и Пассауской епископий, как и военные успехи немцев, привели к тому, что дело Кирилла и Мефодия не получило должного развития, а сама Великая Моравия стала провинцией Восточно-франкского королевства. Нигде в славянских странах борьба "западного" и "восточного" христианства не обнаружилась так рано и не приняла таких драматических форм, как здесь.

Все рассмотренные до сих пор славянские народы и страны были в основном христианизированы к 60—70-м годам IX в. Славянские земли к северу от этой территории приняли христианство существенно позже и в отличных, хотя и разнящихся между собою условиях. На территории Польши приобщение к христианству складывалось по-разному. В 70—80-е годы IX в. малопольские земли были захвачены Моравией, местная династия была уничтожена, а висляне крестились по славянскому обряду и, следовательно, хотя и на короткое время, стали носителями кирилло-мефодиевской традиции, о которой можно судить лишь по разрозненным ее следам. Тем не менее, известны даже некоторые имена краковских епископов конца IX—начала X в. В северной половине Польши, на великопольских землях, ситуация была иной. Ко времени Мешко I обнаружилась отчетливая тенденция к экспансии в западном направлении. Здесь ему пришлось столкнуться с сопротивлением как отдельных славянских племен, так и датского короля и ряда немецких феодалов. В этих условиях союз со Священной Римской Империей, возникшей в 962 г., был особенно и взаимно желанен. Это обстоятельство, как и польско-чешское сближение (Мешко заключил брачный союз с дочерью Болеслава I Чешского), диктовали, если угодно, и определенную "унификацию" по конфессиональному признаку. Поэтому в 963 г. Мешко принял христианство по латинскому обряду, которое было существенно окрашено чешским влиянием.

Славянские племена к западу от Одры и далее, а также в западном Поморье были относительно изолированы от контактов с христианством, пока их западными соседями были язычники-саксы. Но когда в середине VIII в. Карл Великий нанес саксам решительное поражение, они вынуждены были обратиться к нему с просьбой о мире. Ценой мира была присяга на верность и принятие христианства (Падерборн, 777 г.). С этого времени ряд славянских племен, размещавшихся к востоку от земель саксов, оказались соседями мощной христианской империи Карла Великого, вскоре испытавшими на себе силу своего нового соседа. Процветающий у этих племен языческий культ, сви-

детельствующий один из наиболее разработанных и оригинальных вариантов славянского язычества, оказался перед лицом серьезнейшей угрозы. Но приверженность славянских племен этого уголка Европы язычеству была очень велика, и они дольше всего сопротивлялись принятию христианства¹⁰. Находясь на крайнем западном выступе Славии, в непосредственном соседстве с такими важными миссионерскими центрами, как Гамбург (отсюда был св. Анскарий), Бремен, Бамберг, несколько позже Магдебург, архиепископом которого был Адальберт, обративший многие славянские племена в христианство, славянское население этих мест под крайним принуждением принимало христианство, но при первой же возможности восставало, убивало представителей клира, разрушало церкви (как, например, в Гавельберге и Браниборе во время возмущения полабских славян в 983 г.), уничтожало символы христианской веры и обращалось к еще не забытому язычеству. Даже когда отдельные князья (как Готшалк) радели христианству, внедряли его, строили церкви, основывали монастыри, соплеменники не раз подымали восстание и уничтожали все сделанное (ср. мятеж 1066 г. против этого князя). И во всяком случае в начале XII в. язычество у полабских и прибалтийских славян было еще живо и даже, видимо, во многих случаях было господствующей формой религиозной практики. По-видимому, прошло около четырех веков, прежде чем основы язычества были решающим образом подорваны, и христианство одержало победу. Нигде в славянском мире переход от язычества к христианству не был сопряжен со столь тяжелыми и кровавыми событиями. Роковое отождествление свободы с язычеством, а неволи с христианством, с одной стороны, и, с другой, убеждение в том, что нужно непременно выбирать между двумя взаимоисключающими состояниями — или оставаться славянином, или стать христианином, — в очень значительной степени определили трагическую судьбу этих племен, потерявших сначала свободу и язычество, а потом и язык, свою этническую принадлежность и даже свое имя. Эти тяжелые страницы истории насильственного утверждения христианства и слепого противопоставления ему эгоистических принципов абсолютизированного "национального" самостояния содержат важные уроки как для "внешних", так и для "внутренних", и выдвигают серьезные нравственные проблемы непреходящего значения.

Пространственная череда славянских земель замыкается Русью, где христианство было принято в 988 г., и принято не только добровольно, но и при ситуации, когда было несколько возможностей выбора. Но официальное крещение Руси и искренний, несколько наивный, но трогательный энтузиазм по поводу вступления в царство благодати, отданность учению Христа и высокие образцы святой жизни не должны ввести в заблуждение как относительно язычества

⁹ Существует мнение, что одна из ранних христианских церквей (Modrá, около Старого Места) могла быть построена около 800 г. Кстати, она характеризуется чертами ирландского стиля (см. *Cibulka J. Vel'komoravský kostel v Modré i Velehradu a začátky křesťanství na Moravě. Praha, 1958*). Значительное присутствие ирландского элемента отмечается в это время и в Баварии. Ср.: *Reiffenstein I. Das Althochdeutsche und die irische Mission im oberdeutschen Raum. Innsbruck, 1958; Исаченко А. В. К вопросу об ирландской миссии у паннонских и моравских славян // ВСЯ, 1957, N 3. С. 43—72 и др.*

¹⁰ Гельмольд неслучайно пишет: "Среди всех северных народов одни лишь славяне были упорнее других и позже других обратились к вере" (I, 6). Разумеется, отдельные случаи обращения в христианство известны с довольно раннего времени (ср. сведения об ободритском вожде Славомире, 821 г.). Источники упоминают о церкви св. Вита на Рюгене во времена Людовика II (855—875) и т.п.

и его остатков, долго, практически до настоящего времени сохраняющихся в ряде сфер духовной жизни народа, так и относительно многих соблазнов "исторического" христианства на Руси. Тем важнее, чтобы была четко обозначена и наиболее высокая и чистая сторона в тысячелетнем бытии у нас христианства¹¹.

Эта пространственно-временная панорама христианства у славян¹² в историческом и геополитическом контексте нуждается в дополнении. Речь идет о балтийских племенах и землях, столь тесно и интимно, нередко до неразличения связанных с племенами и землями Славии. Прусы довольно рано соприкоснулись с христианством по крайней мере на языковом уровне: во всяком случае такие слова, как *nadele* 'воскресенье' и *sabatico* 'суббота', были заимствованы в прусский язык до IX в.¹³, хотя в данном случае речь не шла об усвоении христианства как религии. Языческий культ, достаточно сильно развитый и весьма специализированный (ср., с одной стороны, сведения о святилище в Ромове и ряде ритуалов, а с другой, функциональную дифференциацию внутри жреческого сословия), держался долго и прочно. Более того, он в существенной мере определял "теократические" тенденции в развитии прусского общества и отчасти направ-

¹¹ Здесь нет ни необходимости, ни возможности говорить о самых ранних контактах Руси с христианством и первых христианах "до христианства" (до 988 г.). Несомненно, что таких христиан было немало (в частности, высказывалось мнение, что в Киеве второй половины X в. славянский элемент был более христианизирован, нежели варяжское правящее меньшинство). Не раз высказывалось мнение о более ранних попытках принятия христианства и даже о христианизации некоторых восточнославянских племен, находившихся на юго-западной окраине Руси и рано исчезнувших со страниц русской истории. Тем не менее, здесь стоит указать на некоторые идеи, которые так или иначе присутствуют в христианстве, характеризуют его (хотя бы и вторично) и которые стали известны русским славянам заведомо до утверждения христианства на Руси. Достаточно указать два круга таких идей — монотеизм, который на Руси и особенно в Киеве (в свете недавних открытий и ряда ранее известных разрозненных указаний) в той или иной степени не мог не быть известным из иудаизма (ср. "хазарский" период русской истории); то сочетание идей, которое было отражением христианского вклада в состав манихейского учения, несомненно известного на Руси с довольно раннего времени и оставившего по себе многочисленные следы, о которых отчасти уже писалось, а отчасти предполагается написать позже.

¹² Лишь несколько исследований более или менее общего характера для ориентации в этом аспекте темы: *Spinka M.* History of Christianity in the Balkans. Chicago, 1933; *Kuhar A.L.* The Conversion of the Slovenes. New York, 1959; *Dietrich Z.R.* Christianity in Great-Moravia. Gronningen, 1962; *Völker K.* Kirchengeschichte Polens. Berlin, 1930; *Sós A.Cs.* Die slawische Bevölkerung Westungarns im 9. Jahrhundert. München, 1973; *Dvornik F.* The Slavs: their Early History and Civilisation. Boston, 1956; *Idem.* The Slavs in European History and Civilisation. Rutgers, 1962; *Vlasto A.P.* The Entry of the Slavs into Christendom: An Introduction to the Medieval History of the Slavs. Cambridge, 1970; *Latourette K.S.* A History of the Expansion of Christianity. London, 1938—1945; *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. Т. I, 1-я половина. М., 1901; *Карташов А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. I, 1959; *Ammann A.M.* Storia della Chiesa Russa et dei paesi limitrofi. Torino, 1948 (2-е изд., испр. и доп. — Abriss der Ostslavischen Kirchengeschichte. Wien, 1950); *Smolitsch I.K.* Russisches Mönchtum. Entstehung, Entwicklung und Wesen. 988—1917. Würzburg, 1953 etc.

¹³ См.: *Levin J.F.* The Slavic Element in the Old Prussian Elbing Vocabulary. Berkeley, Los Angeles; London, 1974. С. 87; и др.

лял его в сторону сепаратизма и изоляционизма. Задержка с формированием предпосылок создания государственного строя, сыгравшая роковую роль в истории пруссов, не в последнюю очередь связана с гипертрофией жреческой структуры и исключительной, можно сказать, самодовлеющей ролью культа. Но на рубеже I и II тысячелетий положение существенно изменилось, и "государственные" соседи начали теснить пруссов. Если Русь в лице уже князя Владимира, позже — киевских, волынских, смоленских князей нападала на южные и юго-восточные пределы прусской земли (ятвяги, галинды), то наступление Польши, начавшееся при Болеславе Храбром (992—1025), таило в себе более серьезные угрозы. Прусы несли урон по границе с Польшей; особенно ощутимым было сокращение прусского этнического элемента в Нижнем Повисленье; центр прусской жизни сдвигался на периферию, дальше от опасных соседей, и то, что долгие всего пруссы сохраняли свое лицо в Самбии, конечно, не может быть объяснено случайностью. На рубеже X—XI вв. засвидетельствованы конкретные попытки обращения пруссов в христианство. Они закончились неудачей, и мученическая смерть Адальберта-Войцеха (997 г.) и Бруно (1009 г.) отметила эту раннюю попытку приобщения пруссов к новой вере. Более драматично для пруссов стала складываться ситуация с начала XIII в. Проникновение немцев в восточную Прибалтику (в начале века уже была основана Рига), религиозная активность на границе прусских земель (назначение в 1215 г. Христиана кульмским епископом, создание Добжинского ордена, перенесение в Пруссию деятельности Тевтонского ордена), колонизационный поток из севернонемецких городов, неразумное предложение Конрада Ордену обосноваться на Висле, наконец, посылка в 1230 г. в Хелминскую землю рыцарей Ордена во главе с Германом Бальке и т.п. — все это сделало положение пруссов безвыходным. И в ближайшие два—три десятилетия сопротивление пруссов было сломлено, независимость утрачена, несмотря на то, что пруссы боролись до конца, не раз восставали, старались так или иначе сохранить хотя бы остатки старой веры. В XIII в. пруссы были христианизированы, и здесь, как и в землях полабских и прибалтийских славян, начался активный процесс утраты языка, своей культуры, своей этнической самостоятельности. Он зашел так далеко, что позже, даже когда обстоятельства становились более благоприятными и ситуация смягчалась, пруссы уже никогда не могли обрести хотя бы только этноязыковую самостоятельность. Последний шанс, появившийся в XVI в., не мог быть использован; пруссы исчезли со страниц истории, и их земли стали немецким владением.

Примерно в то же время (XIII в.) была христианизирована территория современной Латвии. Впрочем, попытки миссионеров начались несколько раньше, и они подкреплялись одновременным проникновением сюда немецкого торгового элемента. Важную роль в этом сыграло основание Любека, который оказался центром и религиозной, и экономической экспансии. Из Сегебергского монастыря любекской епархии был и Мейнгарт, посвятивший себя апостольской деятельности среди ливов и вскоре рукоположенный епископом Ливонии. Основание Риги и деятельность Альберта были новой

страницей в христианизации края. В течение почти всего XIII в. орден Меченосцев расширял круг земель и племен (земгалы, курши, селы, латгалы), обращавшихся в христианство. И здесь история этого обращения оказалась связанной с насилием, вызывавшим к жизни сопротивление, героическое, но нередко лишенное конструктивности и поэтому нецелесообразное. В этих условиях большой урон несла и "национальность" с ее традиционной культурой, и христианство, которое воспринималось в значительной мере "внешне", вне наиболее глубоких и творческих его смыслов.

История обращения в христианство Литвы являет еще один, сильно отличающийся от "прусского" и "ливонского" вариант. То, что предгосударственные или даже раннегосударственные формы складывались здесь раньше, чем у других балтийских племен, и получали более основательный характер, сыграло, конечно, свою роль. Государственная и политическая трезвость, практицизм и гибкость (внешний наблюдатель иногда склонен преувеличивать "цинизм" такой позиции) наложили свой отпечаток на все перипетии усвоения христианства языческой Литвой. И еще одна важная черта не может быть упущена из внимания — широкий геополитический кругозор наиболее выдающихся руководителей Литвы: решения, нередко казавшиеся совершенно противоположными, но имевшими в конечном счете единую глубинную цель, принимались не от безразличия или цинизма, а с учетом всей ситуации вокруг, с оглядкой на Ливонию и Пруссию, Польшу и Русь. И, наконец, еще одна особенность политики литовских князей в отношении христианства. Шаги навстречу христианству делались не тогда, когда выбора уже не было и нужно было принимать диктуемые условия, но чуть раньше, чем ситуация оказывалась полностью детерминированной и уже необратимой. Именно поэтому у литовских князей, как правило, всегда оказывалась некоторая свобода выбора, дававшая возможность и права на компромисс, сделку, договор, при котором обе стороны так или иначе связывают себя взаимными обязательствами.

Нужно думать, что именно в этом контексте объясняются неоднократные принятия христианства (в частности, уже Миндовгом в 1252 г., потом Ольгердом — притом то по "восточному", то по "западному" образцу — и т.п.) и отказ от него, возвращение к язычеству, которое с известного времени, похоже, тоже стало для княжеской власти актом скорее идеологически-политического значения, нежели религиозного. В условиях постоянной борьбы с соседями на западе и востоке, севере и юге Литвы удалось не только сохранить свою государственность, но и создать сильную и надежную военную организацию, которой еще предстояло сказать своё слово в будущей истории Литвы. Еще важнее, пожалуй, то, что к концу XIV в. литовское государство накопило некоторый запас прочности, обеспечивший ему возможность нужного выбора в нужный момент. Поэтому только поверхностный наблюдатель может объяснить случайностью "внезапное" возвышение Литвы и превращение ее чуть ли не в основную силу в этом регионе Восточной Европы, единственным соперником которой была складывающаяся Московская

Русь. На самом деле решающий момент был выбран удачно и сознательно, он вольно и невольно подготовлялся загодя усилиями Гедимины, Ольгерда и Ягайлы. И династический брак Ягайлы и Ядвиги и принятие христианства, добровольное и вполне ответственное со стороны Ягайлы (несмотря на привычку и, видимо, привязанность к некоторым "ходам" языческого самосознания), были лишь счастливым увенчанием долгого и трудного пути. Христианство было принято без тех деформаций его и комплексов со стороны новообращенных, которые были так характерны для латышских и прусских племен; национальность, язык, государственная самостоятельность были сохранены и даже приумножены. Переход от язычества к христианству в основном оказался довольно органичным, не сопровождаемым потрясением основ, и это обстоятельство очень во многом предопределило дальнейшие исторические судьбы христианства в Литве — и в периоды неслыханных триумфов (уже через несколько лет после 1387 г. при Витовте /1392—1430/ Литовское государство простиралось от Балтийского моря до Черного и от Нарева и Западного Буга до Подмоскovie, почти до линии Ржев — Можайск — Калуга), и в периоды, к сожалению, более частые, напряженной, из последних сил, и нередко трагической борьбы за основы своего государственного, культурного и языкового бытия¹⁴.

Утверждение христианства у славян на широких просторах Восточной, Центральной и Южной Европы и в балтийских землях было, несомненно, событием великого исторического значения. Оно прямо или косвенно отразилось на государственной жизни стран и народов этого обширного ареала, на внешней и внутренней политике, на всей системе междугосударственных отношений, на социальной структуре общества и даже на хозяйственно-экономических основах и принципах, понимаемых достаточно широко. Влияние христианства на духовную культуру, на формирование им новых видов духовности и нравственных идеалов, на развитие литературы, искусства, науки, философии, теологии, права, просвещения не вызывает сомнений в целом, но, к сожалению, чаще всего понимается слишком узко и "практически", с большим вниманием к "материальной" эмпирии, чем к глубинной сути духовной жизни. Наконец, нужно помнить и об основном вкладе христианства — его роли в собственно религиозно-богословском аспекте.

Особая тема — христианство и язык. Она, конечно, не нова,

¹⁴ Из последних работ, связанных с крещением Литвы и вытекающими из этого обстоятельствами, ср.: Krikščionybė ir jos socialinis vaidmuo Lietuvoje. Vilnius, 1986 (здесь же и отсылки к более ранней литературе вопроса, из которой особо стоит отметить: *Basanavičius J. Iš krikščionybės santykių su senovės lietuvių tikyba ir kultūra*. Vilnius, 1912). Для ознакомления русского читателя с этой проблематикой в связи с историей современной Латвии (а иногда и значительно шире) можно назвать старые исследования типа: *Трусман Г. Введение христианства в Лифляндию*. СПб., 1884; *Соловьев М. П. Очерки истории Прибалтийского края*. СПб., 1883; *Арбузов Л. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии*. СПб., 1912 (ср. также — *Arbusow L. Grundriß der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands*. Riga, 1918). Понимается, существует и более поздняя литература на иностранных языках.

но чаще всего сводится к узко-прагматическому аспекту христианской терминологии в конкретном языке. При этом упускается наиболее существенное — христианизация самого языка, внедрение в него новых духовных импульсов и энергий, актуализация его творческих потенций. Для русской духовной традиции, восприимчивости учения о Слове-Премудрости, породившей позже великую литературу, эта сторона языка оказывается особенно важной. Высшие логосно-софийные смыслы русского языка и языкового творчества, отраженного в текстах, обычно объясняются "эллинизацией" русского языка, его "эллинским" духом, прикосновенностью к той же стихии. В принципе это верно, но правильнее говорить в этом случае именно о "христианизации" языка, преодолении и пресуществлении его "языческих" потенций (ср. *язык* и *языки* 'язычники', *язычество* — к связи языка и религии, языка и духовной культуры) в духовность иного рода, которая может и должна рассматриваться уже в ином контексте, — так сказать, "сверх-историческом", в который, однако, входит и "историческое" как субстрат его.

* * *

Переход от языческой эпохи к христианской и на Руси, и в других славянских странах и землях существенно отразился еще на одном аспекте — собственно языковом. В свою очередь язык не был исключительно формой, пассивно фиксирующей этот переход. В значительной степени он сам предопределял формы, а отчасти и элементы содержания этого перехода, навязывая им то, что было возможно и реально в данном языке — языке славян на рубеже I и II тысячелетия н.э., который вполне достоверно может пониматься как поздняя стадия праславянского. Эта ситуация естественно возвращает нас к вопросу о взаимодействии языка и культуры, об их сотрудничестве, соревновании и соперничестве, которые должны пониматься как взаимозависимость этих двух сфер и соответствующих их элементов. В других работах эта проблема освещена подробно¹⁵, и поэтому здесь уместно напомнить лишь некоторые из основных положений.

Отношение амбивалентности и двунаправленности, отмеченное выше, характеризует ситуацию во всей зоне контактов языка и культуры. Наиболее типичные формы взаимодействия языка и культуры реально воплощают логически предельные состояния в этой сфере. С одной стороны, язык как основа культуры, ее строительный материал и одновременно демиург существеннейших ее частей, предопределяющий некоторые важные параметры культуры, форму ее выражения и мотивировки ее смыслов, наконец, язык как деятельный участник развития культуры и — как результат — "языковой" модус культуры. С другой стороны, императивы культуры, положительные и отрицательные, предписывающие языку специфические сферы

¹⁵ Ср. статьи автора: Об одном архаичном индоевропейском элементе в древнерусской духовной культуре // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 183—251; Из славянской языческой терминологии: индоевропейские истоки и тенденции развития // Этимология, 1986. М., 1988.

употребления, ставящие функциональные рамки, выдвигающие перед языком новые задания и — как результат — "культурный" слой языка, фиксация отложений культуры в языке, охватывающих в более широкой и глубокой перспективе весь язык.

Когда проблема взаимодействия языка и культуры вводится в контекст "перехода" (какой имел место на рубеже языческой и христианской эпох) и особенно "резкого перехода" ("резкость" в данном случае определяется не временем протекания всего процесса, а принципиальностью изменений — вплоть до смены "культурной" парадигмы и языковой "моды"), то эта ситуация становится в высокой степени диагностической, и она оставляет по себе многочисленные и разнообразные следы. В этих условиях, разумеется, взаимодействие языка и культуры интенсифицируется, и сам язык подвергается изменениям, осуществляемым в значительной степени сознательно (другой вариант — осуществившись бессознательно, эти изменения в дальнейшем становятся объектом осознанной языковой эволюции); иное дело — верно или ошибочно это осознание. Два наиболее частых и вместе с тем простых случая (кстати, принадлежащих к числу довольно основательно изученных), отраженных и в славянских данных, относящихся к рассматриваемому переходному периоду, предполагают, с одной стороны, заимствование целого пласта чужезычных слов, связанных с ключевыми понятиями нового религиозного учения (ср. в русском языке *krěstь, *сѣrкы и т.п., само имя Христа и обозначение христианства и т.д.)¹⁶, а также выработку довольно разветвленного словаря калек с греческого (как в русском языке) или с латинского (для западно- и отчасти южнославянских традиций) и, с другой стороны, вытеснение из языка (полностью или частично) целого ряда старых слов, слишком тесно связанных с "языческими" реалиями (и поэтому слишком себя "скомпрометировавших" в глазах ревнителей нового благочестия), не нашедших себе места в новой системе и приобретших отчетливо негативные коннотации ("невежество", "дикость", "суеверие" и т.п.). Третий случай (между прочим, он из числа наименее изученных) более сложен и глубок с точки зрения "культурно-языковой" перспективы, и поэтому он особенно показателен в аспекте темы взаимодействия языка и культуры. Речь идет о ситуации, когда слово, не только хорошо известное в языческую эпоху, но и, более того, обозначавшее важное понятие языческой веры, тем не менее сохраняется и в христианскую эпоху, играя ключевую роль в новой системе понятий. Сам факт использования старого и при этом "идеологически" отмеченного (во всяком случае не-нейтрального) слова в новой си-

¹⁶ Ср. также исследования, как: Miklosich F. Die christliche Terminologie der slavischen Sprachen // Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften: Philos.-hist. Klasse. Bd. 24. Wien, 1876. С. 1—58; Frinta A. Náboženské názvosloví česko-slovenské. Klasse. Bd. 24. Wien, 1876. С. 1—58; Frinta A. Náboženské názvosloví česko-slovenské. Praha, 1918 (ср. *Idem*. Bohemismy a paleoslovenismy v lužickosrbšké terminologii křesťanské a jejich dějepisný význam // Acta Univ. Carolinae 5: Philologica. Praha, 1954); Klich E. Polska terminologia chrześcijańska. Poznań, 1927; Šetka O.I. Hrvatska kršćanska terminologia. 1—3. Sibenik, 1940; Makarska, 1964—1965; Olesch R. Die christliche Terminologie im Draväno-polabischen (nach Quellen des 17. und 18. Jhs.) // ZfslPh. Bd. 39, 1976. С. 10—31; и др.

туации, с удержанием им, а иногда и дополнительным развитием "отмеченности" указанного типа и, безусловно, с существенным преобразованием "денотатной" сферы, как правило, свидетельствует о богатстве внутренних возможностей такого слова, обнаруживающемся при адаптации слова в новых условиях и прежде всего при моделировании им неизвестных до того внеязыковых ценностей. Это богатство возможностей объясняет случаи очень существенных и вместе с тем достаточно органичных "усложнений" семантической структуры слова и всякого рода смысловых "перестроек", "переориентаций", совершающихся в пределах этой структуры. В таких случаях возникают основания говорить о присутствии "новационного" слоя в семантической структуре старого слова. Вместе с тем само сохранение старого слова подобного типа в языке после не оставшейся без влияния на язык кардинальной перестройки всей системы высших духовных ценностей дает основание говорить об архаичности такого слова в целом. Собственно говоря, в сравнительно-историческом языкознании, в частности, в исторической лексикологии, как и в той перспективной области исследования, которую обозначают как "культура в зеркале языка" или иначе — языковое моделирование культурных ценностей, именно в подобных случаях и говорят о лексическом архаизме и даже пережитке, реликте, и т.п. Но в данном случае, может быть, важнее подчеркнуть парадоксальность самой конструкции, в которой "архаичное" и "новационное" не только не противоречат друг другу, но, более того, являются как бы непременным условием существования противоположного элемента, некоего "иного" начала, по видимости или при первом взгляде, опровергающего данное. Без учета подобных случаев исследователь рискует просмотреть именно тот, иногда очень тонкий и неявный слой в структуре таких ключевых "культурных" слов, языковых знаков-символов данной культуры, в котором как раз и скрыт главный семантический нерв слова-понятия.

К таким центральным знакам-символам христианской эпохи принадлежит и слав. *svęt- 'святой'. В других работах рассмотрены два круга проблем, связанных с этим словом-понятием — индоевропейские его истоки (*k'uen-to-) и параллели (иранские, тохарские, германские, обнаруженные древнеиндийские соответствия и, конечно, балтийские), распространяющиеся и на сферу элементарных мифопоэтических образов (*k'uen-to- & Subst., ср. "святой огонь", "святая вода", "святая земля" и т.п.), с одной стороны, и, с другой, "новационный" слой слав. *svęt- и связанная с ним духовно-культурная проблематика явления¹⁷. В этой статье избирается третий аспект, который,

однако, соотносится с двумя предыдущими. В центре внимания в дальнейшем будут факты двух родов — очень далеко и глубоко идущие соответствия между слав. *svęt- и балт. *švent-/*svent- и то, что обнаруживает в них прежде всего "архаическое", относящееся к дохристианской эпохе и позволяющее реконструировать то состояние, применительно к которому этот элемент уже нельзя считать исключительно архаизмом, поскольку здесь он включается в систему довольно правдоподобных или даже явных семантических мотивировок¹⁸. Поэтому в дальнейшем все время нужно иметь в виду тот индоевропейский фон, который фиксирует актуальную семантическую мотивировку *k'uen-to- (некто "набухшее", "возросшее", "распространившееся", "усиленное" и т.п.), и степень соотнесенности с ним соответствующих славянских и балтийских фактов.

Предварительно, однако, уместно определить в более общем и, так сказать, более теоретическом виде роль языковых данных в реконструкции явлений культуры в связи со словами такого типа, как *svęt-, *švent-/*svent-. Последнее относится к числу тех ключевых понятий-слов, которые, возникши в определенную более раннюю эпоху, переживают самые острые кризисы в развитии языка, культуры, идеологии и "работают" до конца с высоким коэффициентом полезного действия. В разные эпохи они равным, хотя и не всегда одинаковым образом и с достаточной органичностью укоренены в языке и в культуре, образуя вокруг себя разветвленную сеть слов и идей. Эта органичность и естественность (в частности, она проявляется в отсутствии видимых зазоров и лакун) существенно затрудняют проникновение к истокам явления. Впрочем, и в том случае, когда исследователю удастся тем или иным путем "пробиться" к истокам, восстанавливаемая картина при всей ее цельности, правдоподобности и иногда даже неопровержимости с точки зрения доступных критериев остается принципиально неполной из-за того, что она лишена поставленного ей в соответствие субъекта языка и, следовательно, соответствующей ему культуры. Полноправным интерпретатором восстанавливаемой картины, ее судьей и оценщиком может быть только такой субъект, но сам этот субъект непосредственно не дан исследователю и может быть — и то в лучшем случае — реконструирован в некоторых своих существенных чертах. Нахождение семантических мотивировок обозначения данного понятия, актуальных для языкового сознания реконструируемой эпохи, оказывается одним из наиболее реальных и надежных подступов к "открытию" этого субъекта-ономатета. В решении этой задачи язык играет главную роль. Благодаря ему за тем, что для современного языкового сознания нейтрально, немотивировано или, напротив, автоматически (т.е. абсолютно, детерминировано), можно вскрыть ситуа-

¹⁷ Помимо уже указанных работ автора, ср. еще: Понятие святости в Древней Руси (св. Борис и Глеб) // IJSLP, 1985. Vol. 31—32, 451—472; Toch. A *kāsu*, В *kwānts*, *kwā(m)ts* in the Light of the Regional Indo-European Designation of Holiness // Tocharian and Indo-European Studies 1987. Vol. 1; и др. — Настоящая статья представляет собой вариант последней ("балто-славянской") части работы автора из "Этимологии. 1986" (М., 1988). В этом варианте опущены разделы, посвященные и.-евр. *k'uen-to- в других группах языков, и существенно расширен балтийский и славянский материал, относящийся к истории этого слова в названных традициях.

¹⁸ Собственно говоря, *svęt- и *švent-/*svent- как раз и признаются архаизмами на том основании (главным образом), что в истории славянских и балтийских языков они не имеют подобных мотивировок и оказываются вырванными из своего "исходного" контекста (в частности, этот именно корень не соотносится с глаголом, от которого он мог бы быть произведен, но сам стал базой для формирования вторичных, производных от него глаголов).

цию, характеризовавшую творческую ономастическую эпоху, когда семантические мотивировки сознательно выдвигались и сознательно реализовались. Другая ситуация, позволяющая судить о субъекте языка и, следовательно, о самих элементах языка, остающихся немотивированными или слабо мотивированными, вскрывается как раз при обращении к таким ключевым моментам в развитии культуры, когда сталкиваются две системы идей или даже отчетливо и сознательно противопоставляющих себя друг другу мировоззрений, пользующиеся, однако, одним и тем же языком, точнее — общими его элементами.

Типология языковых преобразований в таких пороговых ситуациях весьма разнообразна, и то, что далее говорится о слав. **svet-* или балт. **švent-/švent-*, реализует лишь одну из возможностей. Вкратце суть этой ситуации состоит в том, что элемент **svet-/švent-*, несомненно, очень существенный в системе культурных (в частности, социально-религиозных) ценностей языческого периода, приобретает еще большее значение в последующий, христианский период — при том, что сами эти периоды и на официальной поверхности, и в значительной степени в сознании людей этой эпохи резко противопоставлены друг другу, а перешедшие "неизменно" из одного периода в другой слав. **svet-* и балт. **švent-/švent-* образуют наиболее идеологически определенное и диагностически важное понятие, приближающееся к термину или даже становящееся им. Обычно подобное сохранение (удержание и дальнейшее развитие) термина возможно лишь при том условии, что старое понятие, кодируемое соответствующим языковым элементом, вводится в такой более широкий или более интенсивный контекст, в котором оно может изменять (расширять или специализировать) свое значение, ни в коем случае не порывая связи с исходным. Слово в таком случае фактически обретает новую сферу употребления, что вызывает видоизменение старого значения, но сохраняет свой исходный семантический принцип. Лексема, обозначаемая элементом **svet-/švent-*, на стыке языческой и христианской эпох отражает именно эти две особенности. Существенна не столько возможность ее двоякого употребления (условно говоря, "языческого" и "христианского"), отвечающая известной ситуации двоеверия, сколько формирование нового элемента языка, который суммирует (или, точнее, "умножает" /ср. понятие теоретико-множественного произведения/) старую и новую ситуации. В этой "выкристаллизовавшейся" новой единице связи с исходным ядром не порваны, но сама она устроена таким образом, что это ядро становится возможным трактовать как частный случай общего значения, как конкретную реализацию одной из возможностей.

Подобный тип языковых изменений в рассматриваемых здесь условиях смены одной системы другою говорит уже не столько о программирующей роли языка по отношению к "внешнему" миру, к "действительности", сколько о том, что сам "внешний" мир выдвигает перед языком новые задания, которые тот обязан так или иначе выполнять, если только он хочет любой ценой сохранить позицию данного языкового элемента. Именно этот компромисс и дает осно-

вания говорить, что при выработке ключевых понятий культуры и языковых форм их выражения типично сотрудничество языка и культуры: обычно они действуют совместно, заодно (но не одинаково), взаимно корректируя и контролируя друг друга в одних случаях или синтезируя свои усилия в общем направлении в других. Именно поэтому анализ подобных ключевых понятий культуры и соответствующих *mots-clé* (особенно в период их формирования и специализации в новой сфере) требует учета как языковых предпосылок данного понятия, так и его функционирования в сфере самой культуры. Возможность более или менее надежных заключений открывается только при взаимном соотнесении фактов этих двух сфер.

Прежде чем перейти к рассмотрению праслав. **svet-*, целесообразно напомнить о высшей точке в развитии этого понятия в христианскую эпоху (славянский и прежде всего русский материал особенно показателен в этом отношении в силу ряда особых исторических условий, здесь не анализируемых). Корнем **svet-* (*свят-*) в это время обозначался высший нравственный идеал поведения (*святость*), соответствующая жизненная позиция и субъект подобного поведения, воплощение такой жизненной позиции (*святой*). Идеал святости понимался как высшая духовная ценность, как чаемое состояние и окончательная универсальная цель. В данном случае, если иметь в виду, например, русскую традицию (ср. *Святая Русь*), важна не столько сама оценка реального соответствия "Руси" и ставимого ею перед собой понятия святости, но направленность на святость, безусловный выбор ее, признание ее целью и высшим идеалом, сознание неразрывной (на глубине) связи с нею и вера во всеобщее распространение ее в будущем. Свято не только "священство", но и "царство" (*святой царь*) и даже земство (*мир свят*). Но преимущественный носитель святости — "священство" как одна из важнейших частей старой русской социальной структуры¹⁹, и святые как заступники и царства, и земства и предстатели за них перед Богом. И это свое назначение они осуществляют не только в одиночку, сами по себе, но и все вместе, образуя охранительный собор или ту "золотую цепь", о которой говорил св. Симеон Новый Богослов ("Святые, которые из поколения в поколение, в соответствии с Божьими указаниями, следуют по стопам тех святых, что прошли прежде, ... образуют как бы золотую цепь, где каждый из них — звено, каждый связан с предшествующим в вере, трудах и любви, как если бы они были единственной линией к Единому Богу, которая не может быть легко нарушена". — *Κεφάλαια πρακτικῆ καὶ θεολογικῆ, β*). В другом месте показано, как представляли себе на Руси святость и — в персонологическом ракурсе — кого считали святым. В выработке своего понимания святости русская духовная традиция, пожалуй, в наибольшей степени проявила свою

¹⁹ В контексте сложных отношений между "священством" и "царством" в русской истории ср. знаменитое утверждение патриарха Никона о том, что "священство всюду пречестнейше есть царства".

самостоятельность и свои творческие возможности²⁰. Разумеется, это понимание святости не могло не быть соотношенным с семантикой *svęt-, с теми потенциями, которые крылись в смысловой структуре этого элемента. В свою очередь оно бросает определенный свет на то, как может быть интерпретирована семантическая структура элемента *svęt-, в частности, как могут быть эксплицированы некоторые скрытые или во всяком случае неявные смыслы.

При том, что славянский элемент *svęt- уже для достаточно ранней поры оказался изолированным в историческом контексте, уходящем вглубь, и, видимо, был лишен сколько-нибудь надежной и общепринятой семантической мотивировки, — существуют некоторые обстоятельства, хотя бы отчасти компенсирующие эти недостатки. Выявлению специфики праславянской и раннеславянской ситуации (как в том, что было унаследовано из прошлого, так и в том, что было развито впоследствии и самостоятельно) благоприятствуют три важных обстоятельства, каждое из которых создает "свой" фон, позволяющий рельефней выделить при сравнении с ним именно славянский вариант развития элемента, давшего в конце концов *svęt-.

Первое из этих обстоятельств заключается в наличии целого ряда индоевропейских языковых традиций, в которых сохраняются элементы, родственные слав. *svęt- и, следовательно, восходящие к единому источнику, — и.-евр. *k'üen-(to-), см. Pokorny, 630. В ареальном отношении эти традиции (языковые группы) образуют длинную полосу, пересекающую значительнейшую часть Евразии по диагонали с северо-запада на юго-восток: германские, балтийские, славянские, иранские, индийские, тохарский языки. При этом наиболее показательными являются срединные звенья этой цепи — балтийские, славянские, иранские языки. Собственно говоря, только в них рефлексы и.-евр. *k'üen-to- институализировались как клишированное обозначение святого, священного; периферийные звенья цепи, сохраняющие подчас очень важные архаизмы в развитии этого индоевропейского элемента, тем не менее, не выработали в нем значения, отсылающего непосредственно к святости.

Второе обстоятельство состоит в том, что в первых переводных христианских текстах славянской культуры традиции именно элементом *svęt- регулярно передавались обозначения идеи святости в языках, на которых были написаны тексты, послужившие источником первых славянских переводов, а именно греч. ἱερός и ἅγιος, лат. sacer и sanctus (иногда *svęt- соответствует другим греческим и латинским словам, по необходимости, однако, включающим в свой состав корни указанных слов), ср., однако, и sacersānctus, sacrōsānctus 'священный', 'неприкосновенный'. Последовательность в отказе от заимствования греческих или латинских слов для обозначения идеи святости предполагает высокую степень языковой и культур-

²⁰ Показательно, что даже в Византии, духовной наставнице русской церкви в первые века ее истории, далеко не всегда понимали те основания, которые выдвигались русской стороной как главные при попытках канонизации святых. В еще большей степени то же относится и к оценке русского понимания святости религиозным сознанием Запада.

но-религиозной сознательности и должна расцениваться как диагностически очень важная особенность славянского выбора в обозначении этой идеи.

Третье обстоятельство, выделяющее славянские и балтийские языки среди большинства других, связано с отсутствием в них двух терминов для обозначения разных аспектов святости (возможно, более точно было бы говорить о неизвестности в славянских и балтийских культурно-языковых традициях подобного двойного обозначения или, по меньшей мере, о смазанности, почти полной завуалированности его) — в то время как другие языки и соответственно с присутствием в нем божественного начала и святое — отрицательное, связанное с запретом для человека входить с ним в контакт²¹, ср. греч. ἱερός : ἅγιος, лат. sacer : sanctus, гот. hails : weihs, авест. spānta- : yaož-dāta.

Эти уточнения, касающиеся слав. *svęt- и выделяющие его на языковом и культурном фоне других традиций, существенно конкретизируются при определении места *svęt- в общей схеме развития и.-евр. *k'üen-to-. Но при этом исследователю слав. *svęt- приходится считаться с тем, что для выражения нового для славян христианского понятия святости использовалось слово, которое уже в предыдущую, языческую эпоху выступало как сакрально отмеченный элемент словаря (рус. свят- < *svęt- < *svent- < *k'üen-to-), и что сохранявшаяся на Руси в XI—XII вв. и, конечно, в значительной степени и позже ситуация двоеверия создавала условия для взаимодействия понятия святости, унаследованного из архаичной мифопоэтической традиции, с соответствующим понятием христианских текстов — при том, что оба эти понятия заметно расходились между собой и — более того — были, несомненно, объектами попыток противопоставления их друг другу.

Христианская идея святости понималась как отказ от соответствующего языческого представления, как преодоление его, как нечто принципиально новое, хотя и хранящее отдаленно память о единой семантической мотивировке слова.

Особое значение в связи с историей слав. *svęt- и концепцией святости у славян имеют балтийские продолжения и.-евр. *k'üen-to-. В связи с актуализацией здесь именно балто-славянского аспекта проблемы можно ограничиться лишь указанием некоторых основных сходжений со славянскими данными и особенно архаичных фактов, бросающих свет на предысторию слав. *svęt-. Наиболее яркая черта балтийских и славянских продолжений и.-евр. *k'üen-to-, выявляющаяся при их сравнительном рассмотрении, состоит в том, что эти данные не только очень близки друг другу (степень их близости не идет ни в какое сравнение с другими данными), но и представляют собой столь несомненное единство, которое предполагает общий исходный пункт развития. Этот вывод тем более интересен, что как раз

²¹ См.: Benveniste E. Indo-European Language and Society. London, 1973. P. 445—469. (= Vocabulaire des institutions indo-européennes. II. Paris, 1969, ch. 1).

многие "культурные" слова балтийских и славянских языков демонстрируют то, как общее наследие по-разному используется и приспособляется к новым условиям в расходящихся со временем культурно-религиозных и социально-политических реалиях. Из этого, в частности, можно сделать заключение о глубокой древности ситуации б.-сл. *šventā- (лит. švent-, слав. *svęt- и т.п.), еще удерживаемой в значительной степени балтийскими и славянскими языками, а также о характере (специфике) балтийских данных в их, так сказать, "докультурном" состоянии. Правда, сразу же следует сказать, что значительная часть общего фонда вторична и относится к относительно поздней эпохе принятия христианства, когда, во-первых, языковая близость балтийской и славянской традиции делала возможным конструирование большого количества параллельных образований и, во-вторых, славянские языковые и культурно-религиозные модели (славяне приняли христианство раньше, чем балты, которые в значительной степени приобщились к нему через славян) оказали очень существенное влияние на формирование словаря христианских понятий и фразеологию соответствующего типа у балтов.

Исходными понятиями и соответственно формами в этой семье слов являются прус. *swints*, лит. *šveñtas* и лтш. *svēts* 'святой', при этом лтш. слово заимствовано из рус. *свят(ой)* (из балт. *svent- в латышском ожидалось бы *sviet-). Самая простая ситуация в прус., где *swints* (высказывающееся иногда мнение о заимствовании этого прусского слова из славянского скорее всего ошибочно и во всяком случае непроверяемо) регулярно передает нем. *heilig* в текстах катехизиса (ср. *Stas Swints Cristiāniskas Druwis...* К III, 29, 18 'Эта святая христианская вера...'; *Swints Noseilis*. К III, 33, 7 'Святой Дух' и т.п.), то же относится к *swintiskan* 'Heiligung', *swintickens* 'Heilige', *swintint* 'heiligen'. Собственно говоря, сходное положение наблюдается в религиозных текстах литовского и латышского языков с той разницей, что число примеров и их разнообразие значительно больше, чем в прусском. С точки зрения предыстории слав. *svęt- и — шире — эволюции рефлексов и.-евр. *k'uen-to- большой интерес вызывают факты дохристианской эпохи в истории балт. *švent- или те факты христианской эпохи, которые позволяют предполагать наличие соответствующих явлений и до введения христианства и приспособления их к новым задачам. В этом отношении особое значение имеют разные типы лексем с элементом *švent-. Сразу следует сказать, что они довольно многочисленны и в значительной части аналогичны славянским образованиям, ср. лишь несколько примеров: лит. *šveñtas*, прус. *swints*, лтш. *svēts* (: слав. *svętъ); лит. *šventybė*, лтш. *svēība*²² (: слав. *svętьba, ц.-сл., др.-рус. *свѣтъба*); лит. *šventyklà* (: слав. *svętidlo, ц.-сл., др.-рус. *свѣтило*, польск. *święciclina* 'sacrificium'); лит. *šventikas* (: слав. *svętьсь, ц.-сл., др.-рус. *свѣтъсь*);

²² Помимо таких значений, как 'благословение', 'благодать', 'блаженство', 'святость', это лтш. слово может обозначать и процветание, ср.: *svēitbiņa, gaušibiņa, nāc pa luogu istabā!* (BW 1416) 'процветанье, питательность (уменьш.), иди через окно в горницу!'

лит. *šventen(ybė)*, лтш. *sventenis* (?) (: слав. *svęt-en-, ст.-сл. *свѣцен-*); лит. *šveñtinis* (: слав. *svętьn-); лит. *šventinti*, лтш. *svēīt* (: слав. *svętitii, ст.-сл. *свѣтиту*) и др.²³

Еще показательнее то обстоятельство, что в балтийских языках, наряду с отыменными глаголами, известны, видимо, и первообразные глаголы (правда, соответствующим образом трансформированные), отсутствующие в славянском. Речь идет прежде всего о лтш. *svinēt* 'праздновать' (ср.: *svinēt kāzas* 'справлять свадьбу', *svinēt svētkus, svētdienu* : *Jānīt(i)s swin svētu dienu*. BW 33053; *ne tā swin svētu dienu, ne ar piektu vakariņu*. BW 6844 и др., см. Mühlenbach—Endzelin III, 1160), послужившем основой и для ряда именных образований: *svinība* 'празднество', 'торжество', *svinīgs* 'торжественный', *svinīgums* (ср. характерное сочетание: *dievkalpuošanas svinīgumu*) и др.²⁴ Этот латышский глагол морфологически интересен отсутствием -i- (этим он отличается от глаголов того же корня не только в иных балтийских и славянских языках, но и вообще в других и.-евр. языках) и вокализмом -i- (но не -e-), который может оказаться важным указанием при попытках определения более глубокого и широкого этимологического контекста и.-евр. *k'uen-to-. Но и литовский глагол, сохраняющий -i-, тем не менее свидетельствует более архаичный тип, нежели слав. *svętitii (ср., однако, рус. *святочный, священный*), ср. лит. *švęsti (šveñčia, šveñtė)* 'праздновать', 'святить', 'посвящать', 'совершать богослужение', но и 'жертвовать' (!/); ср. германские примеры, фиксирующие это же значение, — гот. *hunsl* и др.)²⁵. При учете указанных глаголов в латышском и литовском соответствующие славянские глаголы имели бы вид *svęnēti и *svęsti (*svęsti).

Существенны также балтийские материалы, относящиеся к сложным словам, в первом члене которых представлены элемент *švent-, svint-, svęt-*. Многие из таких сложных слов предполагают синтагму типа Adj. *švent-* и т.п. & Subst. (иногда и Adj.). Оставляя в стороне те composita, которые были вызваны к жизни введением христианства или во всяком случае утвердились основательнее всего в связи с хри-

²³ Параллели типа *šventastis* (: слав. *svętostь, польск. *świętość*, рус. *свѣтость*), лтш. *svętki* (: рус. *свѣтки*) и т.п. должны рассматриваться, конечно, в ином плане. Но то, что эти балтийские слова или заимствованы из славянского, или построены под влиянием соответствующих славянских словообразовательных моделей, никак не отменяет сам факт "параллельности".

²⁴ Иногда *svet-* и *svin-* сочетаются в пределах одного слова, как бы актуализируя друг друга и тем самым усиливая общую идею слова, ср. лтш. *svętsvinība* 'торжественность', 'праздничность', *svętsvinīgs*.

²⁵ Ср. также лит. *ap-, at-švesti, pa-švesti* (ср. у Ширвиды: *pošvičiam na kaptaistwo — paszvičiu kunigu; paszwystas, paszweistas, paszwynitama, paszwinitama* /3, 268; 3, 331; 3, 334; 4, 184; 5, 228/ при *szwynciu* 1, 177; 3, 429; *szwinciamas* 1, 93; *szwynciama* 1, 93; 3, 377; 3, 430; *szwystas* 3, 429; 3, 483; *szwisty* 3, 326; *szwęsta* 1, 39). См.: Pirmasis lietuvių kalbos žodynas: Konstantinas Širvydas, Dictionarium trium linguarum. Vilnius, 1979; ср. также: Fraenkel LEW 1041—1042. На основе лит. *švesti* (: *švent-je/o-) построен ряд других слов, ср. *švēstinis* 'святой', 'освященный', *švēstinas* 'подлежащий празднованию, освященных слов', *švēstas* (вост.-лит., тверещк. *švīstā galvā* 'освященная голова'), (*pa*)*švēstas, pašvēstūvēs* 'праздник посвящения' и т.п.; ср. также у Ширвиды: *szwystinis* 3, 106; *paszwistine* 4, 184; *paszwystinne* 3, 268; *paszwystoius*. 3, 334.

стианской догматикой и литургией²⁶, целесообразно указать те типы словосложений, которые могли существовать если не во всей их конкретности, то во всяком случае именно как типы уже в дохристианскую эпоху или даже, бесспорно, сформировались в недрах последней. Среди балтийских сложных слов с первым элементом *švent-, svēt-* выделяется группа сакрализованных временных обозначений, относящихся к особо отмеченным отрезкам суток или дням недели. Ср. лит. *šventādienis* 'праздник', 'праздничный день', ср. *vosneitē*, *šveñtīvakaris* 'канун праздника'; лтш. *svētdiena* 'праздник', 'воскресенье', *svētrītis* 'утро праздничного дня' (ср.: *es piedzimu svētrītā, ļaudīm darbu nekavēju*. BW 1183; *lai nāk meitas svētrītā*. BW 13250, 36; *krustību svētrītu sabrauca kūmas*. BW I, 178), *svētvakars* 'вечер перед праздником', 'праздничный вечер' (ср.: *ik svētdienas baznīcā, svētvakaru kruodziņā*. BW 14554), 'суббота', *svētnaktis* 'ночь перед праздником', ср. *svētki, svētku diena* 'праздник' и т.п.

Другая группа слов подобной структуры наиболее показательна с точки зрения ее архаичности, хотя нельзя, конечно, отрицать, что и эти сложные слова, сформировавшиеся в дохристианскую эпоху и обозначающие реалии языческого мифологического мира, позже в той или иной мере подключались к собственно христианской топике. Характерной чертой этих *composita* является сочетание *švent-, svēt-* с обозначениями природных объектов — вод, деревьев, гор, камней и т.п. Ср. лит. *švent(a)vietė* 'святое место', *šventupė* 'святая река', *šventezėris* 'святое озеро' и т.п.; лтш. *svētūdens* 'святая вода' (*gavēņu piektienās vajaguot svētūdeni pirms saules vai pēc saules butelēs smelt un tuo visu gadu nuoglabāt: ja acis sāpuot, tad ar šuo ūdeni vajaguot nuomazgāt acis*. Eth. II, 37. Mühlenbach—Endzelin III, 1157), *svētavuots* 'святой источник', *svētbirze* 'святая роща', *svētūžuols* 'святой дуб' и т.п. Особая категория случаев внутри этой группы — *composita* с элементом *švent-, svēt-*, обозначающие некоторые "отмеченные" растения типа *šveñtagaršvė* 'дягиль, дудник' (*Angelica silvestris*, *Archangelica officinalis*), *šveñtadagis* 'бенедикт' (ср. *dagys* 'чертополох') и др., ср. лтш. *svētluoki* 'Knoblauch' (Für. I), т.е. *svēt- & l(u)oki* 'святой лук /перья/', а также *svētenis, svēteņi, svētiņi* 'чеснок' (*Allium sativum*), *svētiņš* и др.²⁷ Не ка-

²⁶ Ср. лит. *Šveñtraštis* 'Священное писание' (: лтш. *svētie Raksti*), *šventnamis* 'святой дом', 'храм', 'скиния', *šveñtvagis* 'святотатец' (ср. лтш. *svētuma /ap/gānītājs*), *-vystė* 'святотатство', 'кошунство', *šventabandis* 'святоша', 'ханжа' и т.п.; лтш. *svētbilde* 'образ', 'икона', *svētijsba* 'благоговение', *svētmiesas* (ср. *svētās relikvijas*) 'мощи', *svētmīelastis* 'святое причастие' и т.п.

²⁷ Элемент со значением 'святой' в названии дягиля — лит. *šveñtagaršvė* (ср. *garšvė* 'снить', *Aegopodium podagraria /gašvė, garšvas/*; 'голень' и т.п.) — мотивируется разными свойствами этого растения. По крайней мере, можно думать об особой роли многолистности дягиля, о его дважды-, триждыперистых листьях со вздутыми (набухшими, см. семантику и.-евр. **k'uen-lo-*), мешковидными влагалищами (эти раздутые влагалища, охватывающие в виде мешка основание стоящего над ним междуузлия во время дождя наполняются влагой), о мягкопушистых лучах зонтика и цветоножка, о белых цветках, дудкообразном сильном стебле (см.: *Heiřumadm M.* Определитель растений средней полосы Европейской части СССР. М., 1963. С. 419), наконец, о тонизирующих свойствах дягиля, используемых в медицине, особенно широко в народной. Во всяком случае и русское название этого растения связывается с *дьяг-лый* 'здоровый', 'сильный', 'крепкий' и т.п., *дьягнуть* 'поправляться', 'улучшаться'

саясь здесь ряда других сложных слов с элементом *švent-, svēt-* ввиду несколько неясного их статуса и рассматривая их как резерв, в котором могут сохраняться некоторые важные факты (ср. лтш. *svētsel-niėks, svētselūdiājs* 'паломник' => **svēt-* & *celš 'святой путь', ср. лит. *šveñtas kėlias*; лтш. *svētputns* 'аист', как святая птица /ср. мифопоэтические мотивировки святости, божественности этой птицы/; *svētmeita* 'фея', букв. 'святая дева', отчасти — *svētlaimė* 'блаженство', *svētlaimėgs* и др.), целесообразно обратиться к топонимастическим данным. Здесь прежде всего бросается в глаза чрезвычайно существенная диспропорция между обилием гидронимических и топонимических данных и исключительной скудостью примеров использования элемента *švent-, svēt-* в личных именах собственных (единичные примеры, как правило, вторичны по происхождению, а иногда вообще сомнительны). Эта дефектность в использовании упомянутого

(ср. /арх/ангелический" компонент в латинских названиях дягиля — к лит. *švent-*). Сходные семантические мотивировки отмечаются при обозначении ряда других растений этого типа — тысячелистника (*Achillea millefolium*, он же *depeveij*, ср. и.-евр. **der-u-/dor-u-* 'крепость, сила' и т.п.), спорыша (*Polygonum aviculare*) и др. Спорыш своим названием связан с корнем **spor-* 'обильный', 'плодовитый', в известной степени синонимичным элементу **svēt-*. Наконец, стоит обратить внимание и на то, что в белорусских колядках отмечается персонифицированный образ растительного плодородия *Спарыш* (Спорыш), который в одних и тех же контекстах чередуется с Богом и Раем, нередко определяемыми эпитетом *святой* (отсюда возможная реконструкция **svęts/jb/ & *Sporyšb*, где оба члена подчеркивают, по сути дела, одну и ту же семантическую идею). — В этом контексте привлекает к себе внимание еще одно ботаническое название — лит. *švėndras, švėndrė (švėndrai, švėndrės)*, обозначающие род камыша, тростник, широколиственный розог. Эти слова, испытывающие притяжение к другому обозначению тростника *nėndrė*, восходят к и.-евр. **k'uen-dh-ro-*, связываемому с названиями соответствующих растений (*Pokorny*, 631), ср. лат. *combrētum* 'juncus maximus', ирл. *cuinneog* 'Angelica silvestris', т.е. тот же дягиль (см.: *Lidén E. — Festschrift S. Bugge*. 1892, 94—96; *Marstrand C. Hibernica. — ZfceltPh* 1910. Bd. 7, 359 и др.), др.-ирл. *contrán*, то же. К и.-евр. **k'uen-dh-nā* восходят др.-исл. *hvǫnn* 'Angelica silvestris', 'Engelwurz' (< прасев. *hwannō), ср.-ирл. *hvönn*, фарер. *hvonn, kvonn*, норв. *kvann*, швед. *kvann(-a, -e)*, ср. латл. *fadno* (из герм.-сканд.); также аллем.-швейц. *Wannebobbel* 'arum maculatum' (Vries 1977, 274); полнее отражен источник в дат. и фарер. *quander* 'дягиль'. Эти названия ценны в двух отношениях: с одной стороны, они отсылают к идее "святого" растения (ср. лит. *šveñtagaršvė*) и содержат мотивировки этой "святости"; с другой, они фиксируют и.-евр. корень, несомненно связанный с **k'uen-lo-*, но имеющий отличающиеся признаки (*-dh-, -ro-, -nā-*, вокализм *-o-*). Тем самым и.-евр. **k'uen-* обретает важные черты своей истории, а его семантика, легшая в основу идеи святости, становится более разработанной и глубокой. О лит. *švėndras* и под. см. Fraenkel, 1962, 1041. Уместно поставить вопрос о возможной связи с лит. *švėndras* и другими словами, восходящими к и.-евр. **k'uen-dh-ro-*, некоторых иранских ботанических обозначений типа вахан. *spandr* 'гармала' (*Peganum harmala*). Это растение принадлежит, несомненно, к числу сакрально отмеченных: его бросают в огонь в обряде, направленном против дивов, джиннов, пари, оно используется как благоговение и целебное средство в Средней Азии и Афганистане; из внешних особенностей сипанда (иногда его называют дикой рутей) характерны его корни, напоминающие круглые хлебцы (ср. идею набухания, роста в и.-евр. **k'uen-lo-*); см. Грюнберг А.Л., *Стеб.лин. Каменский И.М.* Язык Восточного Гиндукуша: Ваханский язык: Тексты, словарь, грамматический справочник. М., 1976. С. 248, 250, 451. Ср. также: тадж. *šipānd*, язгул. *spāndān*, название дикорастущих горных низких "подушек" с круглыми красивыми плодами-коробочками; семена используются в народной медицине (*Эдельман Д.И.* Язгулямско-русский словарь. М., 1971. С. 245). Впрочем, можно думать, видимо, и о связи этих названий с иранскими глаголами в значении 'наполнять' (из **us-parn-* > *span-*), ср., язгул. *s(ə)pan-*, вахан. *spyn-*: *spat-* (также *spond*), сарык. *spon*: *spond* и др.

элемента в личных именах находится в резком противоречии с положением в славянской ономастической традиции, где имена с элементом **Svet-*, хотя и не очень многочисленные, относились к числу наиболее престижных. Можно думать, что причина этого различия в строгом запрете на использование соответствующего элемента у балтов в христианскую эпоху (отнесение его к сфере божественного, а не человеческого). В этом случае появление **Švent-/*Svet-* в именах людей трактовалось бы не только как своего рода кощунство в ономастической сфере, посягающее на вторжение в сферу божественного, но и как рецидив язычества, когда такое смешение сфер было обычным. В этом отношении характерно, что имя легендарного литовского основателя новой ритуальной традиции трупосожжения в определенном месте и с соблюдением определенных условий Швинторога (**Švent-* & **rag-*), засвидетельствованное в западно-русских и польских источниках²⁸, содержит именно этот элемент, который и подчеркивает идею особой сакральной отмеченности этого князя-жреца и его имени²⁹. Тем самым Швинторог выступает в мифопоэтической исторической традиции как тот, кто освятил место, с которым связано начало новой религиозно-ритуальной практики (позже здесь было основано святилище, где, в частности, приносили жертвы Перкунасу) и предыстория будущей Вильны. Во всяком случае этот ономастический "гапак" чрезвычайно показателен (ср., впрочем, прус. *Swenticke*, 1301; *Swantike*, 1422³⁰).

Контраст этой ситуации образует использование определения "святой" в связи с именами языческих богов и — шире — положительно отмеченных мифологических персонажей. Перкунас, с культом которого (и, в частности, с его святилищем, ср. *Šventyklà*) был связан Швинторог³¹, иногда даже практически в современных (XX в.) описаниях определяется как "святой". Ср.: *Trenk tave šventi Perkūnai!* или *Kad tave šv(entas) Perkūnėlis!*; то же и в более ранних источниках: *Dieve duok, kad tave Perkūns, švents Perkūns, Dievaitis, šventas Dievaitis užmuštų, užtrenktų* (из рукописного словаря Бродовского)³², последний пример отсылает и к сочетанию *švent- & Dievas (Dievaitis)*, которое, очевидно, как и подобное сочетание в славянских языках (ср. *святой Боже!* — в обращениях), оформилось в языческую эпоху. Но этот эпитет определял и других мифологических персо-

²⁸ См. статью автора: *Vilnius, Wilno, Вильна: город и миф // Балто-славянские языковые контакты*. М., 1980. С. 16—40.

²⁹ В этом случае не имеет особого значения даже предположение о фантомности этого имени, которое могло возникнуть вторично на основе названия урочища, расположенного в Вильне, в месте владения Вильны в Вилию (ср. топонимы *Šventrāgis*, Марьямп. р-н, *Šventragiai*, Кельмск. р-н и др.).

³⁰ См.: *Trautmann R. Die altpreussischen Personennamen*. Göttingen, 1925. С. 102.

³¹ В связи с Швинторог ср. слав. **Rog-* & *voldь (др.-рус. *Рогволодь*): один и тот же генетически элемент *rag-/rog-* сочетается в одном случае с *švent-*, в другом — с **vald-/vold-*. В свою очередь эти два последних элемента сочетаются в устойчивом двучлене *святыя власти (волости)*, как и *святой владыка*, корни которого уходят в дохристианскую эпоху (ср. лит. *švent- & vald-* и т.п.).

³² Ср.: *Balys J. Perkūnas lietuvių liaudies tikėjimuose // Tautosakos darbai*, III. Kaunas, 1937. P. 166—167.

нажей. Один из интереснейших случаев связан с божеством огня, персонифицированным огнем *Gabija (gabijà)*, сакральным именем самого огня. Относящиеся сюда данные ценны вдвойне. Во-первых, они описывают некую ритуальную ситуацию — диалог, цель которого опознание истинного имени священного огня. Ср. *Klausdavę: "Kuo vardu ugnelė?" Vaikas atsakydavęs: "Šventa Gabija!"* (ср. как уточнение: *Ugnis krikštyta, jos vardas Gabija*), а также: *Šventa gabija! užkopta gulėk, sukurta žibėk* или *Šventa ugnele, šventa gabijėle!* или *Nakvok, šventa gabijėle, lig rytojaus, Šventa gabija, būk su mumis* (LKŽ 3, 5—6; Būga RR 1, 159, 211; II, 293 и др.; Пр. яз. 2, 1979, 123 и др.; в связи с дальнейшим показателем и мотив светочности "святой" Габии: *gabijà* — особый род обрядовой свечи, в частности, свадебной, ср.: *Per veseliją /sodvą/ stalas gabijà užsviestas* или *Stuba apšviesta su gabijà* и т.п.). Во-вторых, данные о "святой" Габии — ритуальном огне находят поддержку и со стороны других балтийских и индоевропейских данных. Ср. прус. *swinta & *panike (*Ohow mey myle swente panike! ... 'O mein liebes heiliges fewerlein' ... "Die vnglaubigen Sudauen ..."* LPG 254—255, 400; ср. еще: *szwenta ponyke /ugnele/ asz tawę grażey palaidosu, kad ne papykstumbei ... 'Du heilige Frau, ich will dich recht schön bedecken /begraben/, damit Du ja nicht über mich mögest zürnen'*. Praetorius Delic. Press. LPG 546), лит. *šventoji ugnis*, лтш. *svētis uguns* — при слав. **svęťь(ь)* & *огнь (ср. рус. *святой огонь* и т.п. и более или менее аналогичные обозначения ритуально чистого огня — **svęta(ja)* & *vatra: с.-хорв. *sveta vatra*; **živa(ja)* & *vatra: и **žyвь(ь)* & *огнь: с.-хорв. *жива vatra*, укр. *жива vatra*; с.-хорв. *живи oгањ*, рус. *живой огонь*, польск. *żywy ogień*; **novь(ь)* & *огнь: болг. *нов oгън*, чеш. *nový oheň* и т.п.) и сходных типах в других и.-евр. языках, ср. вед. *śvāntā-* & *agni-* (см. RV I, 145, 4 и др.), скиф. *Ψενδартάκη-* осет. *fsænd-art* ('место) священного огня', авест. *spānta-* & *āt(a)r-/āθr-* (ср. *ātrəm spāništem yazamaide*, Y. 17, 11 'мы почитаем святейший огонь') и т.п.³³

Определение "святой" отмечено и в латышской мифологической традиции в связи с Усиньшем, ср. *swehts Uhsinšch* в словаре у Стендера. Учитывая параллелизм и многочисленные притяжения между Усиньшем и Юрием (св. Георгием), приходится считаться и со сходными сочетаниями типа *svēts Jurs, svāts Jurs*, в которых эпитет подтверждает "святость" носителя соответствующей функции как в христианское, так и в дохристианское время. Отчасти к сходным выводам подталкивают и сочетания типа *Svētā Māre; Svātā Mōra* и под. (*Svētā Māre zāles lasa ...* в дайнах), смыкающиеся с употреблением этого эпитета в связи с девицей Марией (ср. лтш. *Svētā Māra, Svētā jumprava, Svētā meita* и под., лит. *Švenčiausioji Panelė, Švenčiausioji Motina* и т.п.) и — далее — в связи с христианскими святыми, если даже они высту-

³³ Недавно было высказано предположение, что эпитет Асклепия фракийской надписи из Паутали-Кюстендила *Σλιβωτορηνω* (Dat.), понимаемый как Adj. poss. 'относящийся к святому огню', в своей первой части отражает и.-евр. **k'ien-to-*, а во второй — обозначения огня типа др.-греч. *πῦρ*. См.: *Georgiev V.I. Die thrakischen Götternamen: Ein Beitrag zur Religion der alten Thraker // Балканско езикознание*, XVIII, 1, 1975. С. 51.

пают как заместители старых языческих мифологических персонажей³⁴.

Но если примеры этого рода количественно все-таки весьма ограничены, то отражения элемента *švent-*, *Svět-*, *Švent-/Švint-* в балтийской гидронимии и топонимии, например, очень многочисленны, разнообразны и поучительны в целом ряде отношений. Они включают как простые, так и сложные названия. Среди первых ср. прус. *Swent*, река (XV в.); *Swentyn*, озеро (1297); *Swyntheynen*, озеро (1340 и далее)³⁵; лит. *Šveñtas*, *Šventėlis*, *Šveniė*, *Šventėlė*, *Šventėlis*, *Šventišius*, *Šventoji*, *Šventainė*, *Šventiniūkų (ėžeras)*, *Šveñčius*, *Švenčiūs*, *Švenčiukas*; *Švenčionys*, *Švenčionėliai*, *Švenčiūliškiai*; *Šventà*, *Šventai*, *Šventiniūkai*, *Šventoniškis* и др.³⁶; ср. *Svět-* в латышской ономастике; а также курш. *Schwente* (III, 1502 *Siep Schwente genant*³⁷). Среди вторых ср. прус. *Swentegarben* (1351); *Swentgriff*, озеро (1447); *Swynteseyte* (ок. 1340); лит. *Šveñtupė*, *Šveñtupis*, *Šventūpis*, *Šventupys*, *Šveñtupalis*, *Šveñčiupis* (названий этого типа на территории Литвы свыше двадцати); *Šveñtežeris*, *Šventežerio ėžeras*, *Šventiniūkų ėžeras*; *Šveñtvandenis*, *Švent(a)vandenis*, *Šveñtravis*, *Šventaduonis*; *Šveñt(a)jonis*, *Šventjonravis*, *Šveñto Jõno iñtakas*, *Šveñto Jõno upė*, *Šveñto Jõno upėlė*, *Šveñto Jõno upėlis*, *Šveñto Mõrkaus upėlis*; *Šventākalmis*, *Šventybrastis*, *Šventragiai*, *Šventrāgis*, *Šveñtupiai*, *Šventākariai*, *Šveñtvalkis*³⁸.

Эти гидро- и топонимические composita с достаточной надежностью позволяют восстановить архаичные балтийские сочетания типа **švent & *up-* (**ap-*); **švent-* & **ežer-*; **švent-* & **vand-* / **und-* / **ūden-*; **švent-* & **rav-*; **švent-* & **griv-*; **švent-* & **brast-*; & **švent-* & **rag-*; **švent-* & **garb-*; **švent-* & **kalm-*; **švent-* & **valk-* и др. Уже из этого набора видно, что эпитет *švent-* особенно часто применялся к водным объектам и прежде всего к рекам и озерам (статистические данные фиксируют еще бóльшую выделенность водных названий как "святых"); несравненно реже *švent-* связывается с возвышенными местами (*kalm-*, *garb-*), где, действительно, нередко устраивались святилища. Совсем редко, в виде исключений, *švent-* определяет лес и рощу в целом; зато от-

дельные ритуально отмеченные деревья могут носить определение *švent-*. Такое разительное предпочтение в употреблении *švent-* по отношению к водным объектам (причем нередко слишком большим или протяженным по длине, чтобы трактовка их как "святых" была бесспорной или даже просто корректной) снова возвращает нас к семантическим проблемам. Уже отмечалось ранее, что в физиографическом употреблении балт. **švent-* обозначает блестящую, сияющую водную поверхность. Это соображение подтверждается бесспорной связью святости с блеском, сиянием в их предельном проявлении, с золотым и пурпурным цветом. Более того, эти последние свойства и есть форма выражения святости в оптически-визуальной сфере (коде). Поэтому так многочисленны примеры, когда сама святость познается по этим признакам.

Вместе с тем "родственная близость" понятий святости и сияния подкрепляется и на уровне языка. В достаточно глубокой ретроспективе (и, однако, позволяющей делать довольно надежные заключения) и.-евр. **k'uen-to-* и и.-евр. **k'uei-* (**k'uei-to-*, **k'uei-s-*) вполне вероятно связаны друг с другом. Ср.: лит. *šviėsti (šviėčia, šviėtė)* 'светить', *švytėti* 'светить(ся)', 'блестеть', 'сиять', *švisti (šviñta, švito)* 'светать', *švitras* 'наждак', *šviesà* 'свет'; ст.-слав. *свѣтуми, свѣтѣмъ са, свѣтъ*, ц.-сл., др.-рус. *свѣнуми, свѣнуми* и т.п.; др.-инд. *śvētá-* 'белый', авест. *spaēta-*, *spiti-* и т.п. (Pokorny, I, 628—629)³⁹. Формы типа лит. *švisti, šviñta* и ц.-сл. *свѣнуми, свѣнуми* (**svit-n-*, **svoit-n-*) в известной степени указывают на более раннюю ситуацию, которая могла быть общим "родимым" местом обоих указанных и.-евр. корней. Другой тесно связующий их фрагмент — уже отмеченное в другом месте соотношение др.-инд. (ведийск.) *śvāntá-* : *śváyatī*. Наконец, существует и ряд других примеров, заполняющих некоторые из промежуточных звеньев в истории этих двух корней. Вместе с тем в конкретных текстах отдельных традиций постоянно отмечается образность, построенная на игре слов (вплоть до *figura etymologica*), обозначающих эти два близких круга понятий — святости и свет-сияние. Ср. в русской традиции *сияние святости, святость просияла, свет святости* и т.п. Подобная ситуация в своей основе достаточно ясна. Элемент **k'uen-to-* (: **k'uei-to-* и т.п.) обозначал не только возрастание (набухание) физической массы, материи, но и некоей внутренней плодоносящей силы, духовной энергии и связанной с нею и о ней оповещающей внешней формы ее — световой и цветовой. Появление цвета как такового, его дифференциация на отдельные цвета, выстраивание их в ряд по принципу интенсификации, возникновение свечения, сияния, которое на высшей своей стадии захватывает не только

³⁴ Ср.: Biezais H. Die Hauptgöttinnen der alten Letten. Uppsala, 1955; *Idem*. Die himmlische Götterfamilie der alten Letten. Uppsala, 1972. (особ. с. 379); ср. также Šmits P. Latviešu tautas ticējumi. IV. Rīgā, 1941. 1794—1801 и др. — Нужно заметить, что "языческие" коннотации эпитета "святой" обнаруживаются не только в связи с теофорными именами: очень показательны приводимое и объясняемое Старым Стендером выражение — *Swehti wahrđi heilige Worte*. So nannten die abergläubischen Letten die gemurmelten Worte der vermeintlichen Wahrsager und Segensprecher (ср. LPG 628—629).

³⁵ Ср. *fluvium Suentam*, 1276 в Гданьском Повислинье (*Swente, Swienta* и т.п.), см.: Górniewicz H. Toponimia Powiśla Gdańskiego. Gdańsk, 1980. С. 267—268; Brocki Z. Baltico-Slavica Huberto Gurnovičiaus toponiminiose darbuose // Baltistica, 1978, XIV (2). P. 132 и др.

³⁶ В более широком контексте сюда же относятся *švėndra*, *švėndrėlis*, *švėndrinė*, *švėndris*, *-ys*, *Svendriukas* (ср. и *Svendėžeris*).

³⁷ См.: Kiparsky V. Die Kurenfrage. Helsinki, 1939. S. 172.

³⁸ См.: Gerullis G. Die altpreussischen Ortsnamen. Berlin; Leipzig, 1922. S. 178—180; Lietuvos upių ir ežerų vardynas. Vilnius, 1963. С. 169—170; Lietuvos TSR administracinio-teritorinio suskirstymo žinynas. II. Vilnius, 1976. С. 311; *Vanagas A.* Lietuvos hidronimų daryba. Vilnius, 1970. С. 50, 62, 68—69, 73, 89, 114, 116—117, 172, 178, 194, 247, 249—252, 256, 265, 270; *Idem.* Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius, 1981. С. 337—338; *Būga K.* Rinkiniai Raštai. I. Vilnius, 1958. С. 487; *Топоров В.Н.* К вопросу о топонимических соответствиях на балтийских территориях и к западу от Вислы // Baltistica, 1966, 1(2). С. 108 и др.

³⁹ Ср. и.-евр. **k'uei-d-*: др.-инд. *śvindaṭē* 'сияет', 'блестит' (Dhātup.); др.-греч. Πῖνδος, название горы ('сияющая'); гот. *hveits*; др.-исл. *hvīr*; др.-в.-нем. (*h*)wiz 'белый'; нем. *weiß* и др. Вероятно, балтийские и славянские языки сохранили и такие формы этого элемента, которые избежали "сатемизации" (ср. лтш. *kviēt* 'блестеть', 'мерцать сиянием', слав. **kvisti*, **kvyto*; ст.-чеш. *kvisti, kivi, květ*, ст.-слав. *проицвстѣ, цвѣтъж*, рус. *цветѣти, цвет* и т.п.). Разумеется, и они должны быть учтены в более широкой картине. Между прочим, ср. связь мотивов цветения и святости в старых текстах (*святость процвела*) и т.п.

глаз, но и душу и сердце человека и соотносится ими с неким высшим началом, сверхчеловеческими, космическими энергиями ("святостью"), с точки зрения физической оптики связаны с увеличением (ср. выше мотив роста, увеличения объема) значения единицы λ , обозначающей длину световых волн. Показательно, что нижний полюс значений λ связан с фиолетовым цветом (460 нм; ср. "фиолетовые миры", связанные с демоническим началом, в поэзии Блока); верхний полюс значений λ связан с пурпурным цветом (700 нм), универсальной формой проявления святого, божественного, запредельного. Пурпурный цвет, как и предшествующие ему цвета "верхней" половины значений λ , т.е. красный (640 нм), оранжевый (600 нм), желтый (580 нм), как раз и являются в большинстве культурно-религиозных традиций цветами святости (ср. их использование в иконописи, а также в самом святилище — одежда, утварь и т.п.)⁴⁰.

Эти рассуждения о возможности цветового и светового понимания некоторых продолжений и.-евр. **k'uen-to-*: **k'uei-to-* и под. имеют целью не столько ограничить идею "святости" применительно к отдельным конкретным примерам, сколько ввести ее в более разнообразный контекст семантических мотивировок и форм проявления этой идеи. Тем не менее, идея "святости" в этих случаях все-таки отчасти ограничивается, и в этом ограничении следует видеть шаг вперед на пути к более строгому определению святости, позволяющему хотя бы частично преодолеть эмпирический механизм, проявляющийся в целом ряде "узко-этимологических" подходов. "Святость" вод (и ряда других физиографических природных объектов) отличается от святости святой воды в христианском ритуале и тем более от святости святого человека, святого храма, святого слова. "Святость" вод, по крайней мере в исходном локусе, предполагает наличие таких внешних черт у этих вод, которые поражают наблюдателя (зрителя) некоей положительной предельностью (напр., в эстетической сфере), сверхъестественной гармонией, создающими преимущественные условия для прорыва от феноменального (и через феноменальное) к ноуменальному. Такие "святые" воды могут быть осмыслены как подлинно святые и стать объектом культа, но могут и не вовлечься в сферу религиозно-сакрального, оставаясь на уровне "святой" красоты. Святость же святого человека, храма или литургии покоится на иных основаниях и принципиально вне феноменального, хотя, конечно, приметы святости — как бы вторичные и вспомогательные — могут выступать и на уровне явлений. В этой связи, видимо, можно сделать и более сильное допущение: только в последнем случае (святой человек в отличие от "святых" вод) феноменальное является непосредственным и органическим знаком ноуменального, подлинным и безошибочным его свидетелем. При

⁴⁰ Показательно место зеленого цвета в спектре (λ — 520 нм) и его семантика. Находясь непосредственно перед цветами, передающими идею святости, он оказывается связанным с "предсвятостью" как потенцией роста, молодостью, жизненной силой. Ср. также идеи П.А. Флоренского о "цветовой" семантике в культуре.

этом допущении цветовые и световые знаки святости приобретают особое значение⁴¹.

* * *

Славянские продолжения и.-евр. **k'uen-to-* представлены широко разветвленной семьей словообразовательных типов (ср. **svet-*, *svet-bcb, **svet-ik-*, **svet-idl-*, **svet-in-*, **svet-yn'a*, **svet-ak-*, *svet-bje, *svet-bba, *svet-bstvo, **svet-itj-*, **svet-itel'-*, *svet-ostb, **svet-oš-*, **svet-očbn-*, **svet-jen-*, *svet-iti, *svet-jati и многие другие образования, связанные прежде всего с прибавлением к перечисленным основам других суффиксов), которые реализуют самые разнообразные значения словообразовательных типов — конкретность и абстрактность, субстанция и свойство, деятель и деятельность (действие), лицо, орудие, место, время и т.п., увеличительность и уменьшительность, уважительность и уничижительность (пейоративность) и т.п. Элемент **svet-* входит в состав слов, принадлежащих к разным грамматическим классам (Subst., Adj., Adv., Vb., Interj.), и в состав исключительно богатого инвентаря сложных слов, большая часть которых, однако, представляет собой кальки с греческого или новообразования в духе этих калек (естественно, что эти сложные слова являются преимущественным достоянием восточно-славянских и большей части южнославянских языков с их текстами, отражающими "православную" традицию). В результате оказывается, что в пределах всего славянского словаря выделяется обширный и относительно самодовлеющий "подсловарь" (условно — **svet-*словарь), значение которого тем больше, что он передает наиболее важные (и концептуально, и оценочно, и догматически, и ритуально) и глубокие смыслы данной языковой, культурно-исторической и религиозной традиции, то, что является святыней ("Что кому свято, чему поклоняемся, что чтим нерушимо". Даль 4³, 96), с чем связываются наши духовные ценности⁴². Более того в определенных условиях, во время литургии, праздника, когда как бы восстанавливается органически и живо переживаемая связь с первособытием, мотивирующим святое в данной традиции, более того, освящающим все причастное ему и из него

⁴¹ Важность визуально-оптического кода святости объясняется не самим фактом наличия этого кода и возможностью строить с его помощью новые сообщения, но онтологичностью цвета как формы и сути святости. Характерный пример противоположного типа — наличие у того же и.-евр. корня **k'uei-* "акустических" употреблений при отсутствии всякой связи с идеей святости: ср., германские примеры в основном с идеей энергичного, бурного, нарастающего (во всяком случае не-нейтрального) звукоиспускания — 'громко, бурно кричать', 'хохотать', 'ржать', 'воинить', 'гудеть', 'свистеть' (ср. и слав. *svistati, лит. *švūkšti*), 'жужжать', 'шипеть' и т.д. вплоть до 'шептать', ср. исл. *hvīa*, швед. диал. *hwija*, ср.-в.-нем. *wihe-n-*, *wihe-ren*, др.-в.-нем. (*h*)*waijōn*, нем. *weihen*; др.-исл. *hvīna*, *hvīnr*, др.-англ. *hwīnan*, *hwīnsian*, др.-в.-нем. *wīnīsōn*, нем. *wīnseln*; др.-исл. *hvīskra*, *hvīsla*, др.-англ. *hwiscettan*, *hwistlian*, др.-в.-нем. (*h*)*wispalōn* и др. (Pokorny, 628).

⁴² Правда, элемент *svet-* входит и в довольно обширный словарь "негативных" терминов, обозначающих нарушение (преступление) святости — *святотульство*, *святотупство*, *святотатство*, *святотворство*, *святотупничество*, *святоненавистничество*, *святотонство*; *пустосвятство* (ср. Никиту Пустосвята, одного из деятелей раскола), *лжесвятость* и т.п.

вытекающей, *svet-словарь обнаруживает тенденцию к универсальному захвату всей переживаемой реальности — все попавшее в это поле "святости" становится святым, освященным и по сути дела, и на языковом уровне⁴³; *svet- как эпитет начинает определять все, что входит в данную ситуацию; *svet- как обозначение действия (глагол) распространяется на все объекты, причастные глубинному смыслу ситуации; отблеск *svet- ложится на всех участников происходящего, смысл которого короче и полнее всего передается формулой утверждения *hic et nunc* присутствующей, совершающейся святости — *свят, свят, свят!* Этот *svet-словарь самодостаточен и независим как ядро, но не отделен от широкой сферы сакрального или сакрализуемого в языке, представляющего бесценный материал для реконструкции языковых мотивировок ключевых понятий, через них — языковой "психологии" и еще глубже — существеннейших черт модели мира, без знания которых невозможно сколько-нибудь достоверно и надежно говорить о мировоззрении людей соответствующей эпохи.

Несколько примеров языковой мотивировки, вскрывающей не только внутреннюю форму соответствующих слов, но и значение-сигнификат важнейших понятий архаичной модели мира, возможно, прояснят, хотя бы отчасти, суть дела. Идея роста, присутствующая — для определенного периода — в слав. *svet- и других рефлексах и.-евр. *k'ueh-to (см. выше о мотивах увеличения в размерах, набухания и т.п.), воспроизводится и в ряде других слов-понятий ключевого характера; ср. *род* (*родовой, родной, родимый, родственный, родич* и т.п.) с идеей кровной связи, общих корней, особой интимности и любви-ласки при *росту* (*расту*) из *rod-tei; *народ* при *родиться* (см. *род*), ср. также *люд, люди* в конечном свете с той же идеей роста, вырастания, рождения (ср. др.-инд. *rōdhati* 'растет' или гот. *liudan* 'расти'); не менее интересно в этом плане слово *человек* (*čelověk), первый компонент которого в конечном счете восходит к и.-евр. *kel- 'расти', 'возвышаться', 'подниматься', а второй — *věk — к обозначению жизненной силы или ее носителей (ср. лит. *vaikas* 'дитя')⁴⁴. Старая мотивировка слова *бог* (*bogъ) как доли, позже персонифицированной и освященной, отражена в оппозиции двух крайних значе-

ний, которые может иметь доля, — *бог-атый* и *у-богий*, связывающих социальную сферу с религиозной. Та же самая связь, но более рельефно и универсально проявляется в уникальной (во всяком случае по масштабам) соотносительности народа и его высшего религиозного символа: *крестьяне, христиане* — *крест, Христос* — *воскресать*. Уже на этом последнем примере наглядно вырисовывается объем и характер сакрализации профанической (по своей сути) сферы. Кстати, уместно подчеркнуть, что древнерусская языковая и религиозная традиция, как и во многих других случаях, здесь идет дальше, чем другие родственные традиции. Так, только в русской традиции название недельного праздника — *воскресенье* — соотносено с восстанием из мертвых Иисуса Христа — *воскресением*. Тем самым крестные страдания (муки) и их конец (перерыв), знаменующий начало новой жизни, не могут не соотноситься с крестьянской страдой, прерываемой праздником, также трактуемым как своего рода обновление жизни. В том же контексте должно пониматься и слово *расставания прощай!* Оно не напутствие другому, а просьба к нему о себе, просьба о прощении, за грехи вольные и невольные, явные и тайные, действительные и мыслимые. Это формульное *прощай!* обозначает самосознание человека относительно сго места на шкале нравственных ценностей. Исходный тезис — признание себя хуже, ниже, виновнее того, к кому обращаешься с просьбой о прощении. Итоговый тезис — живая нужда в прощении и бесконечная надежда на нравственное, духовное воскресение (возрождение) даже для того, кто находится в бездне греха⁴⁵. Эти два тезиса позволяют понять, почему прощание оказывается более важным, чем приветствие при встрече (здорование): оно духовно напряженнее, драматичнее и потенциально выступает как последнее слово человека: прощание—прощение. Приветствие же при встрече обращено именно к другому; оно не просьба (в иных случаях — заклинание), а пожелание, и сам этот модус, строго говоря, вне контроля реальности и вне связи с праведностью или грешностью того, кто произносит приветствие при встрече⁴⁶. В известной степени сходные причины объясняют, почему в русской православной традиции смерть и воскре-

⁴³ Так, рус. (зап.) *святый-мел.* "освящаемый по стар. обычаю в крещенский сочельник: крестьяне ставят им кресты на дверях, а остаток сберегают как лекарство" (Даль 4, 96) и т.п.

⁴⁴ Нет серьезных оснований, во-первых, отделять лежащий в основе этого компонента корень *uoik- (: *ueik-) от и.-евр. *ueik- II (Pokorny, 1128—1129): лит. *veikti* 'делать', 'работать', *veikus* 'скорый', гот. *weihan* 'побеждать', лат. *vinco* (*victum*), др.-ирл. *fichid* и т.п., а, во-вторых, и.-евр. *ueik- I от *ueik- I 'aussondern' (по определению Покорного), поскольку *ueik- I предполагает обособление, выделение именно как результат возрастания, вы- и перерастания, сильного и энергичного движения по преодолению средне-нейтрального уровня. Если это верно, то в общий и.-евр. корень *ueik- (I, II) естественно включаются не только др.-инд. *vinakti, vivekti*, авест. *ava-vaek-* и т.п., но и обозначения жертвы и освящения, точнее — жертвы как объекта, который становится освященным по условию; ср. лат. *victima* 'жертва', 'жертвенное животное' и гот. *weihis* 'святой', др.-сакс. *wih-*, др.-в.-нем. *wih(i)* нем. *weih(en)*, ср. также др.-исл. *ví* 'святилище', 'храм', др.-англ. *wōh, wīg* 'божественное изображение' и т.п.

⁴⁵ "Русский привет расставания *прощай!* удивительно хорош по смыслу. Прежде всего не о чем-нибудь другом, а о прощении; и притом: не теперь однократно прости, но прощай непрестанно во все время разлуки; каждый раз, как вспомнишь обо мне, — прости, чем я тебя обидел. Уж наверное чем-нибудь да обидел: ведь я только человек... Но и это прекрасное слово уже умерло. Оно высохло и затвердело" (см.: Гершензон М. О. Солнце над мглой (афоризмы) // Записки мечтателей, 1922, N 5. С. 21).

⁴⁶ Но и в акте приветствия усматриваются важные с точки зрения избранной темы моменты. Из них здесь достаточно обозначить лишь два: **bqdi sb-dorv!* 'будь здоров!, здравствуй!', отсылающее как к идее крепости-силы, так и благого возрастания, объединяющего человека, таким образом приветствуемого, и растущее дерево (*derv-o < и.-евр. *der-ū : *dor-ū-), во-первых, и, во-вторых, целование (при встрече и прощании) как выражение желания другому быть *целым, цельным, здоровым* (слав. *ceľь восходит к и.-евр. **koil-*, с которым связаны не только обозначения здоровья, но и святости, ср. нем. *heil, Heil, heilig* и др.), ср. *христосоаваться* 'целоваться' в ряду других примеров использования этого имени в апеллятивной лексике (*христобашка* 'милый', 'сердечный', 'болезный', 'дорогой мой' / Даль; *христороадничать* и т.п.).

сение Христа (Пасха) переживается острее и напряженнее, чем его рождение (Рождество)⁴⁷.

Связанное до сих пор может быть объединено и объяснено при уяснении (пусть в самом общем виде) того, в чем состоит сакральность для носителя архаичной русской традиции, в которой мифопоэтическое наследие языческой эпохи встретилось с кругом идей и образов христианства. Говоря в общем, сакральность (или даже гипертасакральность) древнерусской традиции проявляется прежде всего в том, что 1) все в принципе должно быть сакрализовано, освящено и тем самым вырвано из-под власти злого начала (ср. древнеиранский дуализм и более поздние учения манихейского толка⁴⁸) и примириться с меньшим нельзя — возвращено к исходному состоянию целостности и нетронутости; 2) существует единая и универсальная цель ("сверхцель"), самое заветное желание и самая глубокая мечта и надежда — святое царство (святость, святое состояние, святая жизнь) на земле и для человека⁴⁹; 3) сильно и актуально упование на то, что это святое состояние может быть предельно приближено (или даже само открыться, наступить) в пространстве и времени к *hic et nunc* (литургия уже есть образ этого состояния; отсюда стремление расширить литургическое время и известное невнимание к сфере профанического)⁵⁰. При исследовании идеи святости на Руси необходимо все время иметь в виду этот общий контекст, с одной стороны, и то

понимание термина *свят-* (**svęt-*), которое было унаследовано из предыдущей (языческой) эпохи, с другой стороны. На основании рассмотренных в другом месте данных о продолжениях и и.-евр. **k'цep-го-* в разных языках и отчасти в самих славянских относительно надежно восстанавливается это исходное состояние. Для праслав. **svęt-*, видимо, можно реконструировать то же значение, о котором уже говорилось ранее, 'увеличиваться', 'набухать'. Судя по соответствующим контекстам и аналогиям типологического характера, в данном случае речь шла о том благодатном возрастании-процветании некоей животворной субстанции, которое вело к созреванию плода как завершению всего предыдущего развития и прорыву к новому, более высокому состоянию, к вечному рождению, к максимальному плодородию, прибытку. Эта "святость" (**svęt-*) как образ предельного изобилия скорее всего и была тем субстратом, на котором сформировалось понятие "духовной" святости, некоего "сверхчеловеческого" благодатного состояния, когда происходит творчество "в духе". В известной степени это подтверждается (хотя бы в виде намека) и теми сочетаниями **svęt-* с именами существительными, которые, будучи с достаточной уверенностью отнесены к числу праславянских, уже обнаруживают в себе нечто большее, чем только физическое материальное возрастание. Следует сразу же и решительно подчеркнуть, что идея материального роста в этих случаях никак не умаляется, но вместе с ней в значение сочетания проникает остранный форма идеи физической святости — святость, как таковая, в глубине своей уже не зависящая от материального возрастания, как элемент оценки, ориентирующейся уже на иную шкалу. Жито свято не потому, что оно растет и плодоносит, но оно растет и плодоносит потому, что оно свято искини, по условию, в соответствии с высшей волей. Тем не менее, сам анализ подобных праславянских сочетаний исключительно показателен с точки зрения определения исходного локуса, в котором складывалась и развивалась идея святости⁵¹.

⁵¹ Нужно заметить, что монолитность семантики слав. **svęt-* иногда нарушается, хотя бы на поверхностном уровне. Примером может служить характерное отклонение в значении некоторых слов этого корня в западном ареале южнославянских языков (при том, что сохраняется и обычное значение, связанное со святостью). Речь идет о с.-хорв. *освета* 'месть', 'отмщение', *осветити* 'отомстить' (но и 'святить'), *свѣтити* 'мстить' (и 'светить'), словен. *osveta*, *osvetiti se*, макед. *освета*, *освети(се)*, *свети се* 'мстить' (при *свети* 'святить') и т.п. Несомненно, что эти примеры отражают достаточно старое состояние — праславянское и уж тем более дохристианское, языческое. В замечаниях О.Н. Трубачева, привлечшего наше внимание к этому слову, допускается объяснение *освета* как сложения с преф. *ot-svęta (ср. *otrokъ = 'in-fans'), т.е. как 'лишение силы-святости'. Это интересное соображение могло бы быть отражено подкреплено примерами типа с.-хорв. *одмазда* 'отмщение', *одмаздити* 'отомстить', но вместе с тем эти же примеры могут пониматься как источник индукции, как образец, на который шло равнение. К тому же нельзя забывать, что то же значение сохраняется в первообразном бесприважном глаголе *свѣтити*, и в этом случае использование приставочной формы в специализированном значении могло бы объясняться соображениями дифференциации (от *свѣтити* 'святить'). Беря эти примеры в более широкой перспективе — языковой и мифоритуальной, — становится понятной связь идей свято-

⁴⁷ Примеров такого рода много. Здесь достаточно обозначить два ключевых комплекса, каждый из которых по-своему соотносится с идеей святости: 1) мир как 'земля', 'космос' и как 'покой', 'тишина', 'благодатное состояние любви и дружбы', с одной стороны, и мир как 'космос' (макромир) и как 'община' (микромир), с другой; 2) *правый* — *право* — *правда* — *справедливость* и под. как термины ориентации (от пространственной сферы до нравственной).

⁴⁸ Ср. слав. *vęra (как обозначение религии), в конечном счете соотносимое с идеей правильного (благого) в выборе между добром и злом, ср. др.-инд. *vṛ-* *vṛṇāti* 'выбирает', *vāra-* 'сокровище', 'благо', 'собственность', но и 'выбор'.

⁴⁹ Эта "пан-сакральность" ("всесвятость") — на это, к сожалению, не всегда обращают внимание — по сути дела ограничивает или даже вовсе снимает противоположность Неба и Земли, божественного и человеческого, священного и мирского. Небо при таком подходе как бы сходит на землю, и человек становится уже не просто образом, подобием и творением Бога, но как бы его воплощением, носителем божественных энергий (хотя бы в потенции, в идеале); ср. известные примеры соблазнов этого рода в истории христианства на Руси ("человекобожие").

⁵⁰ Все, что не свято или сакрализуется с трудом и без уверенности в скором успехе, часто признается не заслуживающим внимания. В оппозиции сакральное—профаническое узревается преимущественно лишь первое; только оно и ценится, в то время как профаническое находится в небрежении, а борьба за него ради его освящения не ведется или ведется недостаточно (иное дело — активные силы зла, роль которых по старой, идущей от древнеиранского духовного наследия традиции, по привычке нередко гипертрофируется). Отсюда — крайности духовного максимализма, невнимание к прозе жизни, к злобе дня, недостаток подлинного духовного трезвения. И еще одно следствие гипертасакрализации — понимание жизни, во всяком случае в отдельные ее моменты, как воспроизведение, повторение священной истории, как *imitatio Christi*. Ср. известные описания ритуалов с участием царя и патриарха в Москве, на Красной площади, у Лобного места, в последнюю неделю перед Пасхой (XVII в.) или же практику такой сакрализации жизни и рамок, в которых она протекает, в подвижничестве опыте ряда русских святых (Серафим Саровский и др.).

Помимо отмеченного выше сочетания *svęť & *ognь, имеющего точные региональные индоевропейские параллели (не говоря уж о частичных схождениях, распространенных еще шире) и обладающего особой ценностью в силу того, что это сочетание обозначает важнейший элемент архаичного ритуала (нередко возрастающий до стадии персонализации и включения его в пантеон, ср. ведийск. *śvāntā-* & *agni-*), ср. сочетания элемента *svęť- как эпитета со словами, обозначающими символы вегетативного плодородия (*dervo, *rajbь /ср. словен. *sveti raj* 'небо' при возможной связи слав. *rajbь с обозначением мирового дерева, а также многочисленные названия растений типа польск. *świętolina*, *świętołzan* и т.п.), *kolsь, *žito, *korvajь и т.п.), животного плодородия (*bьčela, *skoťь, **korva*⁵², ср. также *rodь и *narodь и т.п.). В этом же контексте получают свое объяснение сочетания *svęť- со словами, обозначающими землю: **zem(l)ja*⁵³ (или ее отмеченные точки — гора /**gora*/, поле /**polje*/, место /**męsto*/, камень /**kamy* : **kamen-*/, река /**ręka*/, озеро /**jezero*, *ozero/, вода /**voda*/ и т.п.), и небо, как и мать и отца. Это соотношение Земли и Неба соответственно с Матерью и Отцом отвечает известному мифологическому мотиву божественной пары супругов-творцов (ср. *Мать-Земля, Отец-Небо*). Поэтому не исключено, что за образами с языковой формой *svęťь(jb) & *oľьсь, *svęta(ja) & *matь, *svęta(ja) & *sęmьja, отсылающими к христианской традиции, на более ранних этапах стояли представления о воплощении на человеческом уровне персонажей святой супружеской пары в их творческой функции (ср. любую свадьбу как повторение, отражение святой небесной свадьбы /**svęta(ja) & *svatьba* /

сти и мести-мзды (ср. *ko se ne освети, taj se ne посвети*). С.-хорв. *освета* обозначает не только месть, но и наказание, кару, взыскание, а также защиту, оборону. В этом смысле *дсвета* может пониматься как то, что подлежит освящению, в частности, и жертва, понимаемая как форма обмена (мера) между человеком и Богом, выкуп, мзда, награда. Принесение жертвы одновременно и наказание-кара, и возмещение (: *месть*), дающее помощь (ср. рум. *osfini* 'освящать' и 'оказывать помощь', заимств.), покров, защиту, освобождение (словари фиксируют и это значение в с.-хорв.; к аранжировке значений см. Skok II, 574), и в обоих этих случаях — освящение (ср. *moliti как и 'освящать', и 'молить, -ся', 'совершать ритуал', и 'совершать жертвоприношение', 'убивать'). Иначе говоря, *дсвета* и под. в этом контексте скорее отсылает к использованию *svęť- в связи с жертвоприношением, к гот. *huns* (о котором подробнее в другом месте) и, наконец, к идеям "святой жертвы" Жирара, нежели к представлениям о мести в "кавказском" смысле, со всеми отрицательными коннотациями современного человека. То, что *дсвета* все-таки и просто, а иногда и только 'месть', — результат профанизации смысла слова ('возмещение' → 'месть'), его "ухудшения", намечившегося разрыва с идеей священного.

⁵² Имя божества *Suentebueck*, встречающееся в не вполне ясном месте Эбдорфской легенды XIV в. (... *fidem Christi reliquentes idola sua projecta Hammon scilicet Suentebueck, Vitelubbe, Radegast cum ceteris erexerunt...*) нередко толкуют как *Svento-bykь (Нидерле и др.).

⁵³ К числу наиболее разительных параллелей к слав. *svęta & *zem(l)ja относится хотан-сакское обозначение земли — *ysamaššandaā-*, букв. 'земля святая', т.е. *ysam (=zam-* авест. *zam-*, пехл. *zamič*, слав. *zem//*ja*, лит. *žemė* и т.п.) и *ššanda-* (ср. др.-иран. **ššantā-* < и.-евр. **k'cen-to-*), или просто *ššandaā*, т.е. 'святая'.

⁵⁴ Ср. многочисленные *Святые горы* в реальной и мифопоэтической топонимии. Отношение к этому названию имени былинного героя *Святогор* связано с известными сложностями, рассмотренными недавно в особой работе.

⁵⁵ Ср. многочисленные названия рек типа рус. *Святая река* и т.п. (*Святое*, об озере).

иерогамии). То же отношение существовало между реальными *Святой землей* (Иерусалим) и *Святой рекой* (Иордан) и эквивалентами этих образов в языческую эпоху (ср. обозначение кладбища как *священной земли* или *родительской*, а также *боженивкой*).

Во временном плане прорыв к "святому", связанный с прекращением профанической череды будней, достигается в празднике⁵⁶, само название которого часто кодируется элементом *svęť- (ср. рус. *свято*, *святки*, *святые дни* и т.п. и инославянские параллели типа польск. *święto*). Наряду с этим *svęť- сочетается с обозначением дня, вечера, ночи, недели (ср. *svęťь/jb/ & *дньь, *svęťь/jb/ & *вечерьь, *svęta/ja/ & *nokъ, *svęta/ja/ & *nedělja)⁵⁷, и эти сочетания обозначают сакрально отмеченные ("праздничные") точки временного ряда, с которыми также связывается особое творческое (духовно) благодатное состояние. Эти "святые" дни определяют и контролируют сакральность годового цикла в целом: *На тых столах всё святкѣ, / Всѣ святкѣ, всё празднички : / Первое свято — Велик Христов день ... / Другое свято — Юрий-Егорий... / Третье свято — святой Микола... / Четвертое свято — свято Вознесенье ... / Пятое свято — святой Пётар... / Шестое свято — Илья-пророк..., — поется* в волоческой песне (Поэзия крестьянских праздников, 1970. С. 327—328, N 472). И далее как бы раскрывается этимология названия праздника через введение мотивов роста, расширения, сгущения, наливания силой (*ярь наливает ... / Шире и выше на поле копы ... / Часты и густы на небе звезды, / Чащей, гущей на поле бабки — / Всѣ Иваны, всё Михеичи ...*), ср. *свячѣное жито* (там же, 458, N 635). Но и самих праздников много ("праздничная густота"), они толпятся и спорят, кому идти первым : *Перед Богом стояць уси святочки / И шукуюца и рахуюца, / Которому святу наперед пойдци. / Святые сорокѣ наперед пошли* (из белорусской волоческой песни). Пространство и время, святые (освященные) в своих наиболее ответственных точках, как бы обручем скрепляют святой, или Божий, мир, нередко соотносимый со святой (Божьей) красотой, и населяющий его святой народ, ведущий святую жизнь. В этом святом мире предназначение и идеал человека быть святым (*svęťь/jb/ & *čelověkь). Все формы реализации человеческой деятельности ориентированы на святость — свою (потенциально) и исходящую свыше. Отсюда — святое слово (*svęto/je/ & *slovo), святое дело (*svęto/je/ & *dęlo), святая мысль (*svęta/ja/ *mysľь (ср. польск. *święto-mysľny* и под.). И то, чем человек слывет среди других, что остается после него, в высших своих проявлениях оказывается святым (ср. *svęta/ja/ & *slava). Свято и высшее назначение человека, его жизненный путь, путь к святости

⁵⁶ "Порожность" ("праздность") праздника и есть обозначение этого выхода (освобождения) из плена профанического времени (la durée profane).

⁵⁷ Кроме синтаксических сочетаний подобного типа известны и примеры соответствующих сложных слов — рус. *святодень, святвечер* и т.п. — О языческом характере слав. *nedělja см. теперь: *Flier M. The Non-Christian Provenience of Slavic *nedělja // JSLP, 1985, XXXI—XXXII. P. 151—165* (с литературой вопроса); *Idem. Sunday in Medieval Russian Culture: nedělja versus voskresenie // Medieval Russian Culture. Berkeley: Los Angeles; London, 1984. P. 107—149.*

(*svęť/jb & *pqtъ), его вера (*svęta/ja/ & *vęra), его идеал (*svęta/ja/ & *pravъda/*jъstina/⁵⁸; *svęta/ja/ & *žiznъ (*životъ); *svęť/jb/ & *Bogъ). В этом "пан-сакральном" контексте представляется вероятным, что и характерно христианские употребления элемента *svęť-, точно переводящие соответственные понятия греческого или латинского текста (ср. *Святой дух* — "Αγίον Πνεῦμα), могли иметь свой параллельный источник в недрах дохристианской традиции; ср. *святѣлице* при *святой храм*, *святая церковь*; *святой крест* при несомненной роли креста в дохристианских ритуалах и, видимо, бесспорной сакральности этого символа.

При обсуждении вопроса о древности подобных сочетаний с элементом *svęť- в славянском следует, конечно, учитывать исключительно ценные данные на этот счет, содержащиеся в текстах других древних индоевропейских языков, о чем и говорилось в других работах автора этих строк. Совершенно удивительным оказывается значительное единство набора слов (соответственно реалий), к которым прилагаются в качестве определения продолжения и.-евр. *k'uen-to, и устойчивость этих сочетаний в отдельных и.-евр. языках. И то и другое позволяет говорить об индоевропейских истоках концепции святости и способа кодирования ее основного понятия, но, что еще важнее и достовернее, о практической неразличимости языковых образов "святости" в балтийском и славянском (инвентарь "святых" объектов в первую очередь), что, кажется, дает основание говорить о том, что языческие архаизмы "святых" объектов, обнаруживаемые в балтийской и славянской традициях, представляют собой не что иное, как отражение общей балто-славянской концепции "святости". В известной степени это дает некоторые хронологические ориентиры функционирования этой концепции.

Возможно, что исходная картина могла бы быть еще более полной и подробной, если бы в ходе развития не было неизбежных утрат, искажений, переосмыслений. Об одном таком случае "деградации" термина, точнее, разрыва связей с исходным кругом семантических мотивировок уместно сказать несколько слов. Речь идет о ряде славянских лексем, обычно не связываемых друг с другом и восходящих соответственно к и.-евр. *jou-s-, *jou-t-, *jou-n-, ср. слав. *juxa 'кровь', 'похлебка', *jul- (*jutiti se 'помещаться на небольшом тесном пространстве'), *jupъ 'юный', 'молодой', см. ЭССЯ 8, 1981, 193—199. Нет оснований отвергать связи между *juxa, обозначающим подобно др.-греч. ἰχώρ "органическую" (с жизнью связанную) жидкость, и *jul-, непосредственным обозначением жизненной силы в ее воплощении — юноша, молодое или особенно мощное животное, растение (преимущественно высокоурожайное и составляющее основной продукт питания). Можно напомнить о коренной связи крови и жизненной силы, носителем которой она считается повсюду — от мифопоэтических представлений о человеке и жизни до современной медицины. Но при принятии связи этих двух слов соединитель-

ным элементом считают значские 'мешать', 'смешивать', представленное, напр., в лит. *jauti*, *jaūti* или др.-инд. *yāuti*. С этим утверждением в таком виде трудно согласиться (тем более, что др.-инд. *yāuti* обозначает скорее связывание, со-, объединение, усиление). Значение 'мешать', 'смешивать', несомненно, присутствует в ряде примеров (напр., в литовском), но оно вторично и должно рассматриваться как результат некоей дегенерации. Исходным и основным смыслом глагола, восходящего к и.-евр. *jeu-, была идея умножения, количественного возрастания, усиления (т.е. то, что непосредственно выражено в обозначении жизненной силы, вечной молодости — и.-евр. *jeu-, ср. др.-греч. αἶόν, лат. *aevum* и т.п.); к совмещению значений этого круга и смешения ср. хотя бы нем. *vermengen* 'смешивать' при *Menge* 'множество как результат смешения, суммирования' и т.п. Но само смешение (или, точнее, связывание) представляет собой такое умножение состава целого, при котором оно укрепляется, усиливается, увеличивается. Именно эти значения и лежат в основе слав. *juxa, *jul-, *jupъ, которые в точности соответствуют и.-евр. словам с корнем *jeu- и такими же расширениями, см. Рокоту I, 507—512. В особом разъяснении нуждается слав. *jul-. Нужно думать, что предположение в нем значения, связанного с ограниченным (тесным, узким) пространством, воспринимаемым как состояние некоей "неуютности", верно лишь применительно к отдельным конкретным случаям явно вторичного происхождения. Исходным же значением, определившим и дальнейшую эволюцию элемента *jul- (*jeu-t-), нужно считать 'прибежище', 'покров', 'защита', 'поддержка', 'помощь', и как следствие всего этого — обретение "уюта", как раз и обеспечиваемого "связыванием-соединением" и вытекающим из него усилением (ср. др.-инд. *yūti* 'связывание', 'объединение': *yāuti* или лат. *juvare* 'помогать', 'поддерживать', но и 'радоваться', 'веселиться', к состоянию "уюта", удовлетворенности). Анализ этих славянских лексем представляет интерес и потому, что в силу уже сказанного он приводит к установлению правдоподобной связи этих слов с авест. *yaōž-dāta*- как обозначением святости (как особой сакральной чистоты, с которой связано табу) и такими словами, как авест. *yaōš* 'здоровье', 'благо' (ср. Y. 46, 18, ср. *yaōš & *dā-* 'heikräftig machen', *yaōždāli-*, ср. парф. *yož-dahr* 'святой' и т.п.), др.-инд. *yōš* 'здоровье', 'счастье' (архаизм, употребляемый в формуле *sām yōhi* или *sām ca yōš ca*), лат. *iūs* 'право' и т.п. Смысловая мотивировка этих слов также отсылает к идее установления связей (— основа, опора, порядок — право), укрепления и усиления. В этом контексте очень вероятно, что слав. *jul- сохраняет этот и.-евр. архаизм. Тем самым оказывается объединенной вся серия примеров, восходящих к *jeu-. — от похлебки до права (ср. лат. *jūs* и *jūs*, др.-инд. *yūš-* и *yoš-*, слав. *juxa и *jul-). При изучении истории и.-евр. *jeu- в отдельных языках необходимо особенно внимательно отнестись как к процессам семантического "ухудшения" слов, так и к исключительно радикальной "диверсификации" исходных значений.

Ценные данные о значении элемента *svęť- извлекаются из материала личных имен двучленного типа. Их ценность тем больше,

⁵⁸ Ей противопоставит оксюморный образ *святой лжи* как парадокс непрямого пути к высокой правде (кривой — правый, прямой, справедливый).

что в этом отношении славянская ономастическая традиция сильно выделяется среди других индоевропейских. В ней имена с элементом *svęt- довольно многочисленны и разнообразны, престижны в социальном плане и применимы как к божественным персонажам, так и к людям (с очевидностью можно говорить о таких носителях соответствующих имен, которые занимали высокое общественное положение). Среди божественных имен реконструируются *Svęto & *vitъ (ср. *Zwantewit/h/, Svantavit, Szuentevit* и др. у Гельмольда, Саксона Грамматика и др.⁵⁹ и, может быть, *Svęto & *bogъ на основании формы *Suentebueck*, трактуемой обычно иначе; см. выше⁶⁰). Элемент *vitъ составляет исследователям много сложностей и обычно его определяют как 'господин', 'хозяин', ссылаясь на ц.-сл. *домовитъ* οϊκοδεσπότης 'pater familias'. Это решение кажется излишне приблизительным. Можно высказать предположение уточняющего характера о возможности видеть в слав. *vitъ более раннее *vikъ <и-евр. *veik-t- или *vik-t-⁶¹, от и-евр. *veik- 'жизненная сила', 'энергичное проявление силы', но и 'жертва', 'посвящение' и т.п. В этом случае *vitъ (<*vik-tu-) сопоставимо с лат. *victima*, опирающимся на *vik-ti- или *vik-tu-. Этот круг значений удачно объяснял бы ряд других имен с этим элементом — *Яровит* (*Gerovitus, Herovith*), *Ругевит* (*Rugievithus*), *Поревит* (*Porevithus*), которые Р.О. Якобсон трактовал как обозначения разных степеней и фаз жизненной силы (ср. также *Siemowit, Uniewit* и др.)⁶². Среди личных имен людей для дохристианской поры реконструируются сочетания *svęt- с элементами *slav-, *palk-, *mir-, *gor-, *bor- и, может быть, некоторые другие. При этом первый член *svęt- первоначально подчеркивал не столько сакральный аспект в чистом виде, сколько идею возрастания, процветания, изобилия (*Svętoslavъ — не тот, чья слава "сакральна", но тот, у кого она возрастает, ширится и т.п.). Особенно широкое распространение получило имя *Svętoslavъ, представленное рус. *Святослав* (имя очень распространенное в русских княжеских династиях; первым известным его носителем был князь Святослав, сын Игоря и Ольги, упомянутый впервые еще Константином Порфирородным в 944 г. — Σφενδοσθλάβος /De adm. imp./; ср. *Святославль*, город в Киевской земле, 1096 г.)⁶³; польск. *Świętosław* (см. *Spentozlaus* /!/, 1173—1176; *Zuantozlaws*, 1198; *Suutezlauo, Swantozlao*, 1212; *Zantozlaws*, 1216;

Suentoslaus, 1238 и др.; ср. *Świętosława* : *Swentosłaua*, 1271 и др.); чеш. *Svatoslav* (*Zwathozlaus*, 1173, ср. *Svatoslav*, назв. деревни: *Suatozla*, 1292); с.-хорв. *Светослав* (ср. *Светослав Суроња*, король хорватский, 997—1000 гг. и др.)⁶⁴. Имена типа *Svęto-slavъ выступают как надежные историко-культурные индексы: они относятся к определенному культурному кругу и к определенной иерархически высшей группе коллектива; как правило, речь идет о князе-воине, предводителе дружины, для которого слава является высшей наградой, наиболее престижным отличием; существенно, что слава идеальна, а не материальна, она знакова по преимуществу и символизирует высшие качества ее носителя.

Из других реконструируемых для дохристианской эпохи имен с элементом *svęt- ср. *Svęto-palkъ: рус. *Святопалкъ*, княжеское имя (ср. город в Киевской земле *Святопальч*, 1095); польск. *Świętopętk* (*Svatopelco*, 1232; *Zuatopelkum*, 1234; *Swenthopelcus*, 1236; *Swentopelkus*, 1237 и др.), *Świętopętk* (*Zuetopolk*, 1122, *Suutopolk, Swantopolcus*, 1209, 1215 и др.); чеш. *Svatopluk*; помор. *Świętopolk*; слав. диал. на терр. Германии *Svętopętk* (1127—1129; *Zuentepolch filius nomine Zuinike*, Helmold, 95); *Svętopolk* (1243; *Swantopolc*) и др.⁶⁵; — *Svęto-mirъ: рус. *Святомуръ* (ср. *Святомурский, Святомуров*); польск. *Świętomir* (*Swantomyr*, 1294; *Suentomiro*, 1294; *Swanthomiro*, 1298; *Suantemik*, 1260); чеш. *Svatomír* (*Zwatomirus*, 1220; ср. также *Svatomírov* = деревня, *Swathmírsłag*, 1379 и т.п.); серб. *Светомур* и др.⁶⁶; — *Svęto-gorъ: рус. *Святогор (*Святогорович*, 1633; *Светогоров*, 1698⁶⁷, ср. *Святогорский*; имя былинного персонажа *Святогор* в своих истоках могло иметь и другие связи), ср. в связи с *Святой горой* (Афон) ц.-слав. *святотогорьскъ, святотогорьць*, с.-хорв. *светогорац* и т.п.; — *Svęto-borъ: помор. *Świętobór* (*Suatobor*, имя поморского князя /рубеж XI—XII вв./, родственника Болеслава, упоминаемое Галлом Анонимом II, 29); чеш. *Svatobor* (1078; *Zwatozor*, 1226; *Zwatozor*, ср. топонимы *Svatobor* : *Zwetibor*, ок. 1264, *Swethor*, 1341 и т.п.)⁶⁸; ст.-сл. *Святоторь*, рус. *свя-*

⁶⁴ См. соответственно: *Taszycki W. Rozprawy i studia polonistyczne*. I. Onomastyka. Wrocław: Kraków, 1958. S. 126—127; *Idem. Słownik staropolskich nazw osobowych*. T. V, z. 3. Wrocław: Warszawa; Kraków, 1980, s. vv.; *Profous A., Svoboda J. Místní jména v Čechách, jejich vznik, původní význam a změny. Díl IV*. Praha, 1957. S. 244; *Malec M. Budowa morfologiczna staropolskich złożonych imion osobowych*. Warszawa, 1971. 118. 176 и др. Ср. также *Milewski T. Indoeuropejskie imiona osobowe*. Warszawa; Kraków, 1969. S. 63, 72 и др.

⁶⁵ *Svęto-palkъ также принадлежит к преимущественно княжеским именам (ср. моравскую, польскую, русскую традиции и упоминание разных ранних носителей этого имени у Галла Анонима, Гельмольда, Козьмы Пражского и других старых авторов). Хронологически первыми известными носителями этого имени были великоморавский князь (830—894) и его сын (конец IX в.); ср. также вассала маркграфа Каринтии Луитпольда, жившего в конце IX — начале X в. и носившего это же имя. Старые данные об этом имени см.: *Taszycki W. Rozprawy*, 126; *Idem. Słownik ...*, s. vv.; *Schlimperl*. Op. cit., 47; *Trautmann R. Die Elb- und Ostseeslavischen Ortsnamen*. I. Berlin, 1948. S. 27; *Лоренц Ф. О померельском языке до половины XV столетия* // ИОРЯС, 1906. IX. С. 91 и др.

⁶⁶ См.: *Taszycki W. Rozprawy* I, 126; *Idem. Słownik ...*, s. vv.; *Profous A., Svoboda J.* Op. cit. IV, 243.

⁶⁷ См.: *Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен*. СПб, 1903. С. 742.

⁶⁸ См.: *Profous A., Svoboda J.* Op. cit. IV, 242—243.

⁵⁹ Ср. еще *sanctus Vitus*. О смешении со св. Витом см.: *Nahjgal R. Svętovit // Slavistična Revija*, 1956, г. IX. С. 1—9. Наконец, ср. чешский антропоним *Svatovit*.

⁶⁰ Ср. *Nom. propr. Zweibochus*, 1130 (*Monumenta Germaniae historica* III, 28) = слав. *Svętobog* < *Svętobogъ (см. *Schlimperl G. Slawische Personennamen mittelalterlichen Quellen Deutschlands*. Berlin, 1964. S. 47); чеш. *Svętibon* (*Miklosich F. Die Bildung der slavischen Personen- und Ortsnamen*. Heidelberg, 1927. S. 95).

⁶¹ К *kt > t* ср. слав. *potъ* (< *pok-t- : *pek-ti).

⁶² Ср. антропоним *Lude-vitъ с идеей растущей жизненной силы при *Svęto-vitъ с весьма близкой семантикой. — Показательно сгущение имен на -vitъ на северо-западной периферии славянства, в непосредственном соседстве с германцами.

⁶³ Известен и сокращенный "ласкательный" вариант этого имени: сын черниговского князя Давида Святославича Святослав Давидович, связавший свою жизнь с Печерским монастырем, именуется *Святоша* (ср. на *Святошинъ мѣстѣ*). Ср.: "О преподобньмъ Святоши, князя Черниговскомъ слово 20" из "Киево-Печерского патерика".

тоборец и др. — Но даже самые старые из приведенных здесь примеров двучленных славянских имен (X—XI вв.) не являются наиболее ранней фиксацией этого типа. В зальцбургской "книге побратимства" ("Liber confraternitatum vetustior"), относящейся к концу VIII в., среди целого ряда славянских имен этой модели обнаруживаются и *Zuuentibald*⁶⁹. В первом члене этого имени видят слав. **Světī-*/**Světь-*, а во втором, судя по всему, германский элемент *-bald*, широко употребительный в германском именослове⁷⁰. Однако нельзя исключать, что речь идет о целиком славянском имени **Svět-* & **vold-*, в котором второй член был освоен как нем. *bald*. Если это предположение верно, то окажется, что элемент **Svět-* мог сочетаться и с **vold-* (**vol-*: **vel-*), что подтверждается и указанными выше сочетаниями типа *святые власти, святой владыка* (**svēt-* & **vold-*), ср. и *святая воля*, а также балтийскими соответствиями⁷¹.

Эти и подобные им имена, как бы ни осмыслились они позже и как бы ни настаивало большинство специалистов на трактовке **Svět-* как 'святой', в своих истоках, судить о которых мы можем с достаточными основаниями, сохраняют еще в доступной для восприятия степени архаичное значение элемента **svēt-*, выступающего в контексте обозначения жизненной силы, роста, плодородия. Разумеется, это не обозначает, что в каждом конкретном случае перед исследователем не возникает сложная и не всегда удовлетворительно разрешимая проблема отделения друг от друга архаичного и инновационного, "языческого" и "христианского". Трудность, а в иных случаях и невозможность отделения одного от другого как раз и свидетельствуют об исключительной слиянности этих двух компонентов, об органичности перехода первого во второе и о вероятной эпохе синтеза старых и новых смыслов в элементе **svēt-*.

Разумеется, остается много конкретных неясностей, связанных с переходным периодом от распространения христианства в Киеве до крещения и вплоть до официального принятия христианства, датированного 988 годом. Христианское понятие святости и святого уже в это время могло быть доступно и славяноязычному на-

селению Киева. Личный пример самой княгини Ольги, принявшей "святое" крещение в 955 г., распространение христианства среди нерусского (и, конечно, отчасти и русского) населения Киева, наличие церкви св. Ильи, значение которой было, несомненно, велико, и деревянной церкви св. Софии, построенной Ольгой и сгоревшей в 1017 г., случаи мученичества за веру, связи Киева с Болгарией (Преслав), Моравией, Крымом (Херсонес, Сурож) и т.п. — все это полностью исключает предположение о неактуальности понятия святости и святого в христианском смысле и о том, что не принимались попытки опробовать элемент *свят-* для этих новых понятий⁷². Эта тема появляется уже при подготовке князя Владимира к крещению, и она выступает практически уже в сложившемся виде сразу же после крещения, которое — и это очень характерно — определялось именно как *святое*: [и] *просвѣти ю крѣщнемъ стѣмь* (Лавр. летоп., л. 41). Только после этого вчерашние "языки" стали "*новии людѣ хъѣанъстии*" и открыли для себя путь спасения.

Но такое решительное (по крайней мере, во всем, что было связано с официальной сферой) переключение понятия, игравшего очень важную роль в языческой системе ценностей, для того чтобы оно стало одним из ключевых понятий новой системы, отчетливо и резко противопоставившей себя своей предшественнице, было возможно, видимо, только при совершении определенного символического акта, суть которого заключалась в решительном отречении от старого и абсолютном принятии нового как единственной истины. То, что выше было сказано о преобразовании урочища Волоса в церковь святого Власия, сразу же освящаемую, подтверждается и первичными источниками. Новая христианская святость утверждается не в стороне от языческой "святости", но именно на ней, в самой ее сердцевине. Христианские святые, неслучайно, воздвигаются на месте языческих, и источники не раз сообщают об этом. Радуюсь крещению — своему и своих людей, — князь Владимир обращается к Богу: *оутверди и въру в нѣх праву и несовратьну, и мнѣ помози Гѣ на супротивнаго врага, да надѣяся на тѣ и на твою державу, побѣжду козни его* — и далее: *и се рекъ повелѣ рубити цркви, и поставляти по мѣстоу. идеже стоаху кумири, и постави цркви стаго Василья на холмѣ. идеже стоаше кумирь Перунъ и прочии. идеже творяху потреби...* (Лавр. летоп., л. 41).

Эти факты подтверждают, что христианское понятие святости вошло сверху не постепенно, стыдливо, почти тайком, но решительно и принципиально: требовалось не просто принятие новой веры через крещение, но отречение от старой, и только в этих условиях важнейшее понятие "святость" не подверглось языковому переименованию; язык сохранил слово и даже его общую семантическую

⁶⁹ См.: *Hermann E. Slawisch-germanische Beziehungen im südostdeutschen Raum von der Spätantike bis zum Ungarnsturm. Quellenbuch mit Erläuterungen.* München, 1965. Sp. 30.

⁷⁰ См.: *Birnbaum H. Slavisches Namengut aus dem Frühmittelalterlichen Bayern: Das Salzburger Verbrüderungsbuch und das Placitum von Puchenau // Birnbaum H. Essays in Early Slavic Civilization.* Munich, 1981. S. 82—90, особ. 86.

⁷¹ Эти факты могли бы бросить свет и на проблему употребления **svēt-* при имени *Волоса-Велеса* (и родственных ему персонажей в балтийской традиции). Любопытно указание такого позднего и вторичного источника, как "Сказание о построении града Ярославля": Волос, злой дух, сокрушающий людей и скот, был сам сокрушен и на месте его "святылища" была воздвигнута церковь — *И, о велие чудо! егда освяти храм бес преста страхования творити и скотие на пажити сокрушати... и благодариха его угодника святого Власия чудотворца.* Прежняя "святость" языческого Волоса, понимаемая как необузданная сила, возрастающая в пагубах, творимых им окружающим, трансформируется в святость, на этот раз подлинную, христианскую, соименного ему Власия; происходит своего рода "переосвящение" Волоса во Власия.

⁷² К сожалению, нет возможностей доказать, что Илья (в связи с церковью), Ольга в связи с "святым" крещением, первые "святые" мученики за веру и т.п. назывались святыми — отдельными славяноязычными христианами или даже язычниками. Но исключать эту возможность и, более того, не считать ее очень вероятной, конечно, нельзя.

идею, но существенно углубил и "спиритуализовал" (по идее) его содержание⁷³.

Один из важнейших путей в этом направлении — формирование персонифицированных образов святости, и анализ понятия святости, проведенный в другом месте в связи с оценкой подвига святости у первых русских святых (князя Борис и Глеб, Феодосий, князь Владимир и др.), т.е. в течение первых 100—150 лет после введения христианства на Руси, позволяет наметить основные линии трансформации (иногда и адаптации) старой идеи. Говоря в общем, суть изменений состоит в тройкой переориентации локуса святости — с природы на человека (и сверхчеловеческое), с материально-физического на идеально-духовное, с конкретного и зримого на абстрактное и незримое. В результате этого понятие святости начинает, во-первых, актуализировать и такие смыслы, как чистота, непорочность, праведность и т.п., и, во-вторых, вводит их в отчетливо духовный контекст, признаваемый для них безусловно главным⁷⁴. Образом проявления указанных свойств тем самым становится не столько материально-предметное, сколько "энергетическое", "пневматическое" возрастание, своего рода "светолучение", харизматический ореол, по которому и опознается "святость". Только в этих условиях словарь "святости" не просто описывает это явление, но создает возможности для нового углубления своих смыслов и "усвоения" той же самой языковой формой других до поры не опознанных и, можно думать, особенно глубоких видов святости. В этом отношении язык открыт будущему и, более того, в известном смысле своей бытийственной свободой преформирует его.

⁷³ Разумеется, сказанное верно в общем, так сказать, в "макроперспективе": реальная эмпирическая ситуация была, конечно, сложнее и многообразнее. Наконец, практически речь шла не только об углублении смысла, но и об очень существенном расширении круга соответствующих лексем и терминологизации многих из них, т.е., по сути дела, о создании нового лексико-семантического круга. Характерно, что этот процесс происходил во всех славянских традициях и, как правило, отличался очень значительной степенью унифицированности. Ср., напр., такие разные и очень неравно засвидетельствованные традиции, как русскую (ср. словарь Срезневского) и полабскую (см. *Olexch R.* Op. cit., 10—31). Между прочим, в последней обнаруживаются иногда важные аргументы в пользу ранее высказанных соображений, ср.: *wiltge sjunta* (Н), т.е. **vil'te sijtē* < **vel'kōjъ* & *svetjъjъ (ср. *wiltge sjungti* (Н) при польск. *wielkie święto* и под.) — **vel-* & **svetj-* (см. выше).

⁷⁴ Аналогичная ситуация наблюдается в употреблении слов, связанных с понятием святости, в Ветхом и Новом заветах. В первом из них число сочетаний типа "святой & Subst." достаточно велико (земля, небо, область, место, гора, вода, путь, храм, престол, жилище, собрание, сонм; имя, слава, радость, благо, дух; день; муж, семья и т.п.), и распределение разных типов характеризуется значительной равномерностью. Хотя в Новом завете некоторые из указанных сочетаний сохраняются, но в целом их немного, но зато решительное преобладание получает сочетание Святой дух (ср. Пνεῦμα Ἁγίον ἐλελεύσεται ἐπὶ σέ. Luc. I, 35 или τὸ γὰρ Ἁγίον Πνεῦμα διδάξει ὑμᾶς... Luc. XII, 12 и др.); ср. также сочетание этого эпитета со словами Отец, Сын, ангелы, пророки, апостолы; заповеди, закон и т.п.

БАЛТО-СЛАВЯНО-ТОХАРСКИЕ ИЗОГЛОССЫ

По мере продвижения в исследовании тохарских языков в их отношении к другим индоевропейским становится очевидным наличие некоторых специфических явлений, объединяющих тохарский с балтийским, а также славянским, в ряде случаев можно говорить о тохаро-балто-славянских и тохаро-балто-славяно-германских изоглоссах; последние нередко объединяются с изоглоссами (восточно-ирано-)древнеевропейскими, что говорит о достаточно раннем "хронотопе", к которому (в волго-уральско-северосреднеазиатском ареале) можно их приурочить. Суммируя достигнутые за последние годы результаты в области диалектных связей тохарского с другими индоевропейскими диалектами, можно указать на следующие вероятные группировки. Древнейшими и относящимися к самому раннему периоду членения общеиндоевропейской языковой области на диалектные подобласти можно считать изоглоссы, связывающие тохарские языки с анатолийской диалектной группой (хетто-лидийским, палайским, лувийско-ликийским, которые скорее всего вместе образовывали один языковой союз), к которым отчасти примыкают и изоглоссы, распространяющиеся и на другие подобласти (кельто-италийскую и фригийскую). В этом отношении всего показательнее изоглоссы, касающиеся агглютинативных форм медиопассива типа палайск. *kitar* < *kei-to-r, хет. *kittari* 'он лежит, покоится — его положили' при параллельном исходном *kitta*, совпадающем с архаическим брахманическим др.-инд. *śeta* < *kei-to, др.-греч. *κεῖτο*, кипр. *κεῖτοι* (также в микенском греческом) < *kei-toi > др.-инд. *śete*: в последних формах имело место то же присоединение показателя настоящего времени *-i*, которое отличается хет. *ki-tta-r-i* от палайск. *kitta-r*, позволяющего восстановить общеанатолийскую форму окончания 3 л. ед. ч. мед. **-to(r)*, совпадающую с исходной для тохарской (тох. А *-tār*, В *-tār* < **-ter* < **-tor*¹), ново-фриг. *αἰθε-τορ* 'нанес бы'², лат. *-tur*.

В тохарском, как и в латинском и фригийском, возможно и в армянском, обобщено окончание **-t-or*, тогда как в анатолийских языках, в оскско-умбрском и в кельтском сохранилось противопоставление этого окончания (от более древнего **-t-o*, обобщенного в сходной медиальной функции и в греческом) и более древнего в этой функции **-o-r*: хет. *-tari* (3 л. ед. ч. наст. вр.), *-taru* (3 л. ед. ч. пов. накл.) в спряжении на *-mi*: *-ari*, *-aru* в спряжении на *-hi*, лув. *-tari*, *-taru*: *-ari*, *-aru*³ при наличии соответствий этим парам в оскско-умбр-

¹ Adams D. Q. On the development of the Tocharian verbal system // Journal of the American Oriental Society, 1978. Vol. 98, N 3. P. 286—287; Иванов Вяч. Вс. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол: Индоевропейские истоки. М., 1981. С. 51—54.

² Diakonoff I. M., Nerzoznak V. P. Phrygian. New York, 1985. P. 31.

³ Morpurgo-Davies A. The Luwian Languages and the Hittite *-hi* conjugation // Festschrift for O. Szemerényi on the occasion of his 65th birthday. Amsterdam, 1979. P. 247—309; Meriggi P. Schizzo grammaticale dell'anatolico // Atti della Accademia Nazionale dei lincei anno CCCL XXVII—1980. Classe di scienze morali, storiche e filologiche. Serie XXIV, fasc. 3. P. 356—359.

ском (-ar-ter) и кельтском (-ar, -air; -thar, -thair). Балтийские и славянские языки, в которых индоевропейский медиопассив либо был очень рано потерян (как обычно предполагается в стандартных руководствах), либо, как представляется более вероятным, не развился из форм второй серии глаголов, сохраняют лишь следы формы 3 л.ед.ч. — *o этой серии при возможных следах *-to в древних образованиях типа лит. *aišta*, ст.-сл. БЫСТЬ и т.п.: что же касается единичных словоформ, где можно было бы видеть след -r-, из которого развились указанные медиопассивные формы, то их интерпретация, как в случае лит. *yrà*, лтш. *ir*, остается крайне дискуссионной и породила за последние годы множество альтернативных решений. Представляется в этой связи существенным, что изоглосса распространения окончания *-to-r, вытесняющего конкурировавшее с ним *-o-r, частично совпадает с лексической изоглоссой: тох. *A yār*, В *yārve* 'путь', хет. *itar* 'хождение' (древнее отглагольное имя от вышедшего из употребления в хеттском непроизводного глагола *i-* 'идти' с гетероклитическим суф. -tar), лат. *iter*, род.пад. ед.ч. *itineris* (след гетероклитической парадигмы на *-ter/*-ten, как в хеттском); скорее всего функция именного -t-er как-то соотносена с глагольным -to-r. Функция древнего суф. -t(-er/-en) — в некоторых случаях могла быть аналогична функции суф. *-ti- (ср. ст.-сл. ЗАТЬ, где суф. *-ti-, как и в лув. *huwarda-tti*, от основы, родственной ст.-сл. РОДЬ, и в лув. *wana-tti*, от основы, родственной ст.-сл. ЖЕНА, эквивалентен суф. муж.р. -ter в именах родства), поэтому хет. *i-tar* < *i-t(e)g функционально близко ст.-сл. ИТИ < *ei-ti, лит. *ei-ti* 'идти'. Можно полагать, что налицо достаточно древнее деление на диалекты, образующие отглагольное имя посредством *-t(-er), как в тохарском, хеттском, латинском, и диалекты, образующие это имя посредством *-t(e)i; эта изоглосса совпадает частично и с изоглоссой, делящей индоевропейскую языковую область на диалекты, сформировавшие медиопассив на *-to-r, и диалекты, сохраняющие следы *-to.

Более узкую изоглоссу, но относящуюся также к тохарскому, анатолийскому (в частности, лувийскому) и италийскому (латинскому), представляет окончание I л.ед.ч. прош.вр. и имперф. тох. А (мед. и депонент.) -we, (действ.зал.) -wā, В -wa, наст.вр. -u; лув. I л.ед.ч. наст.вр. -wī, лид. -u при перфектных соответствиях в латинском -uī, vī, вед. -u, алб. -va (аорист).

Анатолийские языки объединяются с тохарскими также серией лексических изоглосс, из которых можно отметить хет. *eki-*, *aku-*, 'пить', лув. *aku-*, палайск. *aḫu-* 'пить': тох. А, В *yok* 'пить' (древний атематический глагол, хеттское спряжение на -mi, тохарский I класс) при возможных соответствиях в названиях 'воды' в латинском (*aqua*) и германском (гот. *ahva*), но не в балтийских языках и не в славянском (хотя соответствующие гидронимы и могут быть общедревнеевропейскими), где представлен другой глагол, обозначающий питье (прусс. *poieiti*: ст.-слав. ПИТИ). Помимо таких изоглосс исключительных (напр., хет. *hurki-* 'колесо': тох. *A wärk-ant-*, В *yer-*

kwantai- 'колесо' с вероятной северо-кавказской этимологией по Старостину: *halkōV 'повозка', откуда и ст.-ассир. *hu/ilukarnum* в текстах из староассирийских торговых колоний в Малой Азии), следует отметить и такие изоглоссы, которые объединяют тохарский и хеттский с другими диалектами, исключая балтийский и славянский. В частности, при общиндоевропейском характере глагола (хет. *huwai-* 'бежать, лететь'; ст.-слав. ВЪИЖ 'веять', др.-в.-нем. *wajan*), от которого образованы названия 'ветра', они объединяются в хеттском (*huwant-* 'ветер' с активным суффиксом деятеля-субъекта при эргативообразном оформлении переходного глагола), тохарских языках (*A want*, *B yente*) и древнеевропейских (вал. *guynt*, брет. *gwent*, лат. *uentus*, гот. *winds*), но славянский (ст.-слав. ВЪТРЪ, архаичный суффикс в славянском) и прусский (*vetro*) объединяются с древнеиндийским (*vāṭā*, основа на -rār), тогда как литовский (*vėjas*) и латышский (*vejš*) имеют общую основу с др.-инд. *vau-ú-* (с другим суффиксом).

Другой достаточно ранней группой изоглосс можно считать те, которые объединяют тохарские языки с греческо-арийским, но не с балтийским, ср., напр., тох. В *ratre*, А *riār* 'красный': греч. ἔρυθρός, др.-инд. *rudhira* (ср. и лат. *ruber*, ст.-слав. РОУДРЪ) при отсутствии -r- в родственных словах других диалектов (лит. *raūdas*, ст.-слав. РОУДЪ, гот. *raups*, др.-ирл. *riad* и т.п.)

Индо-ирано-греческо-армянская диалектная группа, как и другие диалекты, контактировавшие с тохарским, после отделения от них анатолийского выработали некоторые объединяющие их общие черты, в частности, систему трех (а не двух, как в праиндоевропейском и анатолийском) родов. Но более внимательное изучение тохарской системы позволяет установить, что при наличии общих диалектных явлений (в частности, со славянскими) она все же еще более близка и к хеттской, чем другие индоевропейские. В обоих тохарских языках засвидетельствована тройная система указательных местоимений. Исторически все эти местоимения в тохарском связаны с индоевропейской диалектной супплетивной парадигмой местоимений *so, *so-H > *sā*, *to, отраженной в тох. В *se* (м.р.), *sā* (ж.р.), *te* (ср.р.) со значением санскр. *ayam*. Все остальные тохарские местоимения образованы от этих же трех основ посредством некоторых морфов. В той же функции санскритского *ayam* (тохарское В *se* и т.п.) в тохарском А используются местоимения *sās* (< *so-s), *sās* (*sā-s < *so-H-s), *tās* (< *to-s), которые могут описываться как сочетание тех же индоевропейских местоименных основ (сохраненных в тохарском В) с морфой -s. В функции санскр. *esaḥ* в обоих тохарских языках используются комбинации тех же индоевропейских местоименных основ с морфой -m (=n): тох. А *saṃ* (< *so-n), *sām* (< *sā-n < *soH-n), *taṃ* (*to-n), тох. В *seṃ* (м.р.), *teṃ* (ср.р.). В качестве местоимения с той же функцией используется в форме ж.р. тох. В *sām* (< *sa-m < *soH-m) с такой же морфой -m, как в тохарских А указательных местоимениях с функцией санскр. *saḥ*: тох. А *sām* (*so-m), *sām* (< *sā-m, тождественно по происхождению приведенному тох. В *sām*, имеющему иную указательную функцию),

⁴ Durnford S.P.B. Luwian linguistics // Revue hittite et asianique, 1977. Т. XXXIII (1975). Р. 45.

tām (<*to-m). В тохарском В в функции санскр. *saḥ* используются *su* (<*s-u), *sā_u* (*sā-u <*soH-u), *tu* (<*t-u). Только в тох. используются *sam(p)*, *som/samp*, *tam(p)* в функции санскр. *asau*: морфа *-mp* как будто близка к окончанию комитатива: *ce-mpa* (от *se* "ayam"), *te-mpa* (от *te*, ср.р.), *compāmpa* (от *sam*, *samp*, *sampā*: избыточное дублирование той же морфы или случайное совпадение омонимичных групп согласных?). Во всяком случае с точки зрения истории языка морфа или сочетание морф *-mp* должны были произойти от более ранних форм на *-m*, находящихся в альтернации с *-mp*. Таким образом, обнаруживаются следующие сочетания исходных местоименных форм с другими морфами:

- I. *so, *sā, *to без дополнительных морф: В *se*, *sā*, *te* "ayam";
- II. *so, *sā, *to с морфой *-s*: тох. А. *sās*, *sās*, *tās* "ayam";
- III. *so, *sā, *to с морфой *-n*: тох. А. *sam* / В *sem*⁵, А. *tam* / В *tem*, А. *sam* "eṣaḥ";
- IV. *so, *sā, *to с морфой *-m*: тох. А. *sām*, *sām*, *tām*, "saḥ", В. *sam* "eṣaḥ" (ср. также тох. В. *sam/samp*, *som/samp*, *tam/tamp* "asau");
- V. *so*/*s-, *sā, *to/*t- с морфой *-u*: тох. В. *su*, *sā_u*, *tu* "saḥ".

Трехчленные системы указательных местоимений типологически хорошо известны. Приводя характеристику подобной системы (с дальнейшими осложнениями), данной Невским для австронезийского языка цоу на Тайване, А.П. Рифтин замечал: "Подобная классификация местоимений нам известна и в других языках. У ворово (Австралия): *indja* 'он совсем близко', *ino* 'он на некотором расстоянии, но видим', *iru* 'он вне поля зрения'. Эта схема лежит в основе японских указательных местоимений: *kore*, *sore*, *are*, турецких: *bu*, *şu*, *o*; из славянских в болгарском: *-s* (*v*, *-t*, *-n*) и сербском: *ovaj*, *taj*, *onaj*; в армянском: *-s*, *-d*, *-n*. В очень дифференцированном виде, почти совпадающем с цоу, система указательных местоимений встречается во многих языках северо-американских индейцев, в наших северных языках и т.д."⁷ Можно привести и такие примеры, как лат. *ille* – *iste* – *hic* или исп. *aquel* – *ese* – *este*. Курилович, который во многих своих работах подчеркивал связь между такой системой и универсальными свойствами речевого акта и его участников⁸, показал типологическое сходство латинской и испанской систем с древнеармянской, где также каждое из трех местоимений соотносено с

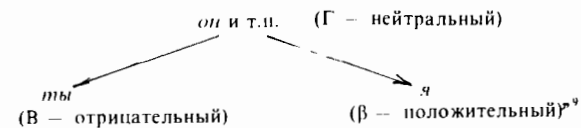
⁵ Фонетически нельзя найти след предполагаемого конечного **-d* (*to-d) в этой форме. Фонема *-s* в тох. А. *tās* объясняется скорее аналогией с падежными формами типа аблатива *tāyās*. О древних диалектных различиях в парадигмах тохарских указательных местоимений ср.: Stumpf P. Der Plural des Westtocharischen Demonstrativ-Pronomina zugleich, ein Beitrag zur Dialekt-Gliederung des Westtocharischen // Orbis, 1974. N. 23. S. 404–428.

⁶ Ср.: Stumpf P. Westtocharisch *se-sem*: zwei Paradigmen oder nur eines? // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, 1977. Bd. 90. S. 114–127. Об употреблении и значении форм ср.: Stumpf P. Der Gebrauch der Demonstrativ-Pronomina im Tocharischen. Wiesbaden, 1971.

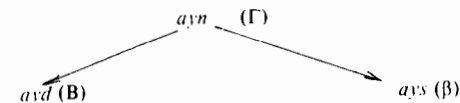
⁷ Рифтин А.П. Категория видимого и невидимого мира в языке // Учен. зап. Лен. Гос. ун-та, N 69: Сер. филологических наук. Л., 1946. Вып. 10. С. 147.

⁸ Kuryłowicz J. Esquisses linguistiques II (Internationale Bibliothek für allgemeine Linguistik / Hrsg. E. Coseriu). München. S. 22. 47–48, 122–129.

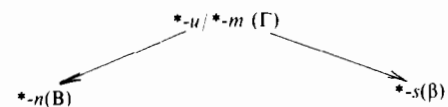
одним из трех лиц. Согласно Куриловичу, 3 лицо нейтрально (обозначается Г), тогда как 2 лицо имеет отрицательное значение (В), а 1 — положительное (β). "Маркированный (положительный) член оппозиции — это 1 л., лицо говорящего. Таким образом ясно образуется контраст между "субъектом" (говорящим) и внешними "объектами" (всем остальным). 2-е л. — это отрицательный член оппозиции в отличие от 3-го л., нейтрального члена:

Соответственно для древнеармянской системы указательных местоимений Курилович предложил следующее описание¹⁰.

В пратохарском функции морфы **-s* могут быть восстановлены со значением положительного члена оппозиции, функция **-n* — отрицательная, функция *-u*/*-m может быть нейтральной:

Для того чтобы был ясным нейтральный характер форм на **-u*, можно привести абсолютное дейктическое местоимение тох. В. *tu* из тохарского В монастырского письма: *ñakta, ive tu makte päst aiṣtra-sañ patarye sañkrām star-ś* "Господи, ты это сам знаешь: твое собственное отцовское место в сангхе (монастырской общине) за тобой остается"¹¹. Значение всех приведенных форм проявляется и санскритскими соответствиями, на основании которых для тохарского А предлагаются следующие латинские соответствия: I *sām* "hic", II *saṃ* "is", III *sās* "iste"¹².

Сравнивая эту систему с тохарской В (имеющей диалектные вариации парадигм) можно обнаружить различия, вызываемые наличием форм на **-u* и перераспределением форм на *-m*. Для того времени, когда производились переводы на тохарский А (становившийся мертвым языком священной буддийской проповеди) с сан-

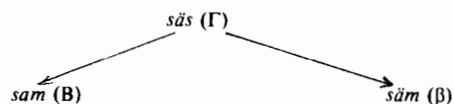
⁹ Kuryłowicz J. The inflectional categories of Indo-European, Heidelberg, 1964. P. 148.

¹⁰ Ibid. P. 149.

¹¹ Krause W., Thomas W. Tocharisches Elementarbuch. Bd. II. Thomas W. Texte und Glossar. Heidelberg, 1964. S. 74 (N XXXIV, 2).

¹² Poucha P. Institutiones linguae tocharicae, pars I (Monografie Archivu Orientálního / Ed. J. Rypka, Vol. XV). Praha, 1955. P. 366, 358, 372; Pobožniak T. Język tocharski // Języki indoeuropejskie / Pod red. L. Bednarczuka. T. I. Warszawa, 1986. S. 262.

скрыта, существовала следующая система дейксиса:

Как показал еще Бругман¹³ и подтвердил Педерсен¹⁴, древнеармянское различие местоименных элементов *-s*, *-d*, *-n* тождественно южнославянскому *-s/-v*, *-t*, *-n*. Как заметил еще Мейе¹⁵, элемент *-w* сербо-хорватской и старославянской системы находит близкое соответствие в иранском. Поскольку на основе форм типа др.-перс. *hauv* может быть реконструировано индо-иранское **sā-u*¹⁶, оказывается возможным соединить и древнеармянские и южнославянские указательные местоимения с тохарскими. Тох. В *sāu* тождественно реконструированной индо-иранской форме **sāu*. Это соответствие показывает, что происхождение всей тохарской В серии *s-u*, *sā-u*, *t-u* должно быть отодвинуто к периоду диалектных связей между прототохарским и индо-иранским. Формальный анализ хеттского *šū* (как элемент, в древнехеттском вводящего предложение) позволил предположить (вслед за А. Гётце и М. Диллоном), что оно того же происхождения, что и древнеирландский "пустой" преверб *se*. Обсуждая эту гипотезу, Уоткинс высказал предположение, что эти элементы могут рассматриваться как дейктические местоименные элементы с возможной вариацией **so*: **su*, **to*: **tu* (> гот. *hauh*, вед. *tu*)¹⁷. Кажется вероятным, что точно так же следует объяснить лит. *sa*-<**so* (как приставка в старолитовском), лтш. *sa*-<**so*- и общую для балтийского и славянского приставку *su-* (в соответствии с реконструкциями Эндзелена)¹⁸. Но если принимать схему, разработанную четверть века назад Уоткинсом, тем не менее происхождение *-u* в формах **s-u*>хет. *šū*, лит. *su-*, слав. **su-* (>ст.-слав. СОУ-) остается загадочным. Теперь кажется возможным установить на основании приведенных соотношений, что вариации *šū*: *š-an* 'и его' в древнехеттском носят точно такой же характер, как и тох. В *s-u*: *se* и т.п. Анализу древнехеттских и ведийских форм в исследованиях Уоткинса помешало стремление всегда видеть в этих языках архаические и

первоначальные структуры. Выясняется же, что не в древнехеттском и не в ведийском, а в тох. В *s-u*, *t-u* сохранены следы комбинации двух дейктических элементов, которые уже объединились в др.-хет. *su*, вед. *tu* и в соответствующих балтийских и славянских морфемах.

Поскольку не только дейктический элемент *-u*, но также *-s* и *-n* совпадают в пратохарском, древнеармянском (и, вероятно, фригийском, хотя скудость материала делает выводы проблематичными) и славянском, представляется, что данная изоглосса может быть достаточно древней. Но очень существенно использование индоевропейских местоименных дейктических основ **s(o)*, **t(o)* в комбинациях с другими местоименными элементами в тохарском, как в хеттском и других анатолийских языках. Тохарские языки отличаются от анатолийских в двух отношениях: в них уже есть, как и во всех остальных диалектах, полная серия указательных местоимений, основанных на супплетивной парадигме **s-/*t-* (из более древних дейктических элементов, получивших в хеттском применение преимущественно как опорные слова, вводящие комплексы энклитик в начале предложения), и уже есть сказавшаяся и в этой серии тройственная родовая система, включающая и женский род (в анатолийском еще отсутствовавший). В то же время в деталях правил комбинаций дейктических элементов друг с другом тохарский структурно близок к анатолийскому. Как и в других отношениях, тохарский занимает промежуточное положение между анатолийским и остальным индоевропейским, требуя в этом отношении внесения уточнений в индо-хеттскую гипотезу Стертеванта (в большой мере опирающуюся именно на исследование элементов типа хет. *šū*, *ta* и т.п.). Хотя структура некоторых из тохарских указательных местоимений достаточно архаична, тем не менее вся система в целом является результатом относительно поздних преобразований, что можно видеть и в изменениях функций местоимений и в существенных диалектных различиях в тохарском В. Система дейктических элементов с тремя ступенями указания широко распространена в тюркских и некоторых других языках алтайского языкового союза, что могло повлиять и на тохарский.

Некоторые диалектные данные могут быть интерпретированы как говорящие в пользу предположения о том, что еще в пределах общиндоевропейской общности складывались, изоглоссы, объединявшие балтийские, славянский и часть древнеевропейских языков с анатолийским и тохарским, а также греческим, но без индо-иранского, который (во всяком случае по таким изоглоссам) обособляется очень рано. Ср., в частности, тох. В *-sark-* 'болезнь', А *sārk-*, хет. *istark-* 'болеть', лит. *sergù*, ст.-лит. (*pra*-)*sergmi*, 3 л. *sergti* (диал. *sērgti* в аукштайтских говорах), др.-ирл. дат.п. ед.ч. *seurc* 'любовь' (с неленированным *-s*: хет.(i)*št-*), греч. *στέρω* 'люблю'. Согласно блистательным разысканиям Флоренского, греч. *στέρω* и производное существительное *στορούή* обозначали "любовь родовую, **привязанность**" в отличие от трех других основ того же семантического поля: *φιλεῖσθαι* 'быть любимым', *φιλία* "любовь внутреннего признания, личного прозрения, **приянь**", *ἀγαπάσθαι* 'быть ценимым',

¹³ Brugmann K. Die Demonstrativpronomina der indogermanischen Sprachen (eine Bedeutungsgeschichtliche Untersuchung) // Abhandlungen der philologisch-historische Klasse der Königlich-sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Leipzig, 1904, Bd. XXII, N VI.

¹⁴ Pedersen H. Les pronoms démonstratifs de l'ancien arménien. Copenhagen, 1905. См. более подробно: Иванов Вяч.Вс. Сравнительно-исторический анализ категории определенности — неопределенности в славянских, балтийских и древнебалканских языках в свете индоевропейстики и неостраки // Категория определенности — неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979. С. 21—34.

¹⁵ Meïe A. Общеславянский язык. М., 1951. С. 353, § 503.

¹⁶ Thumb A. Handbuch des Sanskrit. 3 stark umgearbeitete Aufl. von R. Hauschild. T. 2: Formenlehre. Heidelberg, 1959. S. 149.

¹⁷ Watkins C. Preliminaries to a historical and comparative analysis of the syntax of the Old Irish verb // Celtica, 1962. Vol. VI. P. 16—17; Watkins C. Preliminaries to the reconstruction of Indo-European sentence structure // Proceedings of the Ninth International Congress of linguists. London; The Hague; Paris, 1964. P. 1038—1042.

¹⁸ Иванов Вяч.Вс. Общиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965. С. 232.

ἄγαλτῃ "любовь оценки, уважения" (два последние глагола противопоставлены в тексте "Риторика" Аристотеля) и, наконец, ἔρως "любовь ощущения, страсть"¹⁹. Глагол «στέρρειν означает не страстную любовь или склонность к лицу или вещи, не позыв к объекту, определяющему наше стремление, а спокойное и непрерывное чувство в глубь любящего, так что, в силу этого чувства, любящий признает объект любви близко принадлежащим ему, тесно с ним связанным и в этом признании обретает душевный мир; στέρρειν относится к органической, родовой связи, нерасторгаемой, в силу этой природности, даже злом. Такова нежная, спокойная и уверенная любовь родителей к детям, мужа к жене, гражданина к отечеству»²⁰. Греч. στέρρω, др.-ирл. *seurc* 'любовь', *dearc*, *deserc* 'милосердие', и ст.-слав. СТРЪГЖ 'φυλάττειν, φρουρεῖν' = 'стеречь, охранять' отличаются значением (в индоевропейском, очевидно, исходным, что подтверждается и внешним ностратическим сравнением: афр.-аз. *čr- или *ts'r-²¹ 'смотреть, стеречь, заботиться', картв. *čir- 'забота, горе') от тохарских, хеттского и балтийских слов со значением 'болезнь, болеть' (судя по хет. употреблению 'быть причиной болезни', переходный глагол, чаще в безличной конструкции).

Сходное диалектное распределение отмечается и у тох. А *wäl-* 'умирать' (3л ед.ч. наст.вр. мед. *wälästär*, прош.вр. *wläs*, прич. *walu*), лув. *iwäl-ant-alli-* 'смертный', *iwäl-ant-* 'смерть' (с активным суффиксом эргатива), лит. *vėlės* 'духи мертвых' (ср. др.-рус. ВЕЛЕСЬ²²), др.-исл. *valr* 'сраженные на поле боя'; валл. *gweli* 'рана', др.-ирл. *fuil* 'кровь' (предполагающиеся сближения с ведийским касаются преимущественно архаических собственных имен, используемых в мифологическом контексте).

При неполной ясности возможности отнесения к нижеследующей группе хет. *ħarra(i)-* 'пахать' к тохаро-древнеевропейско-армяно-греческому типу изоглосс принадлежит и тох. А,В *äre* 'плуг', лит. *ariù* 'пашу', ст.-слав. ОРЖ, , гот. *arjan*, лат. *arō*, др.-ирл. *airim*, гр. ἄρόω, др.-арм. *arawr* 'плуг'.

Кажется возможным отнести к такому же ареалу и некоторые элементы с грамматическим значением: тох. А *yo* 'и', хет. *-ya* 'и', микен.греч. *-yo* и балт. **-yo-* (слав. **-yo-*) в функции "удалителя" (*distantiateur*)²³ (специализация основы, известной и как относительное

местоимение с внешними параллелями), тох. А *pat* (частица, в частности, после относительного местоимения), хет. *pat* (частица), лит. *pat* (в конструкциях, по составу элементов совпадающих с хеттскими и тохарскими). Можно отметить также распространение на хеттский, тохарские и балтийские (а также славянские) языки изоглоссы наличия форм с суф. *-l-*, образованных от глагола, что Розенкранц сравнивал с одинаковостью противопоставления глаголов с суффиксом итератива-каузатива **-sk-* в хеттском и тохарском и двух видов в славянском и балтийском (при отсутствии в них перфекта). По этим и некоторым другим структурным чертам Розенкранц объединял "понтийскую" группу диалектов²⁴, от которой позднее отделяются тохарские. К числу их характеристик можно было бы отнести медиальный суффикс причастия **-mo*, сохранный в лувийском, а в хеттском известный только в отдельных пережиточных формах (хет. *lalukkima-* 'лучезарный', от *luk-* 'светать', 'светить', лат. *lux* 'свет', вед. инф. *ruc-e*, родственно тох. В *lyukemo* с тем же суффиксом). Очевидно, для этой же группы диалектов характерно и употребление суффиксов прилагательных типа **-sk->* тох. А, В *-ss-*, лув. *-šš-*, ст.-слав. *-СК-* в функции притяжательного: ср. тох. А *šnašs-i* 'женский' < **g^wen(oH)-ōsk-*, ст.-слав. ЖЕНЬСК-, **ženšskъ* > рус. *женск-(uii)* при исходном имени, образующем в других диалектах в той же функции род.пад. **g^w(e)nōH* > др.-ирл. *mna* (:имен. *ben* < **g^wénoH*), др.-инд. *gnāh* (:им.пад. *janiḥ* < **g^wénoH-* = **g^wenōH-*). Для сопоставления со славянским типом притяжательных имен, играющих роль особых посессивов (по Трубецкому, входивших в состав парадигмы имени существительного, как причастия входят в состав парадигмы глагола²⁵) особый интерес представляют формы типа тох. А *ñākci* 'божественный = принадлежащий богу', В *ñākci(i)ye*. Соответствующий тип прилагательных (посессивов) на *-iyo-* в славянском в раннюю эпоху образовывал основные притяжательные словоформы имени существительного. Данная изоглосса представляется весьма существенной, потому что она касается показательных и уникальных свойств именной парадигмы и вместе с тем связана с синтаксическим выражением притяжательных отношений. Поэтому следует согласиться с признанием данного тохаро-славянского сходства особенно важным в грамматическом плане²⁶. Поскольку на основании этих фактов реконструируется отсутствие первоначального родительного приемного, изоглосса способов образования посессивов (на **-sk-*, **-ij-/*-iH-* и т.п.) входит в число известных изоглосс, делящих всю индоевропейскую территорию на несколько подобластей в зависимости от выражения (глубинного) родитель-

¹⁹ Флоренский П. Столп и утверждение истины. М.: Путь. С. 400 (выделено здесь и далее везде самим П.А. Флоренским).

²⁰ Там же. С. 397.

²¹ Иванов Вяч.Вс. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. С. 115 и след.: к фонетическому облику (*čr- *ts'r?) ср.: Faber A. Akkadian evidence for Proto-Semitic affricates // Journal of Cuneiform Studies. 1985. Vol. 37, N 1. P. 101—107.

²² См.: Jakobson R. The Slavic God *Veles* and his Indo-European cognates // Jakobson R. Selected Writings. Vol. VII. Berlin; New York; Amsterdam, 1985. P. 33—48; Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.

²³ Haudry J. Les deux flexions de l'adjectif germanique // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. 1981. T. 76, fasc. 1. P. 191—200. Первым сопоставление германского различения слабых и сильных форм прилагательных с балто-славянским противопоставлением членных и нечленных прилагательных провел еще более полувека назад Ван-Вейк.

²⁴ Rosenkranz B. Vergleichende Untersuchungen der altanatolischen Sprachen (Trends in linguistics. State-of-the-Art Reports 8 / Ed. W. Winter). The Hague; Paris; New York. 1978. P. 131—137.

²⁵ Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М., 1987. Ср.: Corbett G. The morphology / syntax interface // Language. 1987. Vol. 63, N 2. P. 299—345.

²⁶ Groselj M. O posesivnem adjektivu v slovanščini in toharščini // Linguistica. 1955. 1 (приложение к "Slavistična revija", VIII, letnik 1—2). Ср.: Маројевућ П. Посесивне категорије у руском језику (у своје историјском развјатку и данас). Београд. 1983. Особ. 3—62.

ного падежа, который выработался в период, следовавший за общеиндоевропейским.

Из тохарско-древнеевропейско-греческих лексических изоглосс, в которых анатолийские языки не участвуют, стоит отметить тох. *A mañ*. В *meñe* 'луна' (в том числе и как божество), 'месяц' (единица измерения времени, ср. В 461, 3—5 *pinkte meñe* 'пятый месяц', *skas menantse* 'шестого месяца'): лит. *mėnuo*, гот. *mēna*, лат. *mēnsis*, умбр. *menzne*, др.-ирл. *mí* < *mens, греч. μήν, алб. *múaj* (общеанатолийское *arma- 'луна, месяц' с другой этимологией).

Значительный интерес представляет тох. *A swase*, В *swese* 'дождь' (ср. в тох. В *swese suwoy* 'дождь дождал' этимологическая фигура, вероятно, очень архаичного типа), греч. βέη 'идет дождь', алб. *shi*, прус. *sige* (общее экологическое обозначение, говорящее о единстве географической среды). Некоторые из специальных тохаро-греческих изоглосс важны социологически: тох. *A se*, В *soy* 'сын': греч. υἱός при лит. *sūnus*, ст.-слав. СЫНЪ, гот. *sunus*, др.-инд. *sunū*; авест. *hunu-* (судя по лат. *filius*, др.-ирл. *mac*, слово испытало обновление в сравнительно поздний период истории отдельных диалектов).

После отделения от анатолийского и индо-ирано-греческого тохарский на протяжении длительного времени примыкал к объединенной группе диалектов, носители которых (за исключением тохарского) и составили большую часть населения Восточной, Центральной и Западной Европы, что и оправдывает отчасти обозначение их всех — включая кельтский, итальянский, иллирийский, германский, балтийский и славянский — как "древнеевропейских". Можно думать, что группа племен-носителей тохаро-древнеевропейских диалектов характеризовалась особой социальной организацией, на что указывает появление нового обозначения 'царя-предводителя': в отличие от общеиндоевропейского священного царя, именовавшегося такими терминами, как хет. *haššu-* 'царь' (слово известно и в составе древних топонимов, один из которых — *Hasuwa*, *Hazuwa* — встречается в документах из Эблы середины III тыс. до н.э.; ср. также в древнехеттских документах *Šalla-hsuwa* 'Велико-царский'): др.-инд. *asura-* 'повелитель', др.-иран. авест. *ahura-*; лат. *rēx*, гал. *rīg-* 'царь'; др.-инд. *rājā* 'царь', в этой группе диалектов формируется новое имя предводителя: тох. В *walo*, А *wäl* 'царь', др.-ирл. *flaith* 'королевство', брет. *gwlad* 'страна', лат. *valeo* 'я силен', оск. *valgemom* 'лучший', гот. *waldan*, нем. *walten*, лит. *valdyti* 'владеть' (с медиопассивным суф. *-*dh*-).

Большой интерес представляет переосмысление названия 'шершня'²⁷: тох. А *kroñše* 'пчела': лат. *crābrō-* 'шершень', лит. *širše*, рус. *шершень*, др.-в.-нем. *hornūz* 'шершень'.

С группировками, на которые указывают подобные "северо-за-

падно-индоевропейские" (термин Мейе) слова, можно сопоставить некоторые характерные черты тохарского глагола. В нем имеется конъюнктив на долгий гласный (*ā, *ē), разительно сходный с кельтским и итальянским и в то же время допускающий сопоставление с теми аналогичными образованиями, которые в балтийском и славянском приобрели значение прошедшего времени²⁸. Образование форм типа тох. А *kalk-a-m* 'я пошел бы', лат. *feram* 'я понес бы', др.-ирл. *fera* может быть соотнесено и с развитием долгих гласных из сочетаний с исчезнувшими ларингальными: этот фонологический процесс (в тохарском осложнившийся появлением -*k*-<*-*H*- на морфных швах) шел синхронно с перестройкой глагольной системы, где при исчезновении древних категорий возникали противопоставления временного характера (связь с этими явлениями и греческого аориста на -η-<*ē с вторичными окончаниями возможна, но еще строго не доказана).

С преобразованием индоевропейских глагольных основ на долгий гласный связано и развитие глаголов типа и.-е. **ǵy(e)w-eH-*> тох. А, В *šūwa-* 'есть', (А *šwātsi*, В *šwātsi*) др.-в.-нем. *kiuwan* 'жевать', слав. *žьvati, др.-чеш. *žvāti*, др.-рус. ЖЮЕТЬ, лтш. *žauñat* 'быстро и жадно есть', *žaiñas* 'жабры, челюсти, пасть', лит. диал. *žiauna* 'челюсть'; сходен по своей структуре с первым глаголом и глагол и.-е. **ǵhu-eH-*> тох. В *kwā-* 'звать', др.-инд. *hvā-* 'звать', слав. *zьvati, ст.-слав. ЗЪВАТИ. Обнаруживаемая в словах типа лтш. *zaiñas* 'жабры, челюсти' перестройка семантического поля органов, используемых для еды, связана и с распространением нового названия "зуба": тох. А *kam*, В *keme*, лтш. *zobs*, рус. *зуб* < слав. *zъbъ*, алб. *dhemb*, макед. *кѡмѡуѡс*, *ѡѡѡѡѡс* Гес.²⁹

Для доказательства диалектной близости тохарского и древнезападноиндоевропейской ("древнеевропейской") области существенны не только описанные выше изоглоссы, объединяющие вместе все эти диалекты, но и сепаратные связи (лексические и грамматические), которые порознь объединяют тохарский с отдельными западными диалектами.

Иногда диалектно ограничено специализированное развитие значений. К числу слов, общих для балтийского и славянского в специальном кузнечном значении, относится лит. *kūjis* 'молот', прус. *cugis* 'молот'³⁰; совмещение специализированных кузнечных и "докузнечных" (или более общих значений) характеризует и балтийские и славянские глаголы (лит. *kāuju*, слав. *kujъ), и лат. *cūdō* 'бить, молотить, обрабатывать металлы', с которым практически совпадает тох. А *kot-*, В *kaut-* (от *kau-* 'ударять, разбивать'; слово, следовательно, можно считать общетохаро-"древнеевропейским", при-

²⁷ См. о возможных географических выводах: Бенвенист Э. Тохарский и индоевропейский // Тохарские языки. М., 1959. С. 106; Ср.: Adams D.Q. The position of Tocharian among the other Indo-European languages // Journal of the American Oriental Society, 1984. Vol. 104, N 3. P. 391.

²⁸ Trubetzkoy N.S. Gedanken über den lateinischen ā-Konjunktiv // Festschrift P. Kretschmer. Wien, 1926; Benveniste E. Prétérit et optatif en indo-européen // Bulletin de la Société de linguistique de Paris, 1951. T. 47. f. 1; Lane J.S. The formation of Tocharian subjunctive // Language, 1959. Vol. 35, N 2. P. 158—179.

²⁹ Порциз В. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964. С. 273.

³⁰ Топоров В.Н. Прусский язык: Словарь. К—Л. М., 1984. С. 238—241.

чем его производные явно указывают на связь с развитием металлургии. Часть древних общих слов позднее могла быть утеряна многими диалектами, поэтому в таких связях, сейчас представляющих как соединяющие два или три диалекта, часто можно видеть след значительно более обширного пучка изоглосс (хотя полностью не исключено и наличие попарных связей между отдельными диалектами внутри большей языковой общности). Некоторые из таких изоглосс объединяют тохарский с кельтским и германским, например, тох. А *pält*, В *pilta* 'лист': ср.-ирл. *bláth* 'цветок', др.-в.-нем. *blāt* 'лист'; нем. *Blatt*; к числу германо-тохарских изоглосс принадлежит тох. А *prast*, В *prešciye* 'время': др.-англ. *frist* 'срок, период времени'; др.-в.-нем. *frist* 'ограниченное время, отсрочка', др.-исл. *frist*. Тох. А *olyi*, В *olyi* 'лодка' (с закономерным упрощением группы **-lǝj>*-lǝ-*) оказывается связанным с лит. *aldijà, eldijà*, ст.-слав. АЛЪДИЙ, ЛАДИЙ 'ладья', диал. норв. *olda*, диал. шв. *älla* 'углубление' <герм. **aldōn*, ср. др.-англ. *aldop, aldaht* 'сосуд, корыто'³¹. До открытия тохарских форм слово казалось связанным только с германо-балто-славянской общностью. Сейчас оно выведено из изоляции и вместе с известным названием "лосося" заставляет искать те водные бассейны, на которые настойчиво указывают слова, общие для тохарского и балто-славяно-германского диалектного ареала: др.-в.-нем. *lahs*, нем. *Lachs*, лит. *lašišà*, прус. *lasasso*, рус. *лосось*³², а также осет. *læxæg* 'лосось'.

Уникальное тохаро-балтийское сходжение представляет тох. В *lesto* 'гнездо', лит. *līdzas*, лтш. *lizda* 'гнездо' с развитием *l<*n-* в анлауте (по типу хет. *laman<*H(ō)nomen* 'имя' > иерогл. лув. *atimāz-*, ср. также изменения типа **n->d-* в начале названия для 'девяти' в балтийском и славянском). Все другие индоевропейские сохраняют начальное **n-* в начале слова (нем. *Nest*, англ. *nest*, др.-инд. *nida*, др.-арм. *nist*.) В славянском анлаут тоже преобразуется путем добавления неэтимологического **-g-*: рус. *гнездо* и т.п. Судя по имени ребенка *Lizdeika*, которого находят плачущим в орлином гнезде в одном из вариантов мифа об основании Вильнюса, в этом мифе в переосмысленном виде выступает шаманистский рассказ о юном герое-разорителе орлиных гнезд³³; в последнее время аналогичным образом толкуются и те восточнославянские народные сказки, где герой возвра-

щается из нижнего мира на спине орла³⁴ (полет героя в нижний мир на орле является одним из главных эпизодов в архаичных вариантах мифа о разорителе орлиных гнезд³⁵). Если эти допущения правильны, то в литовской (и шире-балтийской) и славянской мифологии было достаточно причин для табуирования и эвфемистического преобразования самого термина "гнездо" (из сложения преверба **ni+* нулевая ступень корня **sd->*nī-sd-*). Но это преобразование одинаково было осуществлено только в балтийском и тохарском.

Предполагается, что и ряд других слов представляет собой изоглоссы, общие только для балтийского и тохарского. Тох. В *akarte* = санскр. *saṁtīpe* 'вблизи, поблизости' понимается как сложение **en-+karite*, отождествляемое с лит. *greiė* 'соседство, окружение', *greiė* 'возле, рядом'³⁶. Тох. А *kārk-* (*sark-*), В *kārk-* 'привязывать' сопоставляется с лит. *keĩgti* 'привязывать'. Тох. В *ñare* 'нитка' соответствует лит. *neriū* 'вдеваю нитку в иголку'³⁷. Тох. А, В *ruk-* 'худеть' соответствует лит. *rūkti* 'сжигаться, сжиматься', лтш. *rukst* 'сжиматься'³⁸, 'уменьшаться', 'сужаться', 'умельчаться', *rukums* 'уменьшенная часть, заостряющаяся или сужающаяся часть (чулка или ботинка)', *rukst rukumā* (*figura etymologica*) 'сильно сужать' (аллитерация *saũks ruku rukumā* BW 719), *rukst* 'сужать, стягивать', *rukstis* 'сжиматься, уменьшаться', *dienas raucas* 'дни укорачиваются, становятся короче', *saũkst* 'сжиматься', *saũkst* 'ужаться', *kad tu saũktu* 'да чтобы ты скукожился'³⁹. Некоторые употребления латышского глагола в точности совпадают со значениями тох. А, В *ruk-* 'худеть'. Тох. А *yats*, В *yetse* 'шкура' сопоставляется с лит. *oda*, лтш. *ada*. Тох. А *āštār*, В *astare, āstre* 'чистый, ясный' сопоставим с лтш. *stars* 'луч, ветвь' (ср. лтш. *saules stars* 'солнечный луч'), хотя есть трудности и семантического и словообразовательного характера. Тох. А *cāmp-* 'мочь', В *cāmp-* сравнивается Ван Виндекенсом и Педерсеном с лит. *tempiu*. Тох. А *lānk-* 'висеть, быть повешенным, свисать', В *lānk-* — соответствует лит. *lingūoti*, лтш. *līguot*. Тох. А *masāk*, В *meske* 'связь, соединение, сочленение' тождественно лит. *māzgas*, лтш. *mazgs* 'узел' (с дальнейшими родственными словами в германских языках). Есть и целый ряд других предполагаемых балто-тохарских исключительных изоглосс⁴⁰, но против них возможны возражения.

³⁴ Березкин Ю.Е. Голос дьявола среди снегов и джунглей. Истоки древней религии. Л., 1987. С. 162.

³⁵ Ivanov V.V. The structure of the Ket myth of the "dénicheur des aiglons" and its American Indian parallels (Working Paper). Urbino, 1978; Иванов В.В. Кетско-американские связи в области мифологии // Кетский сборник. Л., 1982. С. 132—143.

³⁶ Виндекенс А.Ван. О некоторых необъяснимых тохарских словах // Этимология 1972. М., 1974. С. 141—142.

³⁷ Windekens A.van. Le tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes. Vol. I: La phonétique et le vocabulaire. Louvain: Centre International de dialectologie générale. 1976. P. 324.

³⁸ Krause W., Thomas W. Tocharisches Elementarbuch. Bd. I. Grammatik. Heidelberg. 1964. S. 58.

³⁹ K. Mīlenbacha Latviešu valodas vārdnīca / Rediģejis, papildinājis, turpinājis J. Endzelīns. III sējums. Rīgā, 1927—1929. L. 587—588, 725—726; Endzelīns J. un Hauzenberga E. Papildinājumi un labojumi K. Mīlenbacha Latviešu valodas vārdnīcai. XV burtnīca. Rīgā. L. 394, 445.

⁴⁰ Windekens Van A. Op. cit. P. 616.

³¹ Ср.: Stang Chr. Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen // Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo, II. Hist.-Filos. Klasse, Ny Serie, N 11. Oslo; Bergen; Tromsø; Universitetsforlaget, 1972. S. 13.

³² Ср. общий обзор литературных данных: Diebold A.R.Jr. The evolution of Indo-European nomenclature for salmonid fish: the case of 'huchen' (Hucho spp.) // Journal of Indo-European Studies. Monograph Series, N 5. Washington, 1985.

³³ Иванов В.В. К семиотическому изучению культурной истории большого города // Труды по знаковым системам. XIX: Семиотика пространства и пространство семиотики. Учен. зап. Тартуского Гос. ун-та, 720. Тарту, 1986. С. 17; Топоров В.Н. Прусский язык. Словарь. К—Л. С. 202; Иванов В.В., Топоров В.Н. Орел // Мифы народов мира. Т. 2, 1982. С. 259. Ср.: Топоров В.Н. Vilnius, Wilno, Вильна: город и миф // Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980. С. 41, 43, 62.

Из ярких сходств с балтийским и славянским одновременно отметим тох. А *āle*, В *alyina* паралис (парное число) 'ладони': лит. *dėl-na*, лтш. *delna*, ст.-слав. ДЛАНЬ, др.-рус. ДОЛОНЬ и т.п. (в тохарском упрощение группы *dl-, как и в других случаях). Тох. В *wrauiña* 'ворона, ворон' родственно лит. *várna*, рус. *ворона*; интересно также личное собственное имя тох. В *Wrauške* (с уменьшительным -*ške*), буквально "Ворон-енок"⁴¹ (скорее всего свидетельствует о наличии древних обозначений типа рус. *Воронов* и т.п.). Тох. А *wsār*, В *ysāre* 'зерно' сопоставляется с балтийским, славянским и "древне-европейским" названием "овса" (рус. *овес* и т.п.) из *H(e)w(e)s⁴², есть и другие альтернативные сближения этого же тохарского слова с другими балто-славянскими.

Разительны сходства тохарского с праславянским. Некоторые тохарские слова, как уже много раз отмечалось в литературе, в точности соответствуют реконструированным праславянским формам: тох. В *reki* 'речь' восходит к *rēki, откуда и ст.-слав. РЪЧЬ, рус. *речь*, тогда как В *rake* 'слово, речь' может отражать огласовку *o (рус. *рок, с-рок* и т.п.). Тох. В *pruk-* 'прыгнуть' соответствует рус. *прыг-ать* и т.п.; тох. А *tāpār(k)* 'теперь' — рус. *теперь*⁴³.

Тох. А -*wā*, -*wa* как окончание одного из редких типов образования мн.ч. существительных совпадает со слав. *-*wā* в собирательной функции. Верность этого сближения подтверждается одинаковостью значений слов, образующих эти формы: тох. А *pāl-wā* 'листья': рус. *лист-ва* (от другого корня) и т.п. Наличие соответствия слав. *-*iva*: иран. *-*ṽwa*<и.-е. *-*twā* (*tlwoH) позволяет думать вместе с тем и о вхождении этого соответствия в число тех, которые В.И. Абаев назвал "скифо-европейскими" (типа тох. А *pik-*, В *pik-* 'писать, рисовать', лит. *piēšti* 'писать, чертить', ст.-слав. ПИСАТИ, осет. *fysyn*, согд. *pust* 'написанный'; ср. также тох. В *krañko* 'петух', др.-ирл. *ceark* 'курица', осет. *kark* 'курица', памир. вахан. *kerk*, хотан.-сак. *krnga, krrimga*, афг. *cerg* 'петух' и т.п.).

Ввиду того, что тохарские языки представляют centum-ный тип развития индоевропейских "гуттуральных" (заднеязычных-велярных- и палатальных, склеивающихся в один ряд), а балтийские и славянские — тип satəm-ный, при всех давно отмечавшихся сближениях между этими языками различие по этому фонетическому признаку казалось диалектологически существенным. Однако в последнее время обнаружены факты, заставляющие с гораздо большей осторожностью отнести к делению индоевропейских диалектов по centum-но-satəm-ному признаку.

Речь идет прежде всего о лувийском языке, который внутри ана-

⁴¹ Krause W. Eigennamen in tocharischen. Texten // Ural-Altische Jahrbücher, 1953. Bd. XXV, Heft 1-2. Wiesbaden, S. 12-13; Иванов Вяч. Вс. Тохарская параллель к славянским уменьшительным формам // Славянская филология, II. М., 1958. С. 58-63.

⁴² Adams D.Q. The position of Tocharian... P. 396. Там же см. о других словах с "северо-западными" индоевропейскими этимологиями. К тох. А *pār-* 'копать' (лит. *bedū*, ст.-слав. БОДЖ) есть соответствие и в хет. *peda-*: Puhvel J. Hittite words with initial *pi/pā* sign // Hethitisch und Indogermanisch. Innsbruck, 1979. S. 214-216. т.е. слово относится к хетто-тохаро-древнеевропейским.

⁴³ Lewy E. Kleine Schriften. Berlin, 1961. S. 218, 330.

толийского ареала древних индоевропейских языков Малой Азии обнаруживает особую близость к тохарским (есть ряд исключительных лувийско-тохарских изоглосс, таких, как лув. *arrai-* 'длинный': тох. А *aryu* 'долгий' при хет. *dalugi* — 'долгий', 'длинный': рус. *долгий*, хет. *dalugašti* 'длина': польск. *długość* и т.п.). Судя по недавним предложенным новым толкованиям⁴⁴, лувийский следует отнести к языкам satəm: лув. *zarza* 'сердце' соответствует хет. *kir, kardijas* 'сердце'; лув. *za* 'этот' соответствует хет. *ki-* 'этот', лув. *ziyari* 'лежит', ликийск. *sijēni* соответствует хет. *ki-* 'лежать, быть положенным' (супплетивный пассив к *dai-* 'класть'). Хотя многие детали еще предстоит выяснить, кажется вероятным, что внутри группы таких близких друг к другу диалектов, как анатолийские, может проходить граница по признаку satəm-ности. По существу уже давно сходная ситуация выявлена в греческо-армяно-арийской диалектной группе, где только греческий сохраняет centum-ный тип. В свете этих открытий кажется целесообразным предположить, что внутри тохаро-древнеевропейской диалектной общности граница по указанному фонетическому признаку проходила, отделяя (с некоторыми исключениями и оговорками) балтийский и славянский как от тохарского, так и от других древнеевропейских диалектов. Но это несколько не мешает признать балто-славянский частью этого единого тохаро-древнеевропейского ареала⁴⁵. В этом плане было бы существенным рассмотреть и возможный вклад тохарского в исследование проблем балтийской и древнеевропейской гидронимии. В частности, отметим значимость тох. В *ālme* 'источник, колодец', правильно сопоставленного В. Блажеком⁴⁶ с древнеевропейскими гидронимами *almā, *almo, лит. *Almė* (при *almė, almės* 'тной', 'сукровица', *almėti* 'течь, струиться', 'сочиться'), *Almenas, Almajas, Almajā*, лтш. *Almji, Almale* (курш. *Almalen*), прус. **alm-* в *Almoyn, Almoyn* при фрак. *Almus, Almo*⁴⁷ и многочисленных других производных в древнеевропейских гидронимах. На вероятное общиндоевропейское происхождение этих гидронимов, видимо, указывает и (также отмеченное в данной связи В. Блажеком) хет. *alalima-, alalam(m)a-* 'ответвление реки, канава' (в хеттско-аккадском словаре КВо I 35 хет. ID-aš alalimas = аккад. *hatidu* [hattitu] 'ответвление', в KUB XXXVI 68 I 9 в том же значении использовано ID-aš alalammaš, ср. это же сочетание, реконструируемое в КВо XVII I II 23); в хеттском слово использовалось и в специальной терминологии искусственного оро-

⁴⁴ Marpurgo Davies A., Hawkins J.D. A Luwian Heart // Anadolu Araştırmaları, 1986. 10. P. 359 ff. Позиция авторов сводится к предположению палатализации глухого смычного в позиции перед гласными переднего ряда, хотя они обсуждают и альтернативные решения.

⁴⁵ Кроме указанной выше литературы, балто-славяно-тохарские связи рассматриваются в следующих работах: Georgiev V.I. Introduction to the history of Indo-European languages. Sofia, 1981. P. 281-297. (chap. IX: Tocharian and Balto-Slavic); Fraenkel E. Tocharu kalbos gramatika ir baltu kalbos // Archivum philologicum, III. Kaunas, 1932; Fraenkel E. Zur tocharischen Grammatik // Indogermanische Forschungen, Bd. 50. 1932.

⁴⁶ Blažek V. Tocharian linguistics during last 25 years // Archiv Orientální, 1988. n. 7-9. О предшествующих этимологиях см.: Thomas W. Die Erforschung des Tocharischen (1960-1984). Stuttgart, 1985. S. 122.

⁴⁷ Топоров В.Н. Прусский язык: Словарь. А.-Д. М., 1975. С. 76-77.

шения (редупликация в *alali-ma* сопоставляется с др.-арм. *otot-* 'наводнение', *ototanem* 'покрываю водой'⁴⁸). Соединение редупликации с суф. **-m-* отмечается и в других архаических хеттских основах индоевропейского происхождения типа *lalukkima-* (от *lukk-* с редупликацией древнего перфектного типа).

Можно думать, что хет. *alal^h/i-ma-*, тох. В *āl-me* представляет собой старое производное со значением одного из специальных названий водоема, которое в древнеевропейском употреблении (после отказа от искусственного орошения, вызванного изменением экологических условий) сохранилось только в применении к естественным водным бассейнам.

А.А. ЗАЛИЗНЯК

ДРЕВНЕНОВГОРОДСКОЕ КОЙНЕ

Как известно, древняя Новгородская земля была заселена, помимо финноугорских племен, двумя славянскими племенами — псковскими кривичами и новгородскими (или ильменскими) словянами. В самом Новгороде и прилегающих к нему районах по крайней мере с IX в. осуществлялся интенсивный контакт между этими двумя племенами.

Анализ письменных памятников (в первую очередь берестяных грамот) в сравнении с показаниями современных говоров позволяет заключить, что между западными (т.е. кривичскими) и восточными (ильменско-словенскими) говорами древней Новгородской земли имелся ряд существенных языковых различий. При этом в контактной зоне, включавшей и сам Новгород, в течение ряда веков складывался особый смешанный тип говоров, в котором соединился ряд важнейших западных черт с частью восточных, а также развились и некоторые специфические черты. В XI — XII вв. он уже несомненно существовал. Именно он отражен в подавляющем большинстве берестяных грамот и может быть обозначен как древне-новгородский диалект в узком смысле.

В эпоху существования независимого Новгородского государства (XII — XV вв.) этот диалект, по-видимому, приобрел также функции общеновгородского койне, т.е. мог в той или иной мере использоваться во всех областях государства, в особенности в городах.

В настоящей работе, основанной главным образом на материале берестяных грамот, рассматриваются конкретные вопросы соотношения западных и восточных элементов (а также тех специфических черт, которые возникли в результате их взаимодействия) в составе древне-новгородского диалекта. Вопросы соотношения этого диалекта с диалектами Южной Руси и всего остального сла-

вянского мира мы здесь уже не касаемся (они рассмотрены в отдельной работе: Зализняк 1988). Соответственно, мы не останавливаемся также на таких чертах, как цоканье, взрывное [г] и др., которые характерны для всей древней Новгородской земли, хотя они и отличаются ее диалект, в частности, от Южной Руси.

При изучении древне-новгородского диалекта по берестяным грамотам необходимо отделить от основного массива этих грамот несколько малых групп, отражающих другие типы языка. Сюда относятся: 1) отрывки церковнославянских богослужебных текстов (N 128, 419, 652, не считая мелких фрагментов); 2) грамоты, ориентированные на церковно-книжные нормы (N 317, 487, 507, 605); 3) официальные документы с явными признаками ориентации на "стандартный" древнерусский язык (N 45, 318, 366, 519, 520 и некоторые другие); 4) инодиалектные (т.е. не новгородские по происхождению) грамоты (N 246, возможно, также две или три другие). Эти группы грамот мы в дальнейшем разборе, как правило, уже не принимаем во внимание.

Ниже приводится схематическая сводка важнейших фонетических и морфологических различий между западными (кривичскими) и восточными (ильменско-словенскими) говорами древней Новгородской земли. В заключительной графе сводки показано, какие явления выступают в соответствующих случаях в древне-новгородском диалекте в узком смысле.

Пометы типа "XI — XII", "XIII", "XIV — XV" огрубленно указывают период (слово "век" опускается). "Преобладание" означает, что соответствующее явление представлено примерно в 60 — 80% случаев, "господство" — более, чем в 80%. Редкие отклонения (в пределах 5% случаев) не учитываются вообще. Везде, где это не снижает точности, положение в древне-новгородском диалекте в узком смысле описывается просто отсылкой к предыдущим графам сводки (например: "зап. тип", "преобладание вост. типа").

Главная цель приводимой сводки состоит в том, чтобы представить основную часть накопленных в настоящее время сведений о диалектной ситуации в древней Новгородской земле в максимально компактном и обозримом виде. Понятно, что для этого пришлось пойти на некоторые огрубления, снять ряд уточнений и огорок, пожертвовать большинством указаний относительно большей или меньшей степени надежности данных по тому или иному пункту сводки и т.п. В настоящей статье мы не имеем возможности приводить обоснования для каждого пункта сводки; этому будет посвящена часть более обширной работы. Отметим лишь, что материал берестяных грамот, положенный в основу этой сводки, проанализирован (до грамоты N 614) в Лингв.

Отраженные в сводке сведения о диалектных особенностях западной зоны древней Новгородской земли основаны на показаниях древних памятников и современных говоров псковского, гдовского и отчасти прионежского регионов, сведения о восточной зоне — на соответствующих данных двинского, белозерского, вологодского и других восточных регионов. Следует учитывать, однако, что

⁴⁸ *Puhvel J. Hittite Etymological Dictionary. Vol. 1. 2. Berlin: New York: Amsterdam, 1984. P. 28.*

все соответствующие источники относятся к гораздо более позднему времени, чем основные источники по древненовгородскому диалекту в узком смысле (т.е. берестяные грамоты), и, вдобавок, из старых документов здесь до нас дошли в основном лишь такие, которые находятся под сильным влиянием официально-деловых или церковно-книжных норм. Поэтому сведения, приводимые в средних графах нашей сводки, как правило, более гипотетичны, чем данные о древненовгородском диалекте в узком смысле.

В рамках восточной зоны в ряде случаев оказалось необходимым выделить говоры, примыкающие к озеру Селигер (помета "селигерск."). Этот район находился в несколько особом положении: здесь, как и в самом Новгороде, рано начался тесный контакт между кривичскими и ильменско-словенскими племенами. Соответственно, в некоторых пунктах нашей сводки селигерские говоры обнаруживают компромиссные (а иногда и свои специфические) явления. В силу относительной близости Селигера к Новгороду эти явления, по-видимому, могли отчасти влиять и на язык Новгорода.

Формула типа "развитие от А к В" означает, что в рассматриваемом случае может быть реконструировано общее направление эволюции, но для установления хронологии перехода и его деталей материала недостаточно.

Специально отметим, что в морфологическом разделе предлагаемой сводки осуществившийся в части говоров переход *ѣ* в *и* не принимается во внимание, за исключением тех случаев, когда он ведет к совпадению двух конкурирующих вариантов окончания.

ВАЖНЕЙШИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В РАМКАХ ДРЕВНЕЙ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

	Западная зона	Восточная зона	Древненовгородский диалект в узком смысле
I. Фонетика			
1. *k, *g, *x "в позиции второй палатализации" (перед <i>ѣ</i> , <i>i</i>) и в составе сочетаний *kv, *gv, *xv перед <i>ѣ</i> , <i>i</i> , <i>ь</i>	к, г, х (фонетически [к'], [г'], [х'])	в корне: ц (=ч), з, с; на стыке основы и окончания: вероятно, восстановленные к, г, х	XI — XIII: зап. тип; XIV — XV: преобладание зап. типа
2. *vьx- 'весь'	vьx- (позднее заменяется на vьс-)	vьс- [вьс']	XI — XII: vьx-; XIII — XV: vьx- и vьс-
3. *tl, *dl	кл, гл	л	преобладание вост. типа
4. *tj, *dj	вероятно, [к'], [г']	ч (=ц), ж	вост. тип
5. *stj (и *skj), *zdj (и *zgj)	[ш'к'], [ж'г']	[ш'ч'] (= [с'ц']), [ж'дж']	вероятно, оба типа

	Западная зона	Восточная зона	Древненовгородский диалект в узком смысле
6. Сочетания типа *ьрт (*ьrlt, *ьrlt)	XI — XII: тьрт; XIII — XV: торот — торт в зависимости от позиции совпадение (в части говоров)	XI — XII: тьрт; XIII — XV: торп	зап. тип
7. Соотношение /с'/, /з'/ и /ш/, /ж/		несовпадение	господство вост. типа
8. Соотношение /р'/ и /р/		несовпадение	господство вост. типа
9. Реализация *ѣ		ѣ "склонно к е"	вероятно, преобладание вост. типа
10. Рефлекс сочетания *ьѣ после падения редуцированных	[ы], [ы], [ej] (по говорам)	[oj]	преобладание зап. типа
11. Сочетание /вл'/ (после XII в.)	[л]	[вл]	преобладание зап. типа
12. Сочетание /мл'/ (после XII в.)	[н'] (в части случаев)	[мл]	оба типа

II. Морфология

13. И. ед. муж. твердого о-склонения	-е (также перфект -ле)	-ѣ (также перфект -лѣ)	XI — XII: господство зап. типа; XIII — XIV: преобладание зап. типа
14. Имена мужчин с суффиксами -ѣк-, -хьн- (не женского морфологического рода)	тип -ѣк-е, -хьн-е (мужского морфологического рода)	тип -ѣк-о, -хьн-о (среднего морфологического рода)	господство зап. типа
15. Д. ед. о-склонения у имен лиц и имен родства	-у и -ови	только -у	XI — нач. XII: преобладание -ови (над -у); XII — XIII: господство -у; XIV — XV: только -у
16. Р. ед. твердого а-склонения	развитие от -ы к -ѣ (в части говоров)	-ы (но селигерск.: развитие к -ѣ)	XI — XII: -ѣ; XIII: господство -ѣ (над -ы); XIV — XV: преобладание -ѣ (над -ы)
17. Р. ед. мягкого а-склонения	развитие от -ѣ к -и (в большинстве говоров)	развитие от -ѣ к -и (но селигерск.: -ѣ)	XI — XII: господство -ѣ (над -и); XIII: преобладание -ѣ (над -и); XIV — XV: а) -и там, где ѣ > и; б) в прочих говорах -и и -ѣ

	Западная зона	Восточная зона	Древненовгородский диалект в узком смысле
18. Д.М. ед. твердого <i>a</i> -склонения	-ѣ (но в части говоров развитие к -ы)	-ѣ (но селигерск.: развитие к -ы)	XI — XIV: -ѣ; XV: господство -ѣ (над -ы)
19. Д.М. ед. мягкого <i>a</i> -склонения	-и	развитие от -и к -ѣ (но селигерск.: -и)	XI — XII: господство -ѣ (над -и); XIII: преобладание -ѣ (над -и); XIV — XV: а) -и там, где ѣ > и; б) в прочих говорах -и и -ѣ
20. М. ед. мягкого <i>o</i> -склонения	-и	развитие от -и к -ѣ	преобладание -ѣ (над -и)
21. И.В. мн. твердого <i>a</i> -склонения в сочетаниях с <i>три</i> , <i>четыри</i>	развитие от -ы к -ѣ (в части говоров)	-ы (но селигерск.: развитие к -ѣ)	только -ѣ
22. И.В. мн. твердого <i>a</i> -склонения (без <i>три</i> , <i>четыри</i>) и В. мн. муж. твердого <i>o</i> -склонения	развитие от -ы к -ѣ и -и (в части говоров)	-ы	XI — XII: преобладание -ѣ (над -ы); XIII — XV: -ѣ и -ы
23. И. мн. муж. твердого <i>o</i> -склонения	развитие от -и к -ы (но более медленное, чем в вост. зоне)	развитие от -и к -ы (но в перфекте всегда -ли)	XI — нач. XII: -и; XII — XIII: -и и -ѣ (но в перфекте только -ли); XIV — XV: -и и -ѣ (в перфекте -ли и -ѣ)
24. Р. ед. жен. твердого адъективного склонения	развитие от -оѣ к -ои (может быть, существовало и -ѣѣ)	-ыѣ и -оѣ (также -ые и -ое)	XI — XIII: -ѣѣ и -ѣи; XIV — XV: -ои
25. И.В. мн. жен. и В. мн. муж. (с XIV в. также И. мн. муж.) твердого адъективного склонения	предположительно -ыѣ и -ѣѣ (по говорам; со временем также -ыи)	-ыѣ (со временем также -ыи)	XI — XII: преобладание -ѣѣ (над -ыѣ); XIII — XV: -ѣѣ (-ѣи) и -ыѣ (-ыи)
26. Р. ед. 'се'	развитие от еѣ к еи	еѣ и ее	еи (отмечено с XII в.)
27. Р. ед. муж./сред. твердого местоименного (с XIV в. также адъективного) склонения	-ого	-ого и -ога	XI — XII: преобладание -ого (над -ога); XIII — XV: господство -ого (над -ога)
28. Косвенные падежи мн. числа местоимения <i>т-</i> (с некоторыми вариациями также <i>въх-</i> / <i>вс-</i> , <i>сам-</i> , <i>ин-</i> и др.)	развитие от местоименного склонения (модели <i>тѣхъ</i> и <i>тихъ</i>) к адъективному (<i>тыхъ</i>)	модель <i>тѣхъ</i>	XI — I пол. XIV: господство местоименного склонения (с преобладанием модели <i>тихъ</i>); 2 пол. XIV — XV: преобладание адъективного склонения (<i>тыхъ</i>)

	Западная зона	Восточная зона	Древненовгородский диалект в узком смысле
29. Д.М. 'тебе', 'себе'	<i>тобѣ</i> , <i>собѣ</i>	<i>тебѣ</i> , <i>себѣ</i>	XI — XIV: зап. тип; кон. XIV — XV: господство зап. типа
30. 3-е лицо ед. и мн. чисел презенса (без непосредственно следующего <i>са</i>)	-ть может отсутствовать	-ть сохраняется и может переходить в -ть	словоформы без -ть преобладают (причем в XI — XII вв. заметнее, чем в XIII — XV вв.)

Как можно видеть из приведенной сводки, древненовгородский диалект в узком смысле в большинстве пунктов оказывается сходным с западными говорами (особенно в ранний период). В меньшем числе случаев он сходен с восточными говорами; заметно, однако, что со временем удельный вес восточных черт в его составе увеличивается.

В нескольких случаях (пункты 16, 21, 22, 23, 24, 25) древненовгородский диалект в узком смысле обнаруживает более или менее существенные отличия как от восточных, так и от западных говоров, т.е. здесь произошло особое развитие. Соответствующие черты древненовгородского диалекта мы будем ниже обозначать как "центральные".

Как уже отмечено, в задачу настоящей работы не входит документальное обоснование всех сведений, включенных в сводку. Тем не менее нам все же представляется полезным сопроводить эту сводку несколькими замечаниями, связанными с материалом берестяных грамот, найденных после 1983 г. (т.е. не отраженных в Лингв.), а также с новыми достижениями в исследовании ранее известных грамот и других источников.

К пункту 2. К имевшемуся ранее материалу (Лингв., § 29) добавилась важная словоформа И. мн. муж. *вохе* <вѣхъ>¹ 'все', встретившаяся в берестяной грамоте N 670 (рубеж XII и XIII вв.).

К пункту 4. Проблема отражения праславянских сочетаний *ij, *dj в древнекривичском диалекте рассматривается в статье С.Л. Николаева (в настоящем сборнике).

К пункту 12. Переход *мл'>н'* в принципе сходен с хорошо известным новгородско-псковским переходом *вл'>л'* (типа *Арославль* > *Арослаль*). В обоих случаях сочетание согласных упрощается в единую согласную с утратой признака лабиальности. Для *вл'* это означает просто переход в *л'*; в *мл'* остается еще признак назальности, который накладывается на *л'* и превращает его в *н'*.

Переход *мл'>н'* представлен немногими, но достаточно яркими примерами. В берестяной грамоте N 227 (посл. треть XII в.) имеется словоформа *енюци*, для которой до настоящего времени не бы-

¹ В угловые скобки здесь и ниже заключается запись словоформы или морфемы в нормализованной орфографии, т.е. со снятием тех графико-орфографических особенностей, которые свойственны большинству берестяных грамот (подробнее см. Лингв., § 6).

до предложено никакого объяснения; она выступает в контексте: ... *цьсть енюци, пеюци, едоуци со Давыжею*. Разгадка в том, что перед нами словоформа *емлючи* с переходом *мл'>н'*; значение отрывка: "получая почет от Давыдовой жены, деля с ней питье и еду" (автор убеждает мать жить с невесткой).

Ручей в Новгороде, на Софийской стороне, в древнейшем его упоминании именуется *Къземль*: в Синодальном списке I Новгородской летописи под 1069 г. находим *оу Звъринца на Къземли*. Позднее, однако, он уже именуется *Гзень*: ср. *до Гзеня* в Комиссионном списке под 1391 г. (Толстовск. *до Гзена*, Воронцовск. *до Гозеня*), *до Гзени* в Комиссионном списке под 1414 г. (Академич. и Толстовск. *до Гзени*).

В северо-западных русских говорах известно слово *зень* 'земля' (см. СРНГ, вып. 11, с. 263); чаще всего оно выступает в сочетаниях *на зени* и *на зень*. Последнее сочетание отмечено в новгородских документах уже в XIV в.: *а с тыхъ порука на зен[ь]* ГВНП, N 17 (1372 г.; ср. в этой же грамоте: *а с тыхъ [че]лованье на земл[ю]*); *с тыхъ есмь спустиль на зень, что ни в которое веремя не поминать* ГВНП, N 45 (1373 г.). Из сравнения с рассмотренными выше фактами понятно, что и здесь мы имеем дело с переходом *мл'>н'*. Сочетание *на зени* прямо соответствует исконному *на земли*. Что касается словоформы *зень*, то здесь очевидно произошла замена *ja*-склонения на *i*-склонение под влиянием синонимичного *земь* (ср. *на земь*).

Прочие примеры диалектных слов с рассматриваемым фонетическим эффектом (по СРНГ): *крень* 'кремль', 'центр города' Нижегород. (ср. *кремль* 'каменный гостиный двор', 'центральная часть заводского поселения' Урал.); *крень* 'кремень для высекания огня' Олон., также 'упрямец' Олон., 'скупец' Арх. (ср. *крёмель*, *-мля* 'кремень' Челябин., Новосибир.); *крень* 'плотные, смещенные от центра слои древесины' Олон., Петерб., Арх., Эст. ССР, Латв. ССР, Якут., Том., 'дерево с большой, хрупкой древесиной' Арх., Ср. Урал. (ср. *крёмель*, *-мля* с практически теми же значениями — Том., Новосибир., Ср. Урал.); *креньвый* 'сделанный из смолистого дерева' Арх., Колым., 'жесткий, твердый, крепкий' (о дереве) Онеж. (ср. *кремлёвый* с теми же значениями — Волог., Ср. Урал., Сибирь); *коняга* 'выдолбленное из дерева корыто для кормления лошадей' Твер., *коняги* 'две лодки, соединенные вместе' Волог. (ср. *комляга*, *комяга* 'лодка, выдолбленная из одного дерева', 'выдолбленное из одного дерева корыто для кормления или поения скота' [во многих говорах], *комяги* 'две лодки-однодеревки, соединенные вместе' Южн., Вост., Пск., Твер., Брян.; таким образом, приведенные здесь слова *коняга*, *коняги* исторически не связаны со словом *конь*). Заметим, что у большинства приведенных слов, помимо вариантов с *мл'* и *н'*, отмечены также варианты с *м'* или *мн'*. Как можно видеть, варианты с *н'* представлены только в северо-западных, северных и сибирских говорах, причем чаще всего именно на северо-западе.

Показательно, что среди новгородских топонимов XV в., вошедших в НПК, встретились, с одной стороны, *Кремль*, *Кремлица*, *Кремлевь* (все в Бежецкой пятине), с другой — *Кренево* (4 раза),

Креневь, *Кренье*, *Кренично* (все в Шелонской в Деревской пятинах). Есть и ряд других топонимов, где можно предполагать переход *мл'>н'*, например, *Хоница* (наряду с *Хомля*), *Радонка* (наряду с *Радомле*) и т.п.

Особый интерес представляет топоним *Захонье*, встречающийся в НПК несколько десятков раз (но при этом практически только в рамках Шелонской пятины). Это не что иное, как слово *захолмье*, в котором произошла метатеза *л* и *м*, после чего осуществился рассмотренный выше переход *мл'>н'*. Метатеза относится здесь к очень раннему времени — до возникновения второго полногласия (которое на территории Шелонской пятины было вполне последовательным), т.е. до превращения *захълмье* в *захълмье*. Ср. метатезу (повидимому, правда, более позднюю) в топониме *Имлово* (Шелонская пятинка) — при сохранении *лм* (или *льм*) в *Имлово*, *Имловець*, *Имловикъ* (Бежецкая пятинка).

К пункту 13. В вопросе об окончании *-е* в И. ед. весьма важен следующий факт. Выступающая в грамоте Ст. Р. (= Старая Русса) 12 (1-я пол. XII в.) словоформа *кето* 'кто', в которой написание *е* после *к* не имело до сих пор объяснения, в действительности представляет собой не что иное, как *к-* (корень)+*-е* (окончание)²+*то* (постпозитивная частица); ср. стандартное *к-ь-то*, которое отличается от *к-е-то* только тем, что здесь представлено обычное окончание И. ед. муж. *-ь* (а не диалектное *-е*). Заметим, что *кето* в грамоте Ст. Р. 12 является единственным примером словоформы 'кто' в берестяных грамотах XI — XIII вв., т.е. стандартное *къто* в ранних берестяных грамотах вообще не засвидетельствовано.

С введением словоформы *кето* в список ныне известных древне-новгородских словоформ с окончанием И. ед. *-е* отпадают последние сомнения в том, что перед нами чрезвычайно древнее явление. В самом деле, словоформа *къто* (*кето*) очень рано утратила морфологическую членимость, т.е. *ь* (или *е*) перестало осознаваться здесь как окончание. Разбор гипотез о происхождении оканчания *-е* и причинах отсутствия перед ним эффекта первой палатализации см. в работе: Зализняк 1988.

К пункту 16. С учетом материала берестяных грамот, найденных после выхода работы Лингв., и дополнительного исследования ряда уже известных грамот данные по Р. ед. твердого *а*-склонения для ранних (XI — нач. XIII в) берестяных грамот выглядят так. Имеется более 80 надежных примеров с окончанием *<-ь>* (в т.ч. 35 примеров без предлога, прочие — с предлогом), в частности: *исти-нъ*, *коунъ*, *вире*, *оу Доушилъ*, *ω^тНъжеке* и т.д. Окончание *-ы* в эту эпоху — чрезвычайная редкость. Вполне показательным можно считать в сущности лишь один пример: *тощины* 'убытка' N 222 (нач. XIII в.). Пример *ω^т Гостаты* N 9 (кон. XII в.) представлен в грамоте, имеющей признаки книжной ориентации (кроме того, эта грамота почти наверное пришла в Новгород издалека и, возможно,

² В графической системе, отраженной в грамоте Ст. Р. 12, буква *е* может воплощать *<е>*, *<ь>* и *<ь>*; однако прочтения *<къто>* и *<къто>* не допускают никакого правдоподобного объяснения.

не имеет отношения к древненовгородскому диалекту). Пример *от Твьрьдиль* N 231 (2-я пол. XII в.) не совсем надежен, поскольку можно лишь предполагать, что конечное *ь* стоит здесь вместо *ы*. Наконец, *полоу паты гривны* N 246 (XI в.) вообще не может приниматься в расчет, поскольку грамота N 246 — заведомо не новгородская (вероятно, смоленско-полоцкая, см. Лингв., § 75)³. Таким образом, полное господство окончания Р. ед. -ѣ в древненовгородском диалекте XI — XII вв. несомненно.

К пункту 17. В берестяных грамотах XI — нач. XIII в. в Р. ед. мягкого а-склонения окончание <-ѣ> отмечено к настоящему времени в 20 надежных примерах (*тажѣ, пшеницѣ, выкъш, со земле, ж Олекшѣ, ж Захарѣ* и др.) и еще в 6 примерах, где возможны сомнения относительно твердости или мягкости основы и т. п. Полноценный пример с окончанием -и всего один: *оу Даньши* N 336 (1-я треть XII в.; грамота с восточноновгородскими диалектными чертами). Пример *оу господини* N 84 (10-е — 30-е гг. XII в.) в данном вопросе непоказателен, поскольку склонение слов на -*ини* практически во всех восточнославянских памятниках обнаруживает заметное влияние *i-feminina* (ср. Шахматов 1957, с. 82, 292).

К пункту 19. В Д. М. ед. мягкого а-склонения в этот же период окончание <-ѣ> представлено 9 надежными примерами (*къ... Исоухѣ, ко Гавошѣ, къ Прокшѣ, к Алдиме, въ дѣложеницѣ, въ... коробье* и др.) и еще 6 примерами, где возможны сомнения относительно твердости или мягкости основы и т. п. Надежный пример с окончанием -и лишь один: *ко Съвиш* N 682 (2-я пол. XII в.). Пример *о дѣтши* из обрывочной грамоты N 428, рассматривавшийся в Лингв., § 51, по-видимому, должен быть исключен, так как фрагмент допускает и другие членения (в частности, *одѣтши и*).

Как видно из приведенных сведений, накопленный к настоящему моменту материал ранних берестяных грамот заставляет нас признать для древненовгородского диалекта XI — XII вв. полное господство системы типа Р. ед. *кунѣ, землѣ*, Д. М. ед. *кунѣ, землѣ* — с обобщением единого окончания -ѣ во всех этих четырех морфологических позициях (отметим, что к моменту написания работы Лингв. для столь четкого вывода материала еще было недостаточно).

К пунктам 22 и 23. Материал новонайденных берестяных грамот показал, что проникновение окончания -ѣ в В. мн. и И. мн. муж. твердого о-склонения относится к более раннему времени, чем предполагалось прежде. Приводим весь имеющийся в настоящий момент материал берестяных грамот XI — нач. XIII в.

Окончание <-ѣ> в В. мн. муж.: *абетенике* Ст. Р. 12. (1-я пол. XII в.), *во намѣ <въ намѣ> 'в проценты'* N 665 (кон. XII в.), *со цетыри безмене* N 439 (рубеж XII и XIII вв.). В примерах *къльтькѣ цетыри* N 335 (60-е — 70-е гг. XII в.) и *во три колотокѣ* N 644 (20-е — 30-е гг. XII в.) не выяснен род существительного (мужской или женский). Из других ранних источников отметим В. мн. *пирогѣ* в надписи N 203 новгородского Софийского собора (Медынцева 1978) и В. мн. *горо-*

дѣ черниговскѣ, и инык городѣ мнозѣ черниговскыкѣ в Синодальном списке I Новгородской летописи под 1214 г.

Окончание <-ѣ> в И. мн. муж.: *4 золотыникѣ* N 644 (возможно, В. мн., но скорее И. мн.), *цѣтьри бѣрьковскѣ* N 630 (2-я четверть XII в.), *Коростокине 'Коросткины [дети]'* N 663 (2-я пол. XII в.), *4 сѣро[ц]ѣ[ке]* N 649 (конец XII в.), *сѣроцѣ[к]ѣ* (оторвана цифра 3 или 4) N 650 (то же время), *оперьсникѣ, п[о]к[ро]вѣ* N 648 (то же время), *колобаге* N 222 (нач. XIII в.).

Окончание -ы в В. мн. муж., если не считать *навѣты* N 507 в грамоте церковного характера, в рассматриваемый период встретилось только в примере *на сѣводѣ* N 109 (рубеж XI и XII вв.). Не исключено, впрочем, что грамота N 109 имеет неновгородское происхождение. Таким образом, вполне надежных примеров В. мн. -ы в ранний период нет вообще (первый такой пример: *про сигѣ* N 147 — относится ко 2-й четверти XIII в.).

Окончание -и в И. мн. муж.: *смырьди* N 247 (XI в.), *сторови* N 424 (1-я четв. XII в.), *въжники* N 550 (посл. треть XII в.), *роди* N 9 (кон. XII в.; см., однако, об этой грамоте выше), *(ст)[орови]* N 670 (рубеж XII и XIII вв.). В перфекте в ранних грамотах отмечено только -*ли* (11 примеров: *крили, звонили, били, побѣгли* и т. п.).

Из приведенного материала видно, что в древненовгородском диалекте в В. мн. мужского рода окончание -ѣ, возможно, с самого начала письменной эпохи уже преобладало, тогда как в И. мн. оно стало распространяться позже; в частности, в XII — XIII вв. оно еще не проникло в перфект (первые перфекты мн. числа на -*лѣ*, типа *поминалѣ, носилѣ*, появляются в берестяных грамотах лишь в начале XIV в.).

Исходя из приведенной сводки, можно выделить (для каждого периода) языковые явления, типичные и нетипичные для Новгорода. Типичные — это те, которые указаны (для данного периода) в графе "древненовгородский диалект в узком смысле" как единственные, господствующие или преобладающие или хотя бы как представленные наравне с конкурирующим явлением. Соответственно можно оценивать конкретные берестяные грамоты по степени их близости к наиболее типичной для Новгорода форме диалекта. Разумеется, имеет смысл оценивать в этом отношении лишь те грамоты, где имеется материал хотя бы по нескольким пунктам нашей сводки.

Ниже при разборе конкретных грамот представленные в грамоте явления подразделяются на рубрики: *зап.* — западного происхождения; *вост.* — восточного происхождения; *центр.* — центрального происхождения (см. выше). Наличие -*ть* в презенсе квалифицируется как черта "преимущественно восточного" происхождения.

Группа I (основная): в конкретной грамоте во всех пунктах нашей сводки, по которым грамота содержит необходимый материал, выступает типичное для Новгорода явление. Эта группа берестяных грамот представляет древненовгородский диалект в его наиболее чистом виде. Приведем примеры.

N 247 (XI в.). Зап.: *к* в *къле* 'цел', *кълѣ* 'целы'; *брь, брь* в *смырьди*,

³ Примеры из грамот N 84 и 548, обсуждавшиеся в Лингв., § 50, при дополнительном обследовании этих грамот отпали.

смырда; -е в И.ед. *замьке, кѣле*; отсутствие -ть в *не дѣе*. Центр.: -ѣ в И.мн. жен. *кѣлѣ*.

№ 644 (20-е — 30-е г. XII в.). Зап.: <ѣ> в *колотокѣ*; -ле в *водале* 'дал'; М.дв. *тию* 'в тех двух' (вместо исконного *тою*, с -и-, перенесенный из *тихъ, тимь, тима*); Д. *тобѣ*. Центр.: <-ѣ> в Р.ед. ѿ *Нѣжеке*; -ѣ в В.мн. *во три колотокѣ*; -ѣ в И.мн. *4 золотникѣ*.

№ 422 (сер. XII в.). Зап.: отсутствие -ть в *са вама поклана* 'кланяется вам двоим'. Вост.: <-ѣ> в Д.ед. *ко Гавошь*. Центр.: <-ѣ> в Р.ед. ѿ *Мѣстѣть*.

№ 105 (сер. XII в.). Зап.: -е в И.ед. *Лазьке*; -ле в *казале, приходиле, възале*; Р.мн. *тихъ* 'тех'. Вост.: -ѣ в М.ед. *Переаславѣлѣ* (сохранение в этой словоформе сочетания *вл* ввиду ранней даты, по-видимому, еще не должно здесь рассматриваться как восточная особенность).

№ 657 (2-я пол. XII в.). Вост.: <-ѣ> в Д.ед. к *Алдимие*; преимущественно вост.: -ть в *соуть*. Центр.: <-ѣ> в Р.ед. ѿ *Пелаге, стѣе дѣла Варьвре, стѣе Варьварь*; <-ѣѣ> в Р.ед. жен. *стѣе, стѣе*.

№ 663 (2-я пол. XII в.). Зап.: -е в И.ед. *Милоке, Ѣнеге, Невиде*. Вост.: л (не гл) в *рала* (Р.ед. от *рало* 'плуг', также 'налог на плуг'). Центр.: <-ѣ> в Р.ед. *гривене, кѣне, девять <-тѣ>*; <-ѣ> в И.мн. муж. *Коростокине*.

№ 638 (кон. XII в.). Зап.: <ѣ> в *корозьно*; <-ле> в *шилѣ*; Д. *со[бѣ]*. Вост.: -ы в И.В. мн. *коуны*. Центр.: <-ѣ> в Р.ед. *оу Микитѣ*.

№ 510 (1-я пол. XIII в.). Зап.: <-е> в И.ед. *Домажирѣ, пороуцѣ*; <-ле> в *сталь, побьглѣ*. Вост.: л (не гл) в *розвьли*. Центр.: <-ѣ> в В.мн. *кобыль*.

№ 220 (40-е — 70-е гг. XIII в.). Зап.: *оро* в *2 горошка* 'два горшка'. Вост. <-ѣ> в М.ед. (сред.) *на Церменце*. Центр.: <-ѣ> в Р.ед. в *Нездыле, ѣ старосте, ѣ Кюриле, ѣ Манвиле*; ср. также *поло деже пшенице*.

№ 141 (70-е гг. XIII в.). Зап.: -е в И.ед. *кожюхе*; -ле в *положиле*. Вост.: последовательный переход ѣ в и⁴; преимущественно вост.: <-тѣ> в *са подите* (<подѣтъ> 'сделается', 'случится' (также в *възмете*, если это 3 л. ед.ч.). Центр.: -и<-ѣ> в И.мн. (жен.) *тоболи Костини*; вероятно, то же в Р.ед. *Гришки, оу Ладонги* (менее вероятно, судя по датировке, что -ки, -ги здесь из -кы, -гы).

№ 411 (80-е гг. XIII в. — нач. XIV в.). Зап.: <-ле> в *аль*; отсутствие -ть в *будѣ <-де>, оть блюдѣ <-де>*. Вост.: <-ѣ> в Д.ед. к *Оксьне*.

№ 53 (10-е — 30-е гг. XIV в.). Зап.: -ле в *покосиле*; -ои в Р.ед. жен. *купнои*; отсутствие -ть в *поведе*. Вост.: -ѣ в Д.ед. к *Марьѣ*. Центр.: -ѣ в Р.ед. *грамотѣ*.

№ 272 (70-е гг. XIV в.). Зап.: -е в И.ед. *полохе*; <-ле> в *погубиль, пометаль, розроньлѣ*; -ы в В.ед. муж. *други*; отсутствие -ть в *буде*. Вост.: -ѣ в М.ед. *на одиномо конѣ*.

№ 178 (80-е — 90-е гг. XIV в.). Зап.: -е в И.ед. *Максима, Иване*;

-ле в *купиле, быле*; -и (<-ы>) в И.ед. муж. *Широки*, В.ед. муж. *Щерски*. Вост.: переход ѣ в и в окончаниях. Центр.: -и (<-ѣ>) в В.мн. *сироти*.

№ 125 (рубеж XIV и XV вв.). Зап.: М. *при собѣ*. Вост.: -ѣ в Д.ед. *Прибышѣ*; -ы в В.мн. *куны*. Центр.: -ѣ в Р.ед. ѿ *Маринѣ*.

Письма Есифа (№ 19, 122, 129 — 1-я четверть XV в.). Зап.: <-е> в И.ед. *дворанине, приставе, Филисть, хлѣбе, саме*; <-ле> в *позывале, прислалѣ*; Р. у *куи*; Д. *тобѣ*; отсутствие -ть в *хоце, поцьне, буде, су 'суть'* (при сохранении -сть в *кестѣ*). Вост.: л (не гл) в Р.ед. *мѣла <мыла>*; частичный переход ѣ в и в окончаниях. Центр.: -ѣ в Р.ед. *до Водѣлѣ*; -и (<-ѣ>) в В.мн. *овьцини*; -ѣи в И.мн. муж. *сухѣи*.

Группа II: в конкретной грамоте наряду с чертами, характерными для группы I (в том числе хотя бы некоторыми западными или центральными), выступают также нетипичные для Новгородса черты восточного происхождения. Приведем несколько примеров.

№ 550 (посл. треть XII в.). Зап.: <-ле> в *молвилѣ*; -еви в Д.ед. *Матъевѣ <-тѣ>*. Вост.: -ѣ в И.ед. *Готиль*; преимущественно вост.: -ть в *боудѣть*. Центр.: <-ѣ> в В.мн. *цетыри гривне*.

№ 82 (посл. четверть XII в.). Зап.: *брь* в *върьшь* 'верхом'; отсутствие -ть в *оти выволоци* 'пусть вытащит'. Вост.: -ега в Р.ед. муж. *моега*. Центр.: <-ѣ> в В.мн. *доскъ*.

№ 531 (рубеж XII и XIII вв.). Зап.: <ѣ> в *молови, возмолови*; -еви в Д.ед. *моужевѣ*; Р. *еи 'ее'*; Д. *тобе <-ѣ>*; отсутствие -ть в *возмолови 'скажет', боудоу 'будут'*. Вост.: л (не гл) в *возвело*; <-ѣ> в И.ед. *Коснатино, Ѡдо, оно 'он'*; <-лѣ> в *возложило, назовало, выгонало, хотело, возвело, позовало, поехало*; -ы в В.мн. *коуны*. Центр.: <-ѣ> в Р.ед. ѿ *Ане*.

№ 218 (70-е гг. XIII в.). Зап.: -е в И.ед. *наме* 'процент'. Вост.: <-лѣ> в *недоплатило*; -ы в Р.ед. в *Воилы, полоть поцты, полоть почты* (наряду с <-ѣ>). Центр.: <-ѣ> в Р.ед. в *Манвиле, кроме поцте* (наряду с -ы).

№ 142 (нач. XIV в.). Зап.: -е в И.ед. *саме*; -ыи в В.ед. муж. *голубьи*; Д. к *тобѣ*; отсутствие -ть в *пришле, не кладе, не възме, пришлю* 'пришлют'. Вост.: -лѣ в *дѣкнчалѣ*; -ы в И.В.мн. *наклады*. Центр.: <-ѣ> в Р.ед. ѿ *Маркъ, съѣлѣ*.

№ 589 (сер. XIV в.). Зап.: отсутствие -ть в *доспѣе*. Вост.: -ы в Р.ед. ѿ *Жилы* (наряду с -ѣ); -ѣ в М.ед. *в рублѣ*. Центр.: -ѣ в Р.ед. ѿ *Жилѣ* (наряду с -ы).

№ 310 (10-е — 20-е гг. XV в.). Зап.: Д. *тоби*; отсутствие -ть в *биѣ 'бьет', хотѣ 'хотят', бию 'бьют'*. Вост.: переход ѣ в и в окончаниях; -ѣ в И.ед. *паробокѣ*. Центр.: -и (<-ѣ>) в Р.ед. *жалоби, жалуби*.

В особую маленькую подгруппу II^а (насчитывающую всего несколько грамот) можно выделить грамоты, отличающиеся от группы II только тем, что здесь отмечены также нетипичные для Новгородса черты западного происхождения.

Пример: № 169 (рубеж XIV и XV вв.). Зап.: *кл* в *кльщѣ* 'лещ'; -е в И.ед. *Онтане, Стопане*; -ле в *послале*; -ы в В.ед. муж. *цетвортѣ*. Вост.: -ы в Р.ед. *с Василевы рыбы*. Центр.: -ѣ в И.мн. муж. *Василевѣ*.

В группу III входят грамоты, где отмечены нетипичные для

⁴Здесь и ниже указание типа "последовательный (или частичный) переход ѣ в и" следует понимать как сокращение более точной, но слишком длинной формулировки: "такой тип смещения букв ѣ и и, который позволяет предположить полный (или частичный) переход фонемы /ѣ/ в /и/".

Новгорода черты восточного происхождения (обычно наряду с типичными) и при этом не отмечено ни западных, ни центральных черт. Иначе говоря, это грамоты, о которых можно предполагать, что они отражают несмешанные восточные говоры. Понятно, что малые грамоты, содержащие материал лишь по одному или двум пунктам нашей сводки, недостаточно показательны: они могли попасть в данную группу (а не в группу II) случайно. Если их не учитывать, то в группе III остается лишь с полдесятка грамот.

Пример: N 196 (нач. XIV в.). Вост.: *с* в *всѣ*; *-ль* в *реклѣ*, *быль*; *-ы* в И.мн. жен. *добры*.

Замечание. Поскольку большинство восточных черт просто совпадает с соответствующими чертами "стандартного" древнерусского языка, в ряде случаев остается неясным, отражает ли некоторая словоформа живой диалект восточного типа или писавший здесь просто хотел соблюсти официально-деловую форму. Для пергаменных грамот (как правило носящих официальный характер) мы практически везде должны признавать возможной вторую причину. Для берестяных грамот чисто бытового содержания более естественно предполагать первую причину. Но необходимо учитывать всё же, что из-за указанной трудности выявление грамот группы III (отчасти также группы II) оказывается не вполне строгой операцией.

В группу IV входят грамоты, где отмечены нетипичные для Новгорода западные черты и нет нетипичных для него восточных черт. Таких грамот всего несколько.

Пример: N 682 (2-я пол. XII в.) Зап.: смещение *з* и *ж* в *во борожь* 'скоро', 'тотчас' (вместо *<въ бъръжь>*), а также *оро* в этом же примере; *<-ле>* в *вдалѣ*, *выдалѣ*; *<-еви>* в Д.ед. *Михальви*; *-и* в Д.ед. ко *Съвиш*. Центр.: *<-ѣ>* в В.мн. *З резане*.

Важные результаты дает применение предложенной выше классификации к тем берестяным грамотам, про которые известно, в каком пункте Новгородского государства (вне Новгорода) они написаны.

Большинство таких грамот попадает в группу I.

Таковы прежде всего почти все грамоты из Старой Руссы (Шелонская пятина), содержащие необходимый материал, а именно: Ст. Р. 5 — 8, 11 — 16, 18, 19, 21, 22 (XII в.) и Ст. Р. 2 (1-я четверть XV в.).

Особенности перечисленных рушанских грамот XII в. Зап.: *с* в [з]вѣздѣкъ 'звездочки'; *<ъль>*, *<ьль>*, *<ьрь>* в *мъльви*, *жьльтоѣ*, *моловила*, *Деретокѣ*; *-е* в И.ед. *кетѣ* 'кто', *самѣ*, *Акимѣ*; *-ле* в *розроубилѣ*; *-еви* в Д.ед. ко *Василевѣ*. Преимущественно вост.: *-ть* в [ходи]ть. Центр.: *<-ѣ>* в Р.ед. в *Микълѣ*, *ѡ^т Дѣдилѣ*, *оу Ильикѣ*, *оу Коснилѣ* и т.п. (не менее 22 примеров); ср. то же окончание при мягкой основе — *ж Олекшѣ*, *оу Клопоушѣ*; *<-ѣ>* в сочетании *З рѣзанѣ*, *цѣтыри коуне* и т.п.; *<-ѣ>* в И.мн. [з]вѣздѣкъ и в В.мн. *абетенке*; *<-ѣѣ>* и *<-ѣи>* в Р.ед. жен. *оу Оръшинѣ*, *оу Боришьковѣ*, *оу Таишинѣ*, *оу Нъжатъкыни* и др. (13 примеров); *-ѣѣ* в И.мн. жен. *великѣѣ*.

Вероятно, к группе I должна быть отнесена также грамота Ст. Р. 20 (1-я пол. XII в.). Зап.: *-е* в И.ед. *бърковьске* (7 раз). Центр.: *<-ѣ>* в Р.ед. *оу Малатѣ*, *оу Вь-орѣ*, *оу Къръгѣ*, также *оу Лъбынѣ*, *оу Не-ерешѣ*. Трудность в том, что *бърковьске*, *-а* регулярно записывается здесь

с *ьр* (а не *ьрь*), ср. также *ьр* в *Къръгѣ*. Если перед нами фонетическая запись, то здесь представлена нетипичная для Новгорода восточная черта (и тогда данная грамота попадает в группу II). Можно предполагать, однако, что писавший просто соблюл в этом пункте книжную орфографическую норму (грамота написана очень тщательно, почти без отклонений от книжной орфографии; использованы также сложные знаки препинания, характерные для книг).

Сходные трудности возникают при оценке грамоты Ст. Р. 10 (2-я пол. XII в.). Зап.: отсутствие *-ть* в *скорбѣ* 'скорбят'. Вост.: *<-ѣ>* в Д.ед. ко *Онание*. Центр.: *<-ѣ>* в Р.ед. *ѡ^т Ариль*. Эта совокупность черт соответствует группе I. Но сверх того в грамоте имеется словосочетание *обыша нь пакостил* 'чтобы не пакостил' (или, может быть, 'чтобы не пакостили'). Если здесь представлено именно ед. число и если на конце словоформы *пакостил* опущена буква *ѣ* (а не *е* и не *и*), то грамота попадает в группу II.

Ст. Р. 2 (1-я четверть XV в.). Зап.: *-е* в И.ед. *просолѣ* 'малосольная рыба'; отсутствие *-ть* в *проса* 'просят', *хота* 'хотят'. Вост.: переход *ѣ* в *и*. Центр.: *-и* (*<-ѣ>*) в Р.ед. *ѡ^т Кузми*.

Завещание Ульяны (грамота N 580, середина XIV в.) написано, по-видимому, близ Налючей на реке Поле (Деревская пятина). Зап.: *-е* в И.ед. *свекре*; *-ле* в *далѣ*. Вост.: *<-ѣ>* в М.ед. (сред.) в *Здаръвекѣ*. Заметим, что в документе отразилась характерная для западной зоны утрата начальной гласной в *по бѣ стърнѣ* (*<по обѣ>*), а в топониме *Здаръвекѣ* — также аканье.

Грамота N 610 (посл. треть XIV в.) происходит из Бельского погоста Деревской пятины, находящегося в среднем течении Мсты (менее вероятно — из одного из двух Бельских погостов Шелонской пятины). Материала мало. Зап.: *-ле* в *далѣ*, *поставилѣ*; Д. *тобѣ*, *собѣ*.

Жалоба карел Новгороду (грамоты N 248 и 249; вероятно, 1396 г.) написана в Водской пятине (русским писцом). Зап.: *<-е>* в И.ед. *лопинѣ*, *Микулинѣ члѣкъ*, *Кирежѣ*; *<-ои>* в Р.ед. жен. *нѣмечкой*; И.мн. *на тых жѣ*. Вост.: полный или частичный переход *ѣ* в *и*; преимущественно вост.: *-ть* в *бють*. Центр.: *-ѣ* в Р.ед. *с... половинѣ*, *оу Ігалѣ*, *оу Микитѣ* (из-за смещения *ѣ* и *и* не вполне показательны перфекты на *-лѣ* типа *пограбилѣ* и И.мн. *севилакшанѣ*). Отметим также характерное в первую очередь для западной зоны смещение *ѣ* и *оу*, например, *взалѣ* и *оузальѣ*.

Грамота N 359 (1-я четверть XV в.) написана, по-видимому, в какой-то местности (Водской или Обонежской пятины) неподалеку от Ладоги. Зап.: *х* в *вхыхѣ* (наряду с *с* в *о всѣмѣ*); *-е* в И.ед. *Василке*; *-ле* в *порадилѣса*, *свезлѣ*; *-ыхѣ* в *вхыхѣ*. Вост.: *с* в *о всѣмѣ* (наряду с *х* в *вхыхѣ*). Как и в грамотах N 248 и 249, отмечено смещение *ѣ* и *у*: *у Ладогу* 'в Ладогу'.

Грамота N 279 (70-е гг. XIV в.) написана на Пашозере (к северо-востоку от Тихвина; Обонежская пятина). Зап.: *<-и>* в Д.ед. ко *Шнаниѣ* Вост.: *с* в *всѣхѣ*; *ѣ* в *всѣхѣ*. Центр.: *-ѣ* в Р.ед. *ѡ^т старостѣ* *ѡ^т Михалѣ*.

Грамота N 2 (80-е — 90-е гг. XIV в.) содержит список должников,

живущих у Водлозера (к востоку от Онежского озера; Обонежская пятинка), и, вероятно, написана там же. Зап.: *ц* как способ передачи [ш'к'] в *Матеци*. Вост.: частичный переход *ѣ* в *и* в окончаниях. Центр.: <ѣ> в Р.ед. *Фомѣ*, *Жидили*, *Гостили*. Характерно употребление беспредложного локатива, который в эту эпоху существовал, по-видимому, лишь в зонах контакта русского населения с финноугорским: *Гугморонаволоки* 'на Гугмор-наволоке', *Воликомо Островѣ*.

Несколько берестяных грамот рассматриваемой категории попадает в группу II.

Грамота N 130 (10-е гг. XV в.) происходит из Бежецкой пятинки. Зап.: *-е* в И.ед. *Нестерке*; отсутствие *-ть* в *не хоче*. Вост.: частичный переход *ѣ* в *и*; *-ы* в Р.ед. *Вавулы*; *-ык* в И.мн. муж. *которык*.

Грамота N 307 (2-я четверть XV в.) происходит, по-видимому, из Избоишского погоста Бежецкой пятинки (к западу от Устюжны; см. Янин 1986, с. 245). Зап.: *-ле* в *печатале*; отсутствие *-ть* в *бѣю* 'бьют' (наряду с *-ть*). Вост.: частичный переход *ѣ* в *и*; сохранение *вл* и *авляютса*; *-ѣ* в И.ед. *дѣакъ* 'дьяк' (если эта словоформа правильно интерпретирована); *-ыи* в И.мн. жен. *ложивыи*; преимущественно вост.: *-ть* в *перепѣсықывають* (наряду с отсутствием *-ть*).

Грамота N 361 (рубеж XIV и XV вв.) написана в Шиженском погосте Обонежской пятинки (к северу от Тихвина). Зап.: *ере* в *верешъ* 'хлеб', 'зерно'; отсутствие *-ть* в *дать... не гнеж* 'пусть не гниет'. Вост.: *-ы* в Р.ед. *исправы*.

Грамота N 540 (XV в.), по-видимому, написана неподалеку от Порхова (Шелонская пятинка). Зап.: *-е* в И.ед. *-ане* (конец словоформы типа *Иване*, *Степане* и т.п.). Вост.: *-ль* в *доконцаль*.

В грамоте N 23 (рубеж XIV и XV вв.) управляющий докладывает феодалу о посещении деревни Пустопержа (в Которском погосте Шелонской пятинки, в верхнем течении Плюсы); вероятно, грамота написана в том же погосте. Зап.: <*-е*> в И.ед. *самъ*, *Пантьликъ*; <*-ле*> в *видль* (наряду с <*-ль*>). Вост.: частичный переход *ѣ* в *и*; <*-ль*> в *было*, *роздило* (наряду с <*-ле*>).

Наконец, следующие грамоты попадают в группу III.

Грамота N 314 (70-е — 90-е гг. XIV в.) написана в Обонежской пятинке неподалеку от Тихвина. Вост.: переход *ѣ* в *и*; *-ѣ* в И.ед. *человѣкъ добръ*; *-о* в И.ед. *Мѣкъфорко*; *-ль* в *велль*, *чюль*; преимущественно вост.: *-ть* в *хъцъть*.

Грамота N 311 (рубеж XIV и XV вв.) написана в Черенском погосте Бежецкой пятинки (к западу от Устюжны). Вост.: <ѣ> в И.ед. *человѣко*, *волено* 'волен' (не говоря уже о *бѣ* = *богъ*); *-еи* в И.ед. муж. (мягкого варианта) *сусѣднеи*; преимущественно вост.: <*-ть*> в *биуте*.

Там же написана грамота N 157 (10-е гг. XV вв.). Вост.: сохранение *вл* в *переставивати*; *-ѣ* в И.ед. *ключникъ*; *-ль* в *велль*; *-ть* (причем с *ѣ*, а не с *ѣ*) в *велить*, *биуть*.

В Бежецкой пятинке написана также грамота N 313 (1-я четверть XV в.). Вост.: *-ѣ* в И.ед. *Глѣбъ*; <*-ци*> в И.мн. муж. *смердыньский*; преимущественно вост.: *-ть* в *бьютъ*.

Проведенный выше разбор значительного числа конкретных берестяных грамот позволяет читателю непосредственно убедиться в том, что определенные западные и определенные восточные черты, а также ряд специфических "центральных" черт, не просто широко распространены в общем массиве берестяных грамот, а весьма часто сочетаются друг с другом в рамках одной и той же грамоты (и это при том, что длина берестяной грамоты обычно очень невелика). Иначе говоря, необходимо признать существование особого "усредненного" типа говоров, определенным образом соединившего в себе черты разного происхождения.

Если бы Новгород представлял собой просто точку соприкосновения носителей разных (не смешивающихся между собой) говоров, скажем, западных и восточных, картина была бы иной: все берестяные грамоты четко распались бы на западный и восточный диалектные типы. В действительности как мы видели, подобные "чисто западные" или "чисто восточные" грамоты составляют в общем массиве грамот лишь незначительное меньшинство и, вдобавок, для части из них видимая диалектная чистота может объясняться просто бедностью материала, т.е. быть иллюзорной.

Далее, разбор точно локализованных грамот показывает, что "усредненный" древненовгородский диалект (в вариантах, соответствующих группам I и II) мог употребляться во всех пяти новгородских пятинках.

С другой стороны, очевидно, что в берестяных грамотах могли отражаться и некоторые частные локальные особенности, несвойственные или малосвойственные основному варианту древненовгородского диалекта. Особенно показателен здесь тот факт, что все точно локализованные грамоты, попадающие в группу III, т.е. отражающие "чисто восточный" тип, относятся к восточной кромке основной территории Новгородского государства — Бежецкой и отчасти Обонежской пятинкам. Заметим, что локализованные грамоты, попавшие в группу II, тоже преимущественно происходят из этого же района.

Таким образом, "усредненный" древненовгородский диалект не был, конечно, чем-то совершенно монолитным: в определенных пределах в нем существовало варьирование, отражавшее частные различия между местными говорами.

Анализ, основанный на материале берестяных грамот, можно попытаться продолжить на материале некоторых провинциальных (с точки зрения Новгорода) пергаменных грамот. Таков прежде всего хорошо известный массив двинских грамот XV в.

Почти по всем пунктам предложенной выше сводки двинские грамоты обнаруживают явления восточного типа (это и неудивительно, если учесть, что сами эти грамоты послужили одним из важных источников сведений о восточных говорах древней Новгородской земли). Для наших целей, однако, наибольший интерес представляют как раз те особенности двинских грамот, которые отклоняются от "чистого" восточного типа и сближают эти грамоты с памятниками древненовгородского диалекта в узком смысле.

Прежде всего среди грамот, относимых к Двине, имеется несколько таких, которые можно рассматривать просто как памятники древненовгородского диалекта в узком смысле (с примесью элементов официально-делового языка), а не двинского говора.

В частности, грамота ГВНП N 130 (рядная Василия Федорова с новгородским посадником Иваном Даниловичем: нач. XV в.) по использованной выше схеме может быть охарактеризована так. Зап.: *ере* в *церенцевь, черенцевь, церенцовь, черенцямь*; *ыи* в И.ед. *тысяцкыи*; *-е* в И.ед. *Мартемьяне, Иване, Ондръяне, Якове, Иеве, Федорове, Кузмине, Парфъеве* (наряду с *-ъ*); *-ле* в *володъле* (наряду с *-ль*); *и* в *всихъ*; отсутствие *-ть* в *поруши*. Вост.: *с* в *всихъ*; *-ъ* в И.ед. *посадникъ, братъ, Иванъ, Александръ, Яковъ* (наряду с *-е*); *-ль* в *купиль, възль, стояль* (наряду с *-ле*). Центр.: *-ѣ* в И.В.мн. жен. *грамотѣ, исправѣ*; *-ѣ* в И.мн. муж. *братанѣ, Александровѣ*; *-ѣи* в И.мн. жен. *ряднѣи*. Вполне характерно для Новгорода в эту эпоху также параллельное употребление *-ѣ* и *-и* в Р.ед. и в Д.М.ед. мягкого *a*-склонения; ср. в данной грамоте Р.ед. *дядѣ* и *братѣи*, М.ед. *въ... купль в посадници, в томъ орудѣи* (отметим, что смещения *ѣ* и *и* в грамоте практически нет, если не считать слова *надоби*, где *и* могло быть лексикализовано; *ѣ* после *т* в словоформе *дѣтъи* может быть фонетического происхождения). Следует учитывать также, что грамота представляет собой официальный документ; одним из языковых отражений этого факта является употребление аористов. Поэтому словоформы с *-ъ* в И.ед. и *-ль* в перфекте (не говоря уже об *с* в *всихъ*) здесь могут отражать не диалектную особенность, а ориентацию (хотя и непоследовательную) на официально-деловую норму.

Таким образом, с точки зрения языка перед нами просто новгородский документ. В данном случае, правда, это, по-видимому, мало что говорит нам о языковой ситуации на Двине, поскольку, по мнению В.Л. Янина (устное сообщение), эта грамота была написана (вопреки точке зрения издателей ГВНП) именно в Новгороде, а не на Двине.

Грамота ГВНП N 132 (рядная Леонтия Зацепина с княжеостровцами, 1-я четверть XV в.), в отличие от предыдущей, почти наверное написана на Двине. Ее характеристики таковы. Зап.: *иш* в И.ед. *сочькыи*; *-е* в И.ед. *Савке* (также *Завке*), *Смене, Ночине* (наряду с *-ъ*); *-ле* в *имале, възле, доспеле* (наряду с *-ль*); *-и* в М.ед. *в томъ орудѣи*; *и* в *всихъ*; *ы* в Т.ед. *тымь* (наряду с *тѣмь*); отсутствие *-ть* в *поруши*. Вост.: *с* в *всихъ*; *-ъ* в И.ед. *судъ, Федоръ, Яковъ, Иванъ, Зачепинъ* (наряду с *-е*); *-ль* в *быль* (наряду с *-ле*); *-ы* в Р.ед. *Мины* (наряду с *-ѣ*); *-и* в Р.ед. *до Захарьи*; *-ы, -и* в И.мн. муж. *виноваты, посадники*; *ѣ* в Т.ед. *тѣмь* (наряду с *тымь*). Центр.: *-ѣ* в Р.ед. *бѣлкѣ, до его женѣ* (наряду с *-ы*). Отметим, что смещения *ѣ* с *и* в грамоте нет.

Учитывая официальный характер грамоты, следует признать, что документ с такими чертами вполне укладывается в рамки языкового узуса самого Новгорода. С другой стороны, по крайней мере такая черта, как *-ле* в перфекте, нехарактерна для Двины. Очевидно, данная грамота отражает не что иное, как новгородское койне, или хотя бы соединяет местные черты с некоторыми элементами койне.

С грамотой ГВНП N 132 в принципе сходны еще несколько двинских грамот XV в. (в частности, ГВНП N 206, 267, 322); в нескольких других случаях оценка грамоты затруднительна из-за бедности материала.

В основном массиве подлинных двинских грамот XV в., остающемся после вычета описанной выше небольшой группы, количество западных или центральных элементов древненовгородского диалекта существенно меньше, чем в этой особой группе. Так, *-ле* в перфекте практически отсутствует; *-е* в И.ед. муж. встречается только в именах лиц и в отчествах (или фамилиях) с *-ин-, -ов-*, где это окончание удерживается лишь в силу особого статуса собственных имен (тогда как в основной системе склонения окончание *-е* отсутствует). Второе полногласие встречается, за единичными исключениями, лишь в словах *одерень, пополонка* и *черенци* (наряду с *одернь, пополонка, чернци*); ср. регулярное *верхъ* (или *верьхъ*) и т.п.

Имеется, однако, несколько центральных и западных черт, которые явно получили значительное распространение в двинских говорах. Главная из них — Р.ед. типа *женѣ*, что означает совпадение Р.ед. с Д.М.ед. в *a*-склонении. В большинстве двинских говоров *ѣ* (всякий или, по крайней мере, конечный) перешел в *и*; в результате возникла модель; Р.ед. *жени, земли*, Д.М.ед. *жени, земли*. Из подлинных двинских грамот XV в., в которых вообще имеются примеры Р.ед. жен. твердого *a*-склонения, приблизительно в половине представлено окончание *-и* или *-ѣ* (*жени* или *женѣ*), в четверти — окончание *-ы* (*жены*), в четверти — оба типа окончаний (двусмысленные примеры на *-ки, -ги, -хи*, типа *рѣки*, не учитываются). Модель с обобщенным *-и* (или *-ѣ*) в Р.Д.М.ед. может трансформироваться в модель с обобщенным *-ы*, т.е. с Р.Д.М.ед. типа *жены*. В двинских грамотах XV в. уже встречаются примеры, свидетельствующие о начале такой трансформации. Этот тип развития объединяет двинские памятники с новгородско-псковской зоной и отделяет их от более восточных районов.

Другая важная черта, объединяющая двинские говоры XV в. с Новгородом и Псковом и отделяющая их от восточных районов, — широкое распространение презенса без *-ть*.

Западной чертой является также широко представленное в двинских грамотах склонение местоимения 'тот' по адъективному типу (*тымь, тыхъ* и т.д.) или по местоименному типу с огласовкой **и*⁵ (*тимь, тихъ* и т.д.; аналогично *всимв, всихъ* и т.д.).

Из анализа двинских грамот явствует, что влияние древненовгородского диалекта в узком смысле на языковую ситуацию в Двинской земле проявлялось в двух формах. Во-первых, некоторая часть документов записывалась там просто на древненовгородском койне. Во-вторых, древненовгородский диалект в узком смысле оказал заметное влияние на местные говоры: он передал им ряд черт западного и центрального происхождения, первоначально отсутствовавших в восточной части Новгородской земли.

⁵ Наличие здесь *и (а не *ѣ), разумеется, может быть показано только на материале тех грамот, где срединный *ѣ* не переходит в *и*.

После утраты Новгородской феодальной республикой своей независимости древненовгородское койне как таковое, разумеется, было обречено на постепенное исчезновение. Какие-то его элементы могли сохраниться, хотя бы в виде следов, лишь в тех случаях, когда они успели войти в состав местных говоров.

Задача отыскания и интерпретации подобных следов в современных русских говорах в настоящей работе не ставится; она требует большого дополнительного исследования. Отметим лишь, что такие следы действительно имеются. Наибольшее число сходжений с древненовгородским койне обнаруживают некоторые псковские, гдовские и прионежские говоры; необходим, правда, специальный анализ, чтобы отличить здесь явления, восходящие именно к койне, от прямого наследия древнейшего состояния. На северо-востоке косвенными реликтами древненовгородского койне, возможно, являются, например, такие особенности западного происхождения, как Р.ед. типа *женé* и презенс без *-ть*. Обе эти черты здесь чрезвычайно редки; немногочисленные пункты, где наблюдается хотя бы одна из них, в основном расположены вблизи от древних новгородских речных путей. Анализ нескольких важных диалектных явлений новгородско-псковской зоны, в частности, с точки зрения их возможной связи с древненовгородским койне, содержится в статьях С.Л. Николаева и А.В. Дыбо, публикуемых в настоящем сборнике.

Древненовгородское койне XII — XV вв. было важным элементом языковой ситуации средневековой Руси. Изучение его структуры и характера его применения позволит существенно расширить и уточнить наши знания об истории формирования русского языка.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
Зализняк 1988 — *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект и проблемы диалектного членения позднего праславянского языка // *Славянское языкознание: X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации.* М., 1988.
Лингв. — *Зализняк А.А.* Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986.
Медынцева 1978 — *Медынцева А.А.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI — XIV века. М., 1978.
НПК — Новгородские писцовые книги. Т. I — VI и указатель. СПб., Пг., 1859 — 1915.
СРНГ — *Словарь русских говоров.* М.; Л., 1965 — 1987. Вып. I — 22.
Шахматов 1957 — *Шахматов А.А.* Историческая морфология русского языка. М., 1957.
Янин 1986 — *Янин В.Л.* Поправки и замечания к чтением берестяных грамот // *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977 — 1983 гг.). М., 1986.

А.В. ДЫБО ДЕКЛИНАЦИОННЫЕ РАЗЛИЧИЯ НОВГОРОДСКИХ ДИАЛЕКТОВ XIII—XIV вв. И ИХ ЛОКАЛИЗАЦИЯ

0.1. Цель настоящей работы — найти некоторые новые пути для более точной диалектной "привязки" письменных памятников Северной Руси. В качестве диагностического признака берется система именного склонения. Очевидно, что определить диалектную принадлежность текста прямым сопоставлением форм, имеющихся в нем, с фактами, наблюдаемыми в современных диалектах, в общем случае невозможно: со времени написания текста язык прошел достаточно длинный путь; не исключено, что исследователю вообще не встретятся в современных диалектах наборы форм, совпадающие с набором форм исследуемого памятника; и наоборот, сравнение отдельных "экзотических" форм дает слишком большое число различных возможностей для диалектного отнесения памятников. Кроме того, формы, которые для разных диалектов внешне одинаковы, могут оказаться результатом совершенно разного развития.

Здесь используется следующий метод: набор форм каждого исследуемого памятника сравнивается с парадигмой именного склонения "эталонного" древнерусского языка (полученной из праславянской парадигмы путем фонетического развития). Таким образом устанавливается, влияние каких тенденций морфологического развития первичной системы привело к картине, наблюдаемой в памятнике, и строится модель дальнейшего развития системы, стоящей за наблюдаемыми фактами, под действием этих тенденций. Предполагаемые результаты системного развития сравниваются с данными современных диалектов. Кроме того, используется ряд других признаков, релевантных для установления диалектной принадлежности памятника.

В работе рассматриваются новгородские памятники конца XIII—XIV вв. (к новгородским мы предварительно относим памятники с зафиксированной меной *ц ~ ч* при отсутствии мены *с ~ ш, з ~ ж*). Выбор памятников обусловлен, во-первых, их размером (количество извлеченного материала должно быть достаточно большим, чтобы на нем можно было производить достоверные статистические выкладки); во-вторых, тем, что почти все они уже были частично исследованы в работе В.В. Виноградова "Исследования в области фонетики севернорусского наречия" (Пг., 1923), из которой были сделаны предварительные выводы о том, какие памятники могут отражать одну систему, а какие — разные.

К выбору системы именного склонения в качестве диагностического признака мы пришли в результате работы над материалом юго-западных, западных и московских текстов, которая показала раннюю дифференциацию путей развития системы именного склонения по регионам, а также пригодность ее для локализации текстов (см. нашу работу "К вопросу о диалектной принадлежности Чудовского Нового завета" — *Филология. Исследования по древним и новым языкам / Переводы с древних языков.* М., 1981).

Автор глубоко благодарен сотрудникам сектора истории языка и диалектологии Института русского языка АН СССР за разрешение воспользоваться обширнейшими материалами Диалектологического атласа, принадлежащими сектору, и за консультации, полученные при работе над этими материалами. Пользуемся также случаем выразить благодарность В.А. Дыбо, А.А. Зализняку и О.А. Князевской за ряд ценных замечаний по тексту данной работы.

1.0. Синодальный список Новгородской I летописи старшего извода (материал приводится по фототипическому изданию: Новгородская харатейная летопись. М., 1964).

Это пергаменная рукопись, писанная несколькими почерками. Л. 1—62 (до середины страницы, 9-я строка сверху, до слов "и до налюца") и л. 62—118 об. включительно — написаны двумя почерками XIII в., л. 119—166 об. включительно — почерком первой половины XIV в. Последние три листа написаны несколькими почерками второй четверти — середины XIV в.¹ С точки зрения фонетики памятник исследовался Б.М. Ляпуновым (Исследование о языке Синодального списка Новгородской I летописи. Спб., 1900). Памятник — очевидно новгородский. Здесь исследуются отрезки текста, написанные первыми тремя почерками; каждый отрезок рассматривается отдельно.

1.1. I почерк Синодального списка.

1.1.0. Диагностические признаки, не относящиеся к системе именного склонения. В тексте отсутствуют написания с меной *A* ~ *e*, что, впрочем, не свидетельствует о том, что в дальнейшем данному диалекту оставалась чужда замена *a* на *e* между мягкими². Имеется одно написание, говорящее о губно-губном характере *v* перед согласным: *на яколи оулицы* 16 об. В современных диалектах изоглоссы этого явления окружают северо-западную зону с двух сторон³: северо-восток (с выбросами на восток от Волхова и Ловати) и изоглосса из группы "общезападных"⁴. Если не считать единственное написание случайной ошибкой и если толковать написание *оуаша (пожар) оу лоукини оулицы* 54 как (тоже единственный) случай замены предлога *въ* на *оу* (а не *оу* + gen), можно связывать эти два случая с западной территорией сохранения билабиального *v*.

Отражение *ѣ в орфографии текста⁵: написаний *и* на месте этимологического *ѣ не встретилось (кроме случаев в именных флексиях).

¹ См.: Насонов А.Н. Предисловие к изданию "Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов". М.; Л., 1950. С. 5.

² См.: Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. М., 1907. С. 89 (где показано, что вообще северные памятники XI—XIV вв. не дают достоверных показаний относительно этого процесса).

³ См. карту N 6 на с. 36 "Образования северо-русского наречия и среднерусских говоров" (М., 1970).

⁴ См.: Хабургаев Г.А. Этнонимия "Повести временных лет". М., 1979. С. 38, карта 4 (на карте эти изоглоссы в массе обходят территорию старых новгородских земель).

⁵ "Ятевая ситуация" памятника в общем случае мало говорит о локализации его диалекта, так как по современным диалектам отражение *ѣ представляет собой довольно пеструю картину. Четко локализуется лишь переход *ѣ* > *и* в ударном слове перед твердым (см. об этом ниже).

То же можно сказать и о написании *ѣ* на месте *i. Имеется написание *и* в форме *извистю* 27 от *известь* (< греч. ἰσβεστος, Фасмер, т. II, с. 121), которое можно объяснить как ошибку под влиянием соседних слогов. Встретилось большое количество написаний с меной *e* ~ *ѣ*. В мягкой позиции имеется 12 примеров написаний *ѣ* вместо *e*, не объяснимых морфологически, и 37 примеров написания *e* вместо *ѣ*. Естественно предположить в этой позиции фонетическое неразличение *ѣ* и *e* (ср.: *Виноградов В.В.* Исследования в области фонетики севернорусского наречия. Вып. I. Петроград, 1903. С. 211, 314). В твердой позиции показательные примеры на замену *e* на *ѣ* практически отсутствуют. Случаев обратной замены насчитывается более 150. Такое соотношение заставляет предполагать чисто орфографический характер написания *e* вместо *ѣ* (заметим, что, как показывают примеры, такая замена возможна не только в безударной позиции). Видимо, использование букв *e* и *ѣ* в тексте подчиняется следующему правилу: [*ѣ*, *e*] — *ѣ*, [*e*, *e*; *ѣ*] — *e*.

Формы gen. du. на *-ю*, видимо, традиционны: *стѣю* 38 об, 41 об. (bis), 42 об, 59 об, 27 при *новожавленою* 41 об и не могут связываться с переходом флексии instr. sg. fem. *-ою* в *-ю*. Местоимения *тъ* и *вьсь* склоняются по твердому варианту⁶: nom. pl. *ми* 33, 41, gen. pl. *тѣхъ* 53; nom. pl. *вси* 11, 44, 47 об, 57 об, 59 (bis); acc. pl. *всѣ* 23 об, *всѣ* 25 об, 43 об; *все* 45; dat. pl. *всѣмъ* 1 об, 50 об, 60; instr. pl. *сѣ всѣми* 22 об; gen. pl. *преди всѣхъ* 17; loc. pl. *на всѣхъ* 12 об; при этом имеется форма nom. pl. masc. *всѣ* 16 об (ср. nom. pl. masc. *всѣ* 8 об), полученная, видимо, из-за смешения nom. и acc. pl. при тенденции к унификации основы. Появление такой формы предполагает развитие в сторону закрепления основы на *-ѣ* во множественном числе местоимения *вьсь*, и соответственно, закрепления для множественного числа местоимения *тъ* либо также основы на *-ѣ*, либо основы, полученной путем унификации по acc. pl. *ты*. В современных северных говорах формы pl. указательного местоимения на *-ы* и на *-е* (<*ѣ*) — *тыи*, *тыий*, *тыйе*, *ты*; *те*, *тѣйи*, *теи* и под. — покрывают практически всю территорию за исключением небольшого ареала у восточной границы северо-западных говоров, где распространена парадигма на *-и* (см. Образование..., с. 92, карта 25).

Не встретилось членных форм от *та* и *то* (имеется: acc. sg. *то*, loc. sg. *томъ*, dat. sg. *тому*; acc. sg. *на ту же* 26 об, 27, 30, 33 об, 45 об, 49 об, 60 об (bis)). Зато при отсутствии формы

⁶ О мене букв *ѣ* ~ *ѣ* см.: Ляпунов Б.М. Указ. соч. С. 267; объясняется графическим сходством; ср. также многочисленные примеры такой мены в берестяных грамотах (см.: Зализняк А.А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте. М., 1986. С. 106).

⁷ Ср.: Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг. 1915. С. 324. Противоположное мнение высказывалось А.И. Соболевским (указ. соч. С. 69).

⁸ Для новгородских диалектов исконными следует признать формы твердого варианта от *вьсь*, так как первоначально в этом слове в новгородских диалектах не было III палатализации — см. Зализняк А.А. указ. соч. С. 116.

Таблица 1

Тип склонения	*o-склонение masc. ¹		*jo-склонение masc. ²		
	ЭПФ	инновации	ЭПФ	инновации	
Sg.	gen.	-а (297.)	-оу (4.=1,3%) (пълкоу 3., часоу)	-а (181.)	
	dat.	-оу (130.) личн. имена (41.)	-ови (6.) (личн. имена)	-ю (44.) личн. имена 1.) -еви (8., личн. имена)	
	loc.	-ѣ (162.)	въ людини на търж- (adj.) 54об коу 58, на часу 16	-и (50.)	
Pl.	nom.	-и (26.) (ср. двори 27)	д/в/орове 44	-и (72.)	-ѣ (-е, -А) ⁵ -ѣ (1.=5.=6, 4%) 1,3% стражѣ ¹⁷
	acc.	-ы (20.)		-ѣ (-е) (32.)	-и (3.=8,6%)
	gen.	-ѣ (9.)	дворовъ 5об, 54, круговъ 21, набльковъ 30об	-ѣ (23.)	
	dat.	-омъ (7.)		-емъ (8.)	
	instr.	-ы (6.)		-и (51.)	
	loc.	-ѣ хъ (2.)	въ плотникахъ 59	—	—
Du. ⁴	nom.	-а (3.)		-А (5.)	
	gen.	-оу (6.)		-ю (1.)	
	instr.	—		—	кънзѣма 36об

¹ Появление флексии nom. sg. твердого варианта *-е* в новгородских памятниках кажется обусловленным скорее фонетическими, чем морфологическими причинами — см. статью С.Л. Николаева в настоящей сборнике. Пока не вполне ясно, насколько эта форма может служить для локализации диалекта. Согласно работе С.Л. Николаева, она должна рассматриваться как "кривичская", но не исключено, что, проникнув в "общенновгородское койно", она может быть встречена в памятнике любой локализации собственно новгородской территории. В рассматриваемом тексте встречено: *Съмьоне* 48 об, *Къснѣтинѣ* 50, *Савькинѣ дворе* 53 об; ср. сходное явление в формах *свьскеи князь* 22об, *Неревьскеи (коньць)* 54, *не проливаимѣ* I л. pl. Impreg. 19 (относительно последней формы ср. *Соболевский А.И.* указ. соч. С. 11, где отмечено, что окончание *-ме* I л. мн.ч. "известно по преимуществу в памятниках новгородских, псковских и смоленско-полоцких").

² Здесь и далее в число *jo*-основ включаются согласные основы, рано перешедшие в этот тип, а также предполагаемые *ju*-основы — из-за отсутствия достаточно убедительных обоснований их наличия в праславянском — см.: *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951. С. 228, 333.

тъ встретился nom. sg. *тои прежде был* 22 и acc. sg. *въ час тыи* 4. Членные формы такого рода распространены в западной части современного северновеликорусского наречия (на запад от 36° в.д.) — см. Образование..., с. 91, карта N 24.

Таким образом, предварительно мы можем локализовать диалект писца в западной части Новгородской земли (скорее, западнее Волхова и Ловати). Конечно, эта локализация гипотетична, так как основана на единичных примерах.

	*i-склонение ¹		*i-склонение masc. ³	
	ЭПФ	инновации	ЭПФ	инновации
	-оу (6.) (медоу 2., рядоу, търгоу 3.)	-а (20.=77%) (мира 6., попа, сна 13.)	-а (20.=77%) (мира (-и 14.) ((дни))	—
	дънови 7 об, снови 28	-оу (2.=50%) (търгоу 12, върхоу 58)	—	—
	-оу (7.) (на бороу, на по-лоу, на търгоу 5.)		-и (5.) ((дни), поути 3., на серегери)	
	домове 54, попове 29об		-ѣ (8.) ((деньѣ), людѣ 7.)	-и (1.=11%) люди 12
	домы 18об, 35об		-и (3.) (поути, дни 2.)	
	домовъ 54		-ии (4.) (люди, дни 3.)	
	домомъ 34, попомъ 18		гостѣмъ 12об, поутѣмъ 12—12об	
	съ пельми 12	попы 17об, 47, 52	людѣми 9, 22об, 59	
	въ домъхъ 54		-ехъ (4.) (людехъ)	
		сна 2об, 60	—	—
			—	—
			—	—

³ При отнесении слов к *i и *ju-основам использованы работы: *Бернштейн С.Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1974; *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М., 1952; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV. М., 1964—1973; *Эккерт Р.* Основы на *-i* в праславянском языке // Учен. зап. Ин-та славяноведения, 1963. Т. 27. В *i-основы мы включаем также: а) топоним *Донь* — ср. авест. *dāni* fem. 'река', др.-инд. *dāni* neu. 'жидкость' (Фасмер, т. I, с. 528); б) *попъ* — заимствование из д.-в.-н., где *ǫ* — основа, nom. sg. *pfaff* (Фасмер, т. III, с. 326), возможно, дает в слав. основу на *-i*, как германские основы на *-i* (nom. на *-i*) дают в слав. основы на *-i* (см.: *Uhlenbeck.* Die germanischen Wörter im Alt slavischen // Archiv für slavische Philologie. Bd. 15, 1893).

⁴ В число *i-основ включаются и формы старых согласных основ, которые рано перешли в этот тип.

⁵ Двойственное число в памятнике употребляется довольно часто и не только в случаях, когда наиболее естественно предполагать традиционное написание.

⁶ Падежные формы на *-а* в соответствии с *ǫ — "славянизированные" написания и в качестве таковых, видимо, могут прнсчитываться к "этимологически правильным" формам, употребление которых также, по крайней мере в части случаев, обусловлено письменной традицией.

1.1.1. Система именного склонения. Материал текста представлен таблицами парадигм (по праславянским типам склонения)⁹ (табл. 1—6).

⁹ Здесь и далее цифры в таблицах обозначают число встретившихся форм; в столбце инноваций при необходимости указывается процентное содержание данной инновации от общего количества примеров на данную грамматическую форму.

Таблица 2
Основы fem на согласный и *-ī

Грамматическая форма		ЭПФ	Иновации
Sg.	gen. loc.	-e (мтрe 27) въ цркви 59 об	-и (5x) (кръви)
Pl.	den.		-ии (4x) (цркви)
Du.	nom.-acc.	-и (4x) (цркви)	

Таблица 3
"Разносклоняемые"*

Грамматическая форма		ЭПФ	Иновации
Pl.	nom.	-e (12x, -ане)	българи кынанъ 4, 25 45 об
	acc.	-ы (6x, -аны, боцары)	-e (1x=17%) (на българе 45 об)
	dat. instr.	-омъ (9x) -ы (18x)	

* Под этой рубрикой объединены остаточные формы разных типов склонения (на согласную, masculina).

Таблица 4
Двухвариантное склонение neutra

Грамматическая форма		* o-основы neutra		* jo-основы neutra	
		ЭПФ	инновации	ЭПФ	инновации
Sg.	gen.	-a (12x)		-a (31x)	
	dat.	-ou (3x)		-ю (20x)	
	loc.	-ъ (17x)		-и (20x)	
Pl.	acc.	-a (3x)		-a (2x)	
	loc.	-ъ хъ (7x)		—	—

* ī-склонение fem.

Все встретившиеся формы — этимологически правильные, кроме loc. sg. въ *Принетъ* 7об; не встретилось форм nom., instr., loc. pl., gen.-loc. и dat.-instr. du.

Заслуживает специального внимания распределение в тексте по мужскому и женскому типам основ имен собственных, допускающих вариативность (рассматривается по морфонологическим типам) — табл. 7.

Таблица 5
*ā-основы

Грамматическая форма		ЭПФ	Иновации
Sg.	gen. без предл.	-ы (29x)	-ъ (2x=7%) (ми- (стыча) варва- рошке 58, оуимъ ра 35 об 23 об*
	gen. с предл. dat.	-ы (11x) -ъ (16x)	-ъ (10x=48%) -и (1x=5,9%) (мирошки 49 об)**
	loc.	-ъ (43x)	въ...оулки 54** оу лоукини (adj) 54
Pl.	nom.	-ы (3x)	
	acc.	-ы (9x)	шнеке 50
	dat.	-амъ (1x)	
	instr.	-ами (1x)	
Du.	acc.	-ъ (5x)	
	gen.	-оу (1x)	

* Много бы оуимъ жить; очевидно, к оуима 'недостача, убыток'; см.: Срезневский И.И. Материалы к словарю древнерусского языка. Т. III, СПб., 1903, ст. 1175, где, впрочем, только этот пример; ср. также польск. *ujma* 'убыток, вред, ущерб'. Вряд ли это форма loc. (т.е. 'в недостатке'); беспредложные формы loc. в тексте редки (см. ниже).

** И здесь, видимо, выражает морфонологическое {ы} после заднеязычного (ср. наличие написаний типа *жирошкина* (дъци) 59).

Таблица 6
*jā-основы

Грамматическая форма		ЭПФ	Иновации
Sg.	gen. без предл.	-ъ (A) (33x)	-и (6x=15,4%)
	gen. с предл.	-ъ (A) (10x)	-и (3x=23,1%)
	dat.	-и (9x)	
	loc.	-и (30x)	-ъ (1x=3%) (на касъпле 60 об)
Pl.	acc.	-ъ (2x)	
	dat.	-Амъ (3x)	
	loc.	-Ахъ (1x)	

Таблица 7
Имена собственные, допускающие вариативность основы по типу склонения (I поч. Синодального списка)

	-ило/а	-ко (-ка)	-шько/а	Прочие
Nom.	Гаврила 47 об, 48, 49, 49 об, 50 об, 51 об; Данила 63 об	Съдко 33, Михалко 38 об	Мирошка 59	

	-ило/а		-ко (-ка)	-шко/а		Прочие	
Gen.	оу Петрила 15		от Всеволодка 17 об, дльа Иванка 57 об, Иванка 58		дльа Ми-рошке 57 об, Ми-рошке 58		у Нѣжатѣ 24 об, у Нѣжате 31 об
Dat.	Петрилу 13 об, Судилу 22, Судилови 25		Иванку 15, 38, Иванькови 38 об		Мирошки 49 об		Нежатѣ 23 об, Нѣжатѣ 31 об
Acc.	Петрила 15 об, Судила 28 об, Гаврила 47, на Данила 52 об, Мануила 32	Судилу 22	Иванка 15 об, 53, 56, Глѣб-ка 19, на Всѣволодка 20 об, на Влѣць//ка 34 об—35	Страшка 22	Сбышку 54 об, Мирошку 56 об (bis), 57 об, 61	Вьнезда 62	Нежату 22, Несду 34 об
Instr.	съ Гавриломъ 43		съ Всѣволодком 20, съ Михалкомъ 39 об, съ Михалком 61	—			съ Нежатоу 32 об
Loc.	—		—	—			о Вышатѣ 46 об
Possess.	—		Иванковицо 25, Савькине (дворе) 53 об	Жироскина (дъци) 59			Нѣжати-ца 62

1.1.2. Интерпретация.

Из таблицы 8 видно, что в диалекте писца идет обобщение парадигм *о- и *ѣ-склонения masc. В формах acc. и dat. pl. у них тождественны этимологически правильные окончания; в формах instr. pl. и nom. du. наблюдается обобщение на оба типа окончания *о-основ; в gen. pl. окончания *ѣ-основ. В форме dat. sg. — перераспределение окончаний по семантическому принципу (формы на -ови распространяются у названий лиц). В форме loc. sg. не видно никакого принципа перераспределения, но следует предполагать распространение обеих флексий в обоих типах основ (с одной стороны, малое количество проникновений флексии -оу в *о-парадигму не позволяет предположить тенденции к полной замене старого -ѣ новым -оу; с другой стороны, устойчивость -оу в *ѣ-парадигме при проникно-

Таблица 8

Сводная таблица парадигм *о-основ masc. и *ѣ-основ*

Грамматическая форма		*о-основы	*ѣ-основы
Sg.	gen.	-а; (/оу)	-оу; -а (значительно чаще)
	dat.	-оу/-ови	-ови/-оу
	loc.	-ѣ; (-оу); (-и)	-оу
Pl.	nom.	-и; (-ове)	(-ове)
	acc.	-ы	-ы
	gen.	-ѣ; -овѣ	(-овѣ)
	dat.	-омѣ	-омѣ
	loc.	-ы	(-ѣми); -ы
Du.	nom./acc.	-а	(-а)
	gen.	(-оу)	—
	loc.	(-ѣхъ) (-ихъ)	(-ѣхъ)

*Здесь и далее в сводных таблицах парадигм употребляются следующие условные обозначения: а) в круглых скобках пишутся флексии, встретившиеся очень малое число раз; через косую черту пишутся флексии, между которыми на основании материала памятникка устанавливается распределение. Орфографические варианты снимаются.

вении его в *о-парадигму не дает оснований предполагать тенденцию к полной замене старого -оу новым -ѣ). В форме gen. sg. материал также свидетельствует о перераспределении, принцип которого, однако, неясен. Мы будем говорить (и при описании следующих текстов), что в gen. sg. и в loc. sg. флексии перераспределяются, опираясь в основном на то, что известно о положении в современных диалектах русского языка. Нет материала для выводов о судьбе nom. pl.; заметим, что в современных диалектах русского языка там, где наблюдаются рефлексии флексии -ове, формы с этими рефлексиями образуются в основном от одушевленных (Обнорский С.П., Именное склонение в современном русском языке. Л., 1931. Ч. II. С. 72—79).

При учете данных других текстов того же времени обращает на себя внимание полное отсутствие в *о-основах смешения флексий nom. и acc. pl. (на 45 форм). Такая устойчивость может поддерживаться различием nom. и acc. pl. в *ѣ-склонении.

Мягкий вариант *о-склонения в исследуемом тексте удобно рассматривать вместе с *ѣ-склонением masc. (сводная табл. 9).

Из таблицы 9 видно, что в обоих типах происходит процесс смешения nom. и acc. pl. В обоих случаях это объясняется влиянием соответствующего "женского" типа склонения (табл. 10).

Такая тенденция к сокращению числа клеток в парадигме (к тому же в клетках с внешне одинаковыми флексиями) способствует в известной мере сближению обоих типов склонения; именно, наблюдается некоторое влияние на *ѣ-основы со стороны *ѣ-парадигмы (причем само *ѣ-склонение masc. остается устойчивым). Старые

Таблица 9

Грамматическая форма		*jo-основы masc.	*j-основы masc.
Sg.	gen.	-а	-и
	dat.	-ю; -еви	—
	loc.	-и	-и
Pl	nom.	-и; -ѣ; (-ьк)	-ьк (и)
	acc.	-ѣ; -и	-(и)
	gen.	-ь	-ии
	dat.	-емь	-ьмь
	instr.	-и	-ьми
	loc.	—	-схь
	—	—	—
Du	nom.	-я	—
	acc.	—	-и
	gen.	-ю	—
	instr.	-ьма	(*ьма)

Таблица 10

Грамматическая форма		*jo-основы masc.	*jā-основы	*j-основы masc.	*j-основы fem.
Pl.	nom.	-и	-ѣ	-ье	-и
	acc.	-ѣ	-ѣ	-и	-и

флексии loc. sg., acc. pl., dat. pl. у них одинаковые (*ь уже прояснился в е), а в формах nom. pl. и instr. du. в *jo-склонение проникают флексии из *j-склонения. Можно ожидать в памятниках того же диалекта форм instr. pl. от слов *jo-склонения masc. на -ми.

Относительно взаимодействия твердого и мягкого вариантов *o-основ можно сказать следующее: по-видимому, в результате сильного схождения *o- и *j-склонений нейтрализуется влияние *ā-склонения и смешения nom. и acc. pl. не происходит. Это должно затруднять процессы взаимодействия между *o- и *jo-парадигмами. Действительно, о наличии такого взаимодействия из материала исследуемого текста могут свидетельствовать прежде всего формы *jo-основ с флексиями из *j-склонения (dat. sg.). Но это грамматическая форма, в отношении которой из материала текста можно сделать вывод о перераспределении флексий в *o- и *j-парадигмах по семантическому принципу. Возможно, формы от *jo-основ получили такую флексию потому, что подпали под этот принцип, не связанный с пратипом основы. Остается I форма loc. sg. *o-основ на -и, и I форма loc. pl. на -ихь; для них может быть дано неморфологическое объяснение (влияние предыдущего гласного), но

Таблица 11

Сводная таблица твердого и мягкого вариантов *ā-основ

Грамматическая форма		*ā-основы	*jā-основы
Sg.	gen. без предл.	-ь; (-ѣ), (-а)	-ѣ; -и
	gen с предлогом	-ь; -ѣ; (-и)	-ѣ; -и
	dat.	-ѣ; (-и)	-и
	loc.	-ѣ; (-и)	-и; -ѣ
Pl.	nom.	-ы	—
	acc.	-ы; (-ѣ)	(-ѣ)
	dat.	-амь	-ямь
	instr.	-ами	-ями
	loc.	-ахь	-яхь
	—	—	—
Du.	acc.	-ѣ	—
	gen.	(-оу)	—

возможно и влияние мягкого варианта на твердый при устойчивости первого. Ср. также nom. pl. masc. *печерскеи* 48 — под влиянием nom. pl. мягкого варианта на -ѣ.

Форма loc. sg. на -ѣ от *j-основы fem. — видимо, результат влияния *jā-склонения.

В парадигме "разносклоняемых" имеются примеры смешения nom. и acc. pl. и заимствования в nom. pl. флексии -и из nom. pl. *o-основ. -ѣ в nom. pl. "разносклоняемых", возможно, заимствуется из *jo-парадигмы, вследствие ассоциации двух е-образных флексий с одинаковой функцией.

Материал согласных основ fem., а также *o- и *jo-основ псу. не нуждается в интерпретации.

Такая картина легко объясняется последовательным действием двух тенденций: 1) стремление к образованию общего с loc. (и dat.) "предложного" падежа, о чем говорит а) резкое преобладание относительного количества форм на -ѣ в gen. sg. с предлогом над gen. sg. без предлога у *ā-основ; б) не столь резкое, но все же заметное преобладание форм на -и в gen. с предлогом над gen. без предлога у *jā-основ. Заметим, что loc. в диалекте памятника, видимо, уже стал исключительно "предложным" падежом: беспредложные формы образуются только при обозначении времени и от названий крупных, старых городов (один раз — от названия монастыря)¹⁰, что позволяет их считать традиционными употреблениями; 2) эту тенденцию перекрывает более новая, судя по относительно меньшему количеству подчинившихся ей форм, тенденция к совпадению двух типов склонения в одном. Она обуславливает ломку распределения в gen. sg. (появление форм на -ѣ в беспредложном gen. *jā-основ), а также единичные формы: в *ā-склонении — напи-

¹⁰ Ср.: *Истрина Е.С.* Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи. Пг., 1923. С. 164.

сании *стыца варвара* (под влиянием графического *А* вместо *ѣ* в таких словах как *бца* и под.); dat. sg. *мирошки*, loc. sg. *въ...улки*, *оу лоукини оулицѣ*¹¹, acc. pl. *шнеке*; в *я-склонении — loc. sg. на *каспле*.

Результатом дальнейшего развития системы в том же направлении должно, видимо, быть возникновение системы типа (5) — см. прим. 2; такие системы — следствие смещения твердой и мягкой парадигмы с неполной победой мягкой парадигмы (сохраняется возможность варьирования флексий: на материале нашего текста хорошо видно, как форма gen. sg. мягкого варианта получает под влиянием твердого флексию *-и*, которая должна поддерживать устойчивость *-ы* в твердом варианте, закрепляя варьирование *ѣ ~ и*).

1.2. II почерк Синодального списка.

1.2.0. Написаний, свидетельствующих о мене *е ~ 'а*, не встретилось. Имеются написания, свидетельствующие о губно-губном характере *у* перед согласными: а) на *ярослали* 79, на *ярослаль* 82, 93, с *ярослалимь* 85об; *ярослаль* 85об, 116об; *ярослалихъ* (gen. pl.) 86об; на *ярослалихъ* 108, на... *ярослалихъ* 112об; *ярослала* 82; на *Арослали* 79, 80об, 83, 101, 103, 106, 110 об; *мьстислалу* 82, *мьстислалиць* 99, *въ перяслаль* 86, 116об, *ис перяслала* 84об; *къ перяслалу* 84об, 84; *перяслалу* 95; *до лахерны* 73, 93; б) *видеше* 65об (причастие прошед. вр. пот. pl.: *и видеше воду текущую идоша прочь*); в) *въ оуторни*¹² 107об; *въ ѡтор*¹³ 110. Западная граница ареала распространения проходит примерно посредине между Ладожским и Онежским озерами, с выбросами на запад в районе Будогощи, а также в небольшом ареале между оз. Ильмень и Боровичами (см. сноску 3).

Мена *ѣ ~ е*: на основании количественных соотношений между случаями замен *ѣ ~ е* и *е ~ ѣ* можно (как и для I почерка) утверждать, что замена *ѣ ~ е* — чисто орфографическая. Замена *е ~ ѣ* наблюдается в основном в мягкой позиции (видимо, отражая фонетическую близость или совпадение *е* и *ѣ*). Имеются следующие случаи замены *е* на *ѣ* в твердой позиции: а) *въдоша* 63об; *въвъдоша* 106, 112об — 113 — видимо, объясняется морфологически, б) *погрѣбоша* 75, 98, 112; *въгрѣбоша* 103 — влияние итератива; в) *серѣбра* 114 — возможно, влияние написаний с неполногласием; г) acc. sg. *въцѣ* 80, 83, 88об, 110об, 112об; *въчѣ* 80об; пот. sg. *горѣ тъгда* 81об; voc. sg. masc. *оканьѣ* 89; *въ...озѣро* 103; *озѣроу* 106об. По-видимому, эти написания свидетельствуют об отсутствии перехода заударного *е* в *'о* (или наличии перехода заударного *ѣ в *е*). Такой переход

¹¹ В современных говорах формы loc. sg. *я-склонения на *-и* отмечаются редко. Кажется, что они вытеснены формами на *-ы* (типа *в воды*), появляющимися вследствие унификации твердого вида основы. По памятникам формы на *-ы* фиксируются с XV в. (Двинские грамоты: *в татбы, по Лавкоты, в Юры* — Шахматов А.А. Исследование о Двинских грамотах. СПб., 1903. С. 110); формы на *-и* встречены несколько раньше (в текстах без фонетической мены *ѣ ~ и*): берестяная грамота N 406 (XIV в.) *жени* (bis), пергаменная грамота N 19 по изд. Шахматова (1439 г.) *оу Виани* (loc.); многочисленные примеры в Двинских грамотах. См. также: Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка. М., 1981. С. 80; Соболевский А.И. Указ. соч. С. 202.

отмечается в городецких говорах (см. Образование..., с. 385, карта 105). Сюда не относится написание *яко нѣ воєвати* 65об; очевидно, *нѣ* — стяжение из *не + ѣ* (*есть*). Эта форма от *быти* встречается в памятнике: с. 91 и др.¹²

Встретились написания, подозрительные на мена *ѣ ~ и*; но все они могут быть объяснены иначе: *прѣиде* 98 в знач. 'пришел' — легко объяснимая описка; *пострѣгы* 110 — ср. старослав. инфинитив *стрѣци свитающую* 94об — долгая нулевая ступень (ср. *освѣтѣти*); *понекадѣла* 70об — возможно, форма, ассоциированная с глаголом *кадѣти* (непереходным).

Местоимения *тъ* и *въсь* имеют в основном этимологически правильные формы (по твердому варианту в instr. sg., gen., dat., instr. loc. pl.). Форма acc. pl. *вси* 84об, видимо, результат смещения ном. и acc. pl.; можно предполагать для дальнейшего развития унификацию основы на *-и* (ср. выше, с. 81). Имеется один пример на членную форму от местоимения *та*: *тоую же... печаль* 77об. В современных великорусских диалектах такие формы распространены по всему западу, приблизительно до 37° в.д. (см. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров, карта N 24, с. 91).

Формы gen. du. от членных прилагательных *стѣю* 100, 102об (при *тою*, *зломысльною* 89об), instr. sg. *стѣю* 95, видимо, традиционны — см. выше, с. 000.

Форма dat. pl. *по всѣмъ цркѣма* 64 — употребление окончания du. в значении pl. (см. Соболевский, указ. соч., с. 209). В современных говорах отдельные формы dat. pl. на *-ма* зафиксированы в Обонежье, то есть там же, где instr. pl. на *-ма* (Атлас русского языка, БСТ, карты 195, 220, 221 и комментарии к ним). Но поскольку на остальной территории северных говоров распространена теперь система с синкретизмом dat.—instr. типа *к домам — с домам* (которая, очевидно, развивается под влиянием синкретизма dat. — instr. в двойственном числе: **к домама — с домама*), можно полагать, что для более раннего периода, когда на этой территории современная система еще не установилась (как в современном Обонежье, где возможно в тех же пунктах и *к домам, с домам*), возможно более широкое, чем современное, распространение форм dat. pl. на *-ма*.

Есть два примера употребления прямого объекта в именительном падеже — при инфинитиве: *исправити правда* 109об; при повелительном наклонении: *даи ѡбъ мѣтва его* 113. В современных диалектах ареал распространения этого явления захватывает весь северо-запад и северную часть (севернее Вологды) северо-востока¹³. Примерно

¹² Основной район распространения форм 3 л. sg. и pl. без конечного *-т* в современных северных говорах — северо-запад (см. карты 36а, 36б в кн.: Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров, с. 126, 127).

¹³ См. карту I в статье: Кузьмина И.Б., Немченко Е.В. К вопросу о конструкциях с формой именительного падежа имени при переходных глаголах и при предикативных наречиях в русских говорах // Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964. С. 153.

Таблица 12

Тип склонения	*о-склонение masc. ¹			*ю-склонение masc.		
	грамматич. форма	ЭПФ	инновации	ЭПФ	инновации	
	gen.	-а (295×)	-оу (10×=3,3%) (тържоу 9×, пълкоу)	овсъ (кадь) 111	-а (198×)	до днѣпрѣ 99 ³
Sg.	dat.	-оу (90×; "лица" — 46×)	-ови (3×=6,1% лиц)	названий лиц	-ю (57×; "лица" — 30×)	-еви (5×=14,3% названий лиц)
	loc.	-ѣ (78×)	-оу (9×=10,3%) полку, тържоу 7×)	(брыну,	-и (45×)	на днѣпрѣ 97, 97ооб, на торо- нѣ 62ооб ⁴
Pl.	nom.	-и (56×)	-ы (3×=5,1%) полкове 92, чехове 92, лахове 92	-и (113×)	-ѣ (3×=2,6%)	
	acc.	-ы (56×)	гостѣбници 83, печенежи 95ооб, на ко- нюсы 97ооб ²	-ѣ (3×)	-ѣ (24×)	-и (24×=50%)
	dat.	-омъ (13×)			-емъ (19×)	
	instr.	-ы (16×)			-и (42×)	
	loc.	-ѣхъ (5×)			-ихъ (11×)	-ѣхъ (2×=15,4%)
Du.	nom./acc.	-а (2×)			-а (9×)	
	gen.				-ю (1×)	
	dat.				-ема (1×)	
	instr.	-ома (1×)				

¹ Формы nom. sg. на -е: Борисе 73, останьке 81ооб (bis), ослѣ (причастие) 83ооб, вхѣ(поль) 88, Петре 115, Иванке 110ооб.

² В форме на конюсы 97ооб и написано поверх х. Все три формы этой клетки — на заднеязычный; можно толковать их как результат применения правила "если слышишь [к], пиши ц" (см.: Живов В. Правила и произношение в русском церковнославянском правописании XI—XIII века. Russian Linguistics. V. 8 (1984). С. 267) к формам, где *[ky] уже перешло в [k'i].

такой же район распространения у конструкции со страдательным причастием типа *измано вачьшие моужи* 83 (см.: Кузьмина И.Б., Немченко Е.В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971. С. 28).

Наконец, встречена форма acc. pl. *гвозды* 65ооб, свидетельствующая о твердой основе: *гвоздь*. В Словаре древнерусского языка И.И. Срезневского (т. I, с. 511) приводятся в основном формы от мягкой основы; все примеры на твердую основу — из Новгородской I летописи. По Словарю русских народных говоров (вып. 6, с. 158), форма *гвозд* зафиксирована с пометами "псковск.", "ленингр.", "олонецк", "латв.", "литов.", что опять указывает на западную часть северных говоров.

	*й-склонение masc.		*ї-склонение masc.	
	ЭПФ	инновации	ЭПФ	инновации
до търгоу 118	-а (18×) (върха, мира 6×, попа, сына 11×)		(дни 4×)	
-ови (3×) (снови)	-оу (6×) (родоу 2×, сыноу, търгоу 3×)		зати 65ооб, 96ооб, 97	
-оу (4×) (върхоу 2×, сыноу, търгоу)			(дни 2×)	
сынове 85	върхы 88, меды 116ооб	-иѣ (4×) (людь ѣ)		люди 81ооб, гости 118
-ы (9×) (дары 4×, домы, попы, рады, станы, сыны)			-и (11×) (гости 2×, люди 3×, пути 2×, (дни 5×))	
			-ьмъ (6×) (гостьмъ, людьмъ 4×, поутьмъ)	
			людьми 71	
		въ попѣхъ 108ооб		
		сна 105ооб, 112ооб	-и (3×) (зати, (дни 2×))	

³ Ср.: за Днѣпръ 98, по Днѣпрю 79ооб, ѿ... Днѣпрѣ 99ооб.

⁴ В словаре Срезневского (т. III, ст. 982) даны и мягкий вариант *торонь*, и твердый *торонь* "набег"; но, судя по примерам, твердый основан только на нашей форме; у Фасмера (т. IV, с. 85) также два варианта; твердый явно выводится (при отсутствии слова у Дала) лишь из приводимой им формы *торономъ* instr. sg. Псков. 1 лет. 176ооб, но ср. в том же памятнике написания типа *жолоза* 175ооб 'железа'. Таким образом, твердый вариант не зафиксирован.

Таким образом, предварительно можно локализовать диалект писца на пересечении ареалов распространения вышеперечисленных диагностических черт, т.е. в западной части севернорусских говоров, у се восточной границы.

1.2.1. Парадигмы именного склонения II почерка Синодального списка.

Из таблиц флексий видно наличие взаимодействия между *о-склонением, *ю-склонением и *й-склонением masc. (табл. 12, 13).

Идет обобщение трех парадигм в одной двухвариантной. В процессе обобщения *й- и *о-парадигм происходит, видимо, перераспределение флексий в формах gen., dat., loc. sg. и, возможно, nom. pl.; в форме gen. pl. получает исключительное распростра-

Таблица 13

Грамматическая форма	* <i>й</i> -основы	* <i>о</i> -основы masc.	* <i>jo</i> -основы masc.
Sg. gen.	(<i>оу</i>);-а	-а/(<i>оу</i>); (ѣ)	-а; (ѣ)
Sg. dat.	-ови/ <i>оу</i>	-оу/ <i>ови</i>	-ю/ <i>еви</i>
Sg. loc.	-оу	-ѣ/ <i>оу</i>	-и; (ѣ)
Pt. nom.	-овс,-ы	-и,-ы; (<i>ове</i>)	-и; (ѣ)
Pt. acc.	-ы	-ы; (ѣ)	-ѣ;-и
Pt. gen.	—	-ѣ;-овѣ	-ѣ;-евѣ
Pt. dat.	—	-омѣ	-емѣ
Pt. instr.	—	-ы	-и
Pt. loc.	(ѣхѣ)	-ѣхѣ	-ихѣ;-ѣхѣ
Du. nom. / acc.	а	-а	-а
Du. dat. / instr.	—	-ома	-ема

нение флексия *й-основ; в формах асс., dat., loc. pl. флексии обоих типов склонения совпадают; в прочих формах, видимо, распространяются флексии *о-основ. В то же время парадигма *jo-склонения стремится к замене флексий, отличающихся от флексий *о-склонения, соответствующими флексиями *о-склонения. Обращает на себя внимание то, что в асс. pl. *jo-основ форм с флексией, заимствованной из пот. pl., значительно больше, чем в пот. pl. форм с флексией из асс. pl. Это заставляет предполагать наложение на процесс смешения флексий пот. и асс. (ср. выше, с. 88) влияния *о-склонения (флексия *-и* — фонологически парная к флексии *о*-основ *ы*)¹⁴. Результат обратного влияния флексии асс. pl. *jo-основ *-ѣ* — появление форм асс. pl. (и только асс.) *о-основ на *-ѣ* (отметим, что это — не фонетическая мена, ср. Соболевский. Указ. соч., с. 180).

В результате сильного взаимодействия *о- и *jo-парадигм и отсутствия всякого взаимодействия между *jo- и *й-парадигмами *jo-основы получают в gen. pl. флексию *-евѣ* независимо от конечного согласного основы (ср. также иное, чем в I почерке, распространение флексии dat. sg. *-еви*: не в личных именах — *дужеви* 72, *къ ѡцѣви* 94, 112об, *ѡрѣви* 72, *ѡрѣви* 71об. С другой стороны, это взаимодействие вызывает смешение форм пот. и асс. pl. *о-основ (ср. выше, с. 87–88), переходящее и на *й-основы.

Интересны две формы gen. sg. на *-ѣ* в *о- и *jo-парадигмах. Возможно, они возникли под влиянием "женского" склонения.

Склонение *й-основ masc. в тексте еще устойчиво, имеет место только внутрипарадигменный процесс смешения пот. и асс. pl. (ср. выше, с. 88).

¹⁴ Такой же результат дало бы влияние *й-склонения, но предположение о нем отклоняется из системных соображений.

Таблица 14
"Разносклоняемые"

Грамматическая форма	ЭПФ	Иновации
Pl. nom.	-е(13×)	-и(5×) (татары)
Pl. acc.	-ы(6×)	-е(3×) (дворАне)
Pl. gen.	-ѣ(8×)	
Pl. dat.	-омѣ(5×)	
Pl. instr.	-ы(11×)	
Pl. loc.	въ боярехѣ 67об, на городишанохѣ 108	

От *й-основ fem. формы этимологически правильные (форма loc. pl. *на полатѣхѣ* может объясняться фонетически — заударная позиция).

В парадигме разносклоняемых происходит частичная замена флексии асс. флексией пот. pl. Формы асс. на *-ѣ*, возможно, объясняются фонетически (заударность). Судя по тому, что асс. pl. на *-аны* начинает заменяться формой на *-ане* (на 2 старых формы — 3 новых), при устойчивости пот. pl. на *-ане*, вряд ли можно ожидать при дальнейшем развитии проявления форм пот. pl. на *-аны* (табл. 14).

Основы на *о ср. р. дают исключительно этимологически правильные формы. Имеются формы gen. sg. *съ колѣна* 72об, loc. *на колѣни* 114 — от топонима, который в других списках летописи читается "колѣно". Заметим, что здесь неясен древний тип основы исходного слова; ср. форму пот.—асс. pl. *колени* в современном русском, объяснение которой (и мягкости в других формах pl.) через du. с последующей фонетической заменой *ѣ* — *и*¹⁵ вряд ли удовлетворительно, так как эта форма зафиксирована еще в Пандектах Антиоха по списку XI века (см. Срезневский, т. I, ст. 1262), причем в греческом оригинале — множественное число: *ἐλά τὰ ὑόματα*.

Обнаруживается тенденция к совпадению мягкого варианта *о-склонения среднего рода с твердым (табл. 15).

Из табл. 16 видно, что парадигма мягкого варианта стремится к падежному синкретизму в единственном числе¹⁶ (влияние твердого варианта исключается устойчивостью форм dat., loc. sg. и пот.,

¹⁵ См., напр.: Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1950. С. 126.

¹⁶ Причины появления этой тенденции не ясны: аналогично можно было бы с некоторой натяжкой объяснять ее влиянием *й-основ fem., но этому препятствует устойчивость форм пот., асс. pl., а материала для обоснования фонетической гипотезы, объясняющей и эту устойчивость (на основании долготности — краткостности или ударности—безударности) совершенно недостаточно. Объяснение, данное А.Н. Добромысловой (К истории склонения в русском языке: АКД. М., 1962, с. 10–14), кажется несколько натянутым. Заметим, однако, что иначе как действием тенденции такого рода нельзя объяснить появление широко распространенной в северных говорах системы с совпадением флексий gen., dat., loc *а-основ в флексии gen. sg. *-ы*.

Таблица 15
*jo-основы neutra

Грамматическая форма	ЭПФ	Иновации
Sg. gen. -я (25X)		
dat. -ю (11X)		
loc. -и (19X)		на поле 118
Pl. nom. -я (2X)		
acc. -я (6X)		
instr. -и (1X)		
Du. acc. -и (1X)		

Таблица 16
*ā-склонение

Грамматическая форма	*ā-основы		*jā-основы	
	ЭПФ	инновация	ЭПФ	инновация
Sg. gen. б/п -ы(25X) } (38X)	-ѣ(4X=13,8%)	} 15,6%	-ѣ(13X) } (22X)	-и(9X=40,9%)
gen. с/п -ы(13X)	-ѣ(3X=18,8%)		-ѣ(9X)	-и(6X=40%)
dat. -ѣ(18X)			-и(14X)	
loc. -ѣ(30X)			-и(29X)	
Pl. nom. -ы(8X)			-ѣ(1X)	
acc. -ы(30X)			-ѣ(11X)	
dat. -амъ (1X)			-ямъ (3X)	
instr. -ами (6X)			-яами (2X)	
loc. -ахъ (10X)			-яами (2X)	
Du. nom. -ѣ(1X)			—	—
acc. -ѣ (6X)			—	—

асс. pl.). В результате аналогии с парадигмой мягкого варианта в парадигме твердого варианта начинает проявляться такая же тенденция к синкретизму падежей, выражающаяся на данном этапе выпадением небольшого числа форм gen. sg. с флексией -ѣ (прямым влиянием старой флексии gen. sg. *jā-основ эти выпадения вряд ли можно объяснить, так как, судя по статистике, тенденция к замене флексии -ѣ в gen. sg. мягкого варианта на -и зашла уже далеко). Кроме того, еще совершенно отсутствуют инновации под прямым влиянием флексий мягкого варианта в dat., loc. sg. и nom., acc. pl. *ā-основ.

Из зафиксированных для северных говоров систем флексий максимально вероятным "потомком" данной системы, видимо, является система (3) (результат дальнейшего развития тенденции к синкре-

Таблица 17

Грамматическая форма		*ā-основы	*jā-основы
Sg. gen.		-ы(ѣ)	-и(ѣ)
dat./loc.		-ы (ѣ)	-и (ѣ)

тизму, удовлетворяющий также требованию параллелизма твердого и мягкого вариантов склонения — см. прим. I и табл. 17).

1.3. III почерк Синодального списка.

1.3.0. В тексте имеются написания, свидетельствующие о губно-губном характере *v* перед согласным: *горислалича* 127 об; *вдчелсаличъ* 131 об; возможно, о губно-губном характере перед лабиализованной гласной свидетельствует написание *иньгоровичъ* 122 (ср.: *иньгворовъ* 121), но последний пример может быть опечаткой. При полном отсутствии примеров замены предлога *въ* на *оу*, видимо, учитывая данные предыдущих текстов, можно относить диалект к восточной зоне сохранения билабиального *v*.

"Ятевая ситуация" в тексте следующая¹⁷: не имеется ни одного примера замены ѣ — е; писец явно не пользовался этим графическим приемом, характерным для I и II почерков. Достоверных написаний ѣ вместо е, допускающих только фонетическое объяснение, нет. Поэтому для написаний в *кнзехъ* 121, в *татарѣхъ* 139 об, 156 об, *въ оустьянѣхъ* 160 мы предпочитаем морфологическое объяснение (см. ниже). Встретилось по одному примеру замены *и* — *ѣ* и *ѣ* — *и*: *побѣти* 133, 133 об 'побить' и *обонижьскихъ* 160 об, в обоих случаях, видимо, ударная позиция перед мягким. Один пример отражения *bj как -*ѣj*: *оу воронѣя камени* (если не графическая замена ѣ — ѣ при обычном -*ij*-; написание *пиницинича* 135 об (при *пинещинича* 149) — видимо, описка под влиянием соседних слогов.

Формы gen. du. и instr. sg. fem. членных прилагательных имеют в тексте исключительно -*оу*.

Местоимения *тѣ*, *всѣ* имеют в instr. sg., dat., gen., instr., loc. pl. этимологически правильные формы (по твердому варианту): instr. sg. *всѣмъ* 125 об, 152, 156, *всѣм*^М 166 об; *со всѣмъ* 128, 134 об, 140, 150, 155, *со всѣмъ* 134 об; gen. pl. *тѣхъ* 129 об, 131 об, 153 об; *всѣхъ* 121 об, 125 об, 127(2); 144, 151 об; *оу всѣхъ* 160; *всѣх*^х 146, 146 об, 147 об; *оуаи всѣхъ* 140; dat. pl. *тѣмъ* 147; *всѣмъ* 133 об, 137; *всѣм*^М 134 об; instr. pl. *тѣми* 130; *всѣми* 152, *со всѣми* 139 об, 140, 146 об, 152, *со всѣм*^М 166; loc. pl. *во всѣхъ* 154 об. Форма асс. pl. masc. *вси* 128 об — результат смешения nom. и асс. pl.

Членных форм от местоимения *тѣ* не встретилось, что, видимо, также, учитывая данные рассмотренных выше текстов, позволяет относить диалект памятника к восточной части северной зоны.

Имеется пример употребления nom. sg. от *ā-основы в качестве

¹⁷ См. об этом также у Виноградова В.В. (указ. соч. С. 211).

Таблица 18

Имена собственные, допускающие вариативность основы (II поч. Синодального списка)

	-ило/а	-ько/а	-шько/а	Прочие	
Ном.	(Кюриль 117) Нездила 62об, Данила 63об, Станила 111об	Михалко 72об, Василко 100, Иванке 110об	Мирошышка 64	Прокша 73	
Gen.	—	у Михалка 72	—	—	
Dat.	—	Михалку 64, Иваньку 93об, Иванку 108об	—	Вьнезду 108об	
Ass.	Гаврила 83об, Данилу 116об, (Кюрила 117) Гаврилу 107об, Рагуилу 62, Ма-ноуилу 81об, Сдилу 100об, Нездилу 109, Пет-рилу 118	Иванка 86об, 94, 100об (2х), 102об, 109, 110об (3х), Иванька 86об, Михаилка 109, Радка 100об, Вячка 100об	Страшка 62, Жирошку 62	Луготу 81, Сдилу 100об, Прокшию 110об, Богьшу 95об	
Instr.	сь Нез-дилоу 87об	сь...Иванкомь 104	—	сь... Вьнез-домь 111об	
Loc.	—	о Иванцъ 100об	—	—	
Posess.	Петриловица 86об, Станиловица 75, Путиловица 86, Петрилови-цу 112, Дани-ловицемь 105об, Даниловицъ 107	Михалковнъ 72об, Михалко-вица 81, Михал-ковицо 75, 87, Иванковица 81об, 87, 100об, 117 Ивань//ковица 80—80об, Якун-ковица 109, Тудорковица 109, Влунковица 110об, Давыд-ковъ 106об, Яд-ръйковицъ 77	Блутки-ниция 110об, Синки-ниция 117	от Выш-ковица 114об, Мирош-киницу 72, Събыш-киница 62, Ти-мошки-ница 100об, Пинещи-ниция 73, Тимош-киница 110об, Добро-шница 80об	Нъго-чеви-чу 107, Прокши-ниция 77, Лазути-ниция 80об, Прокши-ниция 100об, 109, Нъжати-ница 62, Прибы-шница 86об, Прок-шинь 110об, Пъхщ-ниция 62об

прямого дополнения при инфинитиве: *како прияти риза своа* 41об; район распространения такой конструкции в современных говорах занимает весь северо-запад и северную часть северо-востока (см. выше, с. 91).

На основании всех перечисленных диагностических черт можно предварительно локализовать диалект текста в северной (севернее Вологды) части северо-восточной зоны.

1.3.1. Именное склонение (табл. 19—22).

Исходя из табл. 20, а также из количественных соотношений этимологически правильных форм и инноваций по парадигмам, можно дать следующую интерпретацию материала.

1) Наблюдается взаимодействие *o- и *й-склонений. Кажется, что начало этого процесса относится к более позднему времени, чем начало смешения флексий *пот.* и *асс.* в *pl.* *o-основ¹⁸, поскольку, во-первых, это смешение затронуло относительно больше форм, чем проникновение флексии *пот.* *pl.* из *й-склонения, а во-вторых, при отсутствии смешения *пот.* и *асс.* *pl.* в *й-склонении¹⁹, флексия *й-основ *-ове* проникает в одинаковой степени и в *пот.*, и в *асс.* *pl.* *o-основ.

2) Взаимодействие *jo- и *й-склонений *masc.* прослеживается по формам *loc. pl.* (ср. выше, с. 94). *gen. pl.*, а также *асс.* *pl.* *jo-основ (наблюдается практически полная замена старой флексии *-ѣ* на *-и*; этот факт допускает также истолкование посредством влияния твердого варианта, но, поскольку процесс совпадения *пот.* и *асс.* *pl.* в *-и* фактически уже завершился, более вероятно предполагать, что он начался довольно рано, в то время как влияние твердого варианта, как кажется, более новый процесс (см. ниже п. 3). Ср. также устойчивость форм *loc. sg.* по отношению к влиянию твердого варианта.

3) Влияние твердого варианта на мягкий выражается в проникновении в *jo-склонение некоторых флексий старого *й-склонения, распространившихся и на *o-основы. Это происходит в *gen. pl.* (где имеет место распределение: у основ на {-*c*} и {-*ъ*}) появляется флексия *-евъ*; на прочие согласные *-иу*), а также в *пот. pl.* (1 форма на *-еве*). Представляется, что этот процесс более поздний, чем (1) и (2) (ср., с одной стороны, соотношение содержания форм на *-евъ* в *jo-парадигме среди слов с соответствующим типом основы и форм на *-овъ* в *o-парадигме; с другой — форм на *-евъ* среди основ на {-*c*}, {-*ъ*} и форм на *-иу* среди основ на прочие согласные; вывод не зависит от отнесения основ на {-*ѣ*}). Иначе объясняется *-еви* в *dat. sg.* *jo-основ (от одушевленных). Отсутствии *dat. sg.* на *-ови* у твердого варианта (и даже у *й-основ) заставляет давать этим формам более сложную интерпретацию, а именно, когда-то бывший процесс распространения *-ови* на все

¹⁸ Или процесс смешения *o- и *й-склонений идет более медленно, чем процесс смешения *пот.* и *асс.* *pl.* у *o-основ.

¹⁹ Что в данных условиях свидетельствует о слабом взаимодействии *o- и *й-основ.

Таблица 19

Тип склонения	*о-склонение masc.		*ю-склонение masc.	
	ЭПФ	инновации	ЭПФ	инновации
gen.	-а (296×)	-оу (5×) (торжоу 3×, полжоу 2×)	-я (211×)	
Sg. dat.	-оу (83×) ("лица" 27)		-ю (42×)	еви (4×) (црви (3×), коиеви)
loc.	-ѣ (95×)	въ торжоу 136 об	-и (34×)	
nom.	-и (48×)	-ы (9×= 15,8%) -ове (2%) (послове 143 об)	-и (154×)	дъждеве 132
acc.	-ы (49×)	-и (2%) (гради 124 об)	-ове (2%) (послове 143 об)	-А (4×) ¹ -и (23×)
Pl. gen.	-ѣ (10×)	-овѣ (10×=50%)	-ѣ (25×)	-евѣ (11×) (новгород-цевѣ 7×, новоторж-цевѣ 3×, злодѣевѣ) -ии (7×) (кнА-зи 6×, моужии) ²
dat.	-омѣ (9×)		-емѣ (16×)	
instr.	-ы (16×)		-и (47×)	
loc.	-ѣхѣ (4×)		-ихѣ (5×)	-ехѣ (1×= 16,7%) (въ кнЗехѣ 121)
nom./acc.	-а (1×)		-я (4×)	
Du. gen.	-оу (3×)		-	
dat.	-ома (1×)		-	

¹ Флексия -А в асс. pl. употребляется исключительно в тех случаях, когда автор переходит к теософским рассуждениям. Исходя из этого, можно считать формы с такой флексией чисто книжными, никак не относящимися к морфологической системе диалекта.

² Новые флексии gen. pl. находятся в четком распределении: флексия -евѣ употребляется при основах на [-с] и [-л]; флексия -ии — при прочих основах. Открытым остается, ввиду отсутствия примеров, вопрос об употреблении флексий при основах на [-ѣ] (на фонетическом уровне смешивающимся с [-с]). Из 25 этимологически правильных форм основы на [-с] и [-л] имеют 16 форм; основы на [-ѣ] — 4 формы, прочие — 5 форм. Соответственно в зависимости от статуса основ на [-ѣ] формы на -евѣ составляют 40,8% (в случае, если основы на [-ѣ] ведут себя иначе, чем основы на [-с]) или 35,3% (в противном случае)

*ѣ-склонение		*и-склонение masc.	
ЭПФ	инновации	ЭПФ	инновации
полоу 124 об, низоу 136 об	-а (21×) (мира 5×, попа, рода, сына 14×)	(-и (4×) камни, дни 3×)	
	сноу 137, родоу 119	(къ...дни 136)	-еви (2×) (гви)
-оу (3×) (мироу, пороу, торгоу)	на бродѣ 150	(на...камени 156 об)	
-ове (5×) (домове 2×, попове 3×)		-ѣс (4×) лю ^м е	-и (3×) (люди)
-ы (7×) (домы 6×, дары)		-и (12×) (звѣри, люди 2×, поути, тали 2×) ³	
даровѣ 165		-ии (3×) (люди, дни 2×)	
-	-	-емѣ (2×)	
-	с попы 142	-ѣми (2×)	
-	-	в талехѣ 160 об	
	два попа 151 об	-	-
-	-	-	-
-	-	-	-

от всех форм, находящихся в области действия правила о присоединении флексии -евѣ. Формы на -ии составляют 58,3% (если основы на [-ѣ] ведут себя так же, как основы на [-с]) или 43,8% (в противном случае) от всех форм, находящихся в области действия правила о присоединении флексии -ии.

³ Материал словаря Срезневского (т. III, ст. 922) свидетельствует скорее об *ѣ-основе: асс. pl. (gen.) талии (βιήρου); ном. pl. талии (< талии?), loc. pl. в талехѣ — пример из нашего текста, где, как выше говорилось, нет достоверных случаев перехода ѣ — е. Приводимые у М. Фасмера и.е. соответствия (т. IV, с. 16) также могли бы говорить об *ѣ-основе, но они вряд ли достоверны.

Таблица 20

Сводная таблица "мужских" парадигм

Грамматическая форма	*o-основы masc.	*й-основы	*ї-основы masc.	*jo-основы masc.
Sg.				
gen.	-a/oу	(оу); -а	-и	
dat.	-оу	-оу	-и; (єви)	-ю/єви
loc.	-ѣ/oу	-оу; ѣ	(и)	-и
Pl.				
nom.	-и; -ы; (ове)	-ове	-ьє; -и	-и; (єве)
acc.	-ы; (и); (ове)	-ы	-и	-и
gen.	-ь; -овъ	-овъ	-ии	-ь; -ии/євь
dat.	-омъ	—	-емъ	-емъ
instr.	-ы	-ы	-ьми	-и
loc.	-ѣхъ	—	-ехъ	-ихъ; -схъ
Du.				
nom./acc.	-а	-а	-и	-а
gen.	-оу	—	—	—
dat.	-ома	—	—	—

Таблица 21
*ā-склонение

Грамматическая форма	*ā-основы		*jā-основы	
	ЭПФ	инновации	ЭПФ	инновации
Sg.				
gen. без пр.	-ы(56×)		-А (22×)*	-и(13×) } (28×)
gen. с пр.	-ы(20×)		-А (2×)*	-и(15×) }
dat.	-ѣ(11×)		-и(15×)	павшѣ 146об
loc.	-ѣ (56×)		-и(48×)	
Pl.				
nom.	-ы(5×)			божници 165об
acc.	-ы(11×)		-А(4×)*	бѣжичи 153об, вошаници 130об
dat.	-амъ (3×)		-амъ (5×)	
instr.	-ами(11×)			
loc.	-ахъ (2×)		-ахъ (3×)	
Du.				
acc.	-ѣ(3×)			
loc.			-ю(1×)	

*Флексии gen. sg., acc. pl. -А имеют тот же статус, что флексия -А acc. pl. *jo-склонения.

"мужские" парадигмы по семантическому принципу с последующим устранением таких форм у основ на твердый согласный. Под это объяснение можно подводить и форму *ѣви*; впрочем, скорее она представляет собой книжную орфограмму (как acc. pl. на -А, -а).

*ї-основы fem. дают исключительно этимологически правильные

формы. Из форм от *й-основ обращает на себя внимание форма *въ црквахъ* 145об — старая форма согласного склонения, устойчивость которой позволяет предполагать последующий переход слова в тип на *-ā (*црква*).

Инновации в парадигме "разносклоняемых" объясняются влиянием твердого варианта: пом. pl. *татарове* (13 форм), loc. pl. *въ татарѣхъ* (2 ф.), *въ оустыанѣхъ* (1 ф.). Относительно развития форм пом., acc. pl. имен на -ан- материал не позволяет сделать никаких выводов.

Средний род *o-основ дает исключительно этимологически правильные формы.

Очевидно, что мягкий вариант *ā-склонения (табл. 21) стремится к полной замене флексий, отличающихся от твердого варианта, соответствующими флексиями из твердого варианта. Эта замена уже прошла в формах gen. sg., nom., acc. pl. и начинается в dat. sg. (написание *павшѣ* нельзя объяснить только твердостью ш; ср. поведение ж — loc. sg. *въ воронажи* 121об; *на книжи* 155об; gen. pl. *моужии* 130, loc. pl. *въ сторожихъ* 122).

Таблица 22

Имена собственные, допускающие вариативность основы (III поч. Синодального списка)

	-ило/а	-ко (-ка)	-шько/а	Прочие
Nom.	Данило 119 об, Михаило 124 об, 119 об, 144, 144 об, 157 об, Дрочило 127, Тве//рдило 127 об—128, Гаврило 148	Иванко 124 об, Михалко 134, Данилько 160 об		
Gen.	Михаила 144 об (2), 146 об			
Dat.	Михаилу 155 об	Михалку 134, 135		Жироху 136 об, Павшѣ 146 об
Acc.	Петрила Нѣжи- 149, Ми- хаила 149	Михалка 136, лу, 119 Иванка 148		
Possess.	Нездыловъ 127	Влунковича 120, Влоуньковичъ 124 об, Иванко- вичъ 128, Ми- халковъ 130 об, на Борьковъ 154, Борькову 157, Славкова 164, на Славковъ 138 об; Морткинича 148	Ондрѣш- ковъ 166	Клуксовичу 147 об Прокшиничъ 130, Гавшини- ча 139 об, Мозотинича 145, Мануски- ничи 148, Пав- шинича 159

2.0. Юридический сборник XIV в. Сборник (ЦГАДА) содержит Русскую Правду, Константинов Закон, выписку из Моисеева Закона, список договорной грамоты Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. и устав Ярослава о мостах. Почерк середины XIV в.; весь сборник (119 листов) писан одной рукой. Материал приводится по изданию "Русские достопамятности" (ч. II. М., 1843) (издано явно со множеством ошибок, но с параллелями по другим спискам Русской Правды и соответствующим греческим текстам); материал списка смоленской грамоты — по изданию "Смоленские грамоты XIII—XIV веков" (М., 1963), где он называется копией F (с. 45—52). Происхождение памятника — явно новгородское (см.: Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде. М.—Л., 1941, с. 143—145, 158).

2.0.0. В тексте не встретилось ни одного написания, свидетельствующего о билабиальном характере *υ* перед согласной внутри слова (что может служить основанием для исключения гипотезы о принадлежности данного диалекта к северо-восточным). Есть случай, который можно рассматривать как замену предлога *въ* на *оу*: *аще кого оубьютъ оу клѣти или оу которои тадбѣ* 16. В современных говорах такая замена распространена по западным, средне- и южно-русским говорам, с выбросами в северо-западные говоры (см. Образование..., с. 35—37). Встретились написания *хто* 41, *мечь* (< *мечь*) 10.

Имеется один пример мены *e ~ и* в мягкой позиции: *аща и мука* 78 (возможно, описка). Основным ареалом распространения перехода 'а' — *e* считается северо-восток, но спорадически это явление распространено по всей Руси (см. Образование..., с. 17—21).

Интересна "ятевая ситуация" текста. Встретилось большое количество замен *e* (в частности из *ь*) — *ѣ* в основном в мягкой позиции: 58 примеров. В твердой позиции — 2 случая: *о бѣзядницѣ* 34, *о бранѣ*^x 45, причем для последнего возможно аналогическое объяснение.

Случай замены *ѣ — e* в памятнике: а) перед мягкими *обель* 20, 22, 23, *обелный* 24, *обелно* 38, 113 (ср. *дбѣлнии* 24); *последи* 7; *немчель* 119, б) перед твердым: *по следу* 27; *о покладѣ* 70; *въ дровехъ* 61.

В.В. Виноградов (указ. соч., с. 176) утверждает, что в тексте "Достопамятностей" имеются пример на мену *ѣ ~ и* во всех позициях. Действительно, примеров такой мены довольно много. Ниже приводятся те из них, которые явно не допускают морфологического объяснения.

1) Написания *и* вместо *ѣ*:

а) в мягкой позиции: постоянное колебание *свѣдитель ~ свидѣтель*; *свидѣтельствуютъ* 55, *раздѣлитель* (праес.) 32; *сѣнь* 11 (< *сѣнь*, а не 'синий', как толкуется в комментарии); *дѣтискии* 37; *риль* ('рели'²⁰, du) 118(2), *бѣжить* 22, 39; *видѣли* 17, *видѣль* 56; *силни* (сoprag.);

²⁰ Вряд ли возможна такая форма от *рьль*. Мы предполагаем здесь исходное *рьля* или *риля* — от *рьль* или *риль* — вариант с другой ступенью огласовки,

б) в твердой позиции: *выльцу* (3 л. pl. praes.) 5; *нѣли* 41; *крому* 3; *ненадобу* 18; возможно, сюда же имя собств. *перенциъ* 5.

2) Написания *ѣ* вместо *и*:

а) в мягкой позиции: *прѣтАжеши* 'притянешь', *вѣрнику* 8(4); *полувѣрье* 10; *снабдѣсте* 82; в сочетании *ѣ: *стѣблѣкѣ*; *велѣи* 62;

б) в твердой позиции: *вѣра* 9, *вѣру* 6 'вира'; *дѣкую* 6 ('дикую').

Как показывают приведенные примеры, мена *ѣ ~ и* в твердой позиции происходила и в ударном, и в заударных, и в 1-м предупредном²¹ слогах. Соответственно, мена *ѣ ~ и* в мягкой позиции также не определена относительно ударения.

В связи с этим имеются трудности для фонетического истолкования примеров мены *e ~ ѣ*. Мы предлагаем следующее решение. Соотношение замен *ѣ — и* и *и — ѣ* в мягкой позиции — 11:6; в твердой 5:4. В то же время соотношение замен *e — ѣ* и *ѣ — e* в мягкой позиции 58:8 (причем из этих 8 случаев 6 — от одного корня); в твердой 1:3. Естественно объяснять это положение таким образом: в мягкой позиции *e — ѣ*, для которого используется знак *ѣ*; *ѣ ~ и*. В твердой позиции *ѣ ~ и*; наблюдается также реликт старой новгородской орфографической системы, разрешающей свободную замену *ѣ* на *e* (см. описания предыдущих текстов). Случай *о бѣзядницѣ*—опечатка, возможно, вызванная влиянием той же системы. Такое толкование позволяет удовлетворительно объяснить написание *жела* 8 'жилья': фонетическим смешением *i* и *ѣ* и графической заменой *ѣ — e*.

Написание *судити* 76 (2 л. pl. imper.) 'судите' считаем опиской под влиянием предшествующего слога.

Имеется написание *по суднуй грамотѣ* 97; можно связывать его с локализацией форм типа *бабуи* (Диалектологический атлас; Морфология, карта 3, автор — В.Н. Теплова; южная часть северных говоров) — см. о таких формах статью С.Л. Николаева в наст. сб.

Появляются окончания instr. pl. прилагательных *-ымы*, существительных *-амы*: *с другымы изгои* 118, *с чюжими кунамы* 20 (ср. Срезневский, указ. соч., с. 178, где указывается, что флексия *-мы* в памятниках зафиксирована только у прилагательных и местоимений). Теперь такие формы встречаются в северных говорах в отдельных пунктах между Ловатью и Мстой; в районе Новой Ладоги и вокруг Будогоши, а также в Обонежье (наряду с другими типами instr. pl.); в южных говорах — в ареалах вокруг Стародуба и Рьльска

чем *рьль*, ср. в балтийских: лит. *rieklas* 'жерди', прус. *riclis* 'чердак' (Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1914. С. 196; Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. T. II. Göttingen, 1965. С. 729) — у нас в тексте идет речь о перилах моста. Фасмер отвергает возможность формы с *ѣ* и сопоставление с литовским (т. III, с. 466), но он имеет дело с ошибочно записанными балтийскими примерами: *rēkles* 'жерди', *rēklas* 'чердак'. Френкель отмечает, что эти ошибочные написания фигурируют в литературе, начиная с работы Лескина "Bildung der Nomina in Litauischen".

²¹ Предлагается читать *дѣкую*: во-первых, *дикъ* связывается с *дивъ* (см. Фасмер, т. I, с. 514), а для этого последнего показания слов. *div* при схрв. *дивъи* свидетельствуют о с-парадигме; во-вторых, ср. широко распространенную именно по северным современным говорам форму *дикой* (СРНГ. Вып. 8. Л., 1972. С. 56—57).

(см. Образование..., с. 190—191, карты 56, 57). Относительно их происхождения существует два мнения (не считая того, что в южнобелорусских говорах окончание *-амы* может быть результатом фонетического отвердения губных — *Карский Е. Ф.*, Белорусы. Вып. 2—3. М., 1956, с. 153): а) *-амы* — следствие влияния на флексию *-ами* флексии *instr. pl. *o-основ -ы* (Соболевский, указ. соч., с. 178); б) *-амы* — следствие влияния "литературного языка и говоров, в которых распространено окончание *-ами*, на говоры... с окончанием *-ама*" (Образование..., с. 193). Второе объяснение могло бы подтверждаться положением в Обонежье (где есть и *-ама*, и *-амы*, что, впрочем, может объясняться характерной для этого района чересполосицей говоров); но в других ареалах *-амы*, особенно в южных, нет свидетельств о наличии *-ама*, а для северных ареалов трудно предполагать влияние *-ами*, так как они со всех сторон окружены системой с синкретизмом *dat. и instr. pl. (к домам — с домам)*. Во всяком случае, процесс, приведший к появлению *instr. pl. на -амы*, должен быть достаточно нетривиален, и наличие такой флексии может приниматься за локализирующий признак.

Имеются формы глагола 3 *sg., pl. praes. без конечного -ть: краде* 16, *ѣ вылізу послуци* 11. В современных говорах ареалы распространения подобных образований разбросаны по Северо-Западу. Вопрос о том, являются ли эти отдельные ареалы островами, в которых сохранилось архаическое положение, или территориями с параллельным развитием систем, весьма сложен, решать его мы здесь не будем (для обоснованного решения, возможно, необходимо обследование большого количества старых северных текстов разного времени и разной локализации; обсуждение вопроса см. в Образовании..., с. 128—130 и в приведенной там литературе). Во всяком случае, видимо, эта форма с довольно большой вероятностью указывает на северо-западное происхождение текста.

Трудно сказать, о какой локализации свидетельствуют формы *печаловалси* 35, *ростАжутци* 37. По современным говорам формы с возвратной частицей *-си (-сы)* распространены практически по всей восточной Руси, основной ареал доходит на запад примерно до Ладожского озера (по южным говорам примерно до Мосальска), но имеются многочисленные мелкие ареалы и в более западных областях (см. Образование..., с. 114, 115, к. 32, 33; также: *Обнорский С. П.* Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953, с. 73—78). Возможно, что это общерусская форма.

Формы от местоимений *тъ, вьсь: ѿ всихъ* 82; *тимъ* 14; *всимв* 16(2), 46, 62, 99(2), 106; *тим* 113 — в данном тексте допускают двойное толкование: и через фонетическое смешение *ѣ ~ и*, и через влияние мягкого варианта. Формы типа *ти, тихъ, тимъ* и т. д. занимают в современных говорах весьма ограниченную территорию; возможно, что на старой территории распространения этих форм они частично перекрыты инновацией *ты* (и членные формы *тыи, тыйи, тыйе*), *тых, тым*. Сложение этих двух ареалов охватывает всю территорию западнее 36° в. д. за исключением пространства между Лугой и Волховом (см. Образование..., с. 92, к. 25).

Зафиксированы членные формы от *тъ: той же ѿгнь* 52; *тыи товаръ* 107(2), *таа правда* 109, ср. *gen. sg. fem. иноюжа... злобы* 78. Эти формы указывают на Северо-Запад ≈ до 36° в. д. (см. выше).

Очень распространены конструкции с прямым объектом в *pot.:* *платити продажа* 11; *платити... продажа* 14; *дати... гривна* 9; *взяти гривна* 37; *гривна взяти* 37; *куна взяти* 33; *ногата взяти* 33; *дати... кунa* 109, 110(2); *дати... ногата* 109; *дати чѣна* 67; *цѣна дати* 47; *платить... гривна* 101; *творити... всяка волa* 36; *взати... таа правда* 109; *та же правда взати* 109. Относительно распространения этой конструкции в современных говорах см. выше — это Северо-Запад и северная часть Северо-Востока.

Итак, предварительно текст можно локализовать в западной части русских говоров, вероятно, в восточной ее половине.

2.0.1. Именное склонение (табл. 23—28).

В **i-основах fem.* все формы этимологически правильные, кроме *ѡ бранѣ* 45, о которой см. выше. Встретившиеся формы от **i-основ* не дают оснований для каких-либо заключений.

2.0.2. Интерпретация. Прежде всего нужно определить статус многочисленных форм, где во флексии имеет место замена этимологического *ѣ* на *и* и наоборот. Как было уже отмечено, в памятнике *ѣ* и *и* мешаются и в основах слов, что, видимо, свидетельствует об их фонетической близости²². Такое смешение в именных флексиях происходит гораздо чаще, чем в основах: при ≈ 0,1% от общего числа случаев с **i* в основе замен *и — ѣ*, во флексиях таких замен 15%; для замены *ѣ — и* соотношение — 3,4% в основах; 20,8% во флексиях, — что отчасти может объясняться общей избыточностью именной флексии в языке (следствие — меньшая запоминаемость орфографической формы и меньшее влияние ее на писца). Но объяснять всякий случай замены *ѣ ~ и* во флексиях одной и той же фонетической причиной невозможно из-за сильной изменчивости процентного содержания форм с заменами по различным грамматическим формам. Видимо, часть замен должна объясняться какими-то морфологическими процессами. Механизм таких двойных замен можно смоделировать с помощью рассмотрения их на двух уровнях: на морфонологическом уровне продействовали определенные аналогические процессы, повлиявшие на выбор флексии, после чего словоформа (так сказать, в морфемной записи) поступает на фонологический (или фонетический) уровень, где накладывается близость *[e]* и *[i]*, что при переходе на графемный уровень вызывает частичное смешение графем *ѣ* и *и*²³. Предполагается, что грамма-

²² То, что буквы *ѣ* и *и* все же неоднозначны, ясно из большого количества написаний с *ѣ* вместо *e* в мягкой позиции при полном отсутствии написаний *и* вместо *e*. Ср. обоснование предположения, что в новгородских говорах XIV—XV вв. не было нейтрализации фонем *[ѣ]* и *[и]* у К. В. Горшковой (Очерки исторической диалектологии северной Руси. М., 1968. С. 131).

²³ Такая ситуация возможна, например, при плохом фонетическом слухе у писца или в случае, если одни носители данного диалекта еще различают в произношениях *ѣ* и *и*, а другие, в том числе писец, уже смешивают, или, наконец, если писец переписывал текст, написанный человеком, различавшим *ѣ* и *и*, допуская отклонения от оригинала при самодиктовке.

Таблица. 23

Тип склонения	*o-склонение masc.*		*jo-склонение masc.	
	ЭПФ	инновации	ЭПФ	инновации
gen.	-а (114×)	гороху-8, до року 66, слѣду 27	-а (58×)	
Sg.	dat.	-оу (91×)	послови 101, бвѣ 102	-ю (55×) мечеви 67, Моисѣ- нѣви 83, 86, мужеви 59
	loc.	-ѣ (93×)	на... берегу -и (6×) 101, 103, 104	-и (9×) -ѣ (10×=52%)
nom.	-и (30×)	подобны 78, посилите свободны 18, 54, оубьсны 31, далѣ 113, малы 34 держалѣ 99, кралѣ 42, оурядилѣ 112	-и (11×)	волосте[ле]ви 113
acc.	-ы (29×)	помысли 4, свѣдѣтельст- вовани 77	-а (2×)**	кони 33, мужи 98
Pl.	gen.	-ѣ (8×)	-овѣ (11×) (дроуговѣ, коуровѣ, послуховѣ 4×, оубороковѣ 3×, хлѣбовѣ 2×)	-ѣ (4×)
	dat.	-омѣ (6×)	маложенамѣ 59, смер- дамѣ 17	-емѣ (12×) ильинцамѣ 119
	instr.	-ы (8×)		-и (8×)
	loc.	-ѣхѣ (6×)	ω смердахѣ 31	Гдичичихѣ 76
Du.	nom./ /acc.	-а (6×)		-а (7×)
	gen./ /loc.	-оу (1×)		-ю (3×)

* Форма nom. sg. на -e: далѣ 'я дал' 84; ср. также nom. sg. конечней (мать) 15.

** Оба случая -а — в выписке из Закона Моисеева, очевидно, книжные формы.

*** Снѣвъ кго мягкая позиция (ѣ из [e]).

тические характеристики словоформы снимаются при переходе на фонологический уровень (морфемные границы остаются, поскольку они входят в морфологическую запись: и, по-видимому, писец, выводя форму на графемный уровень, помнит, от какого она слова образована, так как, скорее всего, самодиктовка идет по словам). Имея такую модель, естественно применить следующий способ отделения форм с фонетически обусловленными заменами от форм с морфологическими

*i-склонение masc. ³		*i-склонение masc.	
ЭПФ	инновации	ЭПФ	инновации
вѣрху 113, дому 71 (2×), 79, 80, 83, 94 (2×), радѣ 32, 38, 119, солоду 7, 33, торгу 119	вола 91, 92, дара 1, попа 66 (2×), 98, рода 43, 83, сана 66	(дни 91 (2×)), пути 107	тата 26, 112
снѣви 5, 35, попови 53, 101	дому 81, 86, полу 73, сыну 5, 88	гости 113 (3×)	гостю 21, ωгну 79
в дому 32, 34, в пиру 7, на полу 79—80, на стану 46, ω снѣу 72, на торгу 12 (2×), 14	ω волѣ 63, (2×), в родѣ 51, о попе 63, 66, при попѣ 115	ω татѣ 58	
волове 64, снѣвѣ 5***	снѣви 6, 25, 37	людьѣ 16, 7 (2×), 85 (3×), 82, 26, 37, людьѣ 82, татѣѣ 78, 80, 17	люди 87
—	—	(дни 72, 12)	
снѣвѣ 32, 81, снѣвѣ 89, даровѣ 113	—	(дни 84 (2×)), людѣи 31, 97, 28, 44, 46, 26, 114 (2×)	
попомѣ 79	—	людемѣ 45, 46	
—	—	людми 27, 34	
—	—	—	—
—	—	—	—

заменами: для каждого вида замен взять относительное количество форм с омонимичными флексиями с заменами в том типе склонения имен, где фонетическое объяснение — наиболее вероятное, за приблизительный максимум возможных фонетических замен данного типа во флексиях, и, если в каком-либо другом типе относительное количество таких же замен значительно превысит это число, считать их по крайней мере частично морфологически обусловленными.

Таблица 24
Склонение слов с основой на *-es-

Грамматическая форма		ЭПФ	Иновации
Sg.	gen.		нбси 79, 86, нбсь 81 словеси 60
	dat.	по словеси 71, 99	
	loc.		нбсь 83

Таблица 25
"Разносклоняемые"

Грамматическая форма		ЭПФ	Иновации
Pl.	nom.		горожанъ 115, рижанъ 116
	gen.	-ъ 8X	
	dat.	-омь 9X	бережанамъ 117, витковлянамъ 119, ти-грожанамъ 117, нередицанамъ 117, пидьблянамъ 117
	instr.	-ы 2X	

Таблица 26
*o-склонение ср. р.

Грамматическая форма	*o-основы		*jo-основы	
	ЭПФ	инновации	ЭПФ	инновации
Sg.	gen.	-а (36X)	-я (25X)	
	dat.	-оу (5X)	-ю (12X)	
	loc.	-ѣ (14X)	на стояли 88	на полѣ ѿ крыньѹ 16, ѿ кры-янию 58
Pl.	acc.	-а (18X)	ребры 64	-я (1X)
	gen.	-ъ (3X)		
	dat.	-омь (1X)		
	loc.	-ѣхъ (1X)		-ихъ (1X)
Du.	acc.	-ѣ (1X)		-и (1X)
	loc.			-ю (1X)

Для замены ѣ — и мы возьмем эталоном содержание таких форм в парадигме *ā-склонения. Для флексии gen. sg. с предлогом -и морфологическое объяснение (ср. у Шахматова) вообще мало вероятно; флексии loc. sg. и асс. du. могли бы быть объяснены влиянием мягкого варианта, но это объяснение также маловероятно, поскольку такого влияния не наблюдается в других формах: gen. sg. без предлога, dat. sg., nom., асс. pl. Соотношение форм без замены ѣ — и и форм с заменой 106:14; процентное содержание форм с заменой — 11,6%.

Таблица 27
*ā-склонение

Грамматическая форма		ЭПФ	Иновации
Sg.	gen. без пр.	-ы (36X)	
	gen. с предл.	-ы (23X)	-ѣ (7X) -и (2X)
	dat.	-ѣ (35X)	-и (2X)
	loc.	-ѣ (55X)	-и (4X)
Pl.	nom.	-ы (9X)	
	acc.	-ы (44X)	
	dat.	-амъ (3X)	
	instr.	-ами (3X)	-амы (1X)
	loc.	-ахъ (5X)	
Du.	nom./асс.	-ѣ (9X)	-и (8X)
	gen.	-оу (3X)	

Таблица 28
*jā-склонение

Грамматическая форма		ЭПФ	Иновации
Sg.	gen. без пр.	-ѣ (7X), -А (5X)	-и (18X=60%)
	gen. с пр.	-ѣ (4X), -А (13X)	-и (13X=43,3%)
	dat.	-и (13X)	-ѣ (4X=23,5%)
	loc.	-и (12X)	-ѣ (9X=43%)
Pl.	nom.	-А (2X)	-и (2X)
	acc.	-ѣ (1X), А (5X)	-и (6X=50%)
	dat.	-ямъ (5X)	
	instr.	-ями (3X)	
	loc.	-яхъ (3X)	
Du.	nom./асс.	-и (3X)	-ѣ (2X)

В *o-основах masc. форм без замены (loc. sg.) — 93; форм с заменой (loc. sg.) — 6; процентное содержание — 6,06%; ниже приблизительного максимума, считаем замену фонетической.

В *jo-основах masc. такие замены (асс. pl.) составляют 100% — явное морфологическое объяснение. Для *o-основ neu. соотношение (в формах loc. sg.) — 15:1; 6,25% — фонетическая замена. Для *jā-основ — это формы gen. sg., nom., асс. pl.; соотношение 12:40, 77% — морфологическое объяснение.

Эталоном для замены и — ѣ условно примем содержание форм с такой заменой в *o-склонении masc. Эти формы — nom. pl. на -ѣ, употребляющиеся исключительно от /-причастий. Объяснение их из асс. pl. *jo-склонения, хотя и допустимо, достаточно сложно, поскольку в тексте флексия -ѣ отсутствует и в nom. pl., и в асс. pl. *jo-основ. Фонетиче-

ское же объяснение весьма вероятно, если учесть позицию этой флексии: прочие формы могут получать флексию из асс. pl. *-ы*, а *l*-причастия, как видно и из современного положения, наиболее к ней устойчивы. В тексте 4 или 5 таких форм на 30 форм с незаменимым *и* (nom. pl.); процентное содержание — 11,8% или 14,5%.²⁴ В результате морфологически объясняются такие формы у **jo*-основ муж. (loc. sg., nom. pl., instr. pl. на *-и* — 28 примеров, loc. sg. на *-ѣ* — 10 примеров; % содержание — 26%; loc. pl. на *-ихъ* — 1 пример, на *-ѣхъ* — 2, % содержание — 67%), у **jā*-основ (dat., loc. sg., nom., acc. du. на *-и* — 28 примеров, на *-ѣ* — 15 примеров, % содержание — 35%); у основ на *-es-* (на *-и* — 5 форм, на *-ѣ* — 2 формы, % содержание — 28,6%). Фонетическое объяснение проходит для **jo*-основ ср. р. (loc. sg., acc. du. на *-и* 18 форм, на *-ѣ* — 1 форма, 5,3%); следует, однако, заметить, что из этих 18 форм 15 — с основой на *-ѣj-*, что может отчасти объяснять малое количество инноваций по твердому типу.

Тот факт, что превышение эталона для морфологической мены *ѣ* — *и* больше, чем превышение эталона для морфологической мены *и* — *ѣ*, легко объясняется большей частотностью фонетической мены *ѣ* — *и* по сравнению с меной *и* — *ѣ* (как для основ, так и для флексий; видимо, следствие большей частотности буквы *и* вообще). Дело в том, что эти морфологические инновации в принципе могут состоять частично из форм с фонетической заменой. При морфологической мена *ѣ* — *и* фонетическая замена *ѣ* — *и* "перетягивает" в инновации больше форм, чем обратная фонетическая мена *и* — *ѣ* "перетягивает" в ЭПФ, а при морфологической мена *и* — *ѣ* наоборот. В результате в первом случае получается больше инноваций, чем до действия фонетического процесса, а во втором — меньше.

Перейдем к рассмотрению собственно морфологических процессов.

Морфологические процессы в двухвариантном склонении муж. **i*-склонении и склонении **i*-основ муж. (табл. 29).

1) Взаимовлияние **o*- и **i*-склонений. Наблюдается перераспределение флексий в gen., dat., loc. sg.; в dat. — по семантическому принципу; для gen. и loc. принцип из имеющегося материала неясен. В gen. pl. ожидается, видимо, полная замена флексии **o*-склонения флексией **i*-склонения. В nom. pl. имеется случай изменения флексии **i*-основ *-ове* под влиянием флексии **o*-склонения *-и* в *-ови*. Кажется, что условия для такого изменения могли иметься в системе только до смешения nom. и асс. pl. **o*-склонения и проникновения в nom. pl. флексии *-ы* (при наличии устойчивой соотношенности nom. pl. masc. твердых основ с флексией *-и*). Таким образом, вероятно, что относительная датировка процессов смешения им. и вин. множ. **o*-основ муж. и совпадения парадигм **o*- и **i*-склонения примерно та же, что и для II почерка летописи (см. выше).

²⁴ Поскольку мы все же не исключаем аналогическое объяснение этого факта (т.е., возможно, цифра 11,8% или 14,2% выше искомого порога), последующее отнесение на статистическом основании части замен к фонетическим условно, и, как показывается ниже, столь же вероятно, сколь морфологическое объяснение. Вопрос, какое из двух объяснений верно, на материале данного текста не разрешим.

Таблица 29

Грамматическая форма	<i>*i</i> -основы	<i>*o</i> -основы masc.	<i>*jo</i> -основы masc.	<i>*i</i> -основы masc.	
Sg.	gen.	-ou/a	-a/ou	-a	-и;-А
	dat.	-ови/ou	-ou/ови	-ю/сви	-и;-ю
	loc.	-ou/ѣ	-ѣ/ou	-и;-ѣ	-и
Pl.	nom.	-ове;-ови	-и;-ы/ѣ	-и;- (еви)	-ѣс;-и
	acc.	—	-ы;- (и)	-и	-и
	gen.	-овъ	-ѣ;-овъ	-ѣ	-ии
	dat.	-омъ	-омъ;- (амъ)	-емъ;- (ямъ)	-емъ
	instr.	—	-ы	-и	-ьми
	loc.	—	-ѣхъ;- (ахъ)	-ихъ;-ѣхъ	—

2) Если принимать морфологическое объяснение для форм им. множ. **o*-основ на *ѣ*, то следует относить заимствование этой флексии из парадигмы мягкого варианта к периоду до начала влияния твердого варианта на мягкий, вызвавшего унификацию флексий nom. и асс. pl. **jo*-склонения в *-и*; ко времени, когда окончания *-и* (из им.) и *-ѣ* (из вин.) могли свободно варьироваться в обоих падежах. Относительно времени смешения им. и вин. множ. в твердом варианте процесс не определяется, так как относится именно к формам, находящимся вне сферы действия последнего (см. выше). Отметим, что такие формы с большой вероятностью должны исчезнуть при последующем развитии системы; в современных восточнославянских диалектах их рефлексы зафиксированы исключительно в белорусских говорах (см.: *Соболевский А.И.* Указ. соч. С. 180); в основном в юго-западной части (Карский. Указ. соч. С. 137—138), где их существование поддерживается тем, что в этих районах унификация флексий им.-вин. множ. **jo*-основ произошла в *-ѣ* (ср. также литературное украинское *-i* < *-ѣ* в мягком варианте).

3) Тенденция к замене в **jo*-парадигме всех флексий, отличающихся от **o*-парадигмы, соответствующими флексиями из **o*-парадигмы, начала действовать, очевидно, позже процесса (1), так как заимствуются также флексии из **i*-склонения — dat. sg. и nom. pl., что трудно объяснить прямым влиянием **i*-склонения на **jo*-склонение. При этом в nom. pl. флексия **i*-склонения заимствована в уже измененном под влиянием соответствующих флексий **o*- или **jo*-склонения виде. Влиянием **o*-склонения также можно объяснить полное совпадение флексий nom. и асс. pl. в флексии *-и*. Сильное влияние твердого варианта на **jo*-склонение (при отсутствии влияния на **jo*-склонение со стороны **i*-склонения masc.) делает вероятной замену флексий gen. pl. *-ѣ* на *-евъ* независимо от конечного согласного основы. При очень малом количестве встретившихся форм gen. pl. от **jo*-основ (4 формы) эта замена могла не отразиться в тексте случайно.

4) Влияние **jo*-склонения на **i*-склонение masc. Из-за очень малого материала по **i*-склонению трудно что-то сказать о месте этого процесса в последовательности прочих морфологических процессов. Проникновение флексии *-и* в форму nom. pl. от **i*-основы скорее

объясняется аналогией с *i-склонением fem., чем влиянием *jo-склонения masc. Никакого обратного влияния *i-склонения на *jo-склонение masc. не наблюдается.

5) Формы dat. pl. на *-амь*, *ямь*; loc. pl. на *-ахъ* твердого и мягкого вариантов муж. можно объяснять аналогией с формами *o- и *jo-склонения ср. р., получившимися путем обобщения гласной флексии пот. pl. *-а* на другие падежи под влиянием флексий *a-склонения. Объяснение имеющихся форм прямым переносом флексии *a-склонения мало вероятно: эти парадигмы слишком различны. Впрочем, полное отсутствие материала по рассматриваемым формам в *o- и *jo-склонениях ср. р. не позволяет ни доказать, ни опровергнуть эту гипотезу.

В склонении *o-основ neu. форма loc. sg. на *стоаля* 88 объясняется фонетически (см. выше). Форма acc. pl. *ребры* 64 могла появиться под влиянием парадигмы мужского рода. Прочие формы — этимологически правильные.

В мягком варианте имеется 2 инновации в loc. sg.: на *полѣ* 16 (при 16 форма на *-и*; может быть объяснена и фонетически — см. выше); *ѡ крыньѡ* 58, *ѡ крыаньѡ* 58 видимо, влияние флексии *y-основ через *o-склонение masc.; впрочем, заметим, что на 16 форм loc. sg. от *jo-основ masc. ни одной формы на *-ю* не встретилось. Прочие формы — этимологически правильные (ср. loc. sg. *въ чему* 71).

В склонении основ на *-ан-* пот. pl. представлен двумя формами на *-анѣ*, обе из списка Смоленской грамоты. Объяснение их через влияние *jo-склонения masc. вряд ли возможно, поскольку acc. pl. *jo-склонения уже весь унифицировался по пот. pl. в *-и*. Маловероятна и фонетическая замена *и* — *ѣ* (содержание этих форм — 100%). Предлагается следующее объяснение. Судя по тому, что в прочих сохранившихся списках этой грамоты это формы на *-ане* (см. Смоленские грамоты, с. 25, 30, 35, 39, 44, 45), в экземпляре, с которого делался данный список, также стояло *-ане*. Переписчик (составитель сборника) был новгородец, т.е. человек с орфографической традицией свободной замены *ѣ* через *е*, сам при этом употреблявший такую замену редко. В его собственном диалекте флексии *-е* уже не было (возможно, все согласные основы уже получили на ее место *-и* из *i-склонения), а различные флексии вида *-ѣ* были широко распространены. Поэтому он принял такое написание за графическую замену *ѣ* — *е* и "прояснил" это написание согласно своему пониманию. Возможно, также следует объяснять написание *ѡ нбсѣ* gen. sg., *нбсѣ* loc. sg. в выписке из Ветхого завета.

Формы dat. pl. разносклоняемых на *-амь* не дают, как это может показаться с первого взгляда, оснований для вывода, что в им. множ. этих слов устанавливается флексия *-а*, поскольку содержание форм на *-амь* (35,7%) в них практически не отличается от содержания таких же форм *o-основ masc. (33,3%).

Флексия instr. pl. *a-основ *-амы* была рассмотрена выше (см. с. 106). Остается рассмотреть морфологические процессы, идущие между *a- и *ja-склонением (формы на *-и* от *a-основ мы будем считать фонетическими вариантами форм на *-ѣ*) (табл. 30).

Таблица 30

Грамматическая форма		* <i>a</i> -основы	* <i>ja</i> -основы
Sg.	gen. без пр.	-ы	-ѣ;-и
	gen. с пр.	-ы;-ѣ	-ѣ;-и
	dat.	-ѣ	-и;-ѣ
	loc.	-ѣ	-и;-ѣ
Pl.	nom.	-ы	-ѣ;-и
	acc.	-ы	-ѣ;-и
Du.	nom./acc.	-ѣ	-и;-ѣ

Из этой таблицы, во-первых, видно, что gen. sg. *a-основ с предлогом приобретает наряду с *-ы* флексию *-ѣ*, что, видимо, свидетельствует о тенденции к образованию "общего предложного" падежа — ср. выше. Во-вторых, наблюдается явная тенденция замены флексий мягкого варианта флексиями твердого варианта (при этом заметим, что *-ѣ* в gen. с предлогом заменяется на *-и* реже, чем в gen. без предлога). Система, видимо, стремится к унификации обоих вариантов в формах твердого варианта, с различием (по крайней мере, факультативным) флексий gen. с предлогом *-ѣ* и gen. без предлога *-ы* (*-и*). Из имеющихся в современных говорах Северо-Запада систем *a-склонения, видимо, наиболее вероятный "потомок" — система (4) (см. прим. 1).²⁵

С.Л. НИКОЛАЕВ

СЛЕДЫ ОСОБЕННОСТЕЙ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПЛЕМЕННЫХ ДИАЛЕКТОВ В СОВРЕМЕННЫХ ВЕЛИКОРУССКИХ ГОВОРАХ.

1. КРИВИЧИ

На территориях, которые приблизительно в VII—XII вв. населяли кривичи, в настоящее время распространены несколько крупных объединений великорусских и белорусских говоров, с синхронной точки зрения относящихся к различным группам (великорусские говоры псковской, гдовской, новгородской, селигеро-торжковской, западной, верхне-днепровской, верхне-деснинской, владими́ро-поволжской и восточной среднерусской акающей групп; белорусские северо-восточные и центральные говоры) — см. Седов 1982, с. 46—58, 158—169; с. 271 — карта "Расселение восточных славян в IX—XII вв."; ДАРЯ I, карта 1; Захарова—Орлова 1970, "Диалектологическая карта русского языка".

Так как классификация говоров в таких диалектных континуумах,

²⁵ Окончание статьи см. в следующем выпуске ежегодника (Балто-славянские исследования 1987).

как восточнославянская языковая общность, в принципе не может быть обеспечена единственной непротиворечивой формальной процедурой, мы считаем себя в праве несколько видоизменить признанную в русской и белорусской диалектологии картину членения говоров, выдвигая на первый план родство диалектов по признаку наличия в них системных архаизмов древнейшего периода, могущих в значительной мере стираться и затемняться позднейшими явлениями, которые возникали самостоятельно либо заимствовались из соседних говоров.

Широко распространенное мнение о специфической древней языковой общности восточных славян до X—XI вв. никем строго не доказано. Обычно перечисляемые древнерусские диалектные различия (см., например, Горшкова 1972, с. 64—69, 136—138; Борковский—Кузнецов 1965, с. 85—98) либо действительно поздние, либо имеют ярко выраженный ареальный, наддиалектный характер (взрывное/фрикативное *z*, аканье и т.д.). Справедливая критика попыток А.А. Шахматова имевшимися в его время средствами показать происхождение современных диалектных различий из племенных восточнославянских диалектов привела к тому, что в науке возобладало мнение о чрезвычайной трудности и даже невозможности найти под позднейшими напластованиями старые диалектные черты (см., например, Аванесов 1949, с. 34—38).

Исследования последних лет показали, что еще в XII—XIV вв., когда, по утвердившемуся мнению, процесс консолидации великорусских говоров в основном завершился, существовали диалекты, никак не выводимые из традиционного восточнославянского языка-основы. Так, А.А. Зализняк в результате анализа языка древненовгородских берестяных грамот пришел к выводу, что "в целом древненовгородский предстает как сильно обособленный славянский диалект, отличия которого от других восточнославянских диалектов в части случаев восходят к праславянской эпохе" (Зализняк 1984, с. 51).

Ниже будут рассмотрены, некоторые диалектные черты, сохранившиеся в современных великорусских и белорусских говорах, которые а) видимо, не могут считаться возникшими после распада гипотетического правосточнославянского языка, а восходят к (поздне) праславянскому уровню; б) имеют географическое распространение, определенно укладывающееся в рамки территории кривичей, известной в результате археологических изысканий. Эти черты, видимо, были свойственны племенному диалекту кривичей.

Выход в свет шести томов "Псковского областного словаря" (А.—Глушинник) (Л., 1967—1984), где приводятся акцентуированные тексты в качестве примеров к заглавным словам, позволяет в результате сплошного обследования этих текстов получить материал, достаточный для предварительных выводов об архаизмах псковских говоров. Ценные сведения по фонетике и морфологии русских говоров, в том числе северо-западных, содержатся в материалах Диалектологического атласа русского языка, хранящихся в Секторе диалектологии и лингвогеографии Института русского языка АН СССР.

При подготовке статьи, кроме специально оговоренных в тексте, были использованы следующие источники: ДАРЯ I, карта I и Седов

1982, карты 25, 26, 34, 38 (расселение восточнославянских племен); материалы ДАРЯ (ответы на вопр. 36) и ДАРЯ I, карты 45, 46, 47; АРНГ Сев.-Зап., карты 27, 28, 29, АРНГ Зап., карты 48, 49, АРНГ Сев., карты 72, 73, АРНГ Юг, карты 52, 53, АРНГ Вост., карта 40 (рефлексы велярных в условиях трех палатализаций); материалы ДАРЯ (ответы на вопр. 67) и АРНГ Вост., карта 73, АРНГ Юг, карта 73, АРНГ Сев.-Зап., карта 118, АРНГ Сев., карта 132 (рефлексы **květ-*); АРНГ Зап., карта 119 (рефлексы **xřr-*); материалы ДАРЯ — ответы на вопр. 31 (развитие напряженных редуцированных); материалы ДАРЯ — ответы на вопр. 117к (ударение в *l*-причастиях); материалы ДАРЯ (ответы на вопр. 183) и ДАРЯ III, карта 51 (рефлексы *odъnyje); Образование..., карты 18, 91а, 50 (распространение стяженных окончаний -у < **-ajr*, -ум/-ум' < **-ajotъ* и -уй/-ую < **-oję*); материалы ДАРЯ (ответы на вопр. 165); Кармакова дис.; ДАРЯ III, карта 39; АРНГ Сев.-Зап., карты 177—179, 162 (дополнительный фонд); АРНГ Сев., карты 383—386; АРНГ Зап., карты 388—391; АРНГ Вост., карты 202—205; АРНГ Юг, карты 264—266 (рефлексы **k-* в **křp-*, **křv-*, распространение образования *meněc/menók*); материалы ДАРЯ — ответы на вопр. 117 и (ударение в презенсе *i*-глаголов).

Автор выражает глубокую благодарность всем сотрудникам Сектора и в первую очередь О.Е. Кармаковой и И.А. Букринской за их помощь в разыскании и интерпретации диалектных данных. Ценность материала ДАРЯ заключается не в последнюю очередь в том, что он дает возможность составить точную карту распространения соответствующего явления, что, к сожалению, почти невозможно при пользовании другими источниками.

Автор выражает глубокую признательность А.А. Зализняку за ценные советы и замечания, сделанные во время подготовки статьи, а также за предоставленный им материал по велярным рефлексам праславянских сочетаний дентальных с -j-.

В дальнейшем изложении мы будем пользоваться терминами "псковский диалект" и "смоленский диалект" применительно к объединениям современных великорусских и белорусских говоров, исходя из наличия в последних регулярного обнаружения кривичских системных архаизмов. Восточная граница псковского диалекта идет приблизительно по линии Нарва—Волосово—Луга—Новгород, далее по Ловати приблизительно до устья Локни, далее на юго-запад к Себежу. Западная граница смоленского диалекта на территории Белоруссии проходит приблизительно по линии оз. Освейское—Полоцк—Новолукомль—Могилев, далее на восток к Рославлю, далее восточная граница по линии Рославль—Смоленск—Белый—Молодой Туд—Осташков, далее на запад до Холма; отсюда западная граница смоленского диалекта совпадает с восточной и южной границей псковского.

1. СУДЬБА НАПРЯЖЕННЫХ РЕДУЦИРОВАННЫХ В ПСКОВСКОМ ДИАЛЕКТЕ

В большинстве позиций праславянские редуцированные *ъ и *ь ведут себя в псковском по "общерусскому" типу (ъ > о/Ѡ, ь > е/Ѡ). Особое развитие имеют так называемые "напряженные" *ѣ и *ѥ, восходящие к праслав. *у, *і и *ъ, *ь перед -j-. Наибольший интерес для нас представляет развитие *ѣ, который дает, помимо "общерусского" о, псковские ы либо е (последнее без смягчения или со смягчением предшествующего согласного: р'ѣю либо р'ѣю < *r'ѣjo 'рою'). Развитие *ѣ > ы, е хорошо известно восточнославянской диалектологии, оно прослеживается на большой территории к югу от псковского ареала. Рефлекс *ѣ > ы(и) представлен в украинском и белорусском языках (укр. м'ю, молодій, белор. м'ю, малады, при литер. рус. м'ю, молодой), а также в части западных великорусских диалектов. Менее широко распространен переход *ѣ > е. Он отмечен на востоке белорусской территории (ДАБМ, карта 110 — тип молодэй), на территории псковского и смоленского диалектов, а также в Прионежье (см. карту 2).

Необходимо остановиться на позиционных условиях реализации *ѣ в системах различных говоров. Выделяются по крайней мере две позиции, в которых рефлекс *ѣ под ударением могут быть различными внутри одной системы: 1) перед праславянским редуцированным следующим слогом (наиболее распространенная позиция — окончание *-ѣjь членных прилагательных м.р.); 2) в прочих условиях (например, в презенсе у-глаголов: *mъjo, *rъjo и т.п.).

На восточнославянской территории отмечены следующие основные системы (помимо "общерусской" с -о- во всех позициях):

Таблица 1

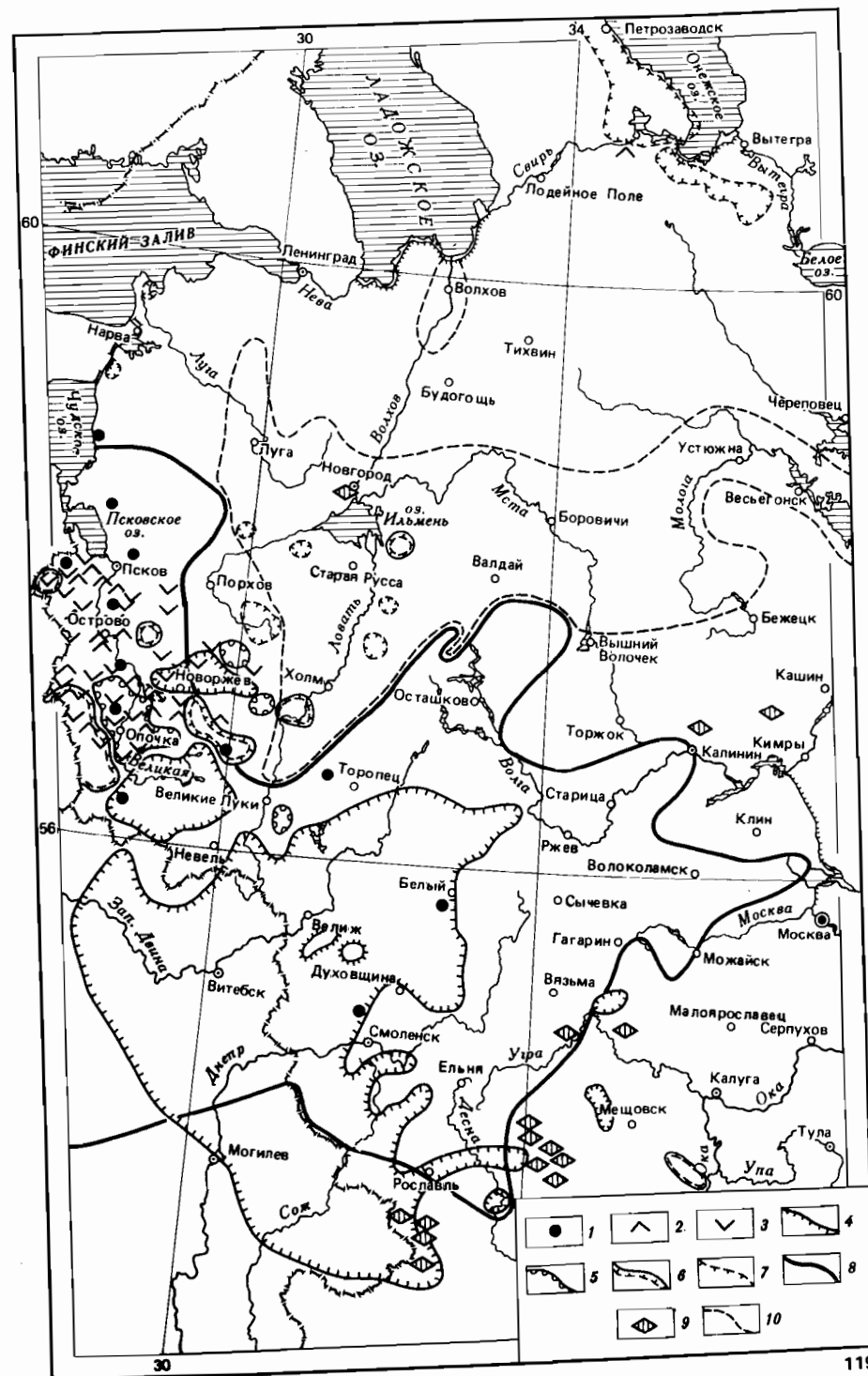
Позиция	Система				
	западная	смоленская	южнопсковская I	южнопсковская II	деснинская
1	-ы-	-е-	-е-	-о-	-о-
2	-ы-	-ы-	-е-	-е-	-ы-

Кроме того, отмечена новгородская система в двух вариантах: в 1-й позиции -е- или -ы-, во второй — -о-, а также архаичные системы с сохранением особого звука на месте *ѣ (см. ниже).

Западная система (укр. литер. молодій, кр'ю; белор. литер. и юго-зап. молодый(й); кр'ю), представлена в большей части украин-

Карта 1

1 — *ъ > ы, *ь > и перед йотированными сонантами; 2 — од'ѣн'је; 3 — од'ѣн'је; 4 — смоленская система (молодой: м'ю); 5 — южнопсковская система I (молодой: м'ю); 6 — южнопсковская система II (молодой: м'ю); 7 — новгородская система (молодой/молодой: м'ю); 8 — северная, восточная и южная граница кривичей в IX—X вв.; 9 — могильники кривичей XI—XII вв.; 10 — северная, западная и южная граница словен ильменских в IX—X вв.

ских и белорусских говоров (кроме части говоров северо-востока), в отдельных пунктах крайнего запада великорусской территории (Зап. 21, 22, 25, 26, 52, 54, 280, 281, 282, 283, 286, 309, 311, 313, 510, 687), а также в Новозыбковско-Стародубском "выступе", где распространены, в сущности, не великорусские, а центральные белорусские говоры — ср. Захарова—Орлова 1970, где эта территория не включается в великорусскую. Смоленская система (тип: *молодэй*: *крёю*), ареал распространения которой показан на карте 1, является характерной для смоленского диалекта, т.е. для большей части северо-восточных белорусских говоров и западной группы южного наречия русского языка. Этот же тип отмечен на южнопсковской территории в районе Новоржева. Деснинская система (тип *молодой*: *крёю*) сплошным массивом распространена к востоку от ареала смоленской и западной систем, восточная граница ее распространения проходит чуть западнее линии Гагарин—Вязьма—Белёв—Кромы—Курск—Белгород, на севере граница этой системы проходит южнее Ржева, а южная — где-то в северо-восточных украинских говорах. В южной части своего ареала эта система находится на территории с *kv- > цв'- в позиции II палатализации, причем восточная и западная граница типа *молодой*: *крёю* очень точно совпадает здесь с западной и восточной границей разорванного ареала с *kv- > т'в'-/кв'-. (см. карту 4). Отдельные пункты с верхнедеснинской системой известны и в псковских говорах: южнее Торопца (Зап. 95, 98, 76, 74, 80, 79), в среднем течении Ловати южнее Холма (Зап. 56, 57, 58, 59, 60, 63, 66) и в нижнем течении р. Великой (С.-З. 179: *злой* при *мыю*, *крёю*; 189: *маладой*, *злой* при *мыю*, не^н *пакрэйём*; 191: *злой*, *сухой*, *маладой* при *мыю*, *аткрёю*; 195: *худой*, *сухой*, *злой* при *мыю*, *крёю* — однако *рёю*; 196: *злой*, *худой*, *маладой* при *мыю*, *пакрэйём*, *закрэйём*). Исключительно на территории псковского диалекта встречается южнопсковская I система (тип *молодой*: *крёю*, например С.-З. 206: *маладой*, *глуп'ей*; *н'и* *худей*, *св'ат'ей*, *сухей*, *кр'ив'ей*, *фтар'ей*, *друг'ей* при *н'а* *мейю*, *мейицца*, *нарёйим*, *крёйт*, *закрёю*, *пакрёют'*), а южнопсковская II система (тип *молодой*: *крёю*), кроме крайнего псковского юго-запада и треугольника Остров—Великие Луки—Холм и одного пункта близ Новгорода (см. карту 1), встречается еще в ряде пунктов в верхнем течении Оки на левом ее берегу (Зап. 720, 722, 724, 718; Ю. 52, 54, 61, 232). Однако в верхнепсковском регионе южнопсковская II система соседствует с другой своеобразной системой (Зап. 595, 721, 623, 723, 736, 739, 727, 728; Ю. 62, 214, 231), в записях отраженной либо в "свободном варьировании" форм типа *мыю*/*мёю*, *крёю*/*крёю*, либо в записях типа *ры'им* (Зап. 727), *крё'йт'* (Ю. 214), что говорит о существовании или о происходящем на глазах разрушении в верхнепсковских говорах особой фонемы типа [ъ°] или [э], непосредственно отражающей слав. *ъ во 2-й позиции. Описание архаичной системы этого типа сделано А.А. Шахматовым: "В некоторых южновеликорусских говорах сохранилась вторая промежуточная ступень от звука у (т.е. ы) к ъ, а именно ъ... Это ъ мне пришлось наблюдать в 1895 г., напр., в Милеевской волости Жиздринского уезда, а также в пограничных селениях Брянского уезда; звук этот казался мне близким к звуку ъ франц. слов *leur*, *demeure*, нем. *Mönch*, *Löcher*, но более задним,

чем ъ, следовательно, более близким к о. Я слышал этот звук в таких словах, как *мою*, *крёю*, *рёю*, *памою*, между тем как в окончании им. ед. (*худой*, *плахой*, *кривой* и т.п.) слышится -ой..." (Шахматов. Очерк, 354).

"Южнопсковские" по типу верхнепсковские системы, видимо, генетически не связаны с псковскими, а являются архаическими аналогами деснинской системы. Для треугольника Новоржев—Великие Луки—Холм и района нижнего течения р. Великой, где сосуществуют южнопсковская II система и деснинская система, также возможно предположить существование в прошлом единой системы *крёю: *молодой с дальнейшим развитием *ъ в е либо ы по говорам. Возможно, отражением еще более архаичного этапа развития является система С.-З. 229, видимо, восходящая к типу *крёю: *молодой: *мёю*/*мёю*, *крёю*/*крёю*, *рёю*/*рёю* при *худой*/*худой*, *сл'аной*/*сл'аной*, *сухой*/*сухой*, *дыкаю*/*дыкаю*.

Особый тип представляет собой новгородская система, в которой напряженный редуцированный дает "восточное" -о- во 2-й позиции (*крёю*) и, напротив, -е- либо -ы- в 1-й позиции (*молодой*/*молодой* по говорам), причем в архаических говорах псковского типа в районе Онежского озера в этой позиции отмечается особый звук среднего ряда среднего подъема (типа огубленного "шва", [ǣ]) — например, в записях А.В. Тер-Аванасовой в дер. Педасельга Прионежского р-на КАССР *домов'ой*, *дворов'ой*. Такая система была, видимо, свойственна новгородскому языку времени берестяных грамот (презент *закрою*, гр. 132 при многочисленных -ы, -ыи < *ъ — см. Зализняк 1986, с. 126). Интересна форма ск[р]ъи (?) (императив: берестяная грамота N 8, XII/XIII в.), возможно, отражающая произношение *крёи, если в данном случае нет эффекта ъ=о. Новгородская система распространена в Прионежье, а в псковско-новгородском регионе — почти исключительно на территории, где в X—XII вв. жили ильменские словене. Новгородская система отражения *ъ может, наряду с некоторыми другими явлениями, рассматриваться как словенская модификация лежащего в основе древненовгородского диалекта псковско-кривичского диалекта (см. ниже, с. 149).

В отношении развития напряженного *ъ (а также *ъ, о котором мы выше лишь упоминали, так как оно дает рефлексы, отличные от *е только в тех системах, где *ъ > ы, в частности в новгородской системе) псковский диалект входит в обширный ареал восточнославянского континуума, где обычным рефлексом *ъ является не -о-, как на Востоке, а другие звуки. Специфической чертой псковских говоров, а точнее тех говоров, которые расположены на старой псковской территории, является переход *ъ > е либо ы и *ъ > и перед мягкими сонантами, причем только перед теми, которые были исконно мягкими в праславянском (*n', *l', *r' = nj, lj, rj) либо смягчились в положении перед j после падения редуцированных в данной позиции (например, в распространенном суф. *-ъje). Иными словами, в псковском диалекте редуцированные в данной позиции получали то фонетическое качество, которое было свойственно "напряженным" *ъ и *ъ перед j, и развивались в дальнейшем как последние. Распространение форм с *ъ > е или ы и *ъ > и перед мягкими сонантами показано на карте 1.

Разумеется, и на псковской территории отмечены многочисленные заимствованные или исконные для отдельных говоров "общерусские" рефлексы ($\delta > o$, $\delta > e$), и рефлексы *ы*, *е* и *и* из * δ и * δ перед мягкими сонантами встречаются в настоящее время лишь в отдельных словах, большинство из которых сохранили старую фонетику благодаря своей семантике (бытовая и сельскохозяйственная лексика) или потери "этимологической прозрачности". Ниже приводится материал.

1. *o-dьljьe 'одонье, стог (сена)'.¹

А. Рефлекс *е*: *адънье* (Кр., ПОС 4.129), *адъням* (Палк., ПОС 3.148), *адъня* (Кр., ПОС 1.43, Палк., 1.56), *адънье* (Пушк., ПОС 2.172), *адъня* (Печ., ПОС 2.178), *адъня* (Пушк., Кр., ПОС 3.103, Сл., ПОС 3.106), *адъню* (Остр., ПОС 3.109), *адъням* (Палк., ПОС 3.148), *адънье* (Кр., ПОС 4.129, Оп., ПОС 5.68). Смягчение предшествующего согласного обнаруживается в *адъня* (Пуст., ПОС 5.144).

Материал ДАРЯ: (без смягчения -д-) *адён'е* (С.-З. 176), *адён'я* (С.-З. 177), *адён'я* (С.-З. 178), *адён'ю* (С.-З. 189), *адён'я* (С.-З. 190), *адён'и*, *адён'я* (С.-З. 191), *адён'я* (С.-З. 192), *адён'е* (С.-З. 195), *адён'а* (С.-З. 198), *адён'ем* (С.-З. 196), *адён'а* (С.-З. 202), *адён'о* (С.-З. 203), *одён'я*, в *адён'я* (ед. ч.) (С.-З. 204), в *адён'я* (С.-З. 206), *адён'я* (С.-З. 213), *адён'я*, *адён'ям* (С.-З. 220), *адён'ю* (С.-З. 223), *адён'е* (С.-З. 224), *адён'е* (С.-З. 225), *адён'е* (С.-З. 227), *адён'ю*, *адён'я* (С.-З. 228), также производное *адён'ница* (С.-З. 245); *адён'н'а* (Зап. 1), *адён'н'а* (Зап. 2), *адён'н'а* (Зап. 3), мн. ч. *адён'н'а* (Зап. 4), *адён'н'е* (Зап. 5), *адён'н'а* (Зап. 6), *адён'н'а* (Зап. 8), мн. ч. *адён'н'а* (Зап. 10), *адён'н'ь* (Зап. 12), *адён'а* (Зап. 14), *адён'н'а* (Зап. 17), *адён'н'ишь* 'подкладка из сучьев под стог' (Зап. 48), *адён'н'а* (Зап. 33), *адён'н'е* (Зап. 34), *адён'н'а* (Зап. 35), *адён'н'о* (Зап. 37), *адён'н'а* (Зап. 39); (со смягчением -д-) *ад'ён'и* (мн. ч., видимо *оденьи) (С.-З. 179), *ад'ён'я* (С.-З. 183), *ад'ён'я* (С.-З. 187), *ад'ён'я* (С.-З. 199), *ад'ён'а* (ед. ч., С.-З. 200), *ад'ён'ю*, *од'ён'е* (С.-З. 207); *вад'ён'н'а* (Зап. 6), *вад'ён'н'и* (Зап. 9), *ад'ён'н'а* (Зап. 11), *ад'ён'н'а* (Зап. 32), *ад'ён'н'и* (Зап. 27), *ад'ён'н'ь* (Зап. 28), *ад'ён'н'а* (Зап. 31).

Вариант со смягченным -д- (*од'ён'ье* и т.п.) широко представлен также в районе Волго-Окского междуречья, в котором обнаруживаются и другие специфические псковские и смоленские черты, по-видимому связанные с переселениями сюда больших групп кривичей ("кривичский пояс" — см. ниже). Вариант с мягким -д- стоит в одном ряду с формами, имеющими твердое -д-, и параллелен формам типа *кр'ейю*, *молод'ей*, где -е- несомненно происходит из -ѣ-. Видимо, в результате контаминации *од'ён'ье* и "общерусского" соответствия *одонье* возникла форма *од'ён'ье* (СРНГ 23.13—14: Твер., Киров., Пск. и т.д.).

На восточновеликорусской территории отмечены также производные от корневого варианта **дьп-*, известного и другим восточнославянским диалектам (но не кривичским). Речь идет о словах *дён'ка* 'рыболовная сеть для ловли рыбы у дна', *дён'ко* 'нижний ряд бревен у плота', *ден'ник* 'дно лодки', *дён'ник* 'мастер, изготавливающий "донцы"'; *ден'ница* 'бревно, идущее на изготовление дна лодки', *ден'ной* и *дён'ный* 'донный', *дён'нушко* 'дно', *дён'це* 'доска для сидения при работе и т.п.', *дён'нушко* 'доннышко' (см. СРНГ 7.351—354). На территории старого заселения распространение этих образований имеет такую особенность,

что их практически нет в ареале наиболее компактной фиксации слова *од'ён'ье* и его вариантов (Владимирская обл. и север Рязанской области), в то время как образования от корня **дьп-*, кроме сибирских говоров, встречаются в основном в Вологодской, Горьковской, Костромской, Ярославской областях и, с другой стороны, в Пензенской, Куйбышевской и Тульской, т.е. вне "кривичского пояса". Данный ареал характерен и для слова *од'ён'ок* (СРНГ 23.12—13). Подробнее об ареале *од'ён'ье* см. ниже, с. 126, а также карту 3. Позиционно не обусловленный корневым вариантом **дьп-* 'дно' известен всем украинским говорам (например, укр. литер. *дён'це* 'дно'), в белорусских же диалектах слово *адз'онок* не встречается в говорах кривичского происхождения: см. ДАБМ, комментарий к к. 287 (основной ареал ограничен с востока Свислочью и Березиной, на севере не достигает Минска, на востоке граница проходит чуть западнее Случи и восточнее Горыни).¹

Б. Рефлекс *ы*: *адын'я* (Печ., ПОС 3.131), *адын'я* (Печ., ПОС 3.131). В материалах ДАРЯ отмечено *адын'е* (С.-З. 185, д. Патрово Псковского р-на).

2. *вь-дьljь 'вдоль'. Отмечен только рефлекс *ы*: *вдыль* (Гд., ПОС 3.55 — пять раз). Закономерное -ы- появляется и в гдов. *падыльше* 'подольше' (Гд., ПОС 3.172).

От этого же корня образовано *вь-дьljь 'возле': *вѳили* (Пск., ПОС 4.15) — ср. *воѳли* (Слан., ПОС 4.110). В данном случае переход * $\delta > ы$ (далее в *и* после губного, ср. *вѳимяни* 'вымени' Себ., ПОС 6.20) осуществился перед *lj* (< *dlj* < *dblj*) после падения редуцированного и упрощения сочетания -*dl(j)*-. Псковский (а также смоленский) переход *ы > 'и* после губных имел, видимо, предшествующие стадии типа *by > *bʰi > **b'i*, ср. запись Т. Фенне *buili* 'были' и т.п., при том что *ы* в других позициях он регулярно передает буквой *i*.

3. *ostrьvьje 'приспособление для просушки сена, козлы' (образование от слав. *ostrьjь, *ostrьve — ср. слов. *ostrva*, слов. *osřv* и т.д.). А. Рефлекс *е*: *астр'евье* (Кр., ПОС 5.24) со смягченным *р'*. Б. Рефлекс *ы*: *астр'ивьѳе* (Пуст., ПОС 3.17).

4. *гьljькь 'вид сосуда (обычно умывальник)'. Известны только рефлексы *ы: *гил'ѳек* (Н.-Рж., ПОС 4.183, Пуст., ПОС 4.53, Оп., ПОС 6.20, Сер., Остр., Палк., ПОС 6.161, Остр., ПОС 6.162), *з гил'ѳа* (Палк., ПОС 6.160), *гил'ѳек* (Гд., ПОС 6.161), *гил'ѳки* (Сер., Остр., ПОС 6.161), *з гил'ѳа* (Палк., ПОС 6.162). Вторично *гил'ѳок* (Нов., ПОС 6.162). Сохранение редуцированного в первом слоге данного диминутива — ср. рус. диал. (Даль) *гл'ѳек* (*гл'ѳека*), укр. *глек*, а также рус. диал. *гольк* (Преобр. 1.125), др.-рус. *гьлькь* (*гьлька*) (ср. Фасмер I. 412, где дается, видимо, неверная этимологическая интерпретация) — возможно, обязано влиянию производящей основы *гьljь: *гиль* 'глиняный или чугунный ручной мойник' (Оп., ПОС 6.162 — Фасмер не знал о существовании данного бессуфиксального образования).

5. *bolньje > *болнье 'болотистое место'. А. Рефлекс *е*: в *бал'нъях* (Н.-Рж., ПОС 2.87), *бал'нъи* (Н.-Рж., ПОС 2.87); также в прилагательном **bol(ь)нъльнь*: *бол'нъи* (*берега*) (Н.-Рж., ПОС 2.87), *бал'нъня* (Н.-Рж.,

¹ См. также материал в СРНГ 23.12—14, 33.

ПОС 2.87). Ср. также рефлексы префиксального **o-bol(ъ)nyje* (примеры из работы Мжельская 1962, с. 21): [абалѣн'је] (Оп., Рогаткино, Макушино; Остр., Надеждино), а также со смягчением предшествующего согласного: [в абал'ѣн'јах] (Кр., Треньки) — все примеры со значением 'низкий сырой луг, покос'. Б. Рефлекс ы: *балынья* (Себ., ПОС 2.87). Этот пример интересен не только своими псковскими рефлексами *ы/е*, но и тем, что эти рефлексy указывают на *ъ в качестве второго вокалического компонента обычного полногласного сочетания. Данные псковские формы — наряду с имеющими "общерусский" вид *балонье* (ВЛ, ПОС 2.87), *балонья* (Себ., ПОС 2.87) — восходят к праславянской форме с несомненным сочетанием **-oln-*, ср. укр. *болоння*, белор. *балоня*, польск. *blonie*, н.-луж. *blōte*, рус. диал. *болонье*, полаб. *blānē. Нормальным рефлексом праславянских сочетаний типа TORT в восточных и южных великорусских говорах является TOROT с обычным *-o-* во втором слогe (ср. появление на его месте закрытого *o* в ортотонических словоформах — *кордва*, *бордзд* и т.п.). В украинском *-o-* второго слога полногласного сочетания отличается от рефлекса слав. *o: ср. отсутствие перехода *o > ǫ > i* в слогe перед павшим редуцированным (*голівка*, *перісна* и т.д. — см. об этом Зализняк 1985, с. 161—163), что характерно для *ъ в данной позиции, однако полного совпадения с обычным *ъ мы не находим и в украинском (это *-o-* никогда не выпадает и не теряет исконого ударения по фонетическим причинам). Видимо, и в псковском второй вокалический компонент полногласного сочетания не был полностью идентичен *ъ (ср. формы типа *ворона*, *вороны* с сохранением *-o-*), однако в позиции, где в псковском *ъ и *ь давали "напряженные" рефлексy (в данном случае перед мягкими сонантами), второй вокалический компонент полногласия также отражался как *ь*.

6. *tylnja: *малыня* (С.-З. 85 — д. Заборовье Гдовского р-на Псковской обл.). В данном случае *ы* является рефлексом вторичного *ъ*, возникшего в результате развития второго полногласия.

Рефлексy в виде *е/ы* вторичного *ъ* отмечены также в следующих случаях:

7. А.А. Зализняк сообщил автору настоящей статьи, что "на карте (крупномасштабной) 1918 г. примерно в 30 км к северу от Пскова и примерно в 20 км к востоку от Псковского озера стоит деревня *Подсосынье*. Наряду с этим несколько раз встретилось *Подсосонье* (в частности, дважды к ю.-в. от Пскова в 25—35 км) и много раз *Подсосенье* (тоже не слишком далеко от Пскова). За записью с *е*, разумеется, может стоять как [-*с'ен'је*], так и [-*сен'је*], т.е. *-сэнье*, но это можно узнать только на месте (ср. *Лодзйное Поле*)". Данные формы восходят к *podъ-sosnyje, производному от *sosna (здесь в праславянском *-ъ* не было, ср. укр. *со́сна* без рефлекса удлиннения).

8. Видимо, рефлекс именно *ъ после рано отвердевшего *ǰ (а не непосредственно праслав. *ь) представлен в *вишню* 'вишню' (Палк., ПОС 4.33, Н.-Рж., ПОС 4.34), *вишню* (Дн., ПОС 4.34) — ср. *-o-* в *вишюня*, *вишюню* (Печ., ПОС 4.34), *Вишюня* (кличка коровы — Нев., ПОС 4.35), где перед мягким *н'* *ъ остался бы в виде *е*. Данные формы восходят к **vīš(ь)lja* 'вишня'. Неясно, является ли здесь *-ъ* вставным или исконным (ср. Фасмер I. 325). В пользу последнего вроде бы говорят бессуффик-

сальные псковские формы, восходящие к *vīxja (*vīša) 'вишня': *виша* (Гд.), *под вишью* (Стр.), *вишы* (Гд.), *вишу* (Гд.) — все в 6 вып. ПОС, 32.

9. Параллельный переходу **ъ > ы* переход **ъ > и* наблюдается в *ванір* 'кабан' (Гор., ПОС 3.77), восходящее к слав. **vergъ > *vergъ* со вставным *-ъ-* (*ва-* в первом слогe псковской формы возникло из **в'а-* с последующим отвердением *в'*), ср. рус. диал. *ванёр* (Ю. 6), *ванёр* (Ю. 7), белор. диал. *ван'ёр* (Витебская, Могилевская обл. — ДАБМ, карта 188).

Необходимо еще раз подчеркнуть, что переход **ъ > ы/е*, **ъ > и* происходил не перед любым мягким сонантом (например, рефлекс слав. **ognъ > *ogъ* со вставным *-ъ-* и хорошо сохраняющейся в псковском и смоленском *i*-основой всегда дает форма с *-o-* — см. ПОС 2.25, 116, 197, ПОС 3.8, 57, 152, 156 и т.п., также никогда не встречается **динь <* праслав. *dnъ), а только перед исконно мягкими сонантами, восходящими к более ранним сочетаниям сонант + *j* — N 2, 4; такой же случай представлен в примере 9 — относительно балто-славянской основы ср. лтш. *vepris* 'боров', лит. топоним *Vėpriai*, — а также перед сонантами, находящимися перед *-j-*. Таким образом, в эпоху приобретения старыми *ъ и *ь особой окраски перед мягкими сонантами в формах типа *dnъ присутствовали не мягкие, а полумягкие сонанты, которые в дальнейшем совпали в псковском, как и в большинстве других русских диалектов, с исконно мягкими сонантами. Аналог старопсковской (и, видимо, также и старосмоленской, см. ниже) системы с различием трех рядов сонантов (твердых, мягких и полумягких) содержится в орфографической системе главного писца Апракоса Мстислава Великого (см. Апракос Мстислава Великого. М., 1983, с. 20—22), которая, как предполагает Л.П. Жуковская, имеет "скорее киевское, чем новгородское, происхождение" (там же, с. 6), хотя, как нам кажется, псковско-новгородская привязка диалекта писца вовсе не исключена — ср. надежная рефлексация в памятнике второго полногласия в том виде, который чужд всем украинским диалектам, но обычен для псковской и новгородской зон (см. Зализняк 1986, с. 124—126).

То, что в суф. *-ъје* редуцированный выпадал раньше, чем в других позициях, подтверждает зафиксированный с XV в. псковский и западно-новгородский топоним *Захонье* и *Захольнье < *za-xъlmye*, где *-н'й- < -lmj-*; аналогично этому возникли псковские формы типа *на зені < *zemlji < *zemji* (см. статью А.А. Зализняка в данном сборнике).

Видимо, развитие **ъ > и* перед исконно мягкими и новыми йотированными сонантами было известно и смоленским говорам. А.А. Зализняк сообщил автору настоящей статьи, что "уже с XIII в. отмечается *и* в словоформах *Смолинска*, *-у*, *-ъ...* Название Смоленска происходит от реки Смольня, т.е. здесь было *nj. Раньше всего *Смолинска*, *-у* и т.д. встречается в Договоре неизвестного смоленского князя с немцами (1-я четв. XIII в.). В XIV в. могу указать Лаврентьевскую летопись (например, в "Поучении" Владимира Мономаха очень часто). Весьма вероятно, что этот вариант возник где-то неподалеку от самого Смоленска, может быть, в самом Смоленске". Приведенный выше пример *ван'ір* (N 9) взят из говора, могущего рассматриваться как южнопсковский либо северносмоленский.

Из карты 1 видно, что смоленская и обе южнопсковские системы распространены почти исключительно на территории древнего расселения кривичей. Эти системы стоят в ряду других "нетривиальных" систем развития напряженных редуцированных перед *-j-*, не обязательно связанных с племенным диалектом кривичей (например, деснинская и верхнеокская системы, сформировавшиеся в зоне "древневосточного" племенного диалекта (см. ниже) и, по всей видимости, независимо — на псковской территории; новгородская система, возникшая на территории, изначально заселенной ильменскими словенами — см. карты 2, 4 — на вкладке). Напротив, "напряженный" характер редуцированных перед йотированными сонантами свойствен только тем говорам, которые находятся на старой кривичской территории, и поэтому может считаться характерным признаком кривичского племенного диалекта.

На территории великорусских говоров есть еще одна зона, в которой имеются рефлексы "напряженных" редуцированных перед мягкими сонантами. Речь идет о компактном ареале трапециевидной формы, углы которого расположены примерно в Александрове, Касимове, Арзамасе и Иванове; отдельные пункты с такими рефлексами расположены к востоку от этого ареала (см. карту 3 на вкладке). Здесь засвидетельствованы рефлексы праслав. *o-dъnyje в виде *од'эн'је* и *од'ин'је* 'большая укладка снопов круглой формы' (форм с твердым *-d-* типа *одэн'је* и *одын'је* здесь нет).

Ниже приводится материал ДАРЯ.

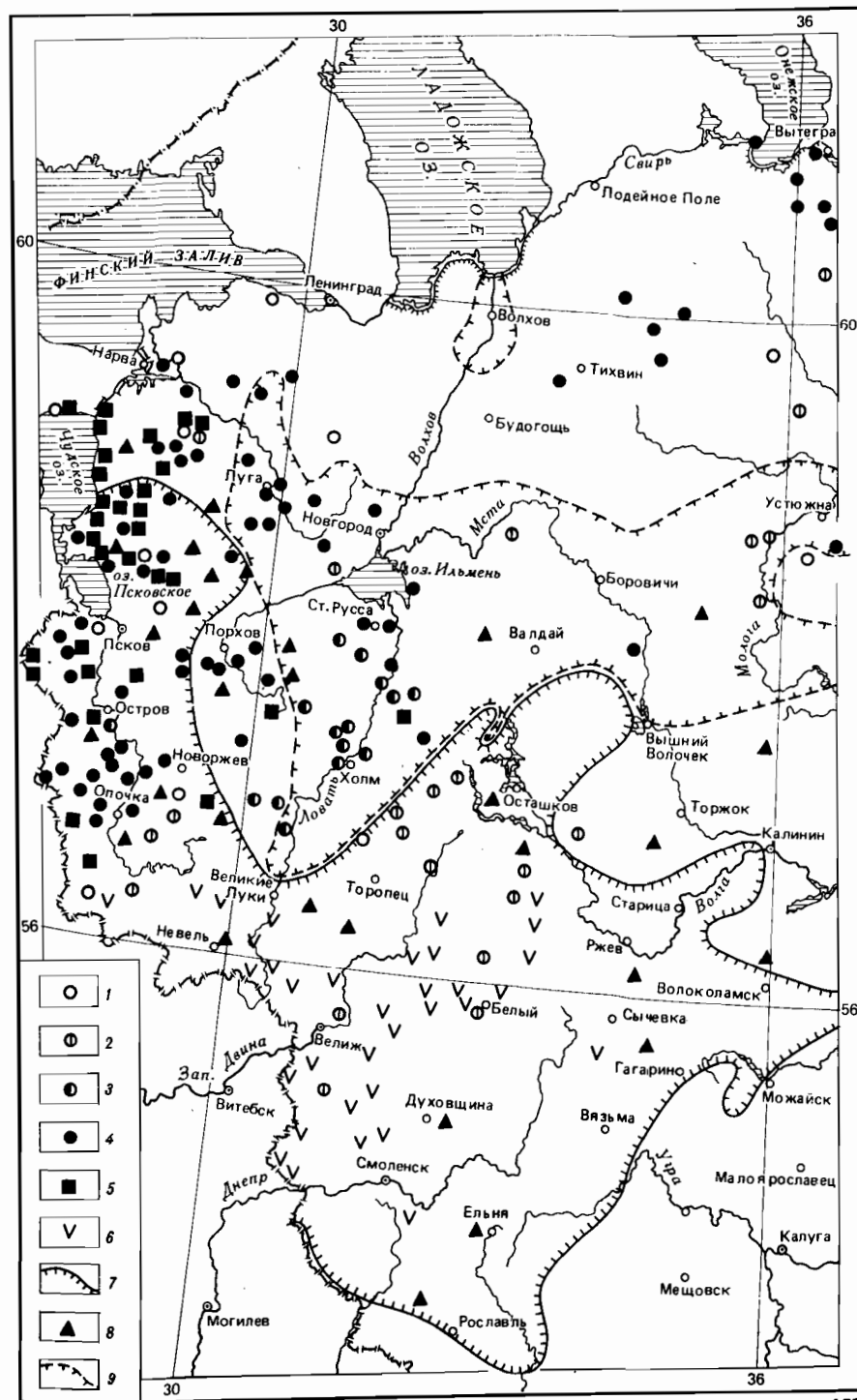
А. Примеры с *-e-*: *одэнье*, мн. ч. *одэнья*, *одэньи* (В. 48, 49, 51, 53, 59, 60, 69, 74, 75, 76, 78, 79, 80, 82, 83, 86, 89, 90, 109, 113, 115, 119, 131, 133, 134, 222, 272, 273, 307, 304, 315, 339, 340, 341, 347, 349, 351, 353, 354, 357, 364, 370, 374, 378, 379, 380, 383, 384, 386, 392, 397, 398, 403, 410, 417, 433, 456, 463); *од'эн'и* (видимо, из **од'эн'ји* — В. 31); *оден'иа* (В. 37); *одэн'ја* (В. 38); *од'эньи* (В. 39); *од'эн'је* (В. 43, 457, 55, 66, 101, 108, 111); *од'эн'ь* (В. 46, 58); *од'эн'ь* (В. 50); *од'эн'ја* (В. 54, 68, 73, 107, 130); *од'эн'ьи* (В. 63, 104); *од'эн'ю* (В. 81); *од'эн'ји* (В. 99, 311, 361); *од'эн'ие* (В. 102, 375, 376); *од'эн'цо* (В. 103); *ад'эн'ю* (В. 106); *од'эн'ие* (В. 117, 155, 270, 306, 437); *од'эн'ьи* (В. 136); *од'эн'иа* (В. 138, 338, 393); *од'эн'ю* (В. 350, 362); *ад'эн'иа* (В. 406).

Б. Примеры с *-и-*. Пункты с *-и-* расположены приблизительно в центре указ. выше ареала (см. карту 3); *од'инье*, мн. ч. *од'инья*, *од'иньи* (В. 88, 116, 308, 312, 343, 346, 408, 748); *од'ин'ю* (В. 72); *од'ин'иа* (В. 92); *од'ин'ја* (В. 112); *од'ин'иа* (В. 342); *ад'ин'ја* (В. 345); *од'ин'ји* (В. 352); *од'ин'иа* (В. 404); *од'ин'ьи* (В. 409).

О том, что переход *б > *и*, *е* связан с теми же фонетическими условиями, что и в псковском регионе, а именно с позицией перед йотированными, но не перед любыми мягкими сонантами, свидетельствуют рефлексы параллельного синонимичного образования *одьль (fem.),

Карта 2

1 — новопсковский тип отражения веларных; 2 — смоленский тип отражения веларных; 3 — рефлекс *т'* из *к в позиции II палатализации; 4 — рефлекс *к'* из *к в позиции II палатализации; 5 — рефлекс *х* из *sj; 6 — рефлекс *ш* из *х в позиции II палатализации (*шерый*); 7 — граница кривичей в IX—X вв.; 8 — рефлекс *к* из *tj, *г* из *dj; 9 — граница словен ильменских в IX—X вв.

отмеченного в том же ареале, что и *od'én'je, od'ín'je*, и всегда имеющее -о-: *adón'* (В. 247, 265, 324), *одонь* (В. 286), *адонь* (В. 329, 366).

О другом примере развития *ǰ > е не только в псковско-новгородском, но и в восточнорусском ареале автору настоящей статьи сообщил А.А. Зализняк: "Для др.-рус. *кърь* (муж. род) 'пень, выкорчеванный лес (т.е. пни), кустарник на месте выкорчеванного леса' и т.д. имеются, среди прочих, такие примеры: *корь* в Варламовой грамоте (1192—1210 гг.); *Корцово* (дер.) Н(овг.) П(исц.) К(ниги), V, 252. Свидетельства *ǰ (а не *о): *Крево* (дер.) НПК, II, 779, 782; *Креково, Кречна, Кречино* — деревни в разных местах Новгород. земли.

И наряду с этим: *Закерье* — дер. на р. Вруде близ Ястребинского погоста (район Ямы, Шелонская пятина), НПК, III, 791; *Керцова* — река в Шелонск. пят., НПК, III, 503, 507, 577, 589; *Курково* — дер. в Деревенской пят., НПК, II, 588 (близ городка Курско, в зап. части пятины).

Таким образом, реконструкция в ЭССЯ (*кърь) неточна: должно быть *кърьǰ (тем более, что никаких следов *i*-склонения нет, а муж. род устойчив — польск. *kierz, krza* etc.).

СРНГ дает *корь, кря* (и *коря*) ["омонимы" 3, 4] — Ряз. Моск., но примечательно, что есть и *керь* Ряз. (!). В одном значении ('селение, деревня, выселок') с пометой "Ряз. 1852" были отмечены и *корь* и *керь*. Похоже на очередной пример экспансии кривичизма на восток по "кривичскому поясу".

Другие слова с особым развитием *ǰ, *ǰ перед йотированными сонантами в восточнорусских говорах не отмечены (общеславянские напряженные *ǰ, *ǰ перед -j- здесь также дают -о-, -е-), что, видимо, говорит о заимствовании форм *od'én'je/od'ín'je* из говоров южнопсковского и северносмоленского типов, попавших в Волго-Окское междуречье с переселившимися сюда в XI—XII вв. кривичами (см. о вводимом нами понятии "кривичский пояс" и связанных с ним изоглоссах ниже, с. 137).

2. ПСКОВСКИЕ И СМОЛЕНСКИЕ РЕФЛЕКСЫ ПРАСЛАВЯНСКИХ *tj, *dj, *sj, *zj И РЕФЛЕКСЫ ПАЛАТАЛИЗОВАННЫХ ВЕЛЯРНЫХ

В псковских говорах широко распространено *х* на месте праславянских *s, *š и *sj. Речь идет о таких примерах, как *но́ха* 'ноша' (<*nòsjā), *плехнуть* 'плеснуть' (<*pl̥s(k)ngti), *мя́хо* 'мясо' (<*m̥ǰso) и т.п. С.М. Глускина в статье, посвященной данному явлению (Глускина 1962), объясняла это *х* позднейшими фонетическими (*х* < *ш*, *с*) и морфологическими процессами. Однако такие параллельные псковские формы, как *ва́уывать* 'возить, ваявать' (<*vazjeva-), *рога́ть* 'рожать' (<*rodjati), *встрекáть* 'встречать' (<*vb-sb-řtjati), вопреки Глускиной, видимо, не могут объясняться как возникшие по морфологической аналогии. В своей более поздней работе С.М. Глускина подчеркнула "своеобразную морфологическую (разрядка наша. — С.Н.) особенность псковских говоров — стремление снять чередование с шипящим. Чаще всего в таких случаях вместо шипящего перед суффиксом оказывается заднеязычный, даже вразрез с этимологией слова"

² Материал ДАРЯ по *х* < *s, sj* приводится по комментарию к карте 133 (АРНГ Сев.-Зап.).

(Глускина 1979, с. 118). Однако детальное рассмотрение материала заставляет взглянуть на эту проблему иначе.

Позицией, в которой на большей части территории псковского диалекта *х* присутствует на месте праславянских *s и *š, является позиция перед сонантом: *смехно* (*směšno, Н.-Рж., Глускина 1979, с. 115); *страшно* (*strašno, Н.-Рж., Глускина 1979, с. 115); *горохные струки* (*gořšny, Остр., Глускина 1979, с. 115); *послушный* (*slušny, Оп., Глускина 1979, с. 115); *пухная кошка* (*pušny, Пушк., Глускина 1979, с. 115); *мяхной* (*měšny, Остр., Глускина 1979, с. 115); *подсохный* 'поджаристый' (*sšny, Глускина 1979, с. 118); *хвѣт* (*svěť, Чернышев, с. 100—101); аналогично *Хвятланка* (=Светланка) (Кр., ПОС 5.76); *пихьмо* (*pis(ь)mo, Чернышев, с. 100—101); *тѣхнуться* 'тесниться' (*těšnyiti, Глускина 1979, с. 119); *вѣхла замуж* (*šdla, С.-З. 117), *хли* (*šdli, Порх., Глускина 1979, с. 119); *внѣхный* (*vňjěšny, Пск., Глускина 1979, с. 115), *внѣхьва* (Пск., ПОС 4.62); *плехнуть* 'плеснуть', *выплехнуть* (*pl̥s(k)ngti, Глускина 1962, с. 48), *выпл'ухнут'* (С.-З. 185), *запл'ухн'от* (С.-З. 254); *вмѣхный* (*měšny, Глускина 1962, с. 32); *хв'иснула* (*svištngti, С.-З. 124), *нахв'истывае* (С.-З. 185), *хвистала* (дн., ПОС 3. 159); *верехнук* 'вересняк' (*versnyuk, Глускина 1962, с. 33); *кухнуть* 'куснуть' (*kpsngti, Глускина 1962, с. 48); *кохнуть* 'провести косой' (*kosngti, Глускина 1962, с. 48); *сполохнуть* (*pols(k)ngti, Глускина 1962, с. 48); *втихнуть* 'втиснуть' (*tis(k)ngti, Глускина 1962, с. 48); *приухнуть* 'уснуть ненадолго' (*sb(p)ngti, Глускина 1962, с. 48); *пáхмурный* (*smuršny, С.-З. 156, 181, 184, 201); *прихлон'ил'ис'* 'прислонились' (*sloňiti, С.-З. 138); *зап'ахла* (*tręsla, С.-З. 116); *пайáхнут* (*po-jasngti, С.-З. 17).

В этой же позиции засвидетельствован переход *z > γ (далее > г)³: *γрать* 'жрать' (*žbrati, Остр., Глускина 1979, с. 118); *привягнуть* 'привязать' (*vezngti, Глускина 1979, с. 121).

Известны также примеры на переход *s > х перед шумными: *хчáхнет* (*sb-čaxngti, С.-З. 75); *свихтываться* 'сосвистываться' (*sb-svistyvati, Глускина 1963, с. 33).

В интервокальной позиции псковское *х* регулярно восходит только к *s и *sj, тогда как на месте слав. *š (из *х в позиции I палатализации и из *хj) *х* фактически не представлено. Один из примеров такого рода — *пахол* 'пошел' (*pošdly, С.-З. 214) — может быть объяснен как аналогичное образование к регулярному *вѣхла*, *вѣхло (см. выше), тем более что, по-видимому, старая форма мужского рода в псковском первоначально имела вид *šdly (ср. широкое бытование форм на -е в языке Пскова начала XVII в., отраженном в словаре Т. Фенне, а также в новгородском языке времени берестяных грамот — см. Зализняк 1986, с. 130—134; в современных псковских говорах сохранилось, видимо, лишь одно существительное с окончанием -е — *псе* (м. р.) 'пес'), и форма *хол*=*шол* должна считаться вторичной субституцией по

³ В северных псковских говорах, видимо, утрачено старое противопоставление γ:γ, впервые отмеченное С.М. Глускиной, ср. *награывать* <-*grazjevati в более южном Островском р-не, Глускина 1979, с. 118. Слово *кога* 'коза' (Кр., Глускина 1979, с. 121), по-видимому, вторично из *кога.

"общерусскому" образцу более ранней формы *хле. Имеются также немногочисленные производные глаголы с -х- на месте ожидаемого -ш-: *сухеть* (Пушк.), *сухить* (Кун., Глускина 1979, с. 115), *сплохить* 'поступить неразумно, плохо' (Сер., Глускина 1979, с. 116), *засухивать* (Глускина 1962, с. 47). Они легко объясняются выравниванием по исходной форме корня (ср. *плохой, сухой*) и находятся в ряду сходных вторичных образований от корней с другими конечными веларными, ср. *мокиться* (от *мокрый* — Сл., Глускина 1979, с. 116), *волочить* 'волочить' (Гд., Глускина 1979, с. 115) и т.п. Форма *валхэбница* (ВЛ, ПОС 4.134), *волхэбница* (Без., Глускина 1979, с. 119) имеет -х- по аналогии с распространенными в псковских говорах рефлексам слав. *вълхвъ, *вълхъва и их производными: *волхв, волхва, волхвист, волхвит, волхвитка, волховство, волхова, волховина* (ПОС 4.131—132), ср. также регулярные рефлексы в *волиэбники* (Сер.), *волиэбница* (Пуст., ПОС 4.134). Слово *пороха* (Гд., Пск., Стр., Глускина 1979, с. 117), видимо, восходит не к слав. *рѣрѣа < *рѣрхја, а к *рѣрха, бессуффиксальной основе на -а-, параллельной к *рѣрхъ (рус. *порох*), ср. слвн. *práha* 'der Ausflug (der Bienen), um sich zu sonnen' (Plet. II 290.) при *prašiti* (= рус. *порошить*) 'Staub erregen; bestäuben', *prašiti se* 'ausfliegen, sich wittern, sich sonnen' (Plet. II 211).

Отмечены следующие примеры интервокального рефлекса *х < s*: *мяхо* (*měso, Кр., Глускина 1979, с. 115); *вѣхахня* 'высохнет' (*věsxhnti, Латв. ССР, ПОС 6.65), *вѣхяхшы* (с неясным смягчением — Дн., ПОС 6.66), *вѣхахн'а хл'ён* (С.-З. 181); *принеху* (*něsp, Глускина 1969, с. 33); *два чах'а *časъ*, С.-З. 181); *пытр'ах'у* 'потряси' (*tręsti, С.-З. 96).

Интервокальный переход **s > х* хорошо документирован также в итеративах на *-*ати* и *-*овати*, образованных не от *i*-глаголов, т.е. не имеющих -*j*- после ауслатного согласного корня: 1. *pojasati, *pojasovati: *апай'ахываит* (С.-З. 17), *апай'ахывал'ис'* (С.-З. 75), *апай'ахывайуца, апай'ахавица* (С.-З. 76), *опой'ахат'* (С.-З. 78), *распой'ахати* (С.-З. 81), *апай'ахв'айуца, апай'ахвал'ис'* (С.-З. 85), *ъпай'ахывайуца* (С.-З. 86), *опой'ахывались* (С.-З. 95), *апай'ахавица* (С.-З. 114), *опой'ахавица* (С.-З. 115), *опай'ах'ивал'ис'* (С.-З. 117), *опой'аховала* (С.-З. 119), *опай'ахалас'* (С.-З. 120), *опай'ах'ивал'ис'* (С.-З. 122), *опай'ах'ивал'ис'* (С.-З. 124), *опой'ахавица* (С.-З. 126), *опай'аховал'ис'* (С.-З. 148), *упай'ахавалис'* (С.-З. 177), *апай'ах'ивайуца* (С.-З. 184), *апай'ахывал'ис'* (С.-З. 185), *апай'ахывал'а* (С.-З. 185), *пытпай'аханы* (С.-З. 186), *апай'ахатца, апай'ахал'а* (С.-З. 188), *патпай'ахавица, апай'ахавал'ис'* (С.-З. 195), *апай'ах'ивал'а* (С.-З. 198), *апай'ахавица* (С.-З. 201), *апай'ахываца* (С.-З. 206), *распай'ахался* (С.-З. 210), *н'ипатпай'ахавица* (С.-З. 212), *патпай'ахавица* (С.-З. 223), *атпай'ахал* (Остр., ПОС 2.222), *упай'ахывать* (Печ., ПОС 6.92), *опай'ахивались* (Остр., ПОС 6.145), *опояхат'* (Глускина 1962, с. 43), *опояхивать* (Глускина 1962, с. 47). 2. *plęsati, *plęsovati 'плясать': *пр'ипл'ахывае* (С.-З. 22), *нопл'ахывай* (sic! — С.-З. 78) *пр'ипл'ахывайут, пр'ипл'ахывут* (С.-З. 89), *пр'ипл'аховала* (С.-З. 116), *отпл'ахвали* (С.-З. 177), *выпл'ахывала* Гд., ПОС 6.35), *выпл'ахъвли* (Стр., ПОС 6.35), *выпл'ахивают* (Печ., ПОС 6.35), *пляхат'* 'плясать (?)' (Глускина 1962, с. 43), *подпляхивать* (Глускина 1962, с. 47). 3. *česati, *česovati: *расчохывать*

(Глускина 1962, с. 47), также *чоханцы* 'валенки' (Глускина 1962, с. 47), *чехануть* 'почесать' (Глускина 1962, с. 48), с вторичным аблаутом (*рас*)*чохывать* (Глускина 1962, с. 48). 4. *tesati: с вторичным аблаутом *оттяхивать* 'обтесывать' (Глускина 1962, с. 47). Вторично образован от *пл'охнут'* < **plъs(k)noti* (см. выше) итератив **пл'охат'и*: *вёдры распл'ехаю* (С.-З. 210).

Имеются следующие примеры на переход **z > γ* (> *z*): 1. *lāzati, *lāzovati: *вылауивают* (Остр., ПОС 6.5), *вылауивать* (Глускина 1962, с. 47) *вылауивать* 'вылезать' (Остр., Глускина 1979, с. 118). 2. *koza: *кога* 'коза' (Кр., Глускина 1979, с. 121). 3. *vęzati, *vęzovati: *въяувывль* (Палк., ПОС 6.117).

Наибольший интерес представляют для нас псковские *х* и *γ* (г) на месте слав. *sj, *zj. В первую очередь такие рефлексы представлены в итеративных глаголах на -*јати*, -*јевати*, образованных от *i*-глаголов.

1. *kasjevati, ср. *kositi: *скахываем касо́й* (С.-З. 82), *скахивать* (Глускина 1962, с. 47).

2. *krasjevati, ср. *krasiti: *прикрахивать* (Глускина 1962, с. 47).

3. *kusјati, *kusjevati, ср. *kusiti 'пробовать, есть': *күх'айут*, *күх'ит* (С.-З. 84), *күх'ала, накүх'аиш* (С.-З. 104), *накүх'ал'и* (С.-З. 177), *күх'ал* (С.-З. 177), *накүх'ат'*, *күх'айеш* (С.-З. 181), *накүх'ал* (С.-З. 206), *накүх'ай* (Н.-Рж., ПОС 2.97), *накүх'ать* (Остр., ПОС 2.141), *күх'али* (Печ., ПОС 4.20), *накүх'ать* (Печ., ПОС 4.145), *накүх'иш* (Пск., ПОС 4.12), *күх'ать* 'есть, пробовать' (Печ., Глускина 1962, с. 43—44, 47), *кухивать* (Глускина 1962, с. 47).

4. *měsјati, *měsjevati, ср. *měsiti: *вѣм'ахала* (С.-З. 23), *н'е пом'ех'айете* (С.-З. 80), *м'ех'айе* (С.-З. 81), *см'ах'ал'ис'а, м'ах'ала* (С.-З. 86), *м'ех'айет* (С.-З. 94), *разм'ех'айеш, м'ех'айу, м'ех'айеш, м'ех'айе, м'ех'айим* (С.-З. 97), *пам'ех'ивала* (С.-З. 176), *м'ах'айу* (С.-З. 180), *пам'ах'ал'ис'а умом* (С.-З. 181), *м'ах'айут* (С.-З. 185), *падм'ех'иваим, м'ах'аиш, м'ах'айу, м'ах'айим* (С.-З. 186), *н'е м'ех'айе* (С.-З. 192), *мехат'* 'мешать' (С.-З. 197); *м'ах'айит'е, вѣм'ех'ивал'ис'а* (С.-З. 206), *м'ах'ат'* (С.-З. 206), *м'ах'айе'и* (С.-З. 207), *вѣм'ах'айим, вѣм'ех'ан'уйу* (sic! — С.-З. 227), *вѣм'ех'ивайся* (Себ., ПОС 4.59), *емях'али* (Пск., ПОС 5.90), *мях'ай* (Сер., ПОС 6.107), *мях'ать* (Кр., ПОС 6.121), *мехат'* 'мешать' (Глускина 1962, с. 44), *мехивать* (Глускина 1962, с. 47).

5. *prasјati, *prasjevati, ср. *prositi: *спр'ахывал, спр'ахывае, спр'ахывай* (С.-З. 6), *н'а спр'ахывай, спр'ахывай, спр'ахывайут* (С.-З. 7), *наспр'ахывал, спр'ахывай* (С.-З. 77), *спр'ахывайут* (С.-З. 78), *не спр'ахывай* (С.-З. 79), *спр'ахывае* (С.-З. 81), *спр'ахыват* (С.-З. 82), *спр'ахывайу* (С.-З. 92), *спр'ахывай, допр'ахывае, допр'ахывал'и* (С.-З. 94), *спр'ахывайу* (С.-З. 95), *спр'аховайут* (С.-З. 97), *запр'ахывал'и, запр'ахъвим* (С.-З. 98), *выспр'ахывайу, выспр'ахывае, спр'ахывайут* (С.-З. 101), *спр'ахывала* (С.-З. 102), *спр'ахывайут* (С.-З. 103), *спр'ахывал'и* (С.-З. 104), *наспр'ахываите* (С.-З. 117), *спр'ахывай* (С.-З. 177), *спр'ахывайу* (С.-З. 179), *спр'ахывал* (С.-З. 186), *спр'ахывае* (С.-З. 186), *н'а спр'ахывайут* (С.-З. 192), *спр'ахываица* (С.-З. 197), *спр'ахывае, спр'ахывае* (С.-З. 200), *спр'ахыват'* (С.-Р. 214), *спр'ахывае* (Остр., ПОС 2.238), *выспр'ахываеш* (Остр., ПОС 5.38), *выспр'ахивъли* (Гд., ПОС 6.68), *выспр'ахивали* (Пок., ПОС 6.68), *спр'ахивать* (Глускина 1962, с. 43, 47).

6. *věsјati, *věsјevati, ср. *věsiti: *в'эхат'*, *нав'эхајут* (С.-З. 82), *в'эхай*, *в'эхайу* (С.-З. 89), *в'эхайу́тца* (С.-З. 100), *нав'эхаим*, *в'эхаитца*, *в'эхал'и*, *в'эхат'*, *в'эхайу́т* (С.-З. 104), *в'эхайт'е* (С.-З. 174), *в'эхайу́т* (С.-З. 186), *нав'эхано* (Гд., ПОС 3.122), *в'эхалка* (Гд., ПОС 3.136), *вехала* 'вешало (существительное)' (Печ., ПОС 3.136), *в'эхаю* (Пск., ПОС 3.137), *в'эхыт* (Пск., ПОС 3.137), *в'эхать* (Себ., ПОС 3.137), *в'эхают* (Пл., ПОС 3.137), <*в'эхать*> (без приведения форм: ВЛ, Гд., Н.-Рж., Оп., Печ., Полн., Пск., Сер., Пушк., ПОС 3.137—138), *в'эхать* (Гд., ПОС 3.138), *в'эхали* (Н.-Рж., ПОС 3.138), *в'эхать* (Сер., ПОС 3.138), *в'эхаеся* (Гд., ПОС 3.138), *ня в'эхайся* (Остр., ПОС 3.138), *в'эхаю́цца* (Гд., ПОС 3.138), *не в'эхайся* (Пушк., ПОС 3.138), <*вехаться*> (без приведения форм: Аш., Гд., Кр., Ляд., Н.-Рж., Оп., Остр., Пск., Сер., Стр., ПОС 3.138), *в'эхыся* (2-е л. ед. ч.: Пск., ПОС 4.21), *вывехай* (Остр., ПОС 5.128), *выв'эхаю́т* (Остр., ПОС 5.129), *в'эхым* (Гд., ПОС 5.136), *в'эхалась* (Гд., ПОС 6.7), *в'эхыши* (Пск., ПОС 6.118), *развехать* (Глускина 1962, с. 43), *вехать* 'вешать' (Глускина 1962, с. 44), *вехывать* (Глускина 1962, с. 47).

7. *nasјati, *nasјevati, ср. *nositi: *нан'эхыву́т* (С.-З. 86), *вына'эхывайу́* (С.-З. 95), *абна'эхываем*, *на'эхывал'и* (С.-З. 101), *пан'эхыват'* (С.-З. 102), *разна'эхыват'* (С.-З. 103), *абна'эхываши* (С.-З. 104), *на'эхавайу́цца* (С.-З. 174), *нан'эхывал* (С.-З. 185), *н'а на'эхавала* (С.-З. 190), *на'эхывала* (С.-З. 229), *абна'эхывал* (Печ., ПОС 3.82), *вына'эхвьеть* (Печ., ПОС 6.21), *вына'эхываем* (Пушк., ПОС 6.21), *вына'эхву*, *вына'эхвье* (Кар., ПОС 6.21), *вына'эхывали* (Гд., ПОС 6.21), *не вына'эхвьем*, *вына'эхывае* (Гд., ПОС 6.21), *вына'эхыва́цца* (3-е л. ед. ч.: Гд., ПОС 6.21), *не вына'эхвью́ць* (Печ., ПОС 6.21), <*вынахиваться*> (без приведения форм: Пск., Сер., ПОС 6.21), *нахываать* (Глускина 1962, с. 43, 47); видимо, с другой степенью аблаута (*nosјati): (*от*)-*нохат'* (Глускина 1962, с. 47).

8—9. Инновационный аблаут представлен в *гола́хова-* и *кола́хова-* (вместо **голохова-*, **колохова-*), ср. *golsiti и *kolsiti: *гала́хываать*, *гала́хывайу́т* (С.-З. 3), *пригола́хывает* (С.-З. 78), *пригала́хывајут* (С.-З. 82), *зьгала́хывает* (С.-З. 91), *пригала́хывает*, *зьгала́хывайу́т* (С.-З. 91), *пригала́хывайу́т* (С.-З. 101), *пригала́хываје*, *пригала́хывайу́т* (С.-З. 104); *выкала́хываи́цца* (С.-З. 7), *выколахываться* (Ляд., Глускина 1962, с. 43).

Помимо перечисленных выше глаголов, переход *y>*x* засвидетельствован также в существительном *но́ха* 'ноша' (<*nošja, С.-З. 263).

Параллельным развитию *sj>*x* является переход *zj>*γ* (>г), представленный в следующих двух глагольных основах: 1. *grazјevati, ср. *groziti: *награу́ывать* 'грозить' (Глускина 1962, с. 47; Остр., Глускина 1979, с. 118). 2. *vazјevati, ср. *voziti: *вау́ывать* (Кар., 3.17); *выу́ывать*, *перевау́ывать*, *свау́ывать* (Глускина 1962, с. 47), *вау́ывать* (Кар., Остр., Порх., Глускина 1979, с. 117—118), *свау́ывать* (Палк.), *перевау́ывать* (Гд., Палк., Глускина 1979, с. 118), *вагиваать* 'возить' (Глускина 1979, с. 118). Впрочем, последняя форма с взрывным -г- может быть образованием от глагола *водити* в значении 'возить', см. ПОС. 4.75 *водити*² 'то же, что возить'. В таком случае *вагиваать* восходит к *vadјevati, см. другие случаи перехода *dj>*g* ниже.

Также как и интервокальное *x*, регулярно соответствующее прасла-

вянским *sj и *s, но не *š, псковское интервокальное *γ* (/з) обнаруживается исключительно на месте *zj и *z (см. выше), тогда как слав. *ž всегда дает псковское *ж* (либо *ж'*, *з** и подобные звуки в говорах с "шепелявением").

Лингвогеографический анализ материала с псковским *x*<*sj, *s выявляет тот факт, что ареал рефлекса *x*<*s значительно шире, чем ареал *x*<*sj (особенно показательно здесь гораздо более широкое распространение итеративов *s-x*-типа *опойа́ховать/-ывать*, т.е. без суффиксального -j-, чем итеративов с суффиксальным -j-, см. АРНГ Сев.-Зап., карта 133). На территории псковского диалекта *x* из *sj отмечено исключительно в западном и юго-западном ареале (т.е. на основной, самой древней территории псковских кривичей), а *x* исключительно из *s в интервокале, а также из *s, *š перед сонантами отмечается на более восточной, первоначально ильменско-словенской территории (см. карту 2, где показан ареал *sj<*x*). По-видимому, рефлекс *x* из слав. *sj является реликтом псковско-кривичского диалекта на его исконной территории (ср. аналогичную ситуацию с *y/e* на месте *ь перед йотированными сонантами — см. выше, с. 121).

То, что *x*<*sj и *γ* (з)<*zj являются фонетическими, а не морфологическими рефлексами, возникшими в результате переосмысления альтернативных рядов, подтверждает сходная судьба праславянских *dj и *tj (давало ли праславянское сочетание **kt'* в словах типа **nokt'* псковские рефлексы, отличные от *k в позиции I палатализации, неизвестно), отражающихся как псковские *k* и *z* соответственно (по крайней мере перед задними гласными), причем не только в итеративных глаголах, но и в именах, где морфологическая аналогия маловероятна.

1. *rogati* 'рожать' (Гд., Глускина 1979, с. 116) <*rodјati, итератив от *roditi.

2. *sostrеkati*(ся) 'встречать(ся)' (ВЛ, Гд., Дед., Кун., Нов., Пск., Пушк., Сл., Глускина 1979, с. 116), *встрекать* 'встречать' (Оп., Глускина 1979, с. 116), *састрюка́ецца* (Нев., ПОС 5.72), *встрекать* (ПОС 5.90 — без указания на район); форма с -к- хорошо известна из старопсковских памятников, например *сустрѣкали* 1-я Псковск. лет. (Срезн. III. 627); смол. *устрикають* (Смол., ССГ 2.85), *устрикай* (Дух., ССГ 2.86), *устрикать* (Смол., Дух., ССГ 2.86); наличие глагола с -к- в северо-восточных белорусских говорах подтверждает белор. литер. *сустракаць* 'встречать' <*sb-rěјati, итератив от *rěјiti.

3. *выпруга́ют* (2х), *выпруга́ешь* 'вывалить и т.п.' (Ляд., ПОС 6.40), *выпруга́юцца* (Стр., ПОС 6.40), *опругаать*, *выпругаать(ся)* 'выливать(ся), опоражнивать(ся)' (Ляд., Пл., Стр.: Глускина 1979, с. 116) <*pręјati, итератив от *pręјiti. В псковских говорах представлен также и глагол *выпружа́ть* с "общерусским" рефлексом *ж* и производящий глагол *пруди́ть*: *выпруди́ть* 'вывалить' (Остр., ПОС 6.40), *испруди́ть* 'опрокинуть' (Пск., СРНГ 15.249). В свете данных других русских диалектов и внешнего сравнения вторичной представляется форма *пружи́ть*, отмеченная исключительно в псковском и явно достроенная к итеративу *пругаать*: *выпружить* (ПОС 6.40).

4. *napuga* 'пресыщение' (СРНГ 20.109: отмечено в псковских и ос-

ташковских говорах) < *na-řǫdjā, ср. *řǫditi в смол. *napǫditi* 'положить, налить ч.-л. сверх меры' (СРНГ 20.109).

5—6. *фпéкали* (Пушк., ПОС 5.14), *фпéкьють* (Н.-Рж., ПОС 5.14), *фпекъть* (Порх., ПОС 5.14), *впекал* (Н.-Рж., СРНГ 5.170), *фпéкался* (Остр., ПОС 5.14), *фпéкающа* (Кр., ПОС 5.14), *фпéкалась* (Дн., ПОС 5.14), *фпекáлись* (Остр., ПОС 5.14), *впекать* (пск., СРНГ 5.170), *впéкаться* (пск., осташк., СРНГ 5.170) — глагол *в-пéкать* 'засунуть, запихнуть' < *вь-рětjati, итератив к *rětiti, ср. *впéтать*, *впéтывать* 'вбивать, вколачивать' (Арх., Зап., СРНГ 5.171).

7. *вдака* 'удача', *наудаку*, *навдаку* 'наудачу' (Кар., Печ., Порх., Пск.: Глушкина 1979, с. 117) < **вь/*и-dātjā*, ср. праславянское бесприставочное *dātjā: рус. *дāча*, с.-х. *дāха*, а также *za-dātjā: рус. *зāдāча*, с.-х. *зāдāха* и т.п.

8. *багáет* 'бодает' (Пл., ПОС 2.66), *богáть* (Порх., ПОС 2.66), *багалась* 'бодалась' (Гд., ПОС 2.66), *багáцца* 'бодаться' (Гд., ПОС 2.66), *богáецэ* 'бодается' (Пл., ПОС 2.66), *бугáецца* (Гд., ПОС 2.66), а также с нерегулярным (видимо, экспрессивным) вокализмом: *быгали* (Гд., ПОС 2.66), *быгáит* (Гд., ПОС 2.66), *быгáть* (Гд., ПОС 2.66), *быгáть* (Ляд., ПОС 2.66), *быгáицца* (Слан., ПОС 2.66), *быгáецца* (Ляд., ПОС 2.66), *быгáицца* (Гд., ПОС 2.66), *быгáться* (Гд., Ляд., Печ., Пл., Полн., Сер., ПОС 2.66), *быгáюща* (Гд., ПОС 2.66). Данные формы образованы от итеративного глагола *bodjati 'бодать', в свою очередь образованного от *boditi, засвидетельствованного только в псковском: *будяцца* 'бодаются' (Сош., ПОС 2.132) — здесь -у-<-о-, ср. выше *бугáецца* и подобную форму от *bosti, *bodǫ: *будéцца* (Н.-Рж., ПОС 2.132). Формы *богáть/быгáть* встречаются на великорусской территории, кроме псковского диалекта, также в небольшом количестве на Востоке (явление "кривичского пояса"), см. ДАРЯ III, карта 70.

9. *надéга* 'надежда' (Гд., Ляд., Глушкина 1979, с. 117), ср. также перм. *надéга* (СРНГ 19.228) при "общерусском" рефлексе в диал. *надéжа* < *na-dědjā, образованном от редуцированной основы *děti, *dědjǫ.

Кроме собственно псковского диалекта, большое число образований с *г*, *к* на месте *dj, *tj встречается в генетически близких ему говорах Новгородской, Калининской и Смоленской областей и северо-восточной Белоруссии, а также в онежских (олонецких) говорах, имеющих и другие специфические схождения с псковскими, в первую очередь гдовскими говорами (см. Захарова—Орлова 1970, с. 117—119, в особенности пункты 7, 10, 11, 12, 16), и в отдельных архангельских, Кировских (вятских), пермских, свердловских и сибирских говорах, несомненно возникших на основе псковско-новгородских говоров метрополии. Можно привести следующие примеры:

10. новг., пск. *завекáть* 'давать зарок не делать чего-л.; налагать запрет; завещать'; новг. *завекóватъ* 'id.' (СРНГ 9.302) < *za-větjati, ср. диал. *завечáть* 'давать обет, завещать, налагать запрет и т.п.' (СРНГ 9.311), русск. литер. с церковнослав. фонетикой *завещáть* — итератив от *větiti.

11. смол. *молога* 'молодые растения; молодые побеги растения' (СРНГ 18.220) при смол., новг. *молóжа* 'молодые деревья' (ibid.) < *móldjā.

12. вят. *надслéгать* 'следить, наблюдать, заботиться' (СРНГ 19.252), *наслéгать* 'стараться; заботиться' (СРНГ 20.169) < *na-slědjati, итератив от *slěditi, ср. последний в специфическом значении в говорах этого же региона: вят., волог. *наслéдуть* 'присмотреть (за кем.-л.), наблюдать'.

13. олон. *запрéка* 'досада', олон., новг., арханг. *запрéку* 'обидно, досадно' (СРНГ 10.354), смол. *напрéкатъ* 'упрекать, укорять' (СРНГ 20.97) < *za-prětjā, **-prětjati*, итератив к *rětiti. В данном корне, видимо, необходимо восстанавливать праслав. **prě-*, а не **per-* ввиду широкого распространения глагола *prětiti в великорусских говорах в значениях, не выводимых из значений ц.-слав. *prětiti* 'удерживать; угрожать': например, *напрěт'им* 'показаться неприятным' (д. Дубровки Селижаровского района Калининской обл.), ср. также семантику литер. глагола *прет'ить* (иначе Фасмер III. 361). Литер. *у-*, *попрéкатъ* (с вторичными девербативами *упрěк*, *попрěк*) должен быть признан диалектным (см. ниже о таких словах в литературном русском).

14. Новг., калин., прионеж., олон. (а также в более восточных зонах позднейшей колонизации) *л'яга* 'болотистое, топкое место; лощина, впадина (обычно заполненная водой); лужа; грязь, слякоть; глубокое место в реке; небольшой водоем; сухое место среди болота; неудобная для обработки земля; трава, похожая на осоку' (СРНГ 17.253—254) при волог. *л'яжа* 'сырое топкое место (в лесах и на сенокосах)' (ibid. с. 269) < **l'ědjā*, ср. широко распространенное в русских говорах *л'ядá* 'вырубленное и выжженное под пашню и сенокос место в лесу; сырое место среди посевов; низкое, сырое место, болото; низина, впадина, заполненная водой; постоянная лужа; большая яма, заполненная водой, лужа; трясина, топь; речная заводь, озеро; сухое, высокое место среди болота; земля, неудобная для обработки; низкая гладкая трава (болотная?)' (СРНГ 17.259—259), а также производные от *л'яда* и *л'яжа* (там же). Ввиду параллелизма значений слов *л'яда* и *л'яжа* в русских говорах следует, видимо, признать производность *л'яга/л'яжа* от *л'яда* (**l'ěda*) и отклонить предлагавшееся родство *л'яга* с *луг* (ср. Фасмер II. 548).

В смоленских говорах отмечено дополняющее приведенный на с. 132 список интересное образование с *γ* < *zj ельн. смол. *зупáга* 'пазуха' < *zǫpáγa с рефлексом диссимилятивного аканья и фрикативным *γ*, так как взрывное *z* в смоленских говорах отсутствует (СРНГ 12.24) < *za-pázjā, ср. чеш. *paže*, словц. *paža* и другие подобные славянские образования.

Внутри "кривичской" зоны специфически псковской особенностью, видимо, является лишь переход *sj < *x* (*нóха*); в остальных системах, знающих рефлекс *tj > *к*, *dj > *z*, *zj > *γ*, единственным известным нам рефлексом *sj является *ш*.

Во всех приведенных выше примерах псковские *z*, *к*, *x* < *dj, *tj, *sj, *zj находятся перед задними гласными (такая же позиция представлена в глаголах на -*хивать*, -*уивать*, -*кивать*, -*гивать*, где -*и*- вторично из -*ы*-/-*о*-). Материал по рефлексам этих сочетаний перед передними гласными и в ауслaute недостаточен, чтобы сделать определенные выводы. Рефлекс *т*' в пск. *гáти* 'штаты' (ПОС 6.144; СРНГ 6.152) при "общерусском" *гáчи* (например, ПОС 6.144) < *gátičь, ср. укр. *гáчи*, с.-х.

žhь, чеш. *hase*, не обязательно указывает на первоначальное развитие **tj > m'* перед гласным переднего ряда, так как на территории псковского диалекта широко представлен вторичный переход *к' > m'* (*m'ислый, m'инуть* и т.п., см. ниже, с. 144).

В "кривичских" непсковских системах имеются рефлексы *-z < *dj* перед передними гласными в производных от основы **medj-*: смол. *мез* 'между' < **medjь* (СРНГ 18.92); олон. *мезэнь* 'жаркая пора', сев. *мезэнь* 'тишина на озере' < **medjень* (СРНГ 18.93) — ср. *меженъ* в близких значениях (СРНГ 18.84—85); смол. *мезисутка* 'пшеничная мука' (СРНГ 18.94) **medje-sityka*. Видимо, вторично возникшее под влиянием форм типа *мез, мези-*, смол., арх. *мэзу* 'между' (СРНГ 18.96). Заслуживает внимания форма асс. sg. masc. *рыжи* 'рыжий' (< **rydžьь*) в новгородской берестяной грамоте N 160 (см. Зализняк 1986, с. 296 sub v. *рыжиу*). Эта древненовгородская форма поддерживается gen. sg. f. *рызои* 'рыжей (о масти коровы)' в Целебнике рубежа XVII—XVIII вв. (рукопись хранится в Гос. историч. музее, шифр Музейск. 1226; материал любезно предоставлен автору А.А. Зализняком); этот памятник содержит и другие яркие северо-западные черты, в первую очередь в области акцентуации. В новгородском городском койне, образовавшемся, видимо, главным образом на основе псковско-кривичского диалекта (см. статью А.А. Зализняка в этом сборнике), а потом распространившемся на русском Севере в процессе колонизации, самостоятельно или под влиянием диалекта смоленских кривичей развились некоторые особенности в рефлексации велярных в позиции II палатализации (см. ниже), а также сочетаний дентальных с *-j-* (как и в смоленском диалекте, в новгородском койне **sj* отражалось как *ш*). Можно предположить, что переход **dj > *z/z'* перед передними гласными — либо собственно новгородский, аналогичный смоленскому, либо слова с такими рефlekсами заимствованы из смоленского диалекта (ср. проникновение далеко на север смоленско-кривичской изоглоссы акцентного противопоставления *далá: брáла*, см. ниже, с. 149 сл.).

Псковские *х, γ, к, г* и сходные рефлексy в генетически близких говорах на месте праславянских **tj, *dj, *sj, *zj* не только в глаголах, но и в существительных (в особенности в таких, как **zapáya, л'áга* и т.п., отчасти имеющих непосредственные параллели в других славянских языках), где вторичное "восстановление" велярных, по теории С.М. Глускиной, вряд ли возможно, заставляют заключить, что мы имеем в данном случае результат не морфонологического, а именно фонетического процесса. Псковским говорам известно вторичное появление велярных на месте шипящих, возникавших из велярных в позиции I палатализации и из сочетаний **kj, *gi, *xj* (*мокиться, сплохить, токило, постникать, прирукать* — см. материал в Глускина 1979). Однако если в итеративах на **-a-* мы можем предполагать рефлексy праславянских образований без **-j-*, а в словах типа *сплохить* — восстановление велярного по действительно морфонологической аналогии, то появление велярных в глаголах типа *замекать, рогать* вряд ли объяснимо таким образом. Более того, фрикативное *γ* на месте **zj* в говорах, где слав. **g* регулярно дает взрывное *г* (ср. формы типа *нагрáувать*), может быть объяснено только как появившееся фонети-

ческим путем: возникновение новой фонемы исключительно в результате морфонологической аналогии (*к:х = г:γ*) было бы уникальным случаем с типологической точки зрения. Более разумным представляется предложение о том, что в псковском диалекте (а также первоначально в смоленском диалекте) праслав. **tj, *dj, *sj, *zj* давали вначале **k', *g', *x', *γ'* (ср. имевшийся в псковском и смоленском ряд палатальных сонантов **л', *л', *r'* и даже **w'*, см. выше, с. 121 сл.), а затем по крайней мере перед *a* и *o(ъ)* они отвердевали, сохранившись в современных псковских говорах в виде *к, г, х* и *γ* (примеры с "общерусскими" рефlekсами данных сочетаний объясняются в таком случае лексическими заимствованиями из соседних говоров, в которых "общерусские" рефlekсы были регулярными). В смоленском диалекте, по всей видимости, **tj* и **dj* давали соответственно *к* и *г* перед *a* (через стадию **k', *g'*, как и в псковском), тогда как **dj* в других позициях давало **dz' > *dz > *z*, а **sj* и **zj* — идентичные "общерусским" рефlekсы *ш* и *ж*. Относительно смоленского рефlekса **tj* перед гласными переднего ряда см. ниже, с. 145.

* * *

Выше мы уже встретились с рефlekсом *-к-* на месте **tj* в литературном русском языке (*у-, по-прекaть*). Можно привести другие аналогичные примеры:

15. *намека́ть, смека́ть* несомненно родственны пск. *намека́ть* 'делать метки, метить', *примека́ть, замекать* 'примечать, замечать' (Глускина 1962, с. 44), *мека́ть* 'считать' (пск., осташк., СРНГ 18.94), смол. *мекува́ть* (< **sь-mětjuvati*) 'обдумывать, рассуждать о чем-л.' (СРНГ 18.95), ст.-пск. *примека́м / primekat* 'verwundern' (Фенне 177, N 16), которые происходят из **mětjati*, ср. диал. *ме́ка́ть* 'думать; замечать' (СРНГ. 18.145), итератива к **mětiti*. Рус. диал. *ме́ка́ть* 'думать, предполагать', литер. *намека́ть, смека́ть* (с вторичным deverбативом *наме́к*) и ранее считались образованиями от **mětiti* (см. Фасмер II. 594 со ссылкой на этимологию А. Брюкнера). Они, по всей видимости, заимствованы из диалекта типа псковского, знавшего переход **tj > к*, ср. ареал диал. *ме́ка́ть* (СРНГ 18.94) на территории старого заселения: Костром., Твер., Новг., Вят., Ряз., Тул., Осташк., Влад., Смол.; характерны и ареалы нового заселения: Вят., Перм., Казан., Пенз. Эта зона в основном совпадает с распространением и других специфических черт псковского (точнее, южнопсковского) типа, наличие которых может объясняться древним восточным расселением кривичей, в результате которого образовался среднерусский диалектный "кривичский пояс" (разумеется, что на территории нового расселения эти черты попали уже не с кривичами, а с носителями говоров, в которых эти черты были унаследованы из далекого прошлого).

В пучок изоглосс, объединяющих южнопсковские (отчасти севернопсковские, смоленские и северо-восточные белорусские) говоры с говорами Волго-Окского междуречья, наряду с особым рефlekсом **ъ* в отдельных лексемах (см. выше, с. 122) и примеры на *к < *tj*, входит еще рефлекс **kv- > кв'- / к'в'- / м'в'-* в словах типа **kvěть* (т.е. в позиции II палатализации).

Для "кривичского пояса" характерны также две изоглоссы, отражающие, по всей видимости, одно и то же старое фонетическое явление, проявляющееся в современных говорах только в морфологии. Речь идет о безударном окончании тв. п. ед. ч. $\bar{a}$ -основ (и вторично i -основ) $-y(y)$ и безударных окончаниях $-y$ (1-е л. ед. ч.) и $y-ym/-ym'$ (3-е л. мн. ч.) презенса $\bar{a}$ -глаголов ($\partial\acute{y}mu < *dumaj\bar{o}$, $\partial\acute{y}mum/\partial\acute{y}mum' < *dumaj\bar{o}t\bar{b}/-t\bar{b}$).

Если происхождение глагольных окончаний как результата стяжения гласных прозрачно, то первое $-y$ в окончании тв. п. $\bar{a}$ -основ трудно объяснимо. Получившее наибольшее распространение объяснение окончания в формах типа $b\acute{a}b\bar{u}y$, $n\acute{a}lk\bar{u}y$ как возникшего в зонах, переходных от акающих говоров к окающим (согласно этой точке зрения $-y$ в данной флексии — реликт оканья в системах с вторичным аканьем), кажется весьма спорным, так как в западной части ареала окончание $-y\bar{i}(y)$ распространено в говорах с диссимилятивным, т.е. весьма архаичным аканьем (смоленские, северо-восточные белорусские говоры). Скорее всего, формы типа $b\acute{a}b\bar{u}y(y)$, $n\acute{a}lk\bar{u}y(y)$ восходят к промежуточным $*b\acute{a}b\bar{u}$, $*n\acute{a}lk\bar{u} < *b\acute{a}b\bar{u}\bar{o}$, $*n\acute{a}lk\bar{u}\bar{o}$, где $-o$ из $*-oj\bar{o}$ произошло в результате выпадения $-j$ -аналогично тому, как возникли окончания $-y$, $-ym/-ym'$ в глаголах (см. выше). Несовпадение ареалов окончаний $-y\bar{i}$ и глагольных $-y$, $-ym'$ в юго-западной части ареала (см. карту 3), видимо, объясняется вторичным вытеснением контракционных глагольных форм; в случае постановки ударения на одном из гласных последовательности $-Vj\bar{o}$ контракции не происходило (нет форм типа $*znu$, $*uzn\acute{u} < *zn\acute{a}j\bar{o}$, $*-znaj\bar{o}$).

Следует обратить внимание на то, что на старой кривичской территории все показанные на карте изоглоссы "кривичского пояса" одновременно засвидетельствованы лишь на южнопсковской территории, приблизительно в районе Опочки. В.В. Седов отмечает, что кривичская колонизация Волго-Окского междуречья началась в основном в XI в., и "не подлежит сомнению, что осуществлялась она из Смоленской земли" (Седов 1982, с. 189). Археологические данные не позволяют установить точно, из какого конкретно места двигался основной поток кривичского населения, а территория крайнего юга Псковской земли с точки зрения археологии относилась в IX—XIII вв. к области смоленско-полоцких кривичей (см. Седов 1982, с. 160—162, карта 25). Археологические данные о кривичской колонизации Волго-Окского междуречья также хорошо согласуются с лингвистическими. Согласно В.В. Седову, ареал кривичских браслетообразных височных колец с завязанными концами "от Верхнего Поднепровья продолжается далеко на восток. Сначала он узкой полосой тянется между поречьем тверского течения Волги, Москвы-реки и Клязьмы, затем расширяется, охватывая Ярославское Поволжье и всю Ростово-Суздальскую землю. На Владимирщине кривичи пересекли Клязьму и заселили часть мешерско-муромских земель, включая северные районы будущей Рязанской земли" (Седов 1982, с. 189).

Практически весь "кривичский пояс" охватывают ареалы рефлекса $*kv-$ (в позиции II палатализации) $> kv' / -k'v' / -m'v-$ (см. карту 4) и окончаний $-y\bar{i}(y)$, $-y$, $-ym/-ym'$. Напротив, слова с рефлексом $e/u < *f$ перед

йотированными сонантами, кроме псковской и смоленской территории, отмечены лишь в области к востоку от Москвы. Имеется еще одно явление, известное почти исключительно "кривичскому поясу" и территориально дополнительно распределенное с рефлексом $*\delta > e/u$. Речь идет о нефонетической замене $-v$ род. пад. мн. ч. на $-x$. На территории старого расселения кривичей такое явление отмечено в основном южнее и юго-восточнее ареала $*\delta > e/ы$, в "кривичском поясе" оно отмечено, с одной стороны, в Тверском Поволжье и с другой — южнее основного массива рефлекса $*\delta > e/u$ в Волго-Окском междуречье (бассейн Оки в районе Касимова, далее на юг до Моршанска и на восток до среднего течения Мокши, см. карту 3). Вне "кривичского пояса" явление $-x$ в род. п. мн. ч. отмечено лишь в одном большом массиве на севере, в междуречье Мологи и Суды, т.е. прямо на север от тверского ареала данного явления (см. ДАРЯ I, карта 54 — более восточные фиксации на Севере единичны). В современных говорах, в которых отмечено окончание $-ox$ род. п. мн. ч., в качестве окончания предл. п. мн. ч. используется $-ax$. Есть основания полагать, что источником смещения окончаний этих падежей первоначально был мягкий вариант склонения o -основ, в котором безударное $-f\acute{x}$ ($-e\acute{x}$) местн. п. стал заменять род. пад. мн. ч. (первоначально на $-f$) в предложных конструкциях. Примером может служить архаичная система московской рукописи конца XVI в. (датирована 1587 г.) "Слова Максима Грека", говор I-го и 2-го писцов которой на основании фонетических и акцентуационных особенностей может быть надежно локализован в районе Торжок—Тверь—Кашин (рукопись находится в Гос. б-ке им. Ленина, шифр: ф. 310, N 487): $\text{п\acute{a}че... сод\acute{o}мл\acute{a}н\acute{e}х\acute{x}$ 476, род. п. мн. ч. $\text{f\acute{o}b\acute{y}ч\acute{a}e^x$ 656, $\text{расп\acute{e}нши}^x || \text{ш\acute{o}д\acute{b}e^x$ 70—706, $\text{оу безв\acute{f}рны}^x \text{та} | \text{тар}^x$ 716, и т.д.; показательная также форма местн. п. мн. ч. $\text{f\acute{o}... пр\acute{e}ст\acute{y}пник\acute{o}в\acute{x}$ 756 в других случаях предлог o управляет исключительно местн. п.), говорящая о неуверенности писца в употреблении "стандартных" окончаний род. и местн. падежей. Ареал окончания $-ox$ в род. п. мн. ч. точно совпадает с тверским ареалом кривичских могильников XI—XII вв. (см. ДАРЯ I, карта I), а также с компактным ареалом рефлекса $*kv- > m'v-$ к северо-западу от Москвы. Таким образом, можно предполагать, что заселение Тверского Поволжья, а также северной части Рязанской земли осуществлялось не южнопсковскими, а (северо)смоленскими кривичами (в отличие от основной территории Волго-Окского междуречья).

Важной изоглоссой, характерной для всего "кривичского пояса", является особая акцентуация i -глаголов акцентной парадигмы b_2 (см. подробно в: Булатова Р.В., Дыбо В.А., Николаев С.Л. Проблема акцентологических диалектизмов в праславянском // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов (София, сентябрь 1988). Доклады советской делегации. М., 1988), надежно привязываемая к кривичскому племенному диалекту на основании анализа как современных систем, так и старорусских памятников (в наиболее чистом и архаичном виде эта акцентуация представлена в псковских, западноновгородских, смоленских и ржевско-волоколамских памятниках, имеющих и другие яркие кривичские черты).

Возвращаясь к формам с $-k-$ на месте $*ij$ в литературном русском

языке и восточнорусских говорах, можно привести еще следующие примеры:

16. *пугать* (ср. диал. *пужать*, белор. *пужаць* и т.д.) < *podjati, итератив от *poditi (рус. диал. *пудить* 'пугать, гнать'), о связи *пугать* и *пудить* см. также Фасмер III. 399—400.

17. *подоплёка* — первоначальное значение 'подкладка, подбой у крестильной рубахи, от плеч по спине и груди' (Даль III. 193) < *pod-pletja или *pod-ò-pletjā, ср. слав. *pletjē 'плечо'. Видимо, -к- < *tj содержится и в диал. *бѣлоплечий* 'белоплечий' (о птицах) (Даль I. 157 без указания диалектного источника слова). Попытки объяснения изолированных русских форм с -к- из слав. **plek-* наталкиваются на необходимость восстанавливать более ранней формы *plektje 'плечо' с суффиксальным -t-, что находится в явном противоречии с данными других и.-е. языков (см. материал в Фасмер III. 281; лтш. изолированное *plecs* 'плечо', видимо, славянское заимствование).

18. *помеха* (< *po-měšjā), ср. итератив *měsjati (см. псковские формы с -х- выше, с. 131) и производящий глагол. *měšiti. См. Фасмер III. 323 со ссылкой на Э. Бернекера.

19. костр. *мекать* 'бросать, кидать' < *metjati, итератив, параллельный к *metati (Виноградов, с. 32).

20. сибир. *оплёка* 'паз, с помощью которого доски скрепляются замком' (Бурят. АССР), 'гнездо; борть' (Бурят. АССР; Читин. — СРНГ 23.261) < *o-pletjā, от *pletjō 'плести'.

Раздел, посвященный "кривичскому поясу", необходимо завершить следующим важным замечанием. Как мы видели, на территории "пояса" обнаруживаются многие характерные черты псковского и смоленского диалектов, причем западное происхождение этих черт в основном не вызывает сомнений. Однако в то время как на старой кривичской территории многие из этих явлений представляют собой целостные системы и связаны с другими структурными чертами (см., например, ниже о параллелизме развития сочетаний дентальных с -j- и велярных в позиции II палатализации в псковском и смоленском диалектах), на территории "кривичского пояса", особенно в восточной его части, самые важные — фонетические — явления ограничены отдельными лексемами; лишь отдельные ареалы здесь могут быть признаны в основе кривичскими (Тверское Поволжье, район Мурома, район нового заселения в бассейне Суры и Мокши). Анализ других частей фонетической, морфологической и в особенности акцентологической систем восточно-среднерусских говоров показывает, что в своей основе они не могут возводиться к кривичскому племенному диалекту. На территории Волго-Окского проходят также древние изоглоссы, объединяющие отдельные говоры этого региона с восточными севернорусскими говорами ильменско-словенского происхождения, что согласуется и с археологическими данными (см. Седов 1982, с. 185—196), однако и от словенского основной массив говоров Волго-Окского междуречья отделяется рядом существенных древних признаков, что не позволяет реконструировать ильменско-словенскую основу этих говоров. Генетически эти говоры не связаны и с говорами, объединяемыми нами под названием "южнорусский диалект" и в основе своей восходящими к племенному

диалекту вятичей (современные курско-орловские, тульские и восточнорязанские говоры, см. часть 3 настоящей статьи). Складывается впечатление, что словенско-ильменские, кривичские и вятичские особенности, обнаруживаемые на территории Волго-Окского междуречья, имеют суперстратное либо адстратное происхождение. Основные говоры этого региона, объединяемые нами под названием "восточнорусский диалект", имеют ряд черт, близких к верхнеокским, брянским и центральнобелорусским говорам и, возможно, восходят к племенному диалекту славянского населения, для которого были характерны незавязанные браслетообразные кольца (см. Седов 1982, с. 194—195 и карта 36). Подробный анализ этих изоглосс будет приведен во 2-й части настоящей статьи.

* * *

В псковском диалекте велярные на месте "общерусских" аффрикат появляются еще в одном случае — в позиции II палатализации. Доказательству отсутствия II палатализации в псковском посвящена статья С.М. Глускиной (Глускина 1968), в дальнейшем велярные в этой позиции были обнаружены А.А. Зализняком в новгородских берестяных грамотах (см. Зализняк 1984, с. 77—95, здесь же приведен большой диалектный материал; Зализняк 1982, с. 61—69; Зализняк 1986, с. 111—119). Большое количество фактам по рефлексам велярных в псковских и других великорусских говорах имеется в материалах ДАРЯ.

Помимо *kěрь 'цеп', *kěditi 'цедить', *kьrkū 'церковь', *kěль 'целый', *kěna 'цена', *xěрь 'серый' и *xěдь 'седой', необходимо, видимо, на основании русских диалектных рефлексов реконструировать праслав. *kipjē 'цыпленок' (ср. восходящие к этой форме *m'unl'ama*, *ц'unl'ama*) — в настоящей статье, однако, рефлексы этой формы рассматриваться не будут ввиду необходимости тщательного анализа диалектного материала. Современные псковские и связанные с ними северные говоры не имеют k'- и x'- в рефлексах слав. *kьrkū, *kěль, *kěna, *xěрь, *xěдь. Однако эти слова имеют особые рефлексы велярных в смоленском диалекте и в "новопсковской" системе (см. ниже). Ср.:

1. *kěрь 'цеп, молотило' и производные от него: *кеп* 'ручная молотилка, цеп' (Палк., Глускина 1968, с. 28), *кепóк* 'id.' (Остр., Глускина 1968, с. 25); *кеп* 'ручка цепа' (Остр., Палк., Печ., Глускина 1968, с. 25); *кепóк* 'id.' (Сл.), *кепéц* 'id.' (Пав., Стр., Глускина 1968, с. 25); *кеп* 'бьющая часть цепа, било' (Гд., Пск., Сл., Стр., Глускина 1968, с. 25), *кепóк* 'id.' (Кар., Кр., Локн., Н-Сок., Оп., Остр., Пушк., Себ., Стр.), *кепéц* 'id.' (Гд., Н-Рж., Остр., Палк., Порх., Стр., а также Мало-вишерский, Поддорский, Чудовский р-ны Новгородск. обл., Глускина 1968, с. 25—26), *кепéтинка* (Ляд., Глускина 1968, с. 26), *кепéц* 'цеп молотильный' (в олонетском словаре Г.И. Куликовского — см. Глускина 1968, с. 26), *кеп* 'цеп' (Новг., Пск., СРНГ 13.182), 'бьющая часть цепа' (Пск., СРНГ 13.182), *кепéц/кипéц* 'цеп' (Олон., Новг., СРНГ 13.82), *кепéц* (Новг., Олон., СРНГ 13.182), *кипéц* (Новг., Ленингр.,

⁴ Ср. *крькъвь* в новгородской Минее XIII в.: Колесов В.В. Введение в историческую фонологию. Л., 1982. с. 93.

СРНГ 13.182), *к'ип'эц* (С. 10, 62, 78, 81, 84), *к'ип'эц'* (С. 90), *к'ип'эц* (С. 99, 188, 203, 206), *кап'эц* (Зап. 1), *к'еп'ина* (Зап. 2), *к'ап'ок* (Зап. 12), *к'ип'инка* (Зап. 500), *к'еп* (С.-3. 33), *к'ип'эц* (С.-3. 34), *к'ип'эц* (С.-3. 73), *кап'ит'ик* (С.-3. 92), *кап'этик* (С.-3. 93), *к'ап'эц* (С.-3. 194), *к'ип'эц* (sic! С.-3. 63), *к'еп* (С.-3. 195), *к'ап'эц* (С.-3. 198), *к'ап'эц* (С.-3. 200), *к'ап'ок* (С.-3. 207), *к'ап'ок* (С.-3. 227), *к'еп* (С.-3. 97), *к'еп'ок* (С.-3. 101), *к'еп* (С.-3. 115), *к'еп'эц* (С.-3. 124), *к'еп'эц* (С.-3. 157), *к'еп'эц* (С.-3. 158), *к'ип'эц* (С.-3. 166), *к'еп'эц* (С.-3. 171), *к'ап'эц* (С.-3. 176), *к'еп/кап* (С.-3. 177), *к'ап'эц* (С.-3. 267).

С производными от *кѣръ не следует смешивать образования от корня **тер-* 'бить' приблизительно в том же значении, ср. слвн. *térac* 'die Keule; der Schlägel', в особенности значение 'debelejší konec (glava) pri sercu' (Plet. II. 663). Производные от **тер-* (в основном это *т'еп'эц*, *т'еп'ок* и *т'еп'инка*) широко распространены как на северо-западе (восточнее зоны распространения специфических псковских явлений), так и на юге великорусской территории (см. ДАРЯ III, карта 41), где велярные рефлексы в позиции II палатализации в других словах не отмечены. В некоторых пунктах зоны псковских говоров, где наблюдается *т'* в позиции II палатализации (в основном это — говоры по течению р. Ловати, где известен переход *к' > т'* и в других позициях — см. Образование, с. 63, карта 12), почти невозможно установить, является ли *т'еп'эц* производным от *кѣръ либо от **тер-*; производное *кѣрьсь является также праславянским, ср. слвн. *céřac* 'der Dreschflegel' (Plet. I. 79).

2. *кѣръ 'нить или круглая палка, употребляемая для сохранения параллельности основных нитей ткани'. Материал из статьи С.М. Глускиной — 1968, с. 26): *кеп*, *кепы*, *кипы* (Пинежский р-н Арханг. обл., Мошенский и Опеченский р-ны Новгородской обл., Гд., Дн., Кар., Палк., Печ., Пл., Порх., Пск., Сл., Стр. р-ны Псковской обл.); *кеп'ок*, *кеп'ки* (Маловишерский р-н Новгородской обл., Дед. и Остр. р-ны Псковской обл.); *кеп'ки* 'шпульки' (Оп.), *кеп'ца* 'шпулька' (Сер.); материал из СРНГ 13.182—183: *кеп*, *кепы/кепы* (Север., Арх.), *кеп. кепы/кипы* (Арх., Новг., Пск.), *кип* (Новг.), *кепы* (Арх., Петерб.), *кепки/кепки* (Пск.), *кепина* (Калин., Пск.), *кипина* (Новг.), *кеп'ки* (Новг.), *кеп'ок* (Пск.), *кеп'ца* (Сер.).

3. *кѣвь и производные: материал из статьи С.М. Глускиной (с. 25): *кѣвка*, *кѣвочка* 'шпулька' (Няндомский р-н Архангельской обл., Сланцевский р-н Ленинградской обл., Гд., Ляд. р-ны Псковской обл.), *кѣв'ца*, *кѣв'чка* (Медвежьегорский р-н КАССР, Кар., Кр., Ляд., Н-Рж., Оп., Остр., Палк., Печ., Пл., Порх., Пск., Пушк., Сл., Сош., Стр. р-ны Псковской обл.); *кѣв'ц*, *кѣв'ц* 'id.' (Прионежский р-н КАССР, Дн., Стр. р-ны Псковской обл.); *кѣв'ца* 'деревянная игла для вязания сетей' (Оп. р-н Псковской обл.); *кѣв'ь* 'ручка цепа' (Печ. р-н Псковской обл.); *кѣв'ок* 'id.' (Сл. р-н Псковской обл.); *кѣвина* (Поддарский р-н Новгородской обл., Гд., Ляд., Оп., Остр., Палк., Порх., Пушк., Сл., Стр. р-ны Псковской обл.), *кѣв'ц* 'бьющая часть цепа' (Кр., Сл. р-ны Псковской обл.), 'острый молоток, который отбивают жернова' (Стр. р-н Псковской обл.); материалы ДАРЯ (в значении 'ручка цепа'): *к'ив'ина* (С. 179), *к'ив'ина* (С. 347), *к'ейка* (<*кѣвка, С. 429), *кѣвина* (С. 1357), *к'ав'ина* (Зап. 5), *к'ав'эц* (Зап. 7), *к'ав'инь* (Зап. 12), *к'ив'о* (С.-3. 14, 17), *к'ив'ина*

(С.-3. 33), *к'ив'о* (С.-3. 34, 36), *к'ив'о* (С.-3. 56), *к'ав'о* (С.-3. 86), *к'ав'о* (С.-3. 87), *к'ев'о* (С.-3. 87), *к'ев'о* (С.-3. 90), *к'ав'ина* (С.-3. 93), *к'ав'ина* (С.-3. 194), *к'ав'ина* (С.-3. 198), *к'ав'ина* (С.-3. 200), *к'ав'ина* (С.-3. 207), *к'ив'ина* (С.-3. 210, 211), *к'ив'ина* (С.-3. 215, 216), *к'ав'ина* (С.-3. 227), *к'ив'ина* (С.-3. 237), *к'ав'ина* (С.-3. 97), *кѣв'э* (С.-3. 107), *к'ев'ина* (С.-3. 109), *к'ев'ина* (С.-3. 120), *к'ив'ина* (С.-3. 121), *к'ив'ина* (С.-3. 123), *кивина* (С.-3. 132), *к'ив'о* (С.-3. 135), *к'ив'о* (С.-3. 136), *к'ив'ина* (С.-3. 144), *к'ав'ина* (С.-3. 176, 177), *к'ив'ина* (С.-3. 254); материал из СРНГ 13.172—173, 196—197: *кѣв'ц* (Красногор., Славк. р-ны Псковской обл.), *кѣв'ок* 'рукоятка цепа' (Пск.), *кѣв'э* 'черен цепа' (Слов. Акад. 1909 с пометой обл., Даль), *кѣв'ц* (Олон.) 'шпулька', *кѣв'ц* (Олон.) 'нитки для ткани, намотанные на (берестяную) трубочку', *кѣв'ц* (Олон.) 'бутон цветка; нераспустившаяся почка', *кѣв'чка* (Олон.), **кѣв'чка* (Ленингр.), мн. ч. *кѣв'чки* (Медвежьегорский р-н КАССР), *кѣв'чка* (Олон.); мн. ч. *кѣв'чки* 'рукоятка цепа' (Петерб.), *кѣвина* (Оп., Н-Рж., р-ны Псковской обл.), 'бьющая часть цепа' (Пушк. р-н Псковской обл.), *кѣв'ок* 'бьющая часть цепа' (Сл. р-н Псковской обл.), *кѣв'ца* (Олон., Север.) 'цевка, шпулька в ткацком станке', *кѣв'ца* (Медвежьегорский р-н КАССР), *кѣв'ца* 'челнок' (?) (Волховский р-н Ленинградской обл.), *кѣв'ца* 'бутон цветка; нераспустившаяся почка' (Олон.), *кѣв'ций* 'шпулька' (Арх.); *кѣв'ушка* 'двухметровая мерка в форме треугольника' (Демянский р-н Новгородской обл. — семантика?). Выше при цитировании СРНГ не приводились формы, взятые из статьи Глускина 1968.

4. *кѣдити 'цедить' и производные: *кеж* 'процеженный настой ржаных высевок, употребляемый для приготовления киселя' (Арх., Олон., СРНГ 13.175), 'процеженный раствор овса, муки' (Глускина 1968, с. 24), 'отстой из ягод, употребляемый для приготовления киселя' (Шенкурский р-н Архангельской обл., СРНГ 13.175), 'холодная вода с овсяной мукой, употребляемая как питье' (Олон., Каргопольский р-н Архангельской обл., СРНГ 13.175); *кежь* (f.) (Олон., Шенкурский и Каргопольский р-ны Архангельской обл., Вытегор. Олон., Кольск., СРНГ 13.175) — наряду с "общерусским" по форме *цѣжь*, *цижь* (Даль IV. 576) восходит к *kedъ, при этом обращает на себя внимание ауслат северо-западного слова: возможно, что -ж здесь регулярно, т.к. рефлексы *г* или ожидаемое перед передними гласными *д'* (ср. *т' в гати*) встречаются только перед гласными, ауслатный же рефлекс сочетаний *дентальных с -j-* в псковском диалекте неясен (в смоленском мы находим -з, ср. *мез < *medъ*). Однако не исключено, что в данном случае мы имеем дело с "исправлением" заимствованного *цѣжь по регулярному для данных говоров *кѣдитъ* 'цедить' (Гд. р-н Псковской обл., СРНГ 13.173), *кѣдушка* 'цедилка' (Гд., Полн. р-ны Псковской обл., СРНГ 13.175), *кѣдилка* 'цедилка' (Гд. р-н Псковской обл., СРНГ 13.173); в северных говорах по материалам ДАРЯ: *к'ед'ит* 'цедит' (С. 742).

5. *хѣръ 'серый'. С начальным *х-* отмечено только в древненовгородском: род. ед. *хѣри* (гр. 130), от *хѣръ ж. р. (см. Зализняк 1986, с. 112; относительно возможных топонимов с корнем *хѣр-* 'серый' — там же, с. 114). Крайние южные псковские, а также смоленские и сев.-вост. белорусские говоры имеют в данном слове "аномальное"

с точки зрения традиционной русской исторической фонетики *ш-*: *шэры(й)* (Зап. 41, 23, 24, 26, 52, 46, 72, 49, 73, 78, 124, 127, 130, 281, 282, 283, 287, 284, 285, 289, 291, 307, 308, 300, 298, 294, 293, 324, 323, 325, 297, 302, 310, 313, 315, 322, 503, 380, 504, 505, 508, 583). На территории Белоруссии этот рефлекс занимает территорию несколько большую, чем прочие изоглоссы "кривичского" ареала, на великорусской же территории его ареал в общем совпадает с ареалом рефлексов *-к-*, *-г-<*tj*, **dj* в смоленском диалекте (см. карту 2). На этой же территории рефлексом **sj* является, видимо, *-ш-*, а не *-х-*, как в псковском (во всяком случае примеров на *-х-* мы не обнаружили).

6. **кѣль* 'целый'. С начальным *к-* известно только из древненовгородского: им. п. ед. ч. м. р. *кѣле*, им. п. мн. ч. ж. р. *кѣлѣ* (гр. 247) от **кѣль* 'целым' (см. Зализняк 1986, с. 111—112).

В ряде пунктов южнее Новгорода отмечен рефлекс *т'* из **к-* в позиции II палатализации. В этом же регионе отмечается также и *т'* на месте нового мягкого *к'* (*т'ислый* 'кислый' и т.п., см. Образование, с. 63, карта 12). В этой зоне решающее значение имеет наличие *т'* в словах, образованных от **кѣль*, тогда как про *т'ен'ец* нельзя сказать определенно, восходит ли он к **кѣрьсь* или **терьсь*. Ниже приводится материал; см. также карту 2: *т'ав'ина* (С.-З. 28), *т'ав'ина*, *т'ан'ец* (Зап. 57), *т'ав'ина*, *т'ан'ец* (Зап. 56), *т'ав'ина*, *т'ан'ец* (Зап. 60), *т'ц'ав'ина*, *т'ц'ан'ец* (С.-З. 218), *тив'ивина* (sic!), *тен'ец* (С.-З. 232), *т'ен'ец*, *т'ев'јо* (С.-З. 236), *т'ав'ина*, *т'ан'ец* (С.-З. 239), *т'ав'ин* (?) (С.-З. 242), *т'ан'ец*, *т'ав'ина* (С.-З. 244), *т'ив'ина* (С.-З. 166), *т'ав'ина*, *т'ан'ец* (С.-З. 247), *т'ив'ина/к'ив'ина* (С.-З. 257), *т'ев'ина*, *т'ен'ец* (С.-З. 258), *т'ив'ина*, *т'ен'ец* (С.-З. 260), *т'ев'ина*, *т'ен'ец* (С.-З. 216), *т'ив'ина*, *т'ун'ец* (С.-З. 264), *т'ив'инь^а*, *т'ан'ец* (С.-З. 268), *т'ев'ина*, *тен'ец* (С.-З. 271), *т'ев'ина*, *т'ен'ец* (С.-З. 272).

Примером системы из данного региона, для которой, видимо, достоверно можно предполагать *т'ен'ец* из праслав. **терьсь*, является говор д. Дубровка Селижаровского р-на Калининской обл. (10 км к югу от оз. Волгó), где отмечено слово *т'ан'ец* 'бьющая часть цепа' при *цав'јо* 'рукоятка цепа' (запись автора).

С.М. Глушкина в статье о второй палатализации в северо-западных говорах пришла к выводу, что в этих говорах "не произошел переход заднеязычных в свистящие перед новыми гласными переднего ряда... Это не новообразование, вызванное аналогией, а исконно местные формы" (Глушкина 1968, с. 28). Приведенные нами факты, видимо, указывают на то, что и обнаруживаемые в псковских (и в происходящих от последних северных) и смоленских говорах (а также некоторых северо-восточных белорусских говорах) велярные на месте праслав. **tj*, **dj*, **sj*, **zj* являются регулярными фонетическими рефлексами данных праславянских сочетаний, появление же в современных северо-западных и родственных им смоленских говорах "общерусских" рефлексов (*ч*, *ж*, *ш* и под.) должно быть отнесено на счет междиалектных контактов и влияния литературного языка. Таким же образом проникают в эти говоры "общерусские" *ц*, *с* в позиции II палатализации.

Карта 2 показывает, что псковско-смоленский ареал, в котором сочетаются рефлексy **tj*, **dj>к*, *г* и **ѣ*, **ѣ>е/и* перед йотированными

сонантами, разделяется по признаку развития **k* в позиции II палатализации (видимо, аналогично распределены и *х-/ш-<*x*). В смоленском диалекте (данные северо-восточных белорусских говоров нам, к сожалению, неизвестны) наряду с многочисленными пунктами, где зафиксирована двоичная система литературного типа (с *ц'/ч/ч'* в позиции I палатализации, *ц* — в позиции II и III палатализаций), на территории к западу и северо-западу от линии Осташков—Белый—Духовщина—Смоленск и к югу от линии Опочка—Холм—Осташков отмечены системы смоленского типа с совпадением рефлексy I и II палатализаций в *ч/ч'(/ц)* и противопоставлением им рефлекса III палатализации (обычно *ц*). Ниже приводится материал ДАРЯ:

Зап. 20: II пал. *ччав'инь*; III пал. — отмечено только *ц*; I пал. *кр'ича́т*; *стуча́т*; Зап. 84: II пал. *чан'ец*; III пал. — отмечено только *ц*; I пал.⁵ — отмечено только *ч*; Зап. 129: II пал. *ч'ан'ец*; III пал. — отмечено только *ц*; I пал. — отмечены *ч'* (полумягкое) и *ч'*; Зап. 88: II пал. *чан'ец*; III пал. — отмечено только *ц*; I пал. *пълучыл*, *чысть*; Зап. 114: II пал. *чан'ец* (также *ц'ер'кву* — заимствование из другого говора?); III пал. — отмечено только *ц*; I пал. — отмечено *ч* и *ч'* (полумягкое); Зап. 144: II пал. *ч'еркѣв*; III пал. *ул'ица*, *кур'ица*, *канце*, *зѣиц*; I пал. *н'ич'авó*, *унуч'ек*, *ускóч'ит'* (также *мал'ц'ик*; *выскъцы*); Зап. 327: II пал. *чапелина*; III пал. *пл'им'ен'ницы*, *с'анцó*, *мал'ьц*; I пал. — отмечены *ч'* и *ч'* (полумягкое); Зап. 311: II пал. *чынá* 'цена'; III пал. *йай'ец*, *ул'ица*; I пал. — отмечены *ч*, *ч'*, *ц* и *ц*; Зап. 135: II пал. *ч'ельий*; III пал. *кур'иць*, *ул'иць*, *афцá*, *ат'ец*, *карм'ил'ьц*, *брáт'ьц*; I пал. — отмечены *ч'*, *ц'* и *ц*; Зап. 365: II пал. *ч'еп* 'цеп'; III пал. — отмечено только *ц*; I пал. отмечено только *ч'* (фонетически *ш^ч*).

Видимо, такая же система отражена в графике списка С смоленских грамот, где в позиции I и II палатализации встречаются (приблизительно поровну) *ц* и *ч*, тогда как в позиции III палатализации — почти исключительно *ц* (см. Живов 1984, с. 290).

К востоку от указанной выше линии распространены говоры с тричным противопоставлением аффрикат (обычно *ц:ц':ч/ч'*), см. об этом типе ниже.

Важно отметить, что приведенный выше материал свидетельствует о том, что **k* в позиции II палатализации давало в смоленской зоне рефлекс, идентичный рефлексу **k* в позиции I палатализации, отличаясь вместе с последним от результата III палатализации (твердое *ц*).

Приведенные на с. 136 смоленские формы *мез* (<**medjь*), *мезисутка* (<**medjě-sitъka*) с *-з'<*dj* перед передними гласными заставляют предполагать параллельный рефлекс *-ц'/-ч'<*tj* в такой же позиции (в отличие от *-г-*, *-к-*, перед задними гласными, по крайней мере *-а-*). Так как в смоленском диалекте *ц'* и *ч'*, по всей видимости, первоначально не были

⁵ Здесь и ниже как рефлексy I палатализации условно даются также и рефлексy праслав. **kj>*čj>*č'*; **gj>*dzj>*ž*, видимо, в действительности совпадающие с рефлексами велярных в позиции I палатализации в рассматриваемых системах. Однако не исключены и системы другого рода, в которых рефлексy сочетаний велярных с *-j* отличаются от рефлексy I палатализации — см. статью А.В. Дыбо в данном сборнике.

противопоставлены (существовала только оппозиция *ц'/ч':ц*), рефлекс *tj в позиции перед передними гласными совпадал с "общерусским", хотя в системе соответствий он занимает совсем другое место по сравнению, например, с литературным *ч' < *tj*.

В псковском, где *k в позиции II палатализации дает *к'(/m')*, рефлекс *k в позиции I и III палатализации либо нейтрализуются в твердом *ц*, либо (видимо, вторично) различаются (на месте *k в позиции I палатализации мы находим *ч'* или *ц'*, на месте *k в позиции III палатализации — *ц*). В.Г. Орлова пишет: "Наиболее компактное распространение говоров с твердым цоканьем наблюдается в Псковской области и западных районах Ленинградской (ныне Новгородской и Ленинградской. — С.Н.) и Великолукской областей, а с востока — на территории тех районов Калининской области, которые входят в рассматриваемое объединение говоров. Имеются основания полагать, что твердое цоканье еще в сравнительно недавнее время встречалось на большей территории. Н.Н. Соколов, обобщивший современные ему данные по Псковской губернии, указывает на твердое цоканье как почти на общий признак большинства говоров губернии" (Орлова 1959, с. 65—66). Таким образом, здесь результаты II палатализации (>*к'/m'*) изначально отличались от совпадающих результатов I и III палатализаций (>*ц*, в отдельных говорах, возможно, *ц'/чц*, твердые или полумягкие).

Вопрос о твердом *ч*, которое обычно рассматривается как вторичный субститут *ц* в псковских, новгородских и прочих говорах данного региона в словах с I палатализацией, остается пока открытым. Во всяком случае территория распространения реально засвидетельствованного твердого цоканья на Северо-Западе в основном ограничена псковско-кривичским ареалом и отдельными пунктами в районе Новгорода. Обычно в качестве аргумента в пользу былого повсеместного распространения твердого цоканья на Северо-Западе является деепричастие *-шоццы* (*ушоццы*, *вышеццы* и т.д.), восходящее к *šьdьšь. Эта форма, однако, в большинстве говоров к востоку от псковско-кривичской границы является единственным свидетельством о твердом цоканье и, по всей видимости, может считаться заимствованием (скорее всего из древненовгородского койне, в котором цоканье — возможно, твердое — было нормой; см. ниже, с. 149).

На территории псковского диалекта отмечен ряд пунктов с системой отражения праславянских велярных, несколько напоминающей разобранную выше смоленскую. Независимо от того, сохраняется ли в них старая псковская система нейтрализации рефлексов *k в позиции I и III палатализацией или вторично развивается противопоставление *ц'/ч'/ч* (из I палатализации): *ц* (из III палатализации), *k в позиции II палатализации отражается как мягкое *ц'* либо *ч'*. Принципиальным отличием системы, которую мы будем называть *новопсковской*, от смоленской является то, что в *новопсковском* типе совпадают результаты I и III, тогда как в *смоленском* — результаты I и II палатализаций. Ниже приводится материал с *новопсковской* системой из ДАРЯ:

С.-З. 3: II пал. *ц'эльыј*; I пал. *цорт*, *цыстыј*; III пал. *кан'ец*, *мал'иц*,

крыл'цо; С.-З. 26: II пал. *ц'эльыј*, *ц'ело*; III пал. *ул'ица*, *кур'ица*, *афца*, *јацц*, *канцом*, *ат'ец*, *агурцоф*, *пал'цы*, *сонце*, *палат'енца*, *м'ел'ница*; I пал. *цасы*, *в'ейно*, *в'ецер*, *аконцац*, *цытайут*, *цетыр'е*; С.-З. 56: II пал. *ц'эльыј*, *ц'еркоф'*; III пал. *ул'ица*, *кур'ица*, *офца*, *јаццо*, *концы*, *от'ец*, в *конце*, *н'ем'ец*; I пал. *цасоф*, *цысло*, *цасы*; С.-З. 87: II пал. *ц'ел'най*; III пал. *ул'ицу*, *јаццо*, *к канцу*, *к кур'ица* (sic!); *атца*, *афца*, *ат'ец*; I пал. *корацк'и*, *јаблацк'и*, *у цорта*, *царт'ишше*; С.-З. 101: II пал. *ч'ед'им*; III пал. *н'емцы*, *ат'ец*, *кур'ица*, *афца*, *јацца*, *пал'цы*; I пал. *цылав'ецк'иј*, *цар'омха*, *бл'удацк'и цаста*; С.-З. 106: II пал. *ччалужутца*; III пал. *зајцы*, *ул'ицы*, *угурцы*, *кур'ица*, *кан'ец*; I пал. *цеп'и*, *н'ицова*, *с'ицас*, *л'ентацк'и*; С.-З. 187: II пал. *ц'эльыј*; III пал. *ул'ица*, *кур'ица*, *афца*, *канцы*, *ат'ец*, *кан'ец*; I пал. *цаста*, *цуда*, *пла'цо* (однако есть и *ц'иста* — в случае первичности этой формы следует отнести данную систему к смоленскому типу); С.-З. 14: II пал. *ц'ерква*, *ц'эльыј*, *ц'еп* (значение?); III пал. *ул'ица*, *кур'ица*, *куп'ец*, *мал'иц*, *ат'ец*, *кан'ец*, *крыл'цо*, *кал'цо*, *јаццо*, *пал'цы*, *работн'ица*; I пал. *скацы* 'сочи'; С.-З. 54: II пал. *ц'эльыј*; III пал. *ул'ица*, *кур'ица*, *офца*, *јаццо*, *концы*, *от'ец*, *кон'ец*; I пал. *цасы* (однако есть и *ф'ец'рас'* — см. примечание к С.-З. 187); Зап. 86: II пал. *ц'еп*; III пал. — указано только *ц*; I пал.: отмечается, что "иногда... у старух прорывается цоканье, хотя сами они утверждают, что в их деревне никогда не цокали."; Зап. 32: II пал. *у ч'еркву*; III пал. — отмечено только *ц*; I пал. *цало*, *руцк'и*, *м'ецтал*, *бл'уд'ецка*, *мал'цык*.

Материал из пунктов, где рефлексом III палатализации является *ц*, а рефлексом I палатализации — *ч/ч'* либо *чч/цч*. В этих говорах можно а) предполагать разрушение старой "цокающей" системы типа *новопсковской* и появление шипящих в позиции I палатализации объяснить влиянием литературного (московского) языка; б) видеть систему с исконным различием трех рядов аффрикат — см. о таком типе ниже, с. 151. В зоне обычного *псковского* цоканья, т.е. совпадения по крайней мере рефлексов I и III палатализаций, находятся, из перечисленных ниже, лишь пункты 4, 91, 83. Ниже приводится материал ДАРЯ.

С.-З. 4: *ц'эльыј*, *ц'еркаф*; С.-З. 17: *ц'эльыј*, *ц'ерк'ви*; С.-З. 20: *ц'эльыј*; С.-З. 55: *ц'ены*, *ц'ел'ина*; С.-З. 56: *ц'еркоф*; С.-З. 83: *ц'ел'найа*; С.-З. 91, 168, 169: *ц'эльыј*; С.-З. 131: *ц'анк'и*; С.-З. 132: *ц'епец*.

На территории к востоку от Новгорода и к северу от линии Осташков—Ростов—Юрьевец—Яранск встречаются системы, могущие быть отнесенными к *новопсковскому*, *смоленскому* и *южнорусскому* (см. ниже) типам. Наиболее надежно определяется последний тип, представленный говорами, где в позиции I палатализации отмечены только *ч'*, *ч'* либо *ч*, в позиции II палатализации — *ц'*, в позиции III палатализации — исключительно *ц*: *ц'еркоф*, *ц'ед'илка* (С. 75), *ц'ела* (С. 102), *ц'эльый* (С. 248), *ц'еп'ец* (С. 344), *ц'ел'ный* (С. 346), *ц'эльый*, *ц'д'илк* (С. 371), *ц'еркоф*, *ф ц'ерк'ви* (С. 378), *ц'еркоф* (С. 387), *ц'ен'ат* (С. 470), *на ц'ел'ину* (С. 486), *ц'ела* (С. 522), *ц'еркоф* (С. 544), *ц'эльый* (С. 554), *ц'еркаф* (С. 557), *ц'ену* (С. 619), *ц'ена* (С. 629), *ц'еркаф'* (С. 655), *ц'ед'ил'и* (С. 723), *ц'ерк'ви* (С. 947), *ц'ид'ат*, *ц'эркоф* (С. 1067), *ц'эльый* (С. 1072), *ц'елой* (С. 1087), *процидила* (С. 1121), *ц'еркоф*, *по ц'ен'е* (С. 1342 — но есть и единичное gen. pl. *зайц'ей*).

Смоленский тип, как было показано выше, в принципе отличается от новопсковского тем, что в смоленском рефлексом I и II палатализаций являются мягкие аффрикаты, противопоставленные твердым как рефлексам велярных в позиции III палатализации, тогда как новопсковскими рефлексом I и III палатализаций являются твердые аффрикаты. Таким образом, для различения смоленского и новопсковского типов требуется установить характер аффрикат в позиции I палатализации. В северных великорусских говорах, различающих два ряда аффрикат, именно в этой позиции обычно наблюдается континуум рефлексов, члены которого по крайней мере в записи кажутся находящимися в отношении свободного варьирования. Пункты с предположительно смоленским и псковским типами находятся, как правило, в окружении говоров с полным мягким цоканьем (т.е. совпадением всех рядов аффрикат в мягкой аффрикате или в фонологически непротивопоставленных мягких аффрикатах), поэтому указанный континуум в говорах с различением рядов аффрикат может быть объяснен влиянием соседних редуцированных систем. Формально к новопсковскому типу можно причислить системы, в которых по крайней мере одним из рефлексов *k в позиции I и III палатализаций является твердое *ц*: *ц'ёрквы* (С. 172 — рефлексы I пал. *ч'*, *ч'*, *чч*, *ц''*, *ц*, *ч*); *ц'ёркоф* (С. 222 — I пал. *ч'*, *ч'*, *ц*, *ч''*, *чч*, *ц*); *ц'ена́*, *ц'енóј*, *ц'инé*, *ц'ыны́* (sic! С. 319 — I пал. *чч'*, *цч'*, *ч'*, *ц'*, *ц*); *ц'ёрква* (С. 596 — I пал. *ч*, *ц*); *ц'элы́й* (С. 804 — I пал. *ц'*, *ц*); *ц'ёркоф'* (С. 930 — I пал. *ц*, *ч*, *ч*); *в...ц'ёр'кв'и* (С. 437 — I пал. *ч*, *ц'*, *чч*, *ц'*, *ц*).

Соответственно, к смоленскому типу формально должен быть отнесен материал следующих пунктов: *ч'ены́*, *ц'ену́* (С. 99 — I пал. *ч''*, *ц*); *ц'елова́л* (С. 111 — I пал. *ч'*, *ч*, *ц''*); *ц'ел'иком* (С. 128 — I пал. *ч'*, *ц''*); *ц'ел'и́ныје*, *ц'ёркыф'* (С. 243 — I пал. *ч'*, *ч''*, *ц*); *ч'олу́ют*, *ц'ена́*, *ц'ела́*, *ц'елу́у*, *по ц'енé* (С. 251 — I пал. не только *ц'*, *ч'*, но и *ц*, однако в позиции III пал. исключительно твердое *ч*: *ул'ича*, *кур'ича* и т.д.); *ц'ёркоф* (С. 407 — I пал. *ц'*, *ч'*); *чёрква* (С. 408 — I пал. *ч*); *ц'элыје* (С. 449 — I пал. *ц''*, *ц'*, *ч*, *ч'*, *ц'*); *ч'ел'ком* 'по нетронутому снегу' (С. 695 — I пал. *ч'*, *ц*); *ц'ёр'кв'и* (С. 1114 — I пал. *ч'*, *чч'*, *ц*); *ч'ед'и́ли*, *ч'и́д'ат* (С. 1336 — I пал. *ц'*, *чч'*, *ч'* при исключительном *ц'* в позиции III пал.); *ц'ер'к'овны́й* (С. 1344 — I пал. *ч''*, *ч'*, *ч'*, *ц*); *ч'ед'и́ли* (С. 1357 — I пал. *ш'*, *ц'*, *с'*, *с''*, *ч''*, *ч'*, *чш*).

Разумеется, у нас нет полной уверенности в том, являются ли первичными твердые *ц* в перечисленных пунктах с "новопсковской" системой и не осталось ли случайно незафиксированным твердое *ц* в пунктах со "смоленской" системой. Неопределен также статус "странных" систем пунктов 251, 1336, относимых к смоленскому типу лишь на основании фонологических оппозиций. Систем со "стандартной" смоленской системой, т.е. с шипящими в позиции I и II палатализаций, противопоставленных твердым свистящим в позиции III палатализации, в данном ареале фактически нет. Поэтому вопрос о различении этих двух систем (смоленской и новопсковской) на северной территории и их географической дистрибуции остается открытым. По крайней мере картографирование формально установленных типов ни к каким определенным выводам не приводит.

Новопсковскую систему, видимо, можно предполагать для одного из вариантов языка Новгорода начиная с XII в., что следует из анализа графической системы новгородских рукописей, сделанного В.М. Живовым (Живов 1984). Живов показал, что для некоторых новгородских писцов было нерелевантным различие рефлексов *k в позиции I и III палатализаций (здесь писалось *ц* или *ч* вне зависимости от этимологии), тогда как рефлекс *k в позиции II палатализации записывался в виде *ц*. Живов предположил, что эта буква использовалась для передачи живого произношения *k на месте праслав. *k в позиции II палатализации, и в действительности, как показывает материал берестяных грамот, оно было свойственно части новгородского населения того времени. Однако более вероятным кажется предположение, что описанная Живовым графическая система отражала другой вариант древнегородского произношения, для которого была характерна система новопсковского типа — по-видимому, с мягким *ц'* из *k в позиции II палатализации и с твердым или полумягким звуком типа *цч/чч* в позиции I и III палатализацией. К этому варианту новопсковской системы, возможно, восходят некоторые новгородские говоры с "твердым цоканьем". Не исключено, что эта система отражена в следующих примерах из берестяных грамот: *цѣлованиѣ* (гр. 44), *цѣлоуоу тА* (гр. 549), *цѣловало ѣси* (гр. 445), *цѣлоу* (гр. 218) — см. Зализняк 1986, с. 113 и 304. А.А. Зализняк отмечает, что примеры с *ц-* в позиции II палатализации встречаются в грамотах не ранее XIII в. (до этого отмечались исключительно *к-*). Видимо, переход к системе с *ц'* (т.е. системе, называемой нами новопсковской) в данной позиции был связан с переориентацией древненовгородского койне на восточную норму. К востоку от Новгорода, во-первых, находился массив ильменско-словенского диалекта (из него в новгородское койне вошли, например, "общерусские" аффрикаты на месте сочетаний *t, *dc-j-); во-вторых, некоторые черты заимствовались из "смоленских" в своей основе говоров междуречья Мсты и Ловати (см. статью А.В. Дыбо в этом сборнике). В дальнейшем возникла компромиссная система, в которой *к'* из *k- в позиции II палатализации было заменено по смоленскому "образцу" на *ц'*, однако совпадающие рефлексы в позиции I и III палатализации остались псковскими. Видимо, в результате такого компромисса возникла новопсковская система — первично городская новгородская, затем распространившаяся на псковскую территорию.

Другое собственно новгородское явление, отсутствующее на старой псковской территории и несомненно связанное со смоленским диалектом — особый акцентуационный тип в l-причастиях глаголов подвижной акцентной парадигмы. Речь идет о соотношении *дал:* *дала́*, *подал:* *подала́*, *по́нял:* *по́нялá* при *брал:* *бра́ла*, *по́брал:* *побра́ла*, *взял:* *взя́ла*. В этих парах формы мужского рода были в праславянском энклитоменами (т.е. безударными в морфонологическом отношении словами), а формы женского рода имели конечное ударение (см. карту 4). К востоку от этой изоглоссы расположен сплошной массив соотношения типа *дал:* *дала́*, *брал:* *бра́ла*, т.е. с сохранением праславянского места ударения во всех формах. Изоглосса различения *дала́:* *бра́ла*, кроме областей к востоку и северо-западу от Новгорода, охватывает обширный ареал, в

который входят на великорусской территории смоленский и отчасти деснинский диалекты; на территории Белоруссии этот тип первоначально не имели, видимо, только центральнобелорусские говоры, он характерен и для литературного белорусского языка; в украинском ареале этот тип характерен для Полесья и восточных говоров, в том числе для украинского литературного языка. Оттяжка в причастиях на *-l-* женского рода, видимо, связана с вторичным удлинением гласного в слове после слабого редуцированного (*bьralā > **b(ь)rālā* > *brāla > *брáла*, *vьzēla > **v(ь)zēlā* > *vzēla > *взѣла* в отличие от *dalā > *далá*, *ponēlā > *нонѣлá*). В ареале, объединяемом изоглоссой *далá*: *брáла*, засвидетельствованы и другие случаи удлинения гласного после слабого редуцированного, например, юго-западное белорусское *мнѣго* / *мнѣго* / *мнѣго* < *tnpogo < **m(ь)npogo* < *tnpogo. Исконным для псковского диалекта является тип *далá*: *брала* (он хорошо представлен и в говорах Обонежья).

В табл. 2 представлены рефлексы праслав. *k в условиях трех палатализаций в некоторых северных и центральных великорусских системах.

Таблица 2

Палатализация	Система			
	псковская	новопсковская	смоленская	"литературная"
I	ц	ц	ч'(/у')	ч'
II	к'/т'	ц'	ч'(/у')	ц
III	ц	ц	ц	ц

Возвращаясь к отмеченному на с. 145 сл. различию между (ново-)псковской и смоленской системами отражения велярных в позиции II палатализации, необходимо отметить одну важную черту, объединяющую псковские и смоленскую систему с лехитской⁶ и резко отделяющую их от систем не только всех других восточнославянских диалектов, но и от южнославянских. Дело в том, что в "кривичских" и лехитской системах сочетания дентальных с *-j-* перед передними гласными и велярные в позиции II палатализации дают одинаковые рефлексы, тогда как в др. слав. системах эти два рефлекса различны (табл. 3).

Таблица 3

	Система					
	Псковская	Смоленская	Лехитская	Рус. литер.	Старослав.	Сербохорв.
* <i>tj</i>	ʔ(? t')	ʃ'(/c')	* <i>c'</i>	ʃ'	ʃ'	ʃ'
* <i>dj</i>	ʔ	* <i>dz</i> >ʃ'	* <i>dz'</i>	ʒ	ʒ'd'	dʒ'
* <i>sj</i>	x'	ʃ	* <i>ʃ'</i>	ʃ	ʃ'	ʃ
* <i>zj</i>	x'	ʒ	* <i>ʒ'</i>	ʒ	ʒ	ʒ
* <i>ke</i>	k'/t'	ʃ'(/c')	* <i>c'</i>	ʃ	c'	c
* <i>ye</i>	x'	ʃ	* <i>ʃ'</i>	s'	s'	s

⁶ В отличие от лехитских, в другом зап.-слав. языке, словацком, рефлексы *dj и *g в позиции II (и III) палатализаций различны.

* * *

Помимо рассмотренных выше бинарных систем отражения праславянских велярных в условиях трех палатализаций в великорусских говорах широко распространена также тернарная система, обычно выступающая в виде противопоставления *ц'* (из *k в позиции II палатализации): *ц* (в позиции III палатализации): *ч'/ч* (в позиции I палатализации). Эта система отмечена в отдельных говорах южного наречия (в пунктах, откуда приводится материал, следов цоканья не обнаруживается; в позиции III палатализации всегда присутствует твердое *ц*, поэтому приводятся только рефлексы *k в позиции II палатализации): *ц'елых*, *ц'ел'нуу* (Ю. 57), *ц'ерква* (Ю. 63), *ц'елай* (Ю. 67), *ц'ел'ныйй*, *ц'ерква* (Ю. 86), *ц'елай* (Ю. 94), *ц'ип'инка* (Ю. 98), *ц'елай* (Ю. 115), *ц'елай*, *ц'елуу* (Ю. 120), *ц'ел'йе*, *ц'еркв'и*, *ц'ерква* (Ю. 126), *у ц'еркву*, *ис ц'ерквы* (Ю. 130), *ц'елыйй* (Ю. 219), *ц'ел'ныйй* (Ю. 256), *ц'еп* (Ю. 220), *ц'еркв'и* (Ю. 315), *ц'ел'ныйй* (Ю. 317), *ц'ел'ныйй* (Ю. 318), *у ц'еркв'и* (Ю. 327), *ц'ел'най* (Ю. 325), *ц'ерква* (Ю. 335), *ц'еркв'ь* (Ю. 370), *ц'еркв'и*, *ц'епам'и*, *ц'еп* (Ю. 424), *ц'елым'и*, *ц'еркву* (Ю. 426), *ц'ерква* (Ю. 433), *ц'еркв'ь* (Ю. 443), *ц'ерква* (Ю. 444), *ц'еп* (Ю. 471), за *ц'еркву* (Ю. 480), *ц'ел'йа* (Ю. 483), *ц'еркв'ь* (Ю. 486), *ц'ерква* (Ю. 523), *ц'ел'ныйй* (Ю. 555), *ц'еп* (Ю. 737), *ц'епов н'ет* (Ю. 749), *ц'епом*, *ц'еп* (Ю. 753).

Такие же системы встречаются в говорах, расположенных к востоку от основного смоленского массива и к югу от "селигеро-торжковских" говоров. В этой зоне, как и на Юге, цоканье практически отсутствует, и поэтому системы с триничным противопоставлением здесь, видимо, первичны. Ниже приводится материал ДАРЯ по рефлексам II палатализации: *ц'елай* (Зап. 141); *ц'еркв'ь* (Зап. 137); *ц'еп*, *ц'еркв'ь* (Зап. 136); *ц'епка* (Зап. 140); *ц'ип'ил'ина* (Зап. 352); *ц'еркв'а* (Зап. 373); *ц'ерква* (Зап. 339); *ц'еп* (Зап. 372); *ц'ел'й* (Зап. 197, 204); *ц'еркв'ь* (Зап. 259); *ц'ел'ныйй* (Зап. 398); *ц'еп* (Зап. 435); *ц'ел'й* (Зап. 443, 444, 484); *ц'елыйй* (Зап. 524, 525); *ц'ап'ил'инь* (Зап. 526); *ц'еркв'ь* (Зап. 534); *ц'еп* (Зап. 565, 578, 583, 603, 607, 636); *ц'ел'найа* (Зап. 634); *у ц'еркву*, *ц'ела* (Зап. 683); *ц'ерква* (Зап. 710).

Аналогичные системы отмечены в говорах к востоку от Москвы (следует заметить, что и на этой территории *ц'* из *k в позиции II палатализации встречаются исключительно в системах с *ч'* из I и *ц* из III палатализации, ср. приводимый ниже материал с картой 40 "Атласа русских народных говоров..."). Материал приводится под АРНГ Вост., с. 485—486: *ц'ипами* (В. 41); *ц'ел'ныйй*, *ц'еркв'ь*, *ц'епами* (В. 181); *ц'елай* (В. 195); *ц'ела*, *ц'ел'най* (В. 395); *ц'ена* (В. 443); *ц'ерква* (В. 459); *ц'елыйй* (В. 523); *ц'елыйй* (В. 543); *ц'еп* (В. 535); *ц'елыйй* (В. 549); *ц'елыйй* (В. 600); *ц'илу'йу*, *ц'ины*, *пъ ц'ин'е*, *ц'инит*, *ц'еркаф'* (В. 715); *ц'елыйй* (В. 718); *ц'елыйй* (В. 722).

На юге великорусской территории "южнорусский" тип рефлексации *k в позиции трех палатализаций несомненно исконно принадлежит южнорусскому диалекту (см. выше). Напротив, исключительно бинарные системы литературного типа (точнее, *ч'/ш'* из *k в позиции I палатализации, *ц/ц'* в позиции II и III палатализаций) отмечены на территории деснинского диалекта в его южной части (его основные границы определяются системой *молодой*: *крыю*, см. выше, с. 118). В

северной же части данного ареала, где указанную изоглоссу перекрывает кривичская изоглосса сохранения *kv в позиции II палатализации, а также на старой территории смоленских кривичей на восток вплоть до Москвы, также широко представлена троичная система. Далее на восток этот тип прослеживается по "кривичскому поясу", особенно много пунктов с троичным противопоставлением аффрикат расположено к югу от Горького, где и другие "кривичизмы" отмечаются наиболее часто. Видимо, к востоку от Смоленска сохранялась архаичная смоленско-кривичская система с противопоставлением рефлексов I и II палатализаций, утраченная в собственно смоленском диалекте в результате их совпадения. На Северо-Западе и Севере "южнорусская" система sporadически отмечена на всей территории, ее нет лишь на старой псковско-кривичской территории (см. карту 4). В некоторых случаях системы такого типа могли возникать вторично на основе новопсковского и смоленского типов после лексического заимствования ч' (или его вариантов) как рефлекса I палатализации.

Ильменско-словенские по происхождению говоры, по-видимому, исконно характеризовались совпадением рефлексов велярных в позиции всех трех палатализаций в одной мягкой аффрикате.

В данной статье мы не будем касаться первоначальной фонетической природы противопоставления аффрикат в системах с двоичным и особенно с троичным противопоставлением. По всей видимости, современная оппозиция по твердости: мягкости вторично, так как мы не наблюдаем перехода e > o перед твердыми аффрикатами, в том числе и в говорах с "южнорусским" типом рефлексии велярных. Скорее всего, даже в системах с тернарным противопоставлением все аффрикаты первоначально были мягкими, а различались они, возможно, по месту образования (например, ч': ц': ц', где ц' — "свистяще-шипящая" аффриката). Это предположение остается лишь в качестве рабочей гипотезы.

В табл. 4 приводятся рефлексы велярных в позиции трех палатализаций в различных славянских системах.

Таблица 4

	Бинарные системы			Тернарная система "южнорусск"
	псковская	смоленская	ст.-славянская	
I	с	č'/c'	č'	č'
II	к'	č'/c'	с'	с'
III	с	с	с'	с

Нет сомнения, что III палатализация велярных и появление аффрикат в позиции ее действия были праславянским процессом. Исключения из ее действия объясняются морфонологической аналогией и сложностью фонетических условий ее реализации (см., в частности, Чурганова 1974). Напротив, велярные в позиции II палатализации на праславянском уровне, будучи мягкими, видимо, не аффрицировались, а давали аффрикаты независимо в истории отдельных славянских диалектов.

Параллелизм развития велярных в позиции II палатализации и сочетаний дентальных с -j-, сохранение праславянских сочетаний *tl, *dl (в виде кл, гл в псковском, см. также Зализняк 1984, с. 95—101; Зализняк 1982, с. 75—80; Зализняк 1986, с. 119—122; в смоленском диалекте исконным рефлексом этих сочетаний было, видимо, -дл-, ср. волгодлак — СРНГ 5.41, с пометой Смол.), а также некоторые, в основном морфологические черты, объединяют возникшие на кривичской основе великорусские и белорусские диалекты с лехитскими языками.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Аванесов 1949 — Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. М., 1949.
 АРНГ Вост. — Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957 (комментарий и карты).
 АРНГ Зап., Сев., Сев.-Зап., Юг — Атласы русских говоров центральных областей а) к западу, б) к северу, в) к северо-западу, г) к югу от Москвы (рукописи, хранятся в Секторе диалектологии и лингвогеографии Ин-та русского яз. АН СССР).
 Борковский-Кузнецов — Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 1965.
 В. — материалы АРНГ Вост., см.
 Виноградов — Виноградов Н. О народном говоре Шунгенской волости Коостромского уезда. Ч. I. Фонетика. СПб., 1904.
 Глушкина 1962 — Глушкина С.М. Морфонологические наблюдения над звуком [ch] в псковских говорах // Псковские говоры. — Псков, 1962. — Вып. I.
 Глушкина 1968 — Глушкина С.М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) // Псковские говоры. Псков, 1968. Вып. II.
 Глушкина 1972 — Глушкина С.М. Морфонологические наблюдения над псковскими говорами // Псковские говоры. Л., 1972. Вып. III.
 Горшкова 1972 — Горшкова К.В. Историческая диалектология русского языка. М., 1972.
 ДАБМ — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963.
 Даль — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., М., 1880—1882. Т. I—IV.
 ДАРЯ I — Диалектологический атлас русского языка: Центр европейской части СССР. М., 1986. Вып. I.
 ДАРЯ II, III — Диалектологический атлас русского языка: Центр европейской части СССР. Вып. II—III (рукопись хранится в Секторе диалектологии и лингвогеографии Ин-та русского яз. АН СССР).
 Живов 1984 — Живов В.М. Правила и произношение в русском церковнославянском правописании XI—XIII вв. // Russian linguistics, 1984, N 8, p. 251—293.
 Зализняк 1982 — Зализняк А.А. К исторической фонетике древненовгородского диалекта // Балто-славянские исследования 1981. М., 1982.
 Зализняк 1984 — Зализняк А.А. Наблюдения над берестяными грамотами // История русского языка в древнейший период. М., 1984.
 Зализняк 1985 — Зализняк А.А. От православянской акцентуации к русской. М., 1985.
 Зализняк 1986 — Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте. М., 1986. Зап. — материалы АРНГ Зап., см.
 Захарова—Орлова 1970 — Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.
 Кармакова дис. — Кармакова О.Е. Семантические группы в лексике диалектов: лингвогеографические принципы анализа и описания // Канд. дис. М., 1987.
 Материалы ДАРЯ — Ответы на вопросы "Программы собрания сведений для составления диалектологического атласа русского языка" (М.; Л., 1947), хранящиеся в Секторе диалектологии и лингвогеографии Ин-та русского языка АН СССР; материал распределен по зонам, соответствующим территориальному охвату каждого из региональных атласов (АРНГ Зап., В., Сев. Зап., Сев.-см.), каждый атлас имеет свою нумерацию населенных пунктов (расшифровку номеров АРНГ Вост. см. в соответ-

- ствующем издании, расшифровка номеров остальных атласов содержится в рукописях этих атласов).
- Мжельская 1962 — *Мжельская О.С.* Лексика древней псковской письменности в современных псковских говорах. // Слово в народных говорах русского Севера. Л.; 1962. С. 10—25.
- Образование — Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.
- Орлова 1959 — *Орлова В.Г.* История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967—1984. Вып. 1—6.
- Преобр. — *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1918. Вып. 1—14.
- С. — материалы АРНГ Сев., см.
- С.—З. — материалы АРНГ Сев.-Зап., см.
- Седов 1982 — *Седов В.В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982.
- Срезн. — *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893—1903. Т. 1—III.
- СРНГ — Словарь народных говоров. Л., 1965—1988. Вып. 1—23.
- ССГ — Словарь смоленских говоров. Смоленск, 1974—1985. Вып. 1—4.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 1—IV.
- Фенне — *Tönnies Fenne's Low German Manual of spoken Russian. Pskov 1607. Vol. 1 (Facsimile copy).* Copenhagen, 1961.
- Чурганова 1974 — *Чурганова В.Г.* К истории словообразования диминутивов в русском языке // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии славянских языков. М., 1974.
- Шахматов Очерк — *Шахматов А.А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. The Hague/Paris, 1967.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: М. 1974—1987. Вып. 1—14.
- Ю. — Материалы АРНГ Юг, см.
- Plet. — *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar. Ljubljana, 1984. D. 1—II.

В.Н. ТОПОРОВ

БАЛТИЙСКИЙ ЭЛЕМЕНТ В ГИДРОНИМИИ ПООЧЬЯ. I

1.А. ВЕРХНЕЕ ЛЕВОБЕРЕЖНОЕ ПООЧЬЕ

Этой статьей начинается публикация исследования, посвященного балтийской гидронимии Поочья. Обращение именно к этому ареалу в настоящее время представляет собой естественное следствие предыдущих работ по обнаружению следов балтийской гидронимии на территориях, лежащих к югу, востоку и северо-востоку от Прибалтики и охватывающих практически всю Белоруссию, значительную часть запада и центра России, северную полосу Украины. Старые исследования "русских" гидронимических (прежде всего) балтизм, ведшиеся, начиная с конца прошлого века А.А. Кочубинским, А.Л. Погодиным, К. Бугой, М. Фасмером (если говорить об ученых, достигших наиболее значительных результатов, в хронологической последовательности), в последние три десятилетия получили продолжение в трудах целого ряда специалистов. Наиболее обстоятельно были обследованы с указанной точки зрения два ареала — Верхнее (в расширенном смысле) Поднепровье и Подмосковье, представляющее в гидронимическом смысле северо-западную периферию бассейна Оки. В ходе этих исследований все конкретнее и острее формулировались

вопросы о восточных границах гидронимии "балтийского" типа, о ее локальных вариантах и "диалектных" чертах, о самом характере этого "балтийского" гидронимического типа и о конкретных результатах его усвоения русским населением этих мест.

В этом ареальном контексте дают о себе знать две значительные лакуны — верховья Западной Двины и примыкающее к ним правобережье Верхней Волги (примерно до меридиана Москвы), т.е. северо-восточная периферия балтийского ареала, и бассейн Оки, т.е. юго-восточная периферия этого же ареала (сразу же и с большим вероятием можно сказать, что за пределами этих двух "периферий" к северу, востоку и югу нахождение надежных гидронимических балтизм или очень сомнительно, или носит случайный характер). Северо-восточная "периферия", несмотря на ряд попыток ее изучения и раньше и особенно теперь, обследована слабо, "на глазок", без сплошного просмотра всего материала. В результате выявлен ряд беспорядочных (наиболее "броских") балтизм; другие характерные примеры остались незамеченными; введен в употребление ряд недостоверных балтизм или примеров, которые вообще не являются ими. Отчасти, конечно, это положение объясняется недостаточностью в настоящее время таких источников по гидронимии, как книги А. Сапунова "Река Западная Двина" (Витебск, 1893) и В. Рагозина "Волга", I—III (СПб., 1880—1881), но полностью этим оно все-таки не может быть объяснено.

Положение с юго-восточной "периферией" в настоящее время должно быть признано несравненно более благоприятным. Это объясняется двумя причинами. Во-первых, уже в начале 30-х годов М. Фасмер указал ряд достоверных балтизм, находящихся преимущественно в бассейне Оки (правда, отдельные балтийские гидронимы были найдены и на северо-востоке, в пределах Тверской губ.). Во-вторых, недавно появился полный список-каталог водной номенклатуры бассейна Оки. Речь идет о книге Г.П. Смолицкой "Гидронимия бассейна Оки (список рек и озер)" (М., 1976), которая, естественно, и является отныне главным источником материалов по гидронимии Поочья (далее — ГБО). Предлагаемое далее исследование основано на фактах, собранных в этой книге, и исходит из той аранжировки гидронимических данных, которая дается в ней. Сама форма подачи балтизм в гидронимии Поочья отражает гидрографическую схему списка-каталога.

Тема, посвященная балтийскому элементу в гидронимии Поочья, будет изложена в ряде публикаций, в своей сумме реализующих следующий план: I.А. Верхнее левобережное Поочье (с верховьев до Угры включительно); I.Б. Верхнее правобережное Поочье (с верховьев до Упы включительно); — II. А. Среднее левобережное Поочье (до Пры исключительно); II. Б. Среднее правобережное Поочье (до Пары включительно); — III. А. Нижнее левобережное Поочье (до устья); III. Б. Нижнее правобережное Поочье (до устья). — IV. Результаты исследования. — Настоящая статья обзорекает балтизмы Верхнего левобережного Поочья.

Предваряя исследовательскую часть, уместно напомнить о том понимании термина "балтийский" ("балтизм"), которого придерживается автор этих строк и которое приобретает особое значение, во-первых,

в связи с этим ареалом, давно уже ставшим русским (славянским), и, во-вторых, в связи с соотношением "балтийского" и "славянского" этно-языкового и культурно-исторического элемента, которые не всегда и не везде предполагают противопоставление и соответствующий альтернативный выбор. Также стоит сказать и о том, что приводимый в каждой словарной заметке балтийский материал, претендующий на соответствие "окским" балтизмам, должен рассматриваться именно как материал, указывающий соответствующий гидронимический локус и не более. Дальнейшие размышления, носящие, с одной стороны, более специальный ("микроскопический") и конкретный характер, а с другой стороны, учитывающие более общий контекст ("макроскопический" аспект), должны существенно прояснить эту предварительную картину и сделать соответствующие результаты и более точно верифицируемыми и более значимыми и диагностически важными. До этого же — и об этом тоже нужно помнить — более надежной является, как правило, суммарная картина, множество составляющих ее фактов, а не отдельный факт, какие бы точные соответствия не имел он в исторически засвидетельствованных фактах балтийской гидронимии Прибалтики.

Можно добавить, что первые варианты изложения полученных результатов уже освещались в научной печати. К основным публикациям можно отнести следующие: "Baltica" Подмосковья (Балто-славянский сборник. М., 1972, 217—280); О балтийском элементе в Подмосковье (Baltistica. I priedas. Vilnius, 1972, 185—224); Древняя Москва в балтийской перспективе (Балто-славянские исследования 1981. М., 1982, 3—61); Голядский фон ранней Москвы (Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Вильнюс, 1981, 112—117); О балтийских следах в гидронимии Поочья (Балто-славянские этноязыковые отношения в историческом и ареальном плане. М., 1983, 49—50) и др.

И последнее (одновременно и первое) — само название Оки, реки, которая определяет объем и состав исследуемого ареала, с точки зрения его происхождения. Высказанное еще в 1914 г. мнение Саблера о том, что название Оки родственно гот. *ahv-a* 'река' др.-в.-нем. *aha* (ср. н.-в.-нем. *Aa*, название ряда рек), лат. *aqua* 'вода' и т.п., несмотря на поддержку Фасмера (3, 1971, 127), отвергнутого (точнее, высказавшего сильные сомнения) балт. параллели, в последнее время подвергалось неоднократным ревизиям. В настоящее время это название (кстати, оно повторяется и в некоторых других частях старого балтийского ареала, ср. *Oka*, п.п. Волги. Кат. Моск. 1112; Моск. губ. и др.) чаще всего толкуют как гидронимический балтизм, см. ЛАВП 200; Б.-сл. сб. 1972, 250 и др. С ним сопоставляют лит. *Akīs* название восьми озер в Литве (ср. также *Akiū ežerėlis*), *Akūs*, *Akėlė*, два озера, *Akėlės*, название двух озер; ср. *Akiā*, *Akinis*, *Akivaras*. LUEV 2; Liet. hidr. dar. 33, 39, 67, 118, 145, 153, 160, 202, 270; LHEŽ 37 (из лит. *akīs*, 'глаз', 'око', но и 'прорусь' и т.п., ср.: "aketė; liūne kiaura vieta, pelkių au baigiančių užaugti ežerų nedidelis vandens plotas" LKŽ 1, 64); RR I, 518; лтш. *Ace*, *Aces*, *Acs*, *Acu-avuots*, *Acpurvs*, *Acīna* ["/avotiņš"/], *Acaīnais purvs*, *Mazā Ace*, *ez.*, *Suībā Ace*, *Briēžace*, *ez.*, *Acis*, *ez.*, *Acupe*, *Tumšā Acs*, *ez.*, и т.п. LV I, 1, 4; бесспорно, сюда же относится и ряд названий типа *Akacis* *ez.*; *Dzilais*, *Gārais*, *Lielais*, *Mazais Acacis*, *Akac-pūrs*, *Akačpurvs*, *Akaīšu-purvs*,

Akaši, *Akašu-purvs*, *Akašplava*, *Akates*, *Akatis*, *Akatu-ezers*, *Akažu* и др. LV I, 1, 13 (: *aka* 'колодец', *akate*, *akacis*); лтг. *Akaši*, *Akašnica*; *Okis-Purcs*; *Oku*; *Ačinka*, *Oчинка*; *Oči az* и др. PN. Latg. 4, 9, 347, 348; курш. *Akite*, 1253, *Ackete*, 1258 и др. KF 74; прус. *Akicz*, 1349. APON 8 [":*Ak-īt-), ср. Słown. nazw Mazur. II, 126; днепр. *Очеса*, *Ачасы*. ЛАВП 200 (балт. *Ak-esa), с чем, м.б., нужно связать в Поочье *Очесок* и даже *Очестье*. ГБО 33, 114 (**Очес-*), ср., кстати, и днепр. *Отческа* (= *Оческа). ЛАВП 200. Таким образом, окское *Oka* находит себе точные соответствия в гидронимии Прибалтики в отношении корня; другие же "русские" гидронимы с этим корнем обнаруживают балтийское словообразовательное оформление (-*es*-, -*at-* / м.б., *Акатовка*. ГБО 38 и др.). К этому следует добавить, что на территории Поочья отмечено диал. рязан. *ока́*, 'вода' (Будде. РФВ 28, 60), неотделимое от лтш. *aka*, лит. жемайт. *akas*. Эти слова, как и балт. водные названия, прилагаемые прежде всего к озерам (видимо, круглой формы), бочажинам, "окнам" в болоте, источникам, колодцам, ямам, провалам или просто глубоким местам в реке и т.п., предполагают метафорический тип их обозначения, возможность понимания этих водных объектов как око (: *Oka*), глаз. Ср. в Поочье еще *Очка*. ГБО 36, 48; *Очки*. 18, 36(?), 48 и т.п., сопоставляемые с висл. *Oczka*, *Jez.*, *Duże Oczka*, *Jez.*, *Małe Oczka*, *Jez.*, *Oczko*, *Jez.*, *Duże Oczko*, *Jez.*, *Małe Oczko*, *Jez.*, *Oczko See*, *Wielkie Oczko*; *Oko*, *Jez.* и т.п. HW 376 (индексы). Характерно, что эти примеры (славянские по форме) отмечены, как правило, на старой балтийской территории, хотя, разумеется, они могут быть обнаружены и существенно южнее, в Татрах, см. *Morskie Oko*, озеро, слвц. *Oka*, и т.п., о чем писали А.В. Исаченко, Ф. Безлай, Ю. Удольф (Stud. slav. Gewäss. 1979, 231—236) и др. Следовательно, этот тип водных названий хорошо известен и в балт. и в слав. и отличается значительной продуктивностью (помимо метафоричности этого обозначения, для него характерна, в ряде "микродидронимических" ситуаций, неясность границ между именем собственным и апеллятивом). Но в случае названия *Oka* (*Aka*) балтийское происхождение по ряду причин представляется более вероятным, чем славянское. Особая проблема — мотив, по которому река получила это название (стоит отметить многочисленные названия типа *Колодезь* именно в самых верховьях Оки, см. ГБО 333—334, около полутораста примеров) и определение того места ее течения, где она была названа (в верховьях, как будет видно из дальнейшего).

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- При гидрографических и топографических обозначениях, используемых ниже, приняты сокращения, которые употребляются в ГБО.
 Ält. Bez. — Mikkola J.J. Die ältere Beziehungen zwischen Ostseefinnisch und Russisch. Helsinki, 1938.
 APN — Trautmann R. Die altpreussischen Personennamen. Göttingen, 1925.
 APON — Gerullis G. Die altpreussischen Ortsnamen. Berlin; Leipzig, 1922.
 Beitr. I. — Vasmer M. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. I: Die Ostgrenze der baltischen Stämme // SPAW. Phil.-hist. Kl. Berlin, 1932.
 Beitr. II. — Vasmer M. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. II. Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heutigen slavischen Ländern // SPAW. Phil. — hist. Kl. Berlin, 1934.

Б.-сл. сб. — Балто-славянский сборник. М., 1972.
 ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950.
 Donum Balticum — Donum Balticum to Prof. Chr. S. Stang on the Occasion of His Seventieth Birthday 15 March 1970. Stockholm—Uppsala, 1970.
 EOSON — *Trautmann R.* Die Elb- und Ostseeslavischen Ortsnamen. I—III. Berlin, 1948—1956.
 Этим. Вит. губ. — *Трусман Ю.Ю.* Этимология местных названий Витебской губернии. Ревель, 1897.
 ГБО — *Смолицкая Г.П.* Гидронимия бассейна Оки: (список рек и озер). М., 1976.
 Grenz. — *Bielenstein A.* Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert. SPb., 1892.
 HW — Hydronimia Wisły. Część I: Wykaz nazw w układzie hydrograficznym pod redakcją P. Zwolińskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1965.
 Kalvaitis — *Kalvaitis V.* Lietuviškų vardų kildėmė. Tilžė, 1910.
 Кат. Моск. — *Здановский И.А.* Каталог рек и озер Московский губернии. М., 1926.
 KF — *Kiparsky V.* Die Kurenfrage. Helsinki, 1939.
 Кратк. топ. слов. Белор. — *Жучевич В.А.* Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1974.
 LATSŽ — Lietuvos administracinio-teritorinio suskirstymo žinynas: II dalis / Parengė Z. No-reika ir V. Stravinskis. Vilnius, 1976.
 Latv. adm. iedal. - Latvijas administratīvi teritoriālais iedalījums. Rīgā, 1967.
 ЛАВП — *Топоров В.Н., Трубачев О.Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М. 1962.
 LEW — *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. I—II. Heidelberg, 1955—1962.
 LHEŽ — *Vanagas A.* Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius, 1981.
 Liet. hidr. dar. — *Vanagas A.* Lietuvos hidronimų daryba. Vilnius, 1970.
 LKK — Lietuvių kalbotyros klausimai. Vilnius.
 LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas. T. I и сл. Vilnius, 1941 и сл.
 LPV — *Blese E.* Latviešu personu vārdu un uzvārdu studijas. T. 1. Rīgā, 1929.
 LUEV — Lietuvos upių ir ežerų vardynas. Vilnius, 1963.
 LV — *Endzelīns J.* Latvijas vietvārdi. I, 1—2. Rīgā, 1956—1961.
 LVV — *Plāķis J.* Latvijas vietu vārdi un latviešu pavārdi. I—II. Rīgā, 1936—1939.
 Маштаков — *Маштаков П.Л.* Список рек Днепровского бассейна. СПб, 1913.
 Маштаков Дон — *Маштаков П.Л.* Список рек Донского бассейна. Л., 1934.
 ME — *Mūlenbachs K. un Endzelīns.* Latviešu valoda vārdnīca. I—IV. Rīgā, 1923—32.
 MH — *Trautmann R.* Die slawischen Ortsnamen Mecklenburgs und Holsteins. Berlin, 1950.
 Nam. Mitteleur. — Aus dem Namengut Mitteleuropas. Kulturberührungen im deutsch-romanisch-slawobaltischen Sprachraum. Festgabe zum 75. Geburtstag von Eberhard Kranzmayer. Klagenfurt, 1972.
 Назв.др.-р.гор. — *Нерознак В.П.* Названия древнерусских городов. М., 1983.
 Назви Полтавщ. — *Стрижеак О.С.* Назви річок Полтавщини. Київ, 1963.
 Nazwy półn. Maz. — *Zierhoffer K.* Nazwy miejscowe północnego Mazowsza. Wrocław, 1957.
 НПУ — *Трубачев О.Н.* Названия рек правобережной Украины. М., 1968.
 PN. Latg. — *Zeps Valdis J.* The Placenames of Latgola. A dictionary of East Latvian Toponyms. Madison, Wisconsin, 1984.
 Пр. яз. — *Топоров В.Н.* Прусский язык. Словарь. Т. I и сл. М., 1975 и сл.
 Pruss.-Jatv.-Lit. — *Falk K.-O.* Streszczenie pracy "Prussica-Jatvingica-Lituanica" Lund, 1973 (машинопись).
 RR — *BEga K.* Rinktiniai raštai. T. 1—3. Vilnius, 1958—1961.
 СГУ — Словник гідронімів України. Київ, 1979.
 Slav. Prag. — *Slavica Pragensia.*
 Słown nazw geogr. PZP — *Rospond S.* Słownik nazw geograficznych Polski zachodniej i północnej. Wrocław — Warszawa, 1951.
 Słown. nazw Mazur. — *Leyding G.* Słownik nazw miejscowych okręgu Mazurskiego. Część II. Poznań, 1959.
 Спис. Сувалк. — *Вольтер Э.А.* Списки населенных мест Сувалкской губернии ... СПб. 1901.
 Спрогис — *Спрогис И.Я.* Географический словарь древней жомойтской земли XVI столетия. Вильна, 1888.

Stud. slav. Gewäss. — *Udolph J.* Studien zu slavischen Gewässernamen und Gewässerbezeichnungen. Heidelberg, 1979 (=BNF. Neue Folge. Beiheft 17).
 Thr.-dak. St. — *Duridanov I.* Thrakisch-dakische Studien. Erster Teil. Die Thrakisch und dakisch-baltischen Sprachbeziehungen. Sofia, 1969.
 TN — *Talsu Novads (Rakstu krājums).* Rīgā, 1935.
 Topon. kośc. — *Breza E.* Toponimia powiatu kościńskiego. Gdańsk, 1974.
 Topon. P. Gd. — *Górniewicz H.* Toponimia Powiatu Gdańskiego. Gdańsk, 1980.
 TŽ — *Tauta ir Žodis.* Kaunas.
 Unsere ält. FN — *Krahe H.* Unsere ältesten Flussnamen. Wiesbaden, 1964.
 Vorgesch. — *Krahe H.* Vorgeschichtliche Sprachbeziehungen von den baltischen Ostseeländern bis zu den Gebieten um den Nordteil der Adria. Wiesbaden, 1957.
 Wody WH — *Falk K.-O.* Wody wigierskie i huciańskie. I. Uppsala, 1941.
 Ze stud. — *Falk K.-O.* Ze studiów nad nazwami wod suwalskich. Lund, 1973 (машинопись).
 Z polsk. stud. — Z polskich studiów slawistycznych: Seria 2. Językoznawstwo. Warszawa.

1.А. ВЕРХНЕЕ ЛЕВОБЕРЕЖНОЕ ПООЧЬЕ

1. ЛЕВЫЕ ПРИТОКИ ОКИ

Жизлов, колодезь, д. *Жизлова*. ГБО 15, см. ниже *Жизна*.

Гостомля, л.р. вар. *Гастомля*, *Гастомка*. ГБО 15; ср. *Б. Гостомля*, р.; *Гостомля*, с.; *М. Гостомля*, л.р. *Б. Гостомли*; *Гостомля*, с. 15 — все в самом непосредственном соседстве. — К суф. -ом и его расширениям ср. *Гостомля*, *Гастомка*, но *Госта* (?) 109, *Гостья* 109, *Гость* 109, *Гоць* 34, *Гостижа* 38, 42, 132, *Гостижка* 38, 109, 132, *Гостиженка* 38, *Гостыжской* 73, *Гостяжской* 73, *Гостилов* 218, *Гостилово* 22, *Гостиловка* 195, *Гостичка* 109, *Гостиценка* 38, *Гостевка* 95, *Гостешевка* 95; *Гастинка* 75, *Гастышка* 132; ср. ЛАВП 217; *Aguma* Sc.-Slav. 6, 1960, 144 сл.; Пр. яз. 2, 1979, 168 и др. — Ср. балт. данные: лит. *Gāstamas*, вар. *Gāštamas*, *Gāštaminas*. LUEV 43; польско-мазовецк. *Gostomie*, *Gostome*, *Gostomia*, *Gostomin*, *Gostomino*, *Gostomyno*. Nazwy półn. Maz. 182; Topon. kośc. 48—49. и др., — при лит. *Gāstupis*, лтш. *Gastis*, *Gastelēni*, *Gastalāni*, *Gastiņ-kalns*. LV I, 1, 303) и др.; лтг. *Gūostiņš*, *Gostiņi*, *Gostiņi ez.*, *Gostuni*. PN. Latg. 149 и др. См. *Vanagas LHEŽ* 107—108; Liet. hidr. dar. 90, 155, 254, 261. {**Gast-am-(ia)*}.

Б. Гостомля, см. выше.

М. Гостомля, см. выше.

Добрынка, л.р. *Б. Гостомли*: р. *Добрынь*. ГБО 15; *Добрынь*, с.; ср. *Добринской*, л.в. *Добрынки*. 15, а также *Добрынка*. 26, 39, 89, 100; *Добринка* 26, 42, 95; *Добринской* 164; *Добренка* 39, 105; *Добрянка* 40, 41; *Добренья* 224 и даже, видимо, *Дербинка* 66, *Дербинской* 227, *Дербен* 216. — Наряду с возможностью объяснения как из слав. **dobr-ŭn-/in/*, так и из **d̥bbr-* (**d̥bbr-*), нельзя исключать и связи с балт. формами типа лтш. *Dabras*, *Dabrene*, *Dabrenes-pļava*, *Dabrēni*. LV I, 1, 188; лит. *Dābrupis*, *Dābrakas*, *Dabruōlis*, *Dabruōtas*, *Dabruotė*. LUEV 26 (ср. LATSŽ 51); Liet. hidr. dar. 81, 82, 138, 204, 206, 207, 229; LHEŽ 78 (к лит. *dābras* 'бобр', ср. в соседстве с *Добрынкой* *Бобрик*, *Боброк*, а также другие весьма многочисленные "бобровые" названия в Поочье, см. 229), с одной стороны, или типа лит. *Dūbrius*, *Dubreika* LUEV 34; *Dūbriai*, *Dūbriškis*, *Duburāitis*, *Duburiai*. LATSŽ 66—67 (ср. Liet. hidr. dar. 34, 65, 68, 69, 76, 107, 109, 208, 219, 234, 270, 272; LHEŽ 94 (к лит. *dubrā*,

dubrẽ LKŽ 2, 784; Karaliūnas LKK 14, 1973, 68 /ср. лтш. *dubra*/ и к лит. *duburys*. LKŽ 2, 787), лтш. *dubras*, *Dubrene*; *Duburs*, *Dubuři*, *Duburi*, *Dubure*, *Duburene* и т.п. LV 1, 1, 233, 234, с другой стороны. — {**Dabr-ūn-*, *Dabr-in или **Dubr-ūn-*, **Dubr-in-*}.

Добринской, см. выше.

Щернодья, д.; *Щернодья*, с. ГБО 15, в басс. *Жерновец*, п. руч., *Жерновец*, о. (составитель ГБО, видимо, предполагает, что *Щернодья* связано с *Жерновец*/ *Жернодья?, что не исключено в плане "народной" этимологии). — Скорее, однако, к *Шерна* и под., см. ниже.

Ретеж, р.; *Нижн. Ретежи*, д.; *Воскресенское*, с., *Ретежи тож*. ГБО 15; ср. *Ретежской*, п.в. Ретешы. 153; *Ретеша*, л.р. Осетра, вар. *Ретеша* (ср. *Ретеша*, с.). 163; *Ретинка* 71; *Ретинской* 163; *Ретенской*. 163; *Ретемушка*. 200; менее ясна связь с *Реткин* 121; *Реткина*. 144; *Ретков*. 29; *Реткой*. 184. — Можно думать о балт. *Ret-* с суф. *-ēž-* (ср. лит. *Kermėžys*, *Ūm-ēžė*, *Up-ēžis*/?). Liet. hidr. dar. 141). К корню *Ret-* (лит. *rėtas* 'редкий', *rėtis* 'прореженный лесок', *rėtinti* 'прореживать', лтш. *rets* и под., см. LHEŽ 276) ср.: лит. *Retėnė*, *Retūnas*, *Retūrė*. LUEV 134; *Retūnė*. LATSŽ 261; *Retėnės*, *Retinė*, *Rėtis*, *Retóji*, *Retulė*, *Rėtuma*, *Retumaĩ*, *Retuōles*. LHEŽ 276; Falk. Pruss.-Jatv.-Lit. 8; прус. *Reteunen*, 1405, позже — *Rothenen*. APON 141; курш. *Reihe*, 1355—1362. KF 146 (*Retowe*, 1253, как и прус. *Reitauwen*. APON 141/ ср. Nom. pr. *Retawe* APN/, Кипарский связывает с вост.-балт. **riet-*: лтш. *riētė*, лит. *rietė* 'катиться'); ср. в басс. Десны и Сейма, т.е. в относительной близости от верховья Оки, *Реть*, *Ретка*, *Ретик*. ЛАВП 205. — К семантике "редизны" в гидронимии Поочья ср. также *Реденка* 109; *Редкой Кут*. 251 и под. (в связи с лит. *rėtis* 'прореженный лесок' ср. *Лески*, о. 15, по соседству с *Ретеж*). {**Ret-ez-*}.

Крома, р., вар. *Кром*, *Кромы*. ГБО 16; ср. тут же *Кромской*, в. (при *Каменецкой*, в., *Каменской*, в., *Каменской*, отв.) и *Кромец*, л.р. 16, а также *Кроменка*. 150, 153; *Кроменской*. 153; *Кромница*. 153, *Кромица*. 153. В непосредственной близости находится *Кремеча* (см. н.же), вар. *Кремьяч*, *Кремична*, *Кремича*. 16 и далее *Кремьяченка*, *Кремиченка*, *Кремиченка*. 100; *Кремичня*, *Кремешня*. 105, *Кремичанная*. 96; *Креминка*. 96; *Кременка*. 96, 173, 182, 259; *Кременской*. 259; *Кромец*. 48; *Кременев*. 27; *Кременчук*. 171; *Кремнев*. 27; *Кремневка*. 27; *Кремнишна*, *Кремнишня*. 96 и т.п. — При сохраняющейся неясности в трактовке отдельных примеров речь идет, несомненно, о балтослав. **Kram-*: **Krem-*, ср. лтш. *krams*, *krėms* 'кремень' (ср. и *krama* 'сыпь', 'парша'), лит. *krātas*, *kramà* и под. и соответствующие глаголы лит. *krīmsti*: *kremti*: *kramyti*, лтш. *krīmsti*: *krėmtu*: *kramiūti* (*kramsiti*, *krāmstīt*, ср. рус. диал. *крóмить*, *крóмсать*, *крóмзать* при словен. *krémžiti* и лит. *kramz*: *kremz* / *kremž-* и т.п.). Ср. лтш. *Kramm*, 1850, *Krama-gals*, *Krama-kalns*, *Krama-lauks*, *Kramu-ciems*, *Kramu-mežs*; *Kram-kalns*, *Kram-purvs*, *Kram-sāts*, *Kram-valks*; *Kramēni*, *Kramāni*, *Kramiņi*, *Kramiene*, *Kramāniškas*, *Krameniēki*, *Kramulī*; *Kramiņu-kalns*, *Kramiņa-mežs*, *Kramiškes-pļava*; *Kramaži* и под. LV I, 2, 121; лтг. *Kromoni*, *Kramāni*, *Kramānu ez.*, *Kromōniškas*, *Кроманишки*, *Крōтуні*, *Крōтєні* и под. PN. Latg. 242; лит. *Kramūnas*; прус. *Crome*, 1463, позже — *Craam*; *Cromov See*, ок. 1420, мазур. *Cromow*, *Cromaw*, ок. 1420, *Cromowin*, 1412; *Kromolein*, 1412;

Cromow, ок. 1400, позже — *Cromowin*, *Kromozin*, *Krominek See* и под. APON 73; Słown. nazw. Mazur. II, 333—334, с одной стороны, и прус. *Cremitten*, 1389, *Crymithen*, 1421. APON 72; *Krzemity*. Słown. nazw. geogr. PZP 148; *Kremon*, 1423. APON 72, ср. к зап. от Вислы, в Мекленбурге *Kremon*, stagnum, 1332, *Cremon*, 1374; *Cremon*, 1285; *Cremton*, 1381; *Cremun*, 1178 и т.п.; лат. *Kremezà* (LHEŽ 164); *Kremėsiškės*. LATSŽ 141 и др., ср. польск. *Krzemno* (*Grosser Cremmin See*. Słown. nazw. geogr. PZP 148), словц. *Kremná*, укр. *Кремно*, *Крімна*, с.-хорв. *Кремна* и др.; с.-хорв. *Кремићи*, *Кремиће*, москв. *Кремешня* (*Кремична*, Дух. грам. Ивана Калиты, ок. 1339 г.), *Кремичанная* и т.п., см. Пр. яз. 4, 1984, 175—177, 205. — {**Kram-*: **Krem-*}.

Кромской, см. выше.

Кромец, см. выше.

Рубча, л, р. Кромец. ГБО 16; здесь же, в басс. Рубчи, *Рубчей*, п.о., и *Рубежной*, в. (другие названия на Руб-, *Рубеж-*, *Рубеш-*, *Рубен-*, *Рубск-* см. ГБО 373). — Ср. лит. *Rubikių ežeras*. LUEV 137 (но и *Rubėžius*, *Rubėžupis* и под. заимствования из слав.); Liet. hidr. dar. 265; LHEŽ 280; *Rubikaĩ*, *Rubikiai*, *Rubikaliai*, *Rubikonys* и др. LATSŽ 265 (но и *Rub-*, *Rub-aič-*, *Rub-el-*, *Rub-ul-*, *Rub-ež-*); лтг. *Rubiki*. PN. Latg. 429 (но и *Rub-*, *Rub-ul-*, *Rub-en-*, *Rub-in-*, *Rūbež-* и др.), подобно днепр. *Родча*: лит. *Rūdikiai*, прусск. *Rudicus*, см. ЛАВП 203, 205. — {**Rub-ik-*}.

Рубчей, см. *Рубча*.

Сух. Ломна, л.р., *Ломенка*, р. ГБО 16, тут же *Ломля*, л.р., *Сух. Ломля*, п.р. Ломли. 16; о других названиях с корнем *Лом-* см. 344. Ср. *Ломна*, *Ломня* в басс. Верх. Днепра (неоднократно). ЛАВП 193, висл. *Łomno*, *Łomne*. HW 586; *Łome*, *Łomen*, *Łomene* и др. (MH. 95, 96; EOSON II, 95) и др. — Балто-слав. образование; ср. лит. *Lomà*, *Lomenà*. LUEV 94; Liet. hidr. dar. 36, 59, 184; LHEŽ 196, ср. 179; *Lomà*, *Lomėniai*, *Lomiaĩ*. LATSŽ 165; лтш. *Lāma*, *Lāmiņš*, *Lāmiņa*, *Lāmiķis*, *Lāmenieki*, *Lāmele*, *Lāma-pļavas*, *Lāmas-kalns*, *Lāmas-purvi*, *Lāmas-strauts* и под. LV I, 2, 286; латг. *Lomi*, *Lomiņi*. PN. Latg. 285, но и прус. *Lameynen*, 1419; *Lamen-se*, 1294, *Lamun*, 1419; *Lammoten*, 1450; *Lamegarben*, 1419; *Lamasila*. APON 81; лит. *Lamenà*; *Lamėstas*, *Lamōčiai*, *Lāmai*. LUEV 86; LATSŽ 152; LHEŽ 179, 196; куршск. terra *Lammato*, 1231; de *Lammantin*, von *Lammantin*, *Lamenan*. KF 116 и др. — {**Lam-*, **Lam-in-*}.

Брынов. ГБО 16, см. ниже.

Брыновской. ГБО 16, см. ниже.

Бутынь, л.р. Лешни; вар. *Бочень Колодезь* (?). ГБО 16; ср. *Бутенка*, п.р. Песоченки, в Среднем левобережном Поочье, 119, а также *Бутынь*. 115; *Бутынка*. 115; *Бутнец*. 66; *Буценкой* [?] 38 при *Бутова*. 94; *Бутовка*. 44, 189 и др. Ср. днепр. *Бутынь* в басс. Роси. Маштока Днепр. 56 (*Бутежь*. ЛАВП 178), моск. *Бутынь*, *Бутынка*. Б.-сл.сб. 1972, 221, 246. — Ср. лит. *Butėnai* (неоднократно), *Butėniškiai*, *Butėniškis*. LATSŽ 46; лтш. *Butani*, *Butenieki*, *Butinieki*, *Butiški*, *Butaiši*, *Buta-kalns* и т.п. LV I, 1, 149; лтг. *Buoiņi*, *Butani*, *Бутаны*. PN. Latg. 74; прус. *Butun*, 1271; *Voteunen*, 1405. APON 23, 25 и др.; курш. Nom. pr. *Butenick*, 1539—1540. KF 269 (ср. *Butilie*, 1355—1362. KF 89) и др., см. Пр. яз. 1, 1975, 270. — {**But-in-*, **But-en-*, **But-ūn-* [?]}.

Недна, л.р. ГБО м.б., сюда же *Неделка*, *Неделька*. 39 — Ср. лтш.

Nedienne, река, *Nediena*. LV I, 2, 475; курш. *Nedinge*, 1503, *Medingen*, 1508; *Nedinghen*; м.б., *insula Nedijk*, 1452. KF 130—131 (по Кипарскому, к лтш. *niedinš или **niedin-*, ср. *niēdre* 'тростник'); лит. *Nedingis*, *Nedėjā*. LUEV 108; Liet. hidr. dar. 111; 168; LHEŽ 226, 230, *Nedingė*. LATSŽ 199; днепр. *Недна*, дважды, *Недно*. ЛАВП 198 (ср. *Неделька*, 199); висл. *Nede*, *Neden*, вар. *Nidy* и др. HW 190; Słown. nazw. Mazur. 285. — Видимо, еще в и.-евр. эпоху в диалектах сосуществовали элементы **neid-*/**nid-* и **ned-* в значении 'течь' ('поток'). Во всяком случае в балт. хорошо представлен и первый вариант, ср. лтш. *Niedīņ-gzērs*, *Niedenis-driksna*. LV I, 2, 482 (ср. *Niēdali*, *Niedel-pļava*, *Niēduols* и т.п.); лит. *Niedā*, *Niēdulė*, *Niēdulis*, *Niedūs*. LUEV 110; Liet. hidr. dar. 69, 199, 200; LHEŽ 230; куршск. *Nidden*, 1437; *Nidaw*, 1561. KF 131; прус. *Neydowe*, 1332, *Nedwe*, 1438, позже — *Needau*. APON 107 (ср. Nom. pr. *Neyduse*); днепр. *Нудалька*, *Нуделька*. ЛАВП 199; висл. *Nidy*, *Niedenfluss*, *Nidzkie*, jez., *Nieder See*, *Nidzka Struga*, *Niska*; *Nida*, *Niede*, *Neide* и т.п. HW. 190, 211 и др. (ср. 373); Słown. nazw. Mazur. II, 189, 192, 285, 286, 307, 323, 327 и др. — {**Ned-in-*, **Neid-in-*}.

Кремеча, см. *Крома*.

Менка, р. ГБО 17; ср. тут же *Мокрая* [*Менка?*], а также неподалеку *Менка*, п.р., *Менца* (и *Менка*, д.). 39 и *Менка*, п.р.; *Менковской*, п.о., в басс. *Менки*. 95; *Менки*. 123; *Менок*. 184; *Менковское*. 193. — Ср. лит. *Meĩkas*; *Menkūtis*, ež; *Meĩkurių upėlis*. LUEV 101; Liet. hidr. dar. 50, 209, 263; LHEŽ 211 (:лит. *meĩkas* 'мелкий', 'слабый', 'скудный'); *Meĩkuriai*, *Menklaukiai*, *Meĩkiniai*. LATSŽ 180; м.б., днепр. *Менчича*. ЛАВП 195 (из балт. *Menk-ik-ia). К семантике ср. в Поочье *Мен(ь)шой*, 41, 72, 74, 249; *Малая*. 114, 250 и др.; *Маленькая*. 86 и т.п. Допустим и иной вариант объяснения — *Менка* как уменьш. форма от *Мена, сопоставимая с лит. *Mėnupis*, лтш. *Meņupe*. LHEŽ 211; ср. днепр. *Мяна* (<**Men-*). ЛАВП 197 (:прус. *Meneun*, 1426. APON 97). — {*Menka}.

Мокрая [*Менка?*], см. *Менка*.

Ицка, р., вар. *Итцка*. ГБО 17; ср. по соседству *Ицки*, п. верх. р., а также, м.б., *Ичка*, 108; *Ича*. 94; *Иченка*. 133; *Иченской*. 133; *Ичинской*. 95; ср. *Ичалка*; *Ичаловской*. 264, м.б., *Итья(?)*. 173. Название *Иченка*/*Иченька* на среднеднепровском левобережье предлагалось рассматривать как тюркизм (Стрижак. Назв. Полтавщ. 45); НПУ 254 — без объяснения. Трактовка этого гидронима как тюркского сомнительна, ср. *Ичка*, л.п. Язуы (см. Б.-сл.сб. 1972, 241). — Скорее всего балтизм, ср. лтг. *Iča*, река, вар. *Ича* (1784, 1792 г.), *Wiskuta* albo *Ika* (до *Iki*, 1765; rzeka *Ikie*, 1590); м.б., *Ичу-Грейва*, болото. PN. Latg. 164—165; лтш. *Iča*, река, *Ičauņieki*. LV I, 1, 356; лит. *Icīņai*, четырежды. LATSŽ 98. — {*Ika, *Ikīka}.

Жулин, о. ГБО 17; тут же в непосредственном сходстве *Жулин дол.* — м.б., из балт. Ср. лит. *Žulnà*. LUEV 207; Liet. hidr. dar. 51; LHEŽ 406 (к лит. — *ra-žulnūs*, *puo-žulnūs*, 'покатый', 'наклонный') — {**Žuln-*, **Žul-in-*}.

Стулوبيще, л.о., в басс. Ястребовки. ГБО 17; ср. неподалеку *Стулوبيще*. 19 — На фоне многочисленных гидронимов типа *Столбенка*, *Столбня*, *Столбна*, *Столбенской*, *Столбинской*, *Столбешня*, *Столбок*, *Столбич*, *Столбище*, *Столбчанка*, *Столбчинка*, *Столбынь*, *Столбынка*, *Столбянка*, *Столбовка*, *Столбчая* и т.п. ГБО 382 (ср.

и *Столпна*. 143, *Столпов*. 159) *Стулوبيще* выглядит как переделка балт. форм, сопоставимых с лит. *Stulpas*, *Stulpis*. LUEV 156; Liet. hidr. dar. 47; LHEŽ 317—318; *Stulpinaĩ*. LATSŽ 293; *Stulpėlis*, *Stulpės*, *Stulp-balė*, *Stulp-pievė*; лтг. *Stūlpīni*, *Стулмень*, *Стулпини*; *Stūlpīne*, *Stūlpina*; *Стулпова*. PN. Latg. 490, прус. *Stolpe*, 1405. APON 174; ятв. *Stulpin*, озеро (Falk. Ze stud. 43) и т.п.; ср. лит. *stulpas* 'столб' и под., но и *stulbti* 'столбенеть', 'цепенеть', *stulbis* и др.; курш. an de *Stolben see*, 1495, трактуемое, в частности, как *Stulbais ezers* (KF 167), связывают с лтш. *stulbs* 'тупой' (:stulbt). Но возможно и собственно слав. развитие: **stulb-* > **stulbb-* > *stulob-*. — {**Stulp-*/**Stulb-*}.

Двеплот, п.в., *Двеплота*, в. ГБО 17. — Можно думать, что балт. происхождения, из **Dvi-* & **palt-*: в первом члене числительное 'два' (ср. в Поочье *Двоозерки*. 191, *Два Колодезя*. 67, *Двумаковец*. 230, *Двубратьев*. 249, *Двоенка*. 218, *Двойное*. 232); к "двойным" названиям ср. лит. *Dviragis*, *Dvišakė*, *Dvišakis*, *Dvišakis*; *Dvikelmis*, *Dvilinkis*, *Dvilypis* и др. LUEV. 38; лтш. *Div-purvs*, *Div-upe*, *Divjēze*, *Divejupjupurviņš* и др. LV I, 1, 216; во втором **palt-*, ср. лит. *Paltis*, *Paltys*, *Paltūpis*, *Paltupalis*, *Paltė*. LUEV 117 (ср. *Palčių upalis*. 116; *Pālčia-balėš*); Liet. hidr. dar. 45, 86, 89, 220; LHEŽ 242; *Paltynai*, *Paltininkai*, *Paltiniške*, *Paltiške*, *Paltiškiai*, *Paltupiai*. LATSŽ 222; лтш. *Palte*, *Palte*, *Meļlā-palte*, *Liel-palte*, *Sařkana-palte* (картошка LV); прус. *Palten*, 1405; *Sampalth*, 1297. APON 113, 150, сопоставляемые с ст.-лтш. *paltis* 'дождевой ручей', лтш. *palts*, *palte* 'лужа' и т.п. К этому корню принадлежит в Поочье *Пополта*. 45; *Пополочка*. 170. *Пополутовская*. 196 и др., см. 366, 367; м.б., днепр. *Неполодь* ЛАВП 193 (<**Ne-palt-*); *Полота*, река, на которой стоит Полоцк; отчасти соответствующие польские названия. см. *Nazwy r6fn. Maz.* 297, 303 и т.п., не говоря уж о более отдаленных примерах типа *Фульды* (др.-в.-нем. *Fuldaha*) и др. Ср., впрочем, в Поочье *Плота*. 18, 23, 28, 49, 58, 75 и т.п. (характерно соседство с *Городенка*. 18). — {**Dvi-* & **palt-*}.

Ицки, см. выше *Ицка*.

Цон, л.р. Оки, вар. *Цона*, *Оцна*, *Оцно*, *Оцон* (хутор *Цна*). ГБО 18; ср. *Цна* 123, 244. — По-видимому, из *Цънь (:*Цъна, *Цъно), восходящего к балт. **Tus-n-* (старые письменные фиксации этого названия *Tusna*, *Tyna*, *Tsna*. ДДГ 29, 53 и др.); ср. прус. *Tuseine*, 1296, *Thussuyn*, *Thusieyn*, 1336; *Thussegeyn*, 1364, позже — *Tusseinen*. APON 189 (ср. Nom. pr. *Tussine*, к *tusnan* 'тихий'), м.б., висл. *Tussen* (*Dusne*, *Dusianka*). HW 197; Słown. nazw. Mazur. II, 158. Ср. также *Цна*, название трех рек в Верхнем Поднепровье (Būga RR III, 506, 885; ЛАВП 212; Б.-сл. сб. 1972, 254. — Нельзя полностью исключать, что к этому же корню восходят и другие названия с иными рефлексамии корневого вокализма, прежде всего *Тусна* в Верхнем левобережном Поочье. 46 (а, м.б., и *Тусовской*. 113; *Тусца*. 35, 66 и даже *Туша*. 64/ср. днепр. *Туша*, вар. *Туца*. ЛАВП 211/; *Тушинка*. 32, 64, 139; *Тушинской*. 32, ср. *Tus-ja, **Tus-in-*/**Tus-ein-*, **Tus-ik-*, **Tus-ov-*) и *Тушемля* в басс. Днепра. ЛАВП 221; висл. *Tuszemlanka*, в басс. Нарева. HW 162 (ср. однако, *Tuszyma*, *Tuszymka*. HW 60, существенно южнее, в басс. Вислоки), ср. *Tuszynek*. HW 263 и др. Название *Тушемля* и под. в таком случае происходили бы из балт. *Tus-em-ja/*Tus-im-ia; к суф. ср. APON 260

(*Buzemith, Carnemithen, Doythimiten* и др.); Liet. hidr. dar. 154 (*Pulimas, Svėitimai, Lāpumas, Skirpstýmas* и т.п.). —{**Tusn-*, **Tus-in-*/**Tus-ein-*}.

Полинка, л.р. ГБО 18; видимо, сюда же *Поленка, Паленка* 26; *Пальна*. 35, 103; *Пална*. 103; *Пальница*. 117, 132; *Польна*. 103, 137 и некоторые другие названия на *Пол(ь)н-*, *Пал(ь)н-*. Сходный тип представлен и в Верхнем Поднепровье — *Пальня, Полна, Полня, Паленка, Польша, Полонка, Ополонка* и др. ЛАВП 199, 200, 202. — Возможно, балт. происхождения, ср. лит. *Palnė*, (Крахе BNF 9, 1958, 16: *palnė* 'болото', ЛАВП 200); *Palynių irėlis*. LUEV 116 — при *Palà, Palōnas, Palangà, Palėja* и т.п.; лтг. *Peļņupe, Палнупе, Палнупы*. PN. Latg. 361; м.б., прус. *Polgenewaie*, 1362. APON 129 (**Polen- & wayos* 'луг'); курш. to *Palenn*, 1529 (KF 134: к лтш. *pālums*), ср. мазур. *Palinka, Palinka See*. Stowp.nazw. Mazur. II, 93; HW 172 и др. —{**Pal-in-*, **Pal-n-*}.

Плота, л.в., *Плота*, п.в., в басс. Полинки. ГБО 18 (дер. Плоты), см. 364, 366. — Помимо естественного слав. источника в ряде случаев нужно считаться с возможностью балт. происхождения (из **Palt-*), см. *Двеллот*.

Добиршин, в., *Добаршин*, в. ГБО 18; в непосредственном соседстве *Добаршин*. — В целом неясно. Возможно, обязано своим происхождением контаминации двух типов, каждый из которых мог быть связан с балт. элементами; ср., с одной стороны, *Dabr-, Dabar-, Dubr-, Dubur-* и под. и, с другой, *Dab-, Dub-* и под. с суф., содержащими -š (-ž-), -s, т.е. *-is-/-ys-, -iš-/-yš-, -as-/-aš* и др.; напр. лит. *Dūbiškė, -ės, Dūbiškiai, Dubýsa, -as, Dabūšė, -iai, Dabūžiai* и т.п., лтш. *Dubiški, Dabīsi* и др.; впрочем, есть и комплексные примеры типа лит. *Dābariškis*. При анализе балтизмов верхнеднепровской гидронимии также были выделены эти два типа, ср. *Дубречь, Добрейка, Добречка, Добрелина* и др. и *Добасна, Добысна, Добосна, Добошина, Дабужа* и т.п.; отмечены и комплексные примеры типа *Добрососна, Дабужа* и др., см. ЛАВП 183—186. Поэтому, очевидно, и в случае *Добиршин* — *Добаршин* приходится считаться с контаминациями; ср., однако, *Добришина*, рукав Ворсклы в Среднем Поднепровье. СГУ 175 (ср. *Дуброшевка*. ГБО 100, вар. *Дубровка* ?!) —{**Dabar-iš-yn->*Dabaršin-, *Dabiršin-*}.

Средняя Плота. ГБО 18, см. выше.

Добаршин, п.в. Радомли. ГБО 18, см. выше.

Казинка, л.р. ГБО 19 — Наряду со слав. источником (ср. неподалеку *Козье Болото*. 18, а также *Козинка*. 107; *Козин*. 155; *Козинской*. 68, 203; *Козенской*. 137 и др.) ср. возможность объяснения этого названия и подобных ему (ср. *Казин*. 64, 134, 145; *Казина*. 145; *Казинской*. 69, 85; *Казинская* 140; *Казиновка*. 113; *Казиновской*. 79; *Казиноу* 58, 84 и даже *Казинка* в других местах Поочья, ср. 179, 185) из балт. источника. — Ср. лтш. *Kazene, Kazėni, Kazėņ-pūrs, Kazėņi-kalns, Kazėņāji, Kazenīca, pļ., Kazenieku-upe, Kažėnka; Kazine, pļ., Kazines, Kaziņa, Kaziniekī, Kazina, pļ., Kaziņi, Kaziņ-upe* и др. LV I, 2, 75—76; лтг. *Kazėni, Kaziņas, Kazeņka, Kazinci, Kazencu pu., Kazinči, Казина*, 1784, *речка Казина*, 1784, оз. *Казино*, 1784, *речка Казиница*, 1784; *Kaziniekī, Казиники, Казино, Казинова* и т.п. PN. Latg. 206, 207 и др. —{**Kaz-in-*}.

Бурсенка, л.р. ГБО 19 — Если только не из *Брус-* (ср. вар. *Брусна, Брусовая; Грусна, д. Брусна, д.*, а также *Бурсенка*. 33, 62, 67, 76, 78, 85, 120, 122, 173; *Бурсенская*. 183; *Бурсенское*. 126; *Бурсенской*. 60,

62, 78, 183, 230; *Брусна*. 89, 180 и др.), может быть сопоставлено с балт. фактами, ср. прус. *Bursen*, 1419; *Burseyn*, 1381, *Burseen*, 1384 и т.д. APON 24 (:Nom. рг. *Burse*; суф. *-ein-* или *-en-*); шалав. *Borssythe*. APN 21, 78; лтш. *Buršas, Buršu-kruogs*. LV I, 1, 148; лит. *Buršnelis*, ср. Пр. яз. 1, 1975, 266. —{**Burs-en-, *Burs-in-*}.

Стулوبيще, о. ГБО 19, см. выше.

Устаковка, п.р., в басс. Люцкой. ГБО 20 — Это название, взятое в контексте таких гидронимов, как *Устека*. 219, с одной стороны, и *Востока, Восток*. 95, с другой, может быть объяснено как из рус. *Вьс-ток-овка (с ударением не на корне), так и из балт. источника, к которому восходит, напр., лит. *Ūž-takis*. LUEV 181; Liet. hidr. dar. 225; LHEŽ 357 (лит. *ūžtakis* 'заводь', ср. *uz-tekėti* и под.); *Užtakaī*. LATSŽ 327. Образования с этим префиксом отмечены в гидронимии Верхнего Поднепровья, ср. ЛАВП 211 и др., и в Поочье —{**Uz-/*Už-tak-*}.

Тишенка, п.р. ГБО 20, ср. и другие гидронимы с корнем *Туш-*. 387. — Помимо объяснения из слав. источника ср. балт. факты типа лит. *Tūsupė*. LUEV 173; LHEŽ 346 (к лит. *tūsoti, tūsti* 'тянуться' и под.); *Tišaičiai*. LATSŽ 316; лтш. *Tīsa, Tīs-ēzers* (картотека LV); лтг. *Tīsas syls*. PN. Latg. 520 и др. —{**Tis-in-, *Tis-en-*}.

Бучала, р. ГБО 20; ср. в Поочье *Бучал*. 158, 174; *Бучалка*. 158, 174; *Бучалки*. 158; *Бучалов*. 165; *Бучаловской*. 174; *Бучалы*. 158, 174; *Бучил*. 179; *Бучилка*. 174; *Бучиловской*. 155, 174 и др., а также висл. *Buczalka*. HW 233. — Ср. лтш. *Bukals, Bukališkas, Bukelischki*, 1826. LV I, 1, 141 (при *Buka, Bukaiši, Bukans* и т.п.); лтг. *Bukališkas*. PN. Latg. 71, прус. Nom. рг. *Bukelin*, 1398, *Bukilin*. APN 21; ср. также имя первоженителя на месте Москвы из "Сказания о зачатии Москвы и Крутицкой епархии" *Букал* (в источнике 1615 г. упоминается церковь Воскресения Христова, что на *Букалове*). Б.-сл.сб. 1972, 274—275; Пр. яз. 1, 1975, 260. —{**Buk-el-*}.

Ужаринка, п.р., *Ужарнов Колодезь*. ГБО 20 — При общей неясности в качестве вариантов объяснения можно иметь в виду балт. названия типа лтш. *Āizāres* (ср. *Āre*, река, *aiz-* 'за' — при прус. *Arys*, 1258; *Aryngine*, ок. 1400; лит. *Arinas, Arina* /но и *Orys, Orija, Ōr-upis*/, лтш. *Aruona* и т.п.) LV I, 1, 7 (:aizezere, aizare?) или *Aizaraiš(ķ)i, Aizraiži* (между *z* и *r* предполагается выпавшее *a*). LV I, 1, 7. Ср. также лит. *Užuožeris, Užuožerių ēžeras*. LUEV 182; Liet. hidr. dar. 225, 267; LHEŽ 357; *Užuežerė* (неоднократно), *Užuežeris, Užuožeriai*. LATSŽ 328 [менее вероятно на связь с лит. *Ūžrė (Ūnžrė), Ūžris*, о котором см. LHEŽ 357 (к лит. *ūžti* 'шуметь')]. Ср. ряд "озерных" гидронимов в Поочье типа *Зара, Азара* и под. —{**Uz-/*Už-ar-in-, *Uz-/*Už(ež/ez)er-/ar-in-/?/*}.

Милостинка, п.р., в басс. Ушаринки. ГБО 20 — Вероятно, речь идет о балт. *Mil-* (или *Miel-* ?!) с суф. *-ast-* (ср. лит. *Ūmasta, Uolastà*, лтш. *Nigaste*; к суф. *-ost-* ср. лит. *Taurósta*. Liet. hidr. dar. 96—97, 189). Корень *Мил-* этого происхождения отмечался и в днепровских названиях. — Ср. лит. *Mylė, Milys, Miliotė, Miliušà, Miliušėlė, Milāšius, Milāšiškė, Milašaitis, Mylinė, Milupė*. LUEV 103; Liet. hidr. dar. 76, 96, 113, 162, 174, 190, 208, 216; LHEŽ 215—216 (ряд гидронимов объясняется из личных имен); *Milāičiai, Milašaičiai, Milašaitis, Milāšiai, Milāšinė, Milašiškes, Milašiškiai, Milašiūnai, Milāšius, Mileičiai, Mileičiškės, -iai-*,

Milekiāi, Milētiškės, Miliāi, Miliai, Miliškės, Miliškiai, Miliūnai, Miliūšiai LATSŽ 185—186 (разумеется, здесь тоже немало названий, произведенных от личных имен); лтш. *Mila*, река, *Mil-upė, Milas-upė, Milas, Mili*, но и *Milene, Mīla* и под. LV I, 2, 436—437, 443—444; курш. *Mylen see*, 1422. KF 128; прус. Nom. pr. *Myle, Mile*. APN 59. С разных точек зрения особое внимание должно быть обращено на формы типа *Milestības-gzērs* и под. LV I, 2, 443—444; PN. Latg. 323 или лит. *Milastonys*. LANSŽ 185. — {**Mil-ast-in-*}.

Орлик, вар. *Орел, Орель*, ср. город *Орел*. ГБО 20. — Исконная связь с названием орла здесь, как и в ряде других сходных случаев (ср. ЛАВП 176), представляется сомнительной. Характерно, что "первичное" название города *Орел* произведено от "вторичного" гидронима *Орлик* и что формы на *Орл-*, бесспорно, преобладают над формами *Орел*, ср. *Орлянка, Орлянкин, Орлик, Орлика, Орлец, Орлица, Орлинка, Орловка* и т.п., см. 358—359. Впрочем, народно-этимологическое подверствывание к названию орла, несомненно, имело место. — Возможно и правдоподобно балт. происхождение, ср. прус. *Arle*, озеро, 1437, позже — *Orlen* (ср. *Arelen*, озеро, 1332, согласно APON 10, к *arelis* орел), м.б., *Erling*, озеро 1404; лит. *Arliņė, Arliškės, Arliškės, Arliškiai*. LATSŽ 14; *Орля*. Спрогис 214 (*Arle), м.б., *Erla*. LUEV 39; LHEŽ 100 (лит. *érlos* 'сенокосный луг', в конечном счете к и.-евр. **er-* 'двигаться' и т.п.); *Erlėnai*. LATSŽ 73; м.б., лтш. *Arlaņi, Arlath*, 1850 (?) LV I, 1, 42; PN. Latg. 21 (ср. *Orlāni, Орланы*. PN. Latg. 354); *Erle*. Grenz. 453. Сюда же, видимо, висл. *Arelen, Erling*. HW. 227 (м.б., *Arlenn*. HW 189; *Stown. nazw. Mazur. II*, 83); днепр. *Арлея, Орлея, М. Орленка*. ЛАВП 176. — *Орель* (вар. *Арель, Ерель, Орел*) на Среднем Днепре рассматривают как тюркизм. НПУ 229, 261. — {**Arl-*}.

Мельника, л.р. ГБО 20; ср. *Мельнской*. 55; *Мелинка* 114, 157; *Мельнской*. 219 и др. — Возможно, из балт.; ср. лит. *Mėlynė, Mėlinis, Mėlynis, Mėlupis, Mėlupys, Mėlupis, Mėlyniokas*. LUEV 100—101; Liet. hidr. dar. 65, 161, 186, 248; LHEŽ 210, 211 (лит. *mėlas, mėlynas* 'синий'); *Mėleniai, Mėlyniai*. LATSŽ 179; лтш. *Mėlins, Mėliņ-kalns, Mėlienes, pļ. Mėlais-purvs, Mėļ-upe* и др. LV I, 2, 429—430; днепр. *Меленка, Мелань* и др. ЛАВП 195. Ср. изобилие "черных" и "синих" речек в Поочье. ГБО 396—397, 378—379. — {**Mel-in-*; едва ли **Mel-ūn-*}.

Орлик, п.р. ГБО 20, см. выше.

Орлица, п.р. ГБО 20, см. выше.

Катинка, п.р., в басс. Орлицы. ГБО 21; здесь же *Катинской*, л.о., ср. также *Катенской*. 59; *Катанской*. 50 и др. — Ср. лтш. *Katėni, Katinėji, Katiniškas, Katīņ-kalns, Katīņ-pļava; Katan*, 1850, *Katānieši, Katēnieši* и др. LV I, 2, 57—58 (ср. *Kat-upīte*); лтг. *Katīniški, Katiniškas*. PN. Latg. 202; лит. *Katīnupis, Katīnravis, Kātino upėlis, Katinėlis, Katinaūtiškės ėžeras*. LUEV 70; Liet. hidr. dar. 117, 228, 229, 231, 262, 272; LHEŽ 149 (:лит. *kātinās* 'кот'), ср. *Kātupis, Kačupys, Kačiupė, Kačupis* (:кātė); *Katinaī, Katinėliai, Katinėnė, Katiniškė*. LATSŽ 126; прус. *Kath*, 1245; *Kaczin*, 1374; *Katelauke*, 1351—1382; *Kathemedien*, 1374; *Katrapnye*, XIV в.; *Katenplick*, 1354; *Cattiten*, 1423 и др. APON 57—58; Пр. яз. 3, 1980, 266—267. — {**Kat-in-*}.

Мезинка, *Мезин, Б. Мезин, с. Мезино, с. Нижн. Мезино*. ГБО 21; здесь же *М. Мезин; Мезинской*, п.о.; ср. также *Мезенка*. 111, 117; *Мезынка*. 111; *Мезынь*, 111; м.б., *Мизин, Мизиновка*. 202 и даже *Мзовка*. 117 — Учитывая разнообразие вокализма корня *Мез-*: *Миз-*: *Мз-* (ср. также ст.-рус. *Мъзыня* наряду с *Мезынка*. ДДГ 7, 9, 15, 17, 55, 196), представляется целесообразным исходить из балт. *Miž-/Miz-*: *Maiž-/Maiz-*: *Meiž-/Meiz*. Ср. лит. *Mažiuva, Mažupis; Miežintà (Miėžiškis), Miežiū ėžeras, Miėžupis; Miže, Mižavas, Mjžupė, Mjžupis, Mjžupalis, Mjžravis, Mižupėlis, Mižupis, Mižupys*. LUEV 97, 103, 104; Liet. hidr. dar. 88, 103, 112, 130, 169, 211, 212, 252, 256, 263; LHEŽ 202, 214, 219 (к лит. *mūžti, mąižyti*, ср. *mižas* 'penis', *miže* 'cannus' и т.п.; сомнительно предположение о связи с рус. *межа* лит. *Miėžupis*, несмотря на вар. *Rubėžiaus griovys*, из-за вокализма корня; впрочем, и LHEŽ 214 относит гидроним к семье *maiž-*: *myž-*); *Mažiškiai, Miežaičiai, Mižikai*. LATSŽ 168, 183, 189; лтш. *Māizēni, Maizinieks, Maizīte, Maiz(es)-gzers, Māizes-kalns, Māizes-pļava; Miezaine, Miezāni, Miezēni, Miēzene, Miēzīte, Miezīši, Miēzis, Miēži, Miežu-purvis, Miēž-lidums; Mīzenīte, Mīzenes, Mizaiņi, Mizeņ-lauks, Kaz-mīžas, Mižu-dīķis* и др. LV I, 2, 370, 445, 448—449; лтг. *Maizeskalns, Māizes-pļava, Maiziki, Mīzāni, Мизаны, Miezis, Miezīši, Miezāji, Мизай, Mizuki, Mīžaki* и др. PN. Latg. 301, 324; подмоск. *Мезинка*, м.б., *Мзовка* (ср. и *Мозовка*). Б.-сл. сб. 1972, 240, 244, 247. — {**Maiž-/Maiz-in-*; **Miž-/Miz-av-/?*}.

Рятной, п.в. ГБО 21; ср. *Ратное*. 128 (в непосредственном соседстве — *Круглое*), *Ратовка*. 39, 95, 97; м.б., *Ратуж, Ратужной*. 126. — Ср. лит. *Ratà, Rātupis, Ratupys, Rātnyčia, Rātlinkstis*. LUEV 273; Liet. hidr. dar. 47, 143; LHEŽ 273; *Rātinkai, Rātīškis, Ratėliai, Ratuliai, Ratupė, Ratušėliai, Rātnyčia* и др. LATSŽ 258; лтш. *Rata, Ratēn, Rat-upe, Rat-purvs, Rata-leja, upė Rata-grāvis* (LV, картотека); лтг. *Ratīņi, Ratīņki, Ratnīki* и др. PN. Latg. 413; курш. *inn die Rate wiecke*, 1577; *Ratenplene*, 1422 /?/. KF 145 (иначе); прус. *Roteniten*, 1379 /?/. APON 144. — {**Rat-in-*}.

Мезинской, см. выше.

М. Мезин, см. выше.

Мезинской, п.о., см. выше.

Неполодь, р., *Неполодь, Полодь*. ГБО 21; ср. тут же, в ближайшем соседстве, *Неполодное*. 21; *Неполодской*. 22; *Полодь*. 21, 40. — Учитывая *Пополта*. 45 и под., днепр. *Неполодь* (вар. *Ломпадь*) и его интерпретацию (см. ЛАВП 193), уместно связывать с балт. **Ne-palt-*, к корню см. выше — *Двеплота*.

Неполодное, с., см. *Неполодь*.

Савенка, л.р., *Савинка*. ГБО 22; здесь же *Савинской*, л. отв.; ср. *Савинка*. 44, 104; *Савинской*. 19, 22, 23, 26, 29, 43, 106, 119, 134, 136 и др.; *Савенка*. 104, 106; *Савенской*. 25, 27; *Савиха*. 119; *Савка*. 91, 104 и др. — Видимо, балт. происхождения. Ср. лит. *Savėnė, Savinė (Sabine), Savistas*. LUEV 143; Liet. hidr. dar. 96, 132, 143, 171; LHEŽ 292—293 (:и.-евр. **seu-* 'сырой', 'влажный', 'сочиться', 'течь' и т.п., с обильными и.-евр. параллелями, см. Krahe. Unsere ält. FN 1964, 50 и др., особенно в форме **Soq-ā, *Soq-os*); *Savinė, Savingė*. LATSŽ 274 (ср. *Pā-savenė*); лтш. *Sāviena, Sava, Savīte* (LV, картотека); лтг. *Savinu ez., Savenes ez., Савенец, Savenci, Савинцы, Savinci* и др. PN. Latg. 447; прус. *Sowicz*, 1330; *Sowospanien*, 1376

(*Sow- & pannean* 'болото'); *Sowetin*, 1294; *Sawange*, 1347; *Sauangyn*, 1336, позже — *Sawangen-See* (*Sow- & wangus* или суфф. *-ang-*). APON 153, 169; мазурск. *Sawange*, *Sawangin*, *Sawang See*, *Sawangen Fliess*, *Sawqg*, *Sawqga*. *Stown. nazw. Mazur. II*, 127; висл. *Sawinda*, *Sawinda See*, *Sawica* и др. HW 173, 174, 203; *Sawinda Wielka*. *Stown. nazw. geogr. PZP* 286; ятв. *Sowik*, *Sowiejek*. *Falk Wody WN* 1941, 188; *Ze stud.* 1973, 39; днепр. *Сава*, в басс. Березины. ЛАВП 206; подмоск. *Савиха*. Б.-сл.сб. 1972, 249. —{*Sav-en, *Sav-in}.

Б. Столбчанка, л.р., вар. *Б. Столбчинка*, *Столбчая*. ГБО 22; в непосредственном соседстве *Столбчинка*, *Столбчев Колодезь*, см. выше.

Скворка, п.р. *Б. Столбчанки*. ГБО 22, вар. *Атока*, *Криуша*. Ср. *Скворка*, вар. *Скворчья*. 54; *Сквора*; *Скворенка*. 209; *Скваренка*. 105. — Наряду с толкованием этих названий как "скворцовых" существуют и иные возможности объяснения, в частности, предложенные ранее в связи с днепр. *Скверета*, *Сквира*, *Сквиретянка*. ЛАВП 207(**Skirv->Skvir-*, ср: лит. *Skiryūtė*, *Skiryūčià*. LUEV 149; LHEŽ 304, *Skirvainai*. LATSŽ 280; ср. днепр. *Щервенка*. ТЖ 1, 1923, 38; ЛАВП 213), ср. также *Сквира*, *Сквирка*, *Skwira*, *Skwirka*, *Сквірівка*. СГУ 505—506. Разумеется, эти гидронимы могут быть результатом сложных преобразований. Возможно, исходное ядро — балт. *Skar-v-*: *Skir-v-*, где *-v-* отражает *u-*основный вариант корня, как думает Шмид *Donum Balticum*, 469 сл. В таком случае круг балт. параллелей расширяется, ср. прус. *Skyrow*, 1405, позже — *Schirrau*. APON 161 (*Skir-av-*); *Skirin*. 1339; лит. *Skirālė*, *Skirutė*, *Skir-upis*, *Skirtinas*, *Skirtóji*, *Skirutės* и т.п. LHEŽ 303—304, с одной стороны, и с другой лит. *Skaryčià*, *Skarinės upėlis*, *Skara*, *Skar-upė*. LUEV 148; Liet. hidr. dar. 72, 142, 187; LHEŽ 301; лтш. *Skaris*, *Skaru-upė*, *Skaras-dīķis* (картотека LV), не говоря уж об и.-евр. параллелях (ср. фрак. Σ *καρις* при *skaras* 'быстрый', 'скорый'). И.-евр. **sker-*: **skor-* реализует два круга значения: 1) 'отделяться', 'ответвляться' 'извиваться' и т.п. и 2) 'быстрый', 'скорый' и т.п. (ср. русск. *скóрый*). В связи с 'извиваться' и т.п. ср. вар. *Криуша*. Вместе с тем существуют факты, ослабляющие позицию Шмида: наряду с последовательностью *Skir-v-*, подтверждаемой лит. *skirvinti* 'ползти на четвереньках', 'пресмыкаться', 'медленно (потихоньку) идти' (см. LKŽ 12, 1981, 946: *Skirvina*, *svatina pagal žemę*; *Skirvini*, *svatinu kai skruzdėlė pagal žemę* и т.п.), отмечена и *Skvir-* (: *Skvar-*), ср. лит. *skvern(i)óti*, *skvern(i)úoti*, примерно с тем же кругом значений. LKŽ 12, 1175. —{**Skarv-*, **Skvar-*}.

Столбчинка, л.р., см. выше.

Сосна, р., *Сосенка*, л.р. ГБО 23; здесь же, в непосредственном соседстве, *Сосновой*, л.о.; *Сосенской*, п.о.; ср. также *Сосенка*. 29, 34, 46, 99, 108, 113, 116, 138, 160, 161, 163; *Сосна*. 41, 140; *Сосновка*, 37, 40, 45 и многие другие, ср. индекс 381. — При бесспорном соотношении с названием хвойного дерева русским населением Поочья (ср. *сосна*: лит. *šalnà*, *šàšti*), надо считаться с тем, что первоначально семантика подобных названий была иной. Возможно, что исходный элемент был балт. (характерно, что подавляющее большинство, причем наиболее достоверных, локализуется в балт. ареале) и сопоставлялся, напр., с лит. *Sasnà*, LUEV 143 (м.б., и *Sasnapis*), ср. *Sasnavà*. LATSŽ 273; лтг. *Sòsiņi*, *Soseņi*, *Сосены*, *Сосени* и т.п. PN. Latg. 472; прус. *Sassyn*, 1294, *Sasne*, 1315, *Zossin*, 1350, *Sassenen*, *Sasnen*, ок. 1400, позже — *Sassen*; *Sassow*, 1333, *Sassio*, 1405, позже — *Sassau*; *Sassenpile*, 1303

(*Hasenberg*, 1338, позже — *Haasenberg*). APON 152 (: прус. *sasins* 'заяц'), ср. *Büga RR III*, 1961, 118. "Заячьи" гидронимы в Поочье могли бы рассматриваться как аргументы в пользу такого объяснения названий типа *Сосна* в Поочье. Ср. *Сосна* в басс. Днепра. ЛАВП. 209, где она объясняется из балт. *Tusna*, обычно дающего рус. *Цна*. —{**Sas(i)n-*}.

Радутин, л.р., *Радутин Колодезь*, ср. д. *Каменева на Радутине*. ГБО 23, ср. *М. Радутня*. 65; *Радуча*. 169; м.б., *Радюченка*. 42, а также *Радюшенка*. 164; *Радюшинской*. 160; *Радюшка* [?]. 31; *Радюшна*. 31; *Радюшня* [?]. 150; *Радчиха*. 210 — Ср. лит. *Radūtė*, *Radūtis*. LUEV 130—131; Liet. hidr. dar. 108, 201, 210; LHEŽ 270 (ср. *Radėikis*, *Radėlė*, особенно *Radynai*, *Radinys*): *Radėikiai*, *Radėikiškė*, *-is*, *Radikiai*, *Radūtė*, *-is*, *Radūtiškės* и др. LATSŽ 254, 255; лтш. *Rad-grāvis* (картотека LV); лтг. *Raduten see*, 1478; *Raduten beke*, 1478; *Радуты*. PN. Latg. 409; прус. *Rodow*, *Rodethin*, *Rodenow*, *Rodelen*, *Rodeyn* трактуются иначе. APON 143; ср. куршск. Nom. pr. *Raddune*, 1582—1585. KF 329; днепр. *Радья*, *Радча*, *Радчинка* также могут восходить к **Rad-* (*-eja*, *-ik-ia*), ср., однако, ЛАВП 203 (с другим объяснением), как и висл. *Radunia*, *Raduń*, *Raduńskie*, *Radan*, *Radaune* и т.п. HW 248, 275, 281, 284 и др. —{**Rad-ut-/in-*}.

Мокрой Бенск, л.р., вар. *Бенеск*. ГБО 23; ср. в непосредственном соседстве *Другой Мокрой Бенск*; *Мокрой Бенск*, п.о.; *Сухой Бенск*, п.р. — В целом неясно из-за неопределенности исходной формы. Если **Bēn-ьsk-*, то не исключена связь с лит. *Bienė*, *Bienà* (но и *Bendà*). LUEV 19; LHEŽ 63, ср. *Bieniūnai*. LATSŽ 35; лтш. *Biēnes*, *Biēņi*, *Bienēņi*. LV I, 1, 117 (но и *Bēne*, *Bēņieki*, 102); м.б., прус. Nom. pr. *Beynike*, *Beyneke*. APN 18 (ср. *Beneskaum*. 1449. APON 19) — из и.-е. **Bhei(ə)-*: **bhi-* 'бить' (ср. лит. *Binėnai*, *Biniūnai*. LATSŽ 36; *Binė*. Otrębski. Z polsk. stud. slaw. 1963, 271). Но **bēn-* засвидетельствовано и в слав. -ЭССЯ 2, 87—88 (рус. диал. *бэни*, ст.-чеш. *běnyku* и под., к *biti). К семантике ср. *Битенка*, *Битца*. ГБО 117, 136. Ср. фрак. *Bivai*. Thr.-dak. 1969, 20—21. —{**Bain-isk(?)*}.

Ущеревка, л.р. ГБО 23; ср. тут же д. *Ущерева Вышня* (*Щерева Верхняя*), д. *Ущерева Нижняя*, д. *Ущерева*; ср. также *Ущер*. 190, 226; *Ущерка*. 190; *Ущерхи*. 262 (?). — Не вполне ясно. Однако в связи с днепр. *Щервенка*, *Скверета*, *Сквира* и т.п. ЛАВП 207, 213 (см. выше *Скворка*) можно думать об исходной балт. форме. —{**Skirv-*, **Au-skirv-*}.

Лубинка, л.р. Другой, р. *Лубня*, д. *Лубна*. ГБО 23; см. ниже.

Толчанка, л.р.; *Телча*, с. *Тельчье*. ГБО 24; ср. *Телченской*. 96, 117. — Помимо слав. ассоциаций ср. возможность объяснения из балт. *Talk — лит. *Talkōtas*, *Patalkupys*. LUEV 119, 170; Liet. hidr. dar. 190, 221; LHEŽ 339; *Talkiniškai*, *Talkiškės*, *Talkoniai*, *Talkotiškės*. LATSŽ 312; лтш. *Talkas druva*, *Talkas laūks*, *Talku-vals*, *Talcene* (: окск. *Толчанка*), *Tālc*, *Talkīte* (картотека LV); лтг. *Талцайны*, 1792; *Талцынами*, 1784, *Tolkōji*, *Talkājs*; *Tolkājs*; *Tolkāju ez.*; *Толково*. PN. Latg. 513, 520; м.б., прус. *Tolkynen*, позже — *Tolksdorf*. APON 184 (иначе), ср. *Stown. nazw. Mazur. II*, 118; или же из балт. **Tilk-* — лит. *Tilkà*. LUEV 173; LHEŽ 345 (здесь же *Tilkūtis*, *Tilkūtė*, скорее к *ilkkti = ilkti*, чем из ф.-угор.) —{**Talk-en-*, **Tilk-en-*, *Tilk-ja}.

Нугрь, л.р., *Нугра*, *Нухрь* (вар.), с. *Усть-Нугря*, с. *Угрино*, ГБО 24. — Не вполне ясно. Заслуживает внимания проверка связи с примерами типа лит. *Nugariai*, *Nugārės*, *Nugarai*, *Nugariškės*. LATSŽ 203; ср. лтш.

Nugarotsch, 1850 [?]. LV I, 2, 484, особенно при учете варианта *nigur-* (ср. *nugaĩkaulis: nuguĩkaulis* LKŽ 8, 1970, 887 и др.). Но, вероятно, более перспективно видеть в *Нугрь* исходную балт. форму типа **Nu-gur-is*, толкуемую как производное от приставочного глагола типа лит. *nigurėi; nigūrinti* 'обсыпать(ся)', 'обкрошить(ся)', *nigūrti* 'крошиться' и т.п. LKŽ 8, 887 при *gurėi, gūrti* 'крошиться', 'рыхлиться'. LKŽ 3, 1956, 744. Если это сопоставление верно, то оно могло бы получить подтверждение и с семантической стороны (ср. в Поочье *Рыхлинской*. 138; *Осыпной*. 58, 239 и т.п.). —{**Nu-gur-*}.

Рыданка, п.р., в басс. Посиденки; *Рыдань*; с. *Рыдань*; с. *Верхн. Рыдань*; с. *Нижн. Рыдань*. ГБО 25; ср. также *Рыданка*, *Рыдань*; *Рыданской*, л. отв., отв., о. 66; *Рыдомка*, л.р. *Песочни*; *Рыдомо*, сц.; с. *Рыдома*. 79; м.б., *Рыдовка*. 146; *Рыдовской*. 143, 146; в индексе указано еще *Рыдень*. 25, в данном месте, однако, отсутствующее. — Возможно, из балт. источника. Ср., напр., лит. *Rūdė, Rūdių, Rūdių upėlis, Rūdytai, Rūdytas, Rūdytė, Rūdinaitė, Rūdynas, Rūdynė, Rūdynėlė, Rūdynėlis upėlis, Rūdynių upėlis, Rūdynupis, Rūdōs upėlis, Rūdōs ēžeras, Rūdupė, Rūdupėlė, Rūdupėlis, Rūdupėlis, Rūdupis, -ys*. LUEV 137—139; Liet. hidr. dar. 39, 63, 78, 118, 123, 126, 146, 168, 233, 235, 237, 259, 265, 268, 271; LHEŽ 281, 282 (к *rūd-*, 'ржавый', 'ржаветь' и под.); *Rūda, Rūdaičiai, Rūdėlė, -iai, Rūdenai, Rūdynė, Rūdiškės, Rūdupis, -ys* и др. LATSŽ 265, 266; еще более широкий круг примеров вовлекается в сравнение при учете названий с кратким вокализмом корня (*rud-*), весьма распространенных как в вост.-балт., так и в зап.-балт. языках. Ср. в ближайшем или более отдаленном соседстве с Рыданкой *Ржавец* (много десятков примеров), *Ржавка*, *Ржава* и др. (см. список, 371—372). Возникает вопрос, отражает ли *ы* в *Рыданка* балт. и непосредственно или же оно должно объясняться "народно-этимологической" перестройкой (из **Rūd- < *Rud-*). —{**Rūd-an-*}.

Локна, п.р. Селеховки, с. *Локна*. ГБО 25; здесь же *М. Локна*, л.р. *Локны*, ср. также *Локна*. 72; *Локна Сух*. 72; *Локненской*. 72; *Локненской Сухой*. 72; *Локня*. 37, 72, 93, 97, 175; *Локня Сух*. 72; *Локня Черная*. 42; *Локонской*. 72; *Локанской*. 72; *Локнава Б*. 32; *Локнова Б*. 32. — Ср. также в басс. Днепра *Локна*, *М. Локна*, *Локня*, *Локница*, *Локня*, *Б. Локня*, *М. Локня*, *Локнянка*; *Локница*. ЛАВП 193; СГУ 325; *Локня*, приток Ловати (Псковской обл.); висл. *Łoknica*. HW. 163 (басс. *Нарева*) и др. — Балт. происхождения. Ср. лит. *Luknā, Luknālė, Lūknas, Lūknė, Luknėlė, Luknėlis, Lukniā, Lūknis*. LUEV 95; Liet. hidr. dar. 50, 59, 61, 64, 86, 114, 116, 185, 219; LHEŽ 197—198 (: лит. *lūknas, lukniūoti* и т.п., с общей идеей изгиба, искривления и т.п.); *Luknā, Luknėnai, Lūknės, Lukniā*. LATSŽ 165; лтш. *Luknis, Lukna-ēžers, Lukna-purvs, Lukni, Luknāju-ēžers, Lukniniēki, Lukņu-pļavas* и др. LV I, 2, 345; лтг. *Luknais ez., Lukna, Lukna, Лукна, Лукни, Łukno; Luknica, Лукница* и др. PN. Latg. 292; куршск. *becke genant Luckkene*, 1489, 1495; *Luckell*, 1503; *Luckene beke*, 1505. KF 123; прусск. *Lockeneun*, 1484, позже — *Löcknick*. APON 90 (лит. *luknė*). —{**Lukna-*}.

Цканка, л.р., *Тсканка*, р. *Цкань*, р. *Цкань*. ГБО 25; ср. по соседству *Цканской*, п.в., *Цканской*, руч. — *Цха*, *Сха* в басс. Днепра сопоставлялись с *Исга* и далее с балт. **Ziga*. ЛАВП 189—190, 212. Но можно

думать, что *Цха*, *Сха*, как и *Цканка*, восходят к балт. **Tusk-(an)-*; ср. прус. *Tusckythen*, 1419; *Tuszkitten*, 1521. APON 189 (ср. прус. Nom. рг. *Tusc-oten*. APN); м.б., лтг. *Тускова*, *Тускаво*. PN. Latg. 527 и др. Возможно, к корню, представленному в лит. *tuskėti, tuskėnti, tuskinti* 'стучать' и т.п. Ср. многочисленные названия (в частности, и в непосредственном соседстве с Цканкой) типа *Гремячей*: (: *гремять*, *Гремячка*, *Гремяча*, *Гремячая*, *Гремячев*, *Гремячевка* и т.п., см. 313—314. —{**Tusk-an-*}.

Орс, л.р. ГБО 25; ср. *Орс*, *Орса*, *Ороса*. 42; *Арос*, *Б. Арос*, *Ароса* *Б*. 27; м.б., *Арсенка*, *Арсанка*. 43 (по соседству с *Орс*, *Орса*, *Ороса*). — При всей неясности этих форм уместно обсуждение возможности связи с балт. **Ars-*, ср. прус. *Arsen*, 1469; *Arsenpint*, 1352; *Arsio*, 1423, позже *Orschen*. APON 11 (ср. р. *Arse* в *Надрави*); ст.-лтш. *Arsen*. Grenz. 207; лтш. *Arsu-upite*. LV I, 1, 43; лтг. *Oršu sala, Орша, Оршево*. PN. Latg. 354; куршск. *Arsen*, 1253; *Arrsten*, 1553; *Arszen*, 1582—1583; *Arßen*, 1585. KF 79, ср. мазур. *Arschen See*. Hennenb. II, 7; *Słown. nazw Mazur*. II, 105 (ср. *Arsz*). Этот круг балт. фактов, возможно, объясняет и днепр. *Орша*, *Оршанка* (стар. *Рьша*, *Ршь*, *Орша*), *Оросса*, *Росана* (ср. *Рось*) и т.п., — если не прямо, то косвенно, с учетом разного рода контаминаций. —{**Ars-/en-, -in-/*}.

Клетенка, л.р., вар. *Клететка* [*Клететна?*], д. *Клетна*. ГБО 25; ср. также *Клетинка*. 31, 33, 116; *Клетка*. 127; *Клеченка*. 31, 117; *Клетома*. 32; *Клетишня*, *Клетишной*. 153 и др. — Ср. также днепр. *Клетка* TŽ 1, 1923, 27 (= RR III, 527); ЛАВП 191 (балт. **Klaita*, ср. прус. *Cloytus*), подмоск. *Клеткина*. Б.-сл. сб. 1972, 245 и др. Вероятнее, однако, сопоставление *Клетенка* с лтш. *Klėtenes-ure, Klėtenes-ēžers, Klehting*, 1858, *Klėtiņas-līcis, Klėtnieki* (= *Klėtīnieka-ruōļi*); *Klėts-birze, Klėts-dīkis, Klėts-mežs, Klėts-vals* и др. LV I, 2, 103, ср. PN. Latg. 214; лит. *Klėtāle, Klėtiškė*. LATSŽ 137 и др. —{**Klėt-en-*}.

Мог, см. ниже *Мажок*.

Добрынка, *Добринка*. ГБО 26, см. выше.

Чиченка, п.р. *Покоя*. ГБО 26. — Видимо, из балт. Ср. лтш. *Čikene, Čikenes* р]; *Čikėni, Čikėne* р]., *Kikaņš-up, Čikani, Čikens-leja, Čikaini, Čika, Čiks-purvs, Čikupis, Čiknīte* р]. и др. LV I, 2, 218—220; прус. *Kikiten*, 1341, позже — *Kekitten; Kykuwinne*, 1341, *Kykoiten*, ок. 1400, *Kykoth*, 1401—1419. APON 62 (ср. Nom. рг. *Kucke*. APN); ср. мазурск. *Kikity*. *Słown. nazw Mazur*. II, 300; м.б., лит. *Kikiškės, Kikižeris* и т.п. LATSŽ 133; LUEV 74; LHEŽ 156 (допускается, как и для лтш./ср. *Земзаре/*, финский элемент — ливск. *kikk* 'петух', что может объяснять — и то в лучшем случае — лишь часть примеров). Такие гидронимы как днепр. *Чечена*, подмоск. *Чачинка*, *Чекень*, о балт. происхождении которых см. RR III, 521; ЛАВП 212; Б.-сл. сб. 1972, 245—246, 256, дают основание учитывать и балт. **Kek-*, ср. лтш. *Kečāni, Keči*. LV I, 2, 203; лит. *Kekupys* (ср. вар. *Kiekupis*). LUEV 71; Liet. hidr. dar. 244; LHEŽ 151 (: *kėkė* и под.); *Kėkiškės, Kėkālīškė*. LATSŽ 129 и под., ср. *Kekuvā*. —{**Kik-en-, *Kek-en- /?/*}.

Чекряк, л.р. *Мога*, вар. *Червяк*; д. *Чекряк*, бывш. *Спас-Чикряк*; с. *Чекряк*, д. *Чекряк*. ГБО 26; ср. *Чекори*. 56. — Представляется возможность обсудить связь с балт. **Kek-r-: *Kik-r-: *Keik-r-*, в не-

сколько ином виде отраженными в моск. *Чечера*, днепр. *Чечера* и т.п. RR II, 22; III, 512; ЛАВП 212; Б.-сл. сб. 1972, 225 и др. — круг лтш. *Čičere*, лит. *Čičėre* и т.п.

Паленка, л.р. Мога, вар. *Поленка*. ГБО 26; ср. *Полинка*, 18; м.б., *Пална*. 103; *Пальна*. 35, 103; *Пальница*. 117, 132; *Пальная*. 164 и др. — Как и в случае днепр. *Паленка*, *Пальня*, *Польня*, *Пальна*, *Полна*. ЛАВП 200, 202, можно думать о балт. источнике; ср., с одной стороны, лит. *palnė* 'болото' (в LKŽ не отмечено); *Palnė* (Крахе BNF 9, 1958, 16 а, с другой, лит. *Palà*, *Palaiķis*, *Palangà*, *Palėja*, *Palõnas*, *Palõnis*, *Paliūtė*. LUEV 116, 117; Liet. hidr. dar. 36, 73, 91, 111, 188, 189, 192 и др.; LHEŽ 241 (с и.-евр. "болотными" параллелями — лат. *palus*, дак. *pala*: фрак. *Palae* и под.); *Palėnis*. LATSŽ 220; лтш. *Pala*, *Palejas*, *Pales-purv*s (картотека LV); лтг. *Palėjina*, *Paleji*; *Pāleņi*, *Pāļiņi* и др. PN. Latg. 361, 387; м.б., куршск. *Palenn*, 1529 /?/. KF 134; прус. *Palusin*, 1374. (APON 113: лит. *Palūšė*?); ср. висл. *Palinka*, *Palinka See*. HW 172 (по Нареву); Słown. nazw Mazur. II, 93 — {**Pal-en-*, **Pal-in-*}.

Ламенка, л.р. Паленки. ГБО 26; здесь же *Ламенской*, л.о.; ср. также *Ламенка*. 87, 224; *Ламенная*. 30; *Ламенской*. 58; *Ламенцы*. 66 и др. — Ср. подмоск. *Лама*. Б.-сл.сб. 1972, 233; днепр. *Ломенка*, *Ломня*, *Ломна*. ЛАВП 193; волжск. *Лама*. Vasmer Beitr. II, 1934 (:лит. *lomà* 'низина', лтш. *lāma* 'лужа'); висл. *Łomne*, *Łomno*. HW. 220 и т.п., уже объяснявшиеся из балт. Ср. лтш. *Lāma*, *Lāma-pļavas*., *Lāmas-purvi*, *Lāmele*, *Lāmens pļ.*, *Lāmiņa pļ.*, *Lāmiņš pļ.*, *Lāmenieki*, *Lāmiķis*. LV I, 2, 286; лтг. *Lameņš* и др. PN. Latg. 261; лит. *Lamėstas*, *Lamėstėlis*. LUEV 86; Liet. hidr. dar. 114, 138; LHEŽ 179; *Lāmatos*, *Lamėstas* и др. LATSŽ 152; куршск. terra *Lammato*, 1231. KF 116; прус. *Lamasila*; *Lamegarben*, 1419, позже — *Lamgarben*; *Lameynen*, 1419, *Lamaunen*, 1423; *Lamen-se*, 1294, *Lamun*, 1419; *Lammoten*, 1450 (ср. Nom. pr. *Lamothe*). APON 81: но и лит. *Lomà*, *Lomenà*. LUEV 94; LHEŽ 196 (:лит. *lomà* 'лог', 'низина', что — в отличие от LHEŽ 179 — не противоречит связи с лит. *lāmas* 'кусок' и т.п.); *Lomà*, *Lomiaĩ*, *Lomėniai*. LATSŽ 165 и др. — {**Lam-en-*, **Lam-in-*}.

Домашов, в., в басс. р. Рог. ГБО 26; ср. *Домашинское*. 124; м.б., *Домшинка*. 104; *Домщин*. 182; *Домашное*. 209. — Ср. днепр. *Домашиня*, *Домашняя*, *Домашинка*, *Домашка*, *Домашовка*, *Домашня*, *Домачка*, м.б., *Домша*. ЛАВП 184 (предположение о балт. источнике без уточнения его), а также *Домашня*, *Домашка*, *Домашиньский*, *Домашин* и др. СГУ 180—181; висл. *Damaszka*. HW. 281, но и *Domasznie*, *Domaszne*, *Dotowe*, *Tomasznie*. HW 130.— Несмотря на ареал, видимо, существенно выходящий за пределы балт. территории, напрашивается сопоставление с лит. *Damaša*, *Damāšė*. LUEV 26; LHEŽ 79 (также *Dumaša*, *Dumāšė*, с допущением куршского элемента); лтш. *Damākša*. LV I, 1, 191 (:лтш. *damākša*, о большом старом лесе или сыром месте, заросшем травой и кустами) и далее — с другими отражениями балт. **Dam-*/**Dem-* — {**Dam-aš-/in-/*}.

Турья, р. вар. *Турья*. ГБО 27; ср. *Турья*. 32; *Турья* 27, 98; *Турейка*. 38, 97; *Туренка*. 97, 111, 154; *Туренской*; *Туренские*. 154; *Туринка*. 111; *Туринской*. 104; *Туросна*. 46 и др. — Ср. далее днепр. *Турья*, *Турейка*, *Туринка*, *Турья*, *Туросна*. ЛАВП 210; подмоск. *Ту-*

рейка, *Туросна*. Б.-сл. об. 1972, 253; висл. *Turosna*. HW 163 (вар. *Turošna*, *Turošnianka*, *Turošl*); Słown. nazw Mazur. II, 285; укр. *Турия*, *Турійка*. СГУ 575 и др. — По крайней мере некоторые из словообразовательных типов от этого корня обнаруживают балт. источник. Ср. лит. *Taurijà*, *Taurėikus*, *Taũras*, *Taurė*, *Taurėlis*, *Taurieka*, *Tauriekėlė*, *Taũrulis*, *Taurinė*, *Taurósta*, *Taurosia*, *Taurókšnė*, *Tauržė*, *Taũrupė*, *Taurupė*, *Taurupėlis*, *Taũrupis*, *Taurùpis*, *Taurupỹs*, *Tauragnà*, *Taũragnas*, *Taurĩ Daubà*. LUEV 171—172; Liet. hidr. dar. 31, 63, 108, 117, 124, 126, 143, 146, 158, 186, 187, 189, 191, 200, 228, 230, 231, 239; LHEŽ 341—342 (: *taũras* 'тур', *Bos primigenius*); *Taurijà*, *Taurėikà*, *Tauriekos*, *Taurinė*, *Taurũčiai*, *Taurai*, *Tauravas*, *Taurakiai*, *Taurupỹs*, *Taurùpiškis*, *Tauràlaukis*, *Tauràpilis*, *Tauròpolis*, *Taurakiemis*, *Tauragė*, *Tauragėnai*, *Taurāgnai*. LATSŽ 314; лтш. *Taurupe*, *Taurupes*, *Taurkalnes*, *Taurenės* и т.п.; лтг. *Taurupe*, Таурупа, *Taurupes pļ.*, *Taurupnieki*, *Večais Taurups*, *Taurupmala*; *Tauriņi*, *Taureskalns*, *Taurētāji*, *Taurinka*, Таурин, Таурина. PN. Latg. 515; куршск. *Tauerlauken*, 1540. KF 173 (:*taurs); прус. *Tauro*, 1326, *Taure*; *Taurusgalwo*, 1284. APON 181 и т.п. — {*Taurija, *Taurėika, **Taur-en-/in-*, **Taur-osn-*, м.б., **Taur-o/k/šn-*, ср. *Турошма*, *Турошша*. 172, возможно, "финнизированные" формы от *Taur-ošna}.

Велья, л.р., Б. Велья. ГБО 28; ср. также в Поочье *Велья*. 33, 35, 55, 66, 91, 102, 126, 139, 180; *Велья* Б. 28; *Велья* М. 28; *Велья* Сух. 173; *Велье*. 128; *Веля*. 40, 102, 204; м.б., *Вельница*. 29; *Велинка*. 41, 118, 123; *Велина*. 159; *Велинской*. 193; ср. *Вилейка*. 267; *Вилинка*. 118, 171, 174 и др. — Ср. днепр. *Велейка*, *Вилейка*, *Веленя*, *Веленка*, *Вельна* и др. ЛАВП 179; подмоск. *Веля*, *Вилейка*. — Б.-сл. сб. 1972, 250, 258; неманск. *Вилия*, *Велия*, *Вилейка*. RR III, 503—504, 741, 883; Кратк. топ. слов. Белор., 51; висл. *Welnica*, *Welnianka*, *Welskie*, *Jez.*, *Wel*, *Welle*. HW 151, 234, 235, 243; Słown. nazw Mazur. II, 224, 255 и т.п. — Вероятно балт. происхождение, хотя отдельные детали требуют разъяснения. Ср. лит. *Vėlyš*, *Vėlių upėlis*, *Velupỹs*, *Vėliupėlis*, *Vėlupėlis*, *Vėliõnė*, *Vėliuonà*, *Vėliuõnis*, *Vėliuonėlė*, *Vėlykštis* и др. LUEV 189—190; Liet. hidr. dar. 129, 130, 152, 189, 205; LHEŽ 370—371 (:лит. *vėlės*, *vėlės*, о душах умерших); лтш. *Velupite*, *Vellezers*, *Veļļa acs*, *Veļļa bedres*, *Veļļa dīķis*, *Veļļa purvs*, *Vella tīrelis*, *Veļu līcis* (картотека LV); прусск. *Velowe*, 1258, *Wilaw*, 1326, *Wilouwe*, *Welouwe*, ок. 1405, позже — *Alt-Wehlau*; м.б., *Welune*, 1411—1414, позже — *Willuhnne*. APON 198—199: *Welune* — к **Wil-*, см. *Wilēn* и т.п. Вместе с тем, учитывая сосуществование **Vel-*: **Vil-* и трудность различения их рефлексов в ряде случаев (в частности, в русских гидронимах), уместно при объяснении *Велья* и под. иметь в виду и названия на *Vil-* (RR I, 519; III, 503; Otrębski BNF 1960, 172—175 и др.) — лит. *Vilija*, *Vilūtis*, *Vileikis*, *Vileikupis*, *Vilupis*, *Vilūpė*, *Vilėnka*, *Vilauka*, *Viliõšius*; *Vilnės*, *Vil-brastis*, *Vil-bradas*, *Vilõtė*, *-ės*, *Viliulis*, *Viliūtė*, *Viliūžė*. LUEV 195—197; Liet. hidr. dar. 108, 109, 135, 147, 148, 190, 243; LHEŽ 382—384 (указывается на сомнительность отнесения сюда ряда примеров, образованных на основе Nom. pr.); *Vileikiai*, *Vileikiškiai*, *-is*, *Vilėnka*, *Viliõtė* и т.п. LATSŽ 344—345; лтш. *Viltes*, *Vilėnes upė*, *Vilėnes laņķa* и др. LVV 55, 60; прусск. *Wilēn*, 1419; *Willeiten*, 1396; *Willekaum*, 1374. APON 201, 202 (ср. Nom. pr. *Wile, *Willune*) — {*Vel-ija, **Vel-eik-*, **Vel-en-/in-*; *Vil-ija, **Vil-eik-*, **Vil-en-/in-*}.

Таросья, р., *Тарсучка*, д. *Тарсуки*. ГБО 28; ср. *Тарсучка*. 95; *Тарсуковской*. 117. — Возможно, из **Tars(k)-*: **Ters(k)-*, ср. лит. *tarškėti* 'гремять', 'трещать': *taŕti* (ср. по соседству *Гремячка*. 29), *terškėti* (но и *taršyti* 'трепать') или *teršti*, *taršyti* 'грязнить' (тут же *Грязна*. 28). Ср. прус. *Tersunen*. 1300. APON 182 (*Ters-il*. APN, s.v.; лтш. *iėrzėti* 'болтать'); к семантике ср. „болтать” × „болтаться”, „трепать” × „трепаться”. — {**Tar-os-(ja)*: **Tars-(uk-, -ut-)-ja* (?)}

Мажок, р., *Можока*, *Можек*. ГБО 28. — Проще всего объяснять как деминутив от *Мог* (по соседству), которое, м.б., сопоставимо с балт. *Mag-* ср. прусск. *Magayn*, 1401, позже — *Mogahnen*; *Magein*, 1411—1419, *Magen*, 1423, позже — *Maggen*; *Magutten*, 1399, позже — *Magotten*. APON 93; лит. *Magučiai*, *Magulė*, *Magutiškis*. LATSŽ 167; но также встает вопрос о возможности включения названий, *Мажок* и под. в более широкий балт. контекст "малых" (ср. лит. *māžas*, лтш. *mazs* 'маленький', 'малый') названий Поочья, ср. *Можай*. 45, 113, 132; *Можайка*. 45, 113, 132; *Можая*. 113; *Моженка*. 45, 193 и т.п. при днепр. *Маж*, *Мож*, *Можайка*. ЛАВП 196, подмоск. *Можайск* и т.п. и, конечно, лит. гидронимы на *Maž-*, лтш. на *Maz-* и т.п., см. LUEV 99; LHEŽ 207—208; LATSŽ 174—176; LV I, 2, 386—388; PN. Latg. 313 и др. Суфф. *-ок-/-ек-* может быть слав., ср., однако, такие образования, как лтш. *Mažikas*. LV I, 2, 388 и т.п. — {**Maž-ik-/?*}.

Велья, р. ГБО 28, см. выше.

Выра, р., *Вырка*, д. *Вырка Верхн.*, д. *Вырка Нижн.* ГБО 28; здесь же, по соседству, *Вырка*, *Выра Гостунская*, д. *Вырск*. 29; *Вырка*. 28; *М. Вырка*, *Выра М.* 28; ср. также *Вырка*. 132; м.б., *Вырское*. 185; *Выровка*. 204 и др. — О подмоск. *Вырка* см. Б.-сл. сб. 1972. 258. — Возможен балт. источник, хотя конкретное его определение связано с трудностями. Речь может идти или о балт. **Urk-*, представленном в лит. *Ūrka*, *Ūrkis*, *Ūrkupis*, *Ūrkupis*. LUEV. 180; LHEŽ 355; *Ūrkuvėnai*. LATSŽ 324; лтш. *Ūrkis*, *Urķu pūrs*; лтг. *Urķi*, *Урки*, *Lelī Ūfči*, *Lelī Vurči*, *Вурчи*, *Урчи*. PN. Latg. 534 (если это не финноязычное название, ср. лтш. *urga*, *urdze* 'речушка' <эст. *urg*, то же); прусск. *Wurkus*, 1313, *Wurchus*, 1367, *Wurkusch*, 1401. APON 210 (: лит. *uŕkti* 'урчать', 'ворчать'), или о балт. **Ūr-* как варианте **Jūr-* (ср. лит. *jūra*, лтш. *jūra*, прусск. *iūrin*), представленном в виде лит. *Jūra*, *Jūrė*, *Jūrupis*, лтш. *Jūra*, *Jūras-mežs* и т.п. LUEV. 64; LHEŽ 139; LATSŽ 112; LV I, 1, 409; или о балт. **Ur-*, ср. лит. *Ūr-upis*. LUEV 180; LHEŽ 355 (: лит. *uras* 'старый' и т.п.). При принятии первой возможности *Выра* выступает как "Rückbildung" от *Вырка*. — {**Ūr-*, **Ūr-ik-*; **Ur-*}.

Вейнка, л.р., *Вейна*, р., с. *Вейны*. ГБО 28; ср. *Вейна*. 105, 153; *Вейнской*. 72; *Вейнской*. 72, 85; *Вейнка*. 85, 93, 140, 153; *Вейна*. 149; *Вейнок*. 46. — Разные контроверзы (в их числе и балт.) см. RR III, 544; SBPAW 1934; ЛАВП 179, 223; Б.-сл. сб. 1972, 238. В целом неясно.

М. Вырка, л.р., *Выра М.* ГБО 28; см. выше.

Обля, л.р. М. *Вырки*. ГБО 28; ср., м.б., *Обловка*. 44; *Облов*. 72 и, конечно, *Вобля*. 160; *Вобля Сух*. 161; *Вобля Черная*. 161; *Воблинской*. 161. — Ср. днепр. *Абольна*. ЛАВП 175; *Оболь*, *Оболянка* в басс. Зап. Двины и т.п. Типичный пример балт. "яблочных" названий; ср. лит. *Obelė*, *Obelià*, *Obelės*, *Obelėlės upėlis*, *Obelynālis*, *Obelinė*, *Obeljėns*

rāvas, *Obeljėnupis*, *Obeljėtė*, *Obeljė ūžeras*, *Obeliūpė*, *Obeliūpis*, *Obeltekà*, *Obeliš*. LUEV 111; Liet. hidr. dar. 87, 146, 153, 157, 179, 226, 253, 263, 272; LHEŽ 233—234; RR I, 500; TŽ 1, 1923, 33; *Obelītai*, *Obelijà*, *Obelāičiai*, *Obelīnas*, *Obelīnė*, *Obeljėnė*, *Obelīškė*, *Obeliškė*, *Obeliškiai*, *-iškis*, *Obeljėtė*, *Obeljė Rāgas*, *Obelūpiai*, *Obelkalnis*, *Obelniškai*, *Obelninkėliai*, *Obelaūkiai*. LATSŽ 203; лтш. *Abula*, *Abuls*, *Abeliški*, *Abula-pl.*, *Abula-dīkis*, *Abulėne pl.*, *Abula-kalns*, *Abulu-avots*, *Ahbulenes-straits*, *Abuliņš*, *Abuliņakakts*, *Abuļas*, *Abuoli* LV I, 1, 2, 3, 62 (для названий с кратким начальным *A-*, в качестве параллели указывается эст. *Abula*; остальные лтш. примеры связаны с *ābols* 'яблоко'); лтг. *Ābuoliņi*, *Āboliņi*, *Āboļi*, *Ābuolnieki*, *Обульнику*, *Abolindruva*, *Abolkalns*, *Ābulderi*, *Ābelderi*, *Āboldari*, *Обульдеры*, *Оболиша*, *Abolīņš*, *Ābolīni*, *Ābelītes*, *Ābeles*, *Abeli*, *Ābelīškas*, *Ābeliški*, *Ūbēliškys*, *Ābelova*, *Obeļeva*, *Обѣлева*, *Обелево*, *Обели*, *Обеля*, *Обеле*, *Ābeļu sala*, *Ābeļsala*, *Обелсылы*, *Ābolīnava*, *Obolzolja*, *Обелтыны* и т.п. PN. Latg. 346—347; куршск. tho *Abellborne*, 1419; *Abelsatt*, 1540; *Abelwacke*, 1558; gesinde, genomēt *Abolsathen*, 1503. KF 72—73; прусск. *Wobel*, 1400; *Woblicayn* (!), 1340, *Woblikaym*, 1365. APON 205 (: *woble*); мазурск. *Wobel*, *Wobell* See, *Wobolskie Góry*, *Wobolińskie Pagórki*. Słownik nazw Mazur. II, 92, 364; HW 188 и др. — {**Ob-ul-*}.

Вырка, п.р. ГБО 28; см. выше.

Боршова, п.р. *Грязна*. ГБО 28; см. ниже *Боршовка*.

Перинка (?), вар. *Перлинка*, в басс. *Вырки*. ГБО 28; ср. м.б., *Перинка*, *Перинская*. 245; *Перенка*. 266. — В связи с возможностью объяснения из балт. ср. днепр. *Перинка*, *Перенка*, *Перанка*, *Проня* и т.п. ЛАВП 201, 202, 203. — {**Pir-in-/-en-*}.

Вырка, р. *Выра Гостунская*, д. *Вырск*. ГБО 29; см. выше

Десенка, л.р. ГБО 29; в непосредственном соседстве *М. Десенка*; ср. также *Десенка*. 96, 115, 143; *Десенской*. 143; *Десна*. 110, 115. — О днепр. *Десна*, *Десенка*, *Десновка*, *Десной*, *Деснок*, *Деснокитка* см. ЛАВП 218; НПУ 146—147; следует заметить, что подобные названия распространены и далеко за пределами балт. ареала, напр. в Чехии, на Украине (в частности, на ее юге) и т.д. Поскольку связь с слав. *desnъ, по мнению специалистов, рассматривается как все более и более сомнительная, во-первых, и целый ряд указанных названий зафиксирован на бесспорно балт. территориях, в надежном балт. гидронимическом контексте, во-вторых, попытки связи *Десна*, *Десенка* и под. с балт. источниками продолжают оставаться актуальными. Так, между прочим, можно думать об относительно позднем и во всяком случае вторичном воздействии слав. *desnъ на предполагаемые исходные формы типа *Di-sna (> **d̥sn̥*-> *Desn-*); некоторые украинские формы (*Дисна*, *Дѣсна*), которые могли бы в принципе свидетельствовать старое *i/oi* в корне, оказываются, однако, двусмысленными, особенно на фоне преобладающих примеров с *e*. Тем не менее, учитывая сказанное выше, целесообразны дальнейшие попытки сопоставления с лит. *Dysnà*, *Dysnaĩ*, *Dysnelė*, *Dysnykščia*, *Dykšnykščia*, *Dysnykštis* (ср. *Dzisna*, 1595). LUEV 31; Liet. hidr. dar. 113, 151, 152; LHEŽ 87 (лит. *dysti*, *disti* 'увеличиваться', 'возрастать', ср. *Daugava*, с идеей "множества"); *Karaliūnas Mūsų gamta* 1972, N 11, 14 (к лтш. *diēt* 'плясать', 'скакать' и т.п.); возможно, с прусск. *Dysenithen*, 1367, *Disnyten*,

1369; *Desenythe*, 1383, позже — *Dosnitten*; *Disseinen*, 1316. APON 28—29; Savykynas LKK 5, 1962, 195; Пр. яз. I. 1975, 351. Учитывая нередкое определение самой большой из рек, носящих имя Десна, — "светлая", можно было бы думать о связи ее названия с и.-евр. *dei-/*deja-/*dī- (ср. др.-инд. *dīdēti* 'блестеть', 'сиять', гомер. δέατο 'videbatur', лит. *dailūs* 'изящный', 'красивый', *dailinti* 'украшать', *dailė* 'искусство', 'искусство' и т.п., см. Рокоту I, 183, 184), т.е. 'сияющая', 'светлая' по аналогии с герм. гидронимом *Daol* (<*Doilā) с той же самой внутренней формой, ср. в Поочье, по-соседству, *Светелка* 39 (и далее — *Светлое*), *Светинка*. 38; м.б., *Близня*. 29 (**Blystn'a*:*blstēti). — {**Desn-***Di-sn-*/?/}.

Сосенка, п.р. М. Язвы. ГБО 29, см. выше.

Варзенка, п.р. ГБО 29; неясна связь с *Варжевка*, *Варжавка*. 218, которые возможно, уводят в другую сторону (ср. *Воржелей*. 243, ср. *Воржелейка*, в басс. Днепра. ЛАВП 79); также неясна связь с днепр. *Варзна*, *Ворзна*, вар. более распространенного названия *Барзна*, *Борзна*. ЛАВП 223. — Возможно, к днепр. *Воржанка*, *Ворженка*, *Вержа*. ЛАВП 181, подмоск. *Воржинка*. Б-сл. сб. 1972, 221. Помимо *Воржинка* ср. в басс. Оки *Вержа*. 210; *Вержня*. 227 и территориально очень близкие к *Варзенка* гидронимы *Верзневка*, *Верженевка*. 32 с нередкой меной з/ж. — Балт. источник весьма правдоподобен, хотя пока приходится воздержаться от выбора между несколькими возможностями. Ср. лит. *Varžė*, *Varžinėlis*, *Varžavietė*. LUEV 188; LHEŽ 367 (к лит. *vārža* 'верша', лтш. *varza*); *Varžai*, *Vāržos*, *Varžgaliai*. LATSŽ 338; лтш. *Varžu-ežers*, *Vārž-upe*, *Varžu grāvis*, *Vāržu purvs*, *Vārždīkis*, *Varžu bedre*, *Varžu strauts*; лтг. *Vārza*, *Vorzas*, *Ворзо*; *Ворзовка*; *Lieltvorzi*, *Ворзы*, *Vōrzova*, *Ворзово* и др. PN. Latg. 566; куршск. *Warze*, 1253, *Warse*, *Warze*, 1503, *berch*, *genompt de Warszenw*, 1496. KF 179; прусск. *Warssen*, 1365, *Worsen*, 1367, *Warschaw*, 1453, позже — *Warschau-See*. APON 197 или лит. *Vēržas*, *Vērža*, *Vēržė*. LUEV 192; Liet. hidr. dar. 129, 216; LHEŽ 375—376 (к лит. *veržti/s* 'устремляться', 'рваться', 'пробиваться', лтш. *vērzt*, *vēržēt*, ср. *vērza* и т.п.); *Veržiniškai*. LATSŽ 341; ср. *Veržėkas*, *Veržėkalis*; лтг. *Верзы*, *Verzes dryva*; *Вержевка*; *речка Вержбума*. PN. Latg. 553; м.б., прусск. *Werszniken*. 1450. APON 200 (Nom. pr. *Wersenik*), или же даже балт. **Varg-*/**Verg-*, отраженное в лит. *Varginys*, *Vargutis*, *Vargupys*, *Vargupėlis* и т.п.; *Vergūčiai*, *Vėrgakietis* и т.п. LUEV 185, LHEŽ 363; LATSŽ 336, 341; лтг. *Vargučiai*, *Варгули*; *Vėrğa*, *Варгу-нурс*. PN. Latg. 546; куршск. *Wargatyten*, 1412; up de *Warghat*, 1495. KF 178—179; прусск. *Wargee*, 1383, *Wergin*, 1396, позже — *Wargienen*; *Wargelitekayme*, 1409, *Wargeliten*, 1426, позже — *Worglitten*; *Wargeniken*, 1419; *Wargyn*, 1318, *Wargen*, 1405, позже — *Wargen*; *Wargiscus*, 1333; *Wargunkaym*, 1419; *Wergelin*, 1411—1419; *Wergenow*, 1255, *Wargenaw*, 1398, *Wargenau*, 1504. APON 196, 199 (ср. Nom. pr. *Wargute*, *Wargene). — {**Varž/z-in(-en)*-, **Verž/z(-in-)*}.

Кипетка, р., *Купеть*, р., ср. с. *Купеть*, ГБО 29; ср. и *Купеть*. 184; м.б., *Кипятки*. 156; *Купичей*. 191, 237, 243. — Наиболее точно сопоставление с прус. *Курютен* в Самландии, ср. *Kipin*, 1319. APON 63 (ср. Nom. pr. *Kipe, *Kipenne*, APN); м.б., мазурск. *Kipa*, *Kippe*; *Купник*, *Kipening*, *Kipnik*. Słown. nazw Mazur. II, 57, 341; лтш. *Ķipītis* (: прусск.

Курютен), *Ķipas*, *Ķipi*, *Ķipu-kalns*, *Ķip-kalni*, *Ķipāni*, *Ķipēni*, *Ķipenes*, pl., *Ķipenes-upīte*, *Ķipen-gals*, *Ķipenieši*, *Ķipiši*, *Ķipišu-ežers*; *Ķipatas*, *Ķipati*, *Kippat*, 1850, *Ķipat-ezeriņš* и др. LV I, 2, 224; *Cipulis*. I, 1, 167. Сопоставление *Купеть* (<**Куп-* <**Kūp-*) с балт. *Кур-*, о котором см. APON 76; LUEV 84; LHEŽ 173 (в частности, ср. лит. *kūpeta*, о большой куче); LATSŽ 147 (*Купетинė!*); LV I, 2, 177, 178; PN. Latg. 252 и др. представляет известные трудности из-за различий в количестве корневых гласного, хотя, конечно, они не должны считаться непреодолимыми. — {**Kip-et/-it-*; **Kup-et/-it-/?/*}.

Б. Вырка, р. ГБО 29, см. выше.

Вельница, р., вар. *Вольница*. ГБО 29, см. выше *Велья*.

Аполка, л.р. ГБО 29; ср. здесь же *Аполкинской*, л.о.; м.б., *Аполинка*. 215 — В связи с днепр. *Апелка*. ЛАВП 176 предлагалось два варианта сопоставления с балт. фактами: или к *ap-* 'река', или к "круглым" гидронимам типа лтш. *Apaļais* (*ezeriņš*), *Apalīs* и др. (: *apaļš* 'круглый'). — {**Ap-al-*}.

М. Вырка, л.р. ГБО 29, см. выше.

Продолжение следует.

Ф. ХИЦЕ

К ДРЕВНЕПРУССКОЙ ТОПОНИМИИ ПОМЕЗАНИИ

(комментарий к балтийской части монографии:

H. Górnowicz. *Toponimia Powiśla Gdańskiego*. Gdańsk, 1980)

В своей статье я прежде всего хотел бы сделать ряд критических замечаний и дополнений по поводу труда Г. Гурновича, при этом наша работа отнюдь не является обстоятельной и подробной рецензией¹.

Я ограничиваюсь в своем изложении лишь небольшим числом примеров. Однако для понимания того, о чем говорится в моей статье, необходимо хотя бы беглое знакомство с работой Г. Гурновича по топонимии Помезании в целом. Мне кажется, что значительную часть прусских онимов автор объяснил убедительно, опираясь прежде всего на авторитетные мнения Г.Герулиса и Р. Траутмана. Что касается другой части онимов, то Г. Гурнович пытался доказать польский характер ряда довольно древних прусских названий.

Приводя примеры, я, вслед за Г. Герулисом, обращаюсь к тому времени, когда после завоевания Помезании Орденом (1230—1400) прусские имена сохраняли свой балтийский характер в большей степени, чем в позднейшие века, когда прусских названий становилось все меньше и меньше. Те из них, которые сохранялись, в устах немцев сильно видоизменялись, а в устах поляков — славянизировались.

Как я уже сказал, Г. Гурнович опирался прежде всего на работы "классиков" пруссистики, и в значительно меньшей степени на труды более поздних авторов. Самые последние работы (некоторые из них Г. Гурнович мог и не знать) позволяют нам более точно и более

¹ Моя рецензия на монографию Гурновича напечатана в: *Namenkundliche Informationen*. Heft 44. Leipzig, 1983. S. 66—73.

убедительно использовать в качестве аргументов новейшие достижения баллистики.

Свой материал я сгруппировал следующим образом: вначале приводится первая запись соответствующего онима. Подробная документация не дается, приводится лишь ссылка на страницу монографии Г. Гурновича, где находится вся документация для данного онима. Далее следует этимологическая справка, в которой я не всегда упоминаю этимологию Г. Гурновича. Здесь я предлагаю свою собственную этимологию или те из новых этимологий других авторов, которые мне представляются наиболее убедительными. В конце статьи приводится литература.

I

В первой части своей статьи ограничиваюсь некоторыми онимами, которые Г. Гурнович считал польскими (славянскими).

1. Топонимы *Barute*, 1242, *Barutin*, 1292 (G. 38). — Г. Гурнович вопреки записям возводит эти ойконимы к польск. *Boruta*, *Borucin*. Это, однако, балтийские образования, ср. лит. *Barūtis*. — Лит.: Gerullis APON 17; Būga RR 3, 137; Топоров Пр. яз. 1, 193—194; Udolph Pomesanien 443.

2. Название тогдашнего острова на Висле *Berwi*, 1245, *Beru*, 1253, *Berui parva*, 1281 (G. 184—185). — Скорее всего это микротопоним балтийского происхождения, ср. лит. гидроним *Birvā*. — Лит.: Топоров Пр. яз. 1, 213—214 s.v. {**berv-*} с лит., Vanagas LHEŽ 65 s.v. с лит.

3. Ойконим *Borenth*, 1321 (G. 37—38). — По нашему мнению, перед нами прусское образование от корня **bor-* с суф. *-ent/-int-*. — Лит.: Būga RR 3, 137; Trautmann APPN 21.184; Endzelin Agr. Gram. 76—77, §91b (например, *Mass-inte*, *Mawd-int*); Топоров Пр. яз. 1, 240 с лит.; Udolph Pomesanien 442.

4. Ойконим *Dachowe*, 1285, *in Dakow*, 1293 (G. 46—47). — Этот ойконим мы определяем как балтийское образование от широко распространенного корня **dak-*, конкретное значение которого трудно определить. — Лит.: Gerullis APON 25; Топоров Пр. яз. 1, 291 с лит.; Vanagas LHEŽ 79 s.v. *Dākiepēvs*.

5. Ойконим (Richard von) *Dywan*, 1383, *Dywon*, около 1400 г. (G. 51) является не польским названием с суф. *-ow-o* (Г. Гурнович предлагает *Dziwanowo), а прусским названием, образованным от прусского личного имени *Divan*, которое выступает как производное от корня *div, ср. прус. ойконим *Dywonelauken*. — Лит.: Gerullis APON 29; Trautmann APPN 25; F. Lorentz. Preußische Ortsnamen und Appelative in Namen im Raum links der unteren Weichsel, in: ZfSl 11, 249; Топоров Пр. яз. 1, 352 с лит.; Būga RR 3, 106; Schmalstieg Studies 107 с лит.

6. Ойконим *domino Abbati et monachis domus in Garzano ordinis Cysterciensis*, 1285, ныне польск. *Gardeja*, бывш. нем. *Garnsee* (G. 53—54). — Эти формы сопоставлялись с такими гидронимами, как лит. *Gārdena*, *Gařdinas*, лтш. *Gardenas-upīte*, которые связывают с лит. глаголами *girdyti* 'поить', *gerti* 'пить'. К последнему принадлежит как родственный и рус. апеллятив *жерело*. — Лит.:

Топоров Пр. яз. 2, 161; Udolph 1980. S. 36; F. Hinze, in: ZfSl 26(1981), 459 с лит.

7. Ойконим in *Germa*, 1343, *Germer*, около 1420 г., *Germen* или *Jaromirz*, 1529 (G. 65). — Это собственно прусское переносное название от личного имени типа *Ger-me*, *Ger-mer*, *Ger-man*, ср. еще лит. апеллятив *germė* 'старый лес' и т.д. Запись *Jaromirz* представляет собой польскую "реинтерпретацию". — Лит.: Gerullis APON 40; Trautmann APPN 31—32, 139; Топоров Пр. яз. 2, 221 с лит.; Vanagas LHEŽ 113.

8. Название бывшего острова на Висле *Gimeusle*, 1245 (G. 11.194). — Оно образовано от прус.-нем. **Gim-ev-* + *insle*, представляющего собой контаминацию адъективированного гидронима *Gime* (в записи *Gyme*, ср. антропоним *Gymme*) и нем. апеллятива *insel(e)* 'остров'. — Лит.: Gerullis APON 41; Trautmann APPN 32 s.v. *Gymme*; Топоров Пр. яз. 2, 237; F. Hinze, in: ZfSl 26 (1981), 458—459.

9. Гидроним (название озера) *Globin* или *Gloubin*, 1354 (G. 194, 242). — Этот гидроним не восходит к форме слав. *Glow-ъn-o, как утверждает Г. Гурнович, а является исконно прусским названием *Glob-in-*, восходящим к прус. корню **glob-*, как в лит. *glob-ti* 'umfassen, in die Arme schließen', *glob-o-ti* 'fortgesetzt umarmen', ср. прус. гидроним *Globe*, имя *Globis*. — Лит.: Gerullis APON 43; Trautmann APPN 35 s.v. *Globis*; Топоров Пр. яз. 2, 265—266 с лит.; Vanagas LHEŽ 118; Udolph Pomesanien 439; Endzelins SPV 230 — DI 4, 2, 284.

10. Гидроним (название озера) *Goreie*, 1565 (G. 243). — В связи с этим гидронимом ср. прус. гидронимы *Goryn*, 1293, и *Gureyn*, 1339. Наиболее близки к засвидетельствованной форме *Goreie* такие лит. гидронимы, как *Goreika*, *Gorija* (что в свою очередь относится к лит. *gorus* 'kartus, aitrus, gaižus'). Г. Гурнович возводит *Goreie* к польск. апеллятиву *goraj 'faz, нем. Brand', производному от прасл. глагола *gorēti 'brennen? — Лит.: Топоров Пр. яз. 2, 276 s.v. {**gor-*}; Vanagas LHEŽ 119.

11. Ойконим (bona nostra) *Gorowyten*, 1300 (G. 56—57). — Прус. образование от корня **Gor-* + суф. *-ōv-* // *-av-* + суф. *-īt-* с нем. окончанием *-(e)n*, ведь праформа была, по-видимому, **Gor-ōv-īt-(ai)*. — Лит.: Gerullis APON 44; Būga RR 1, 422; Топоров Пр. яз. 2, 276, 345; Schmalstieg Studies 187—189; Udolph Pomesanien 442.

12. Ойконим *Kalzam*, около 1399 г. (G. 79). — Он не восходит к прасл. *Kol-o-zqb-ъj-e, как утверждает Гурнович, а является прусским названием. Ср. также прус. гидроним *Kalcz See*, 1340, ойконим *Calis*, 1303 (Gerullis). В записи *Kalzam* мы, вероятно, имеем дело с латинизированным окончанием ойконима *Kalt-s-a, ср. лит. гидроним *Kalt-is*, лтш. *Kalt-e* и т.п. Все выше упомянутые онимы являются производными именами от такого балтийского апеллятива, как лтш. *kalte* 'sandige Stelle in bodenlosen Seen, wo man Pferde schwemmen kann und wo die Fischer ihre Netze ausspülen'. — Лит.: Gerullis APON 54; Endzelins DI 4, 2, 233; Топоров Пр. яз. 3, 171. 180; Schmalstieg Studies 263; Vanagas LHEŽ 143 s.v. *Kaltis*.

13. Ойконим *Carczemidicz*, 1242 (G. 70). — Вряд ли следует возводить его к польск. **Karcze Miedzickie* (так предполагает Г. Гурнович). Скорее всего, это образование прус. *Karčem — *Mid-īt-s*, первая часть которого является прус. *karčem-o* 'корчма' (что считают заимствованием из польск. *karczma* 'то же'). Ср., например, лит. гидроним *Karčiāmetis*, который скорее всего является сокращением типа *Karčemā-vietis — *Karčiāmetis* = *karčemos vietā* 'место корчмы' (Ванагас). Относительно второй части см. ниже под *Midicz*. — Лит.: Gerullis APON 57.98; Топоров Пр. яз. 3, 218—219; Vanagas LHEŽ 147; Udolph Pomesanien 442 (вряд ли славянское!); Endzelīns DI 4, 2, 234.

14. Ойконим (Zcesken von) *Carwese* [...] gutem genant *Karwese*, 1339 (G. 71. 248). — Это не польско-поморское *Karwie 'Коровье', как объясняет данный ойконим Г. Гурнович, а название, относящееся к балтийскому адъективу. Оно отражено как в прусских личных названиях от корня **karv-* 'корова, вол и т.д.', так и в лит. субстантиве *karvelis* 'голубь', а также в гидрониме *Kar-upis*. Вторая часть — это нем. апеллятив *-see* 'озеро'. — Лит.: Gerullis APON 57 s.v. *Karwen*, *Carwis*; W.P. Schmid in: Donum Balticum 478, сноски 41; Топоров Пр. яз. 3, 238—243 с лит.; Vanagas LHEŽ 148—149.

15. Ойконим *Kisselin*, 1319 (G. 74) — Г. Гурнович видит здесь польск. *Kisielin-*, что мне кажется не совсем точным. Легче исходить из балтийского апеллятива, который и отражается в литовской гидронимии *Kisiēl-upis*; ср. далее прус. *Kisz-eyn*, или еще более близкое к засвидетельствованной форме прус. название *Kyssellen* (Būga). В конечном счете здесь, видимо, налицо довольно древнее заимствование в балтийские языки из славянских, ср. лит. *kisiēlius* (Fraenkel). — Лит.: Gerullis APON 65 s.v. *Kyssellen*, *Kisus*, *Kiszeyn*, *Kissenitten*; Būga RR 1,423; Vanagas LHEŽ 158; Fraenkel LEW 259.

16. Ойконим *Korschin* или *Korschenik*, 1694 (G. 198). — Ввиду того, что этот ойконим засвидетельствован в поздний период, этимологию его установить трудно. Происхождение его из польск. *karczunek* (так объясняет Г. Гурнович) мне представляется маловероятным. В данном случае лучше исходить из балтийского онимического материала, ср. в связи с суффиксом *-en-* или *-in-* прус. ойконим *Cor-sen*, дальше лтш. ойконим *Kāršines* мн. ч. и т.п., далее прус. ойконим *Kars-ow*, лит. *Karš-uv-a*, лтш. *Kārš-av-* (Буга). — Лит.: Gerullis APON 57 s.v. *Carsow*; Būga RR 2,383; Топоров Пр. яз. 3, 235 s.v. {**kars-*} с лит.; Schmalstieg Studies 141.

17. Гидроним *see Kuczke*, 1388, *lacus Cuczis*, перед 1438 г., по-нем. *Kautzger See* (G. 251), *Kautziger See* (Gerullis). — Хотя Г. Герулис сомневается в прусском характере этого названия, все же, по-моему, можно сопоставить его с лит. гидронимом *Kuč-upūs*, первую часть которого Ванагас связывает с лит. личным именем *Kučūs*, *Kučas*. Таким образом, в данном случае исхожу из прус. названия *Kuč-ik-ā. Г. Гурнович возводит этот гидроним к прасл. *kuč-a. — Лит.: Gerullis APON 78; Vanagas LHEŽ 169 s.v. *Kuč-upūs*.

18. Гидроним *Lamense*, 1294 (G. 253—254). — Гаплогический

гидроним, первая часть которого балтийская, ср., например, прус. *Lamen*, 1379 = озеро в Помезании, лит. гидроним *Lamen* (Буга), а вторая — нем. *-see* 'озеро'. Прасл. *lotь соответствует балт. **lam-*, которое в чистой форме в апеллятивах не сохранилось; сохранился, однако, этот элемент в гидронимии. Другого мнения придерживается К. Буга. — Лит.: Gerullis APON 81; Endzelīns DI 4,2,249; Būga RR 1,454—455 с лит.; Fraenkel LEW 338 s.v. *lamintii*; Vanagas LHEŽ 179; Udolph Pomesanien 435.439.

19. Гидроним *Lyua*, 1250, нем. *Liebe(-Fluß)*, польск. *Liwa* (G. 252—253). — Герулис сопоставляет этот гидроним с лит. гидронимом *Lėvuš*, но более близкими являются лтш. имена *Līvene*, *Līvenis*, которые связывают с лтш. апеллятивом *līvis* 'болото'. — Лит.: Gerullis APON 90; Vanagas LHEŽ 194—195 s.v. *Livintā* с лит.; Н. Schall in: Donum Balticum 452 s.v. *Kargej*; Udolph Pomesanien 424—429. 435.

20. Гидроним *lacus Liwencz* ubi *Lywa* defluit, 1260 (G. 253). — Можно исходить из "древнеевропейского" *Līcentis (= *Leič-ent-is), в котором отражается древний и.-е. суф. *-nt-*. Со временем окончание гидронима уподобилось прасл. суф. **-ьсь*, который в польском представлен как суф. *-ec/-iec*. — Лит.: Gerullis APON 90; Vanagas LHEŽ 194—195 s.v. *Livintā* с лит.; Udolph Pomesanien 425—426.

21. Ойконим *Luppin*, 1280, *Lopino*, 1312 (G. 95). — Г. Гурнович возводит данный ойконим к польск. *Łopienno. По моему мнению, это скорее всего балтийское образование, ср. лит. название луга *Lupyn-ā*, которое Ванагас верно сопоставляет с лит. апеллятивом *lup-ā* 'кора', далее с лит. глаголом *lup-ti* 'lupenas, žievę imti, skusti'. — Лит.: Gerullis APON 91 s.v. *Lopino*. 92 s.v. *Luppin*; Endzelīns DI 4,2,254 s.v. *-lopyn*; Vanagas LHEŽ 200 s.v. *Lupōnē*; Fraenkel LEW 391—392 s.v. *lūpti*.

22. Название леса *Marsgude*, 1336 (G. 207). — Здесь налицо сложение из прус. личного имени *Mars* (см. Траутман, Герулис) и прус. апеллятива *gudde* 'лес'. Речь идет, вероятно, о лесе, который принадлежал какому-то *Mars-у*. — Лит.: Gerullis APON 95; Trautmann APPN 55; Udolph in: Zeitschrift für Ostforschung 30,1 (1981), S. 86.

23. Ойконим *Medicz* или *Midicz*, 1242, *Honigvelt* 1250 (G. 102), на наш взгляд, не является патронимическим названием с польск. формантом *-icy* от личного имени *Miód, а прус. *Med-īt-s, производным от корня *Med-*, используемым в качестве имяобразующих основ. При помощи суф. *-īt-* в прус. языке образовывались личные имена. Фамилии *Med-is*, *Med-e*, *Med-et-e*, *Med-ith-e* хорошо засвидетельствованы и в Помезании и в Самбии, ср. дальше лит. личное имя *Medytė* (Trautmann APPN 145). Запись *Midicz* считаю фонетической адаптацией орденского писца. Нем. название *Honigvelt*, букв. 'медное поле', является ложной калькой прусского названия. — Лит.: Gerullis APON 98; Trautmann APPN 56—57. 145. 181—182; Vanagas LHEŽ 209 s.v. *Mēdus* и 213 s.v. *Midegā*.

24. Ойконим *Muntmisdorf*, 1396, *Muntmannsdorf*, 1396 (G. 107). — Это, по всей вероятности, не нем. ойконим *Mund-mannsdorf* (букв. нем. *Mund* 'рот' + *mann* 'мужчина' + *-s-* род. пад. + *dorf* 'село',

как считает Г. Гурнович, а прус. личное имя *Munti-mand (есть антропоним *Monti-mand*) + нем. -s- род. пад. + (четвертый) компонент -dorf 'село, деревня'. Фонетически более близкими соответствиями первой части сложения является прус. личное имя *Munte*, ср. еще сложные антропонимы *Munt-e-mil*, *Munt-i-gin* и *Munt-i-leitis*. *Muntmisdorf* можно объяснить как результат перемещения графем (*Muntim(an)-s-dorf* — *Muntmisdorf*). — Лит.: Gerullis APON 102 (только *Muntigin* ~ *Munte*); Trautmann APPN 62.72; Būga RR 3, 139.141.429.

25. Ойконим (Johannes schultheis czu) *Nebrov*, 1375, *Nebraw*, 1396, (czur) *Nebra*, 1406 (G. 108). — Вряд ли это контаминация польск. личного имени *Niebor* + нем. *Eber* (типа сокращения *Eberhart*), скорее перед нами балтийское название (*Ne-bar-av || *Ne-bar-ōv), ср. ятвяж. *Nebar(a)-s*, *Небра* (Akkusativus), 1227, *Неборъ*. "Rusams pasirodė, kad *Неборъ* yra linksniuojamas kaip ir jū žodis *вихор*, kilm[*ininkas*] *вихра*", — пишет К. Буга о следах ятвяжско-судавских языков. Вторую часть сложного имени *Nebraw* или *Nebrov* К. Буга верно сравнивает с такими лит. именами, как *Viš-baras* и *Daiv[*g*]baras*. Слав. соответствием балт. *Ne-bar-as* является *Nie-bor*. — Лит.: Trautmann APPN 133 s.v. *Bar-*; Топоров Пр. яз. 1, 194 s.v. *bar; Būga RR 3, 139.

26. Гидроним нем. *Niedauer Lake*, который в древности не засвидетельствован, Гурнович (G. 257) возводит к польск. *Nid-ow-o*. Однако это сомнительно ввиду отсутствия старых промежуточных форм. Удольф считает такую этимологию возможной. Гидроним же *Nida*, *Nidda* он возводит к древнеевропейскому гидронимическому пласту. — Лит.: Vanagas LHEŽ s.v. *Nida*; Udolph Pomesanien 429—430 с лит.; Vanagas 1983, p. 21.

27. Название острова (insulam in Wisla) *Nicarickam*, 1283 (G. 210). — Возможно, это контаминация прус. гидронимов типа лит. *Nykā* (~ лтш. *Nfca*) + лит. *Rykija*; первая часть их возводится к глаголу *nūkti* 'исчезать', вторая же, по-видимому, к лит. *rūkas* 'сосуд; іrankiai' и т.д. Другая возможность этимологизирования данного имени состоит в том, что *Nicarickam* является неправильным чтением вместо *Nicarpickam*, см. прус. *Nysape*, 1336 г. (из глагола типа лит. *nūkti* 'исчезать' + прус. *ape* 'вода'). — Лит.: Vanagas LHD 58.146; Vanagas LHEŽ 231 s.v., 277 s.v.; (Gerullis APPN 108 s.v. *Nysape*).

28. Гидроним fluvium *Nogatum* [...] ipsa *Nogata*, 1236 (G. 257—258). — Перед нами, очевидно, очень древнее название периода индоевропейско-древнеевропейской гидронимии. Суффикс не дает возможности считать это название славянским. Можно исходить из балт. **Nag-at-*, ср. лит. гидроним (название реки) *Naga* (= более древнего *Nagā), рус. названия *Нагат-ин-о* *Нагат-ин-ск-ое*, *Нагат-ин-ск-ая* заводь, прус. ойконим *Nog-o-thin*, лтш. *Negāi-ne*, днепровское *Нагат-ь*, *Негат-ь* и др. — Лит.: Vanagas LHEŽ 223 s.v. *Nagā*; Топоров, в: Балто-славянские исследования 1981. М., 1982, с. 40; Udolph Pomesanien 430 с лит.

29. Гидроним (lacum) *Ossena*, 1328 (G. 258). — Скорее всего не топо-

ним с формантом -*en-o* resp. -*en-a* от польск. апеллятива *osa* 'Populus tremulo', а балт. образование, ср. лит. *Vas-intā*, *Vuos-intā*, *Ūš-upis*. Лит. *v-* объясняется как протетическое. Аблаут (*v*)*ōs*, -*uos*: *as* — и.-е. **ōs-*: *ōs; из апеллятивов ср. прус. *vōsis, засвидетельствовано *woasis*, лтш. *uōsis*, лит. *uōsis* м. 'ясень'. — Лит.: Gerullis APON 111 (приводит только *Ossa*); Endzelīns DI 4,2, 57—58 (о суф. -*en-/in-*); Schall in: Donum Balticum 449—450; Udolph Pomesanien 436.439.

30. Лимноним *Pinoga* ("zarošnięty większy staw"), 1664, *Pienock*, 1772 (G. 260). — Г. Гурнович неправильно интерпретирует этот лимноним как континуант нем. гибрида *Finauge (из н.-нем. *fīn* 'мелкий' + в.-нем. *auge* 'глаз'). Хотя этот гидроним довольно поздно засвидетельствован, все-таки его балтийское происхождение гораздо правдоподобнее; ср. прус. личное имя *Pinnego*, ойконим *Pyppouwe*, лит. личное имя *Pinno*. Достаточно близок нашему гидрониму лит. гидроним *Pienauja*, а еще ближе соответствующее диал. *Pinōjė*. Из балт. *Pinōjė* развилось нем. диал. *Pinōye*, из которого затем получилось польск. диал. *Pinoga*, *Pinok*. — Лит.: Vanagas LHEŽ 256 s.v. *Pižnė*.

31. Ойконим *Postelin*, 1234, *Pastoline*, 1236, *Pastelina*, 1249, *Postelin*, 1284 (G. 128—129). — Здесь из-за чередования *o* и *a* в первом слоге и *o—e* — во втором возможны различные интерпретации. Польская этимология Г. Гурновича (образование на -*in-o* из польск. личного имени *Postol-a* или *Postof*) ввиду того, что данные ойконимы связаны с собственно древнепрусской территорией, представляется маловероятной. Этимологию Шалля, который исходит из сравнения лтш. *pastal-a* f. 'кожаные сандалии', также трудно принять, так как лтш. апеллятив является поздним заимствованием из восточнославянских языков. Мы предпочитаем следующую этимологию: прус. **Pastol-in(-s)*, ср. лит. *pastōlas* 'Gestell, Ständer, Stativ', Plural *pastōl(i)ai* '(Bau)gerüst', *pāstolis* 'Hinterhalt, засада'. — Лит.: Gerullis APON 117; Fraenkel LEW 547—548; Schall in: Donum Balticum 453—454 с лит.; Udolph Pomesanien 442; Vanagas LHEŽ 249 s.v. *Paštēlis*.

32. Ойконим *Prozile*, 1249, *Prezla*, *Prezle*, 1250, inter *Prezlam* et *Rudencz*, 1250, *Presel*, 1254 (G. 130—131). — Г. Гурнович, исходя из новейших полонизированных записей, считает этот ойконим польским. Первую запись я возвожу к прус. *Pro-sil-ē 'село за *silo* = бором', остальные — к прус. **Pre[i]-sil-ē* 'село напротив *silo* = бора', ср. лит. апеллятив *priešilainė* sf. 'žemė prie šilainės, šilo' (LKŽ 10, 695). — Лит.: Endzelīns DI 4,2, 289 s.v. *prei*. 305 s.v. *sylo*.

33. Ойконим *Ruden*, 1399 (G. 138). — Эту запись можно возвести к прус. *Rud-in-s, ср. прус. ойконим *Rudin*, лит. гидроним *Rudėnų ežeras*, образованный от *Rudėnai* — названия села. — Лит.: Gerullis APON 145; Būga RR 1, 168; Vanagas LHEŽ 282 s.v. *Rūdė*; Fraenkel LEW 745 s.v. *rūdas*; Vanagas LHD 265.

34. Ойконим *Santap*, 1323 (G. 143). — Он восходит не к польск. топониму, который якобы состоит из прасл. сложного апеллятива *sqtopь, как полагает Г. Гурнович, а восходит к *San-tap*, т.е. является прусским сложным личным именем, состоящим из преф.

san 'вместе' и *tap*, ср. прус. ойконим *Santoppen*, *Santop*, личное имя прус. *Santoppe*. — Лит.: Gerullis APON 151 s.v. *Santoppen*; Trautmann APPN 89.152; Fraenkel LEW 753—754 s.v. *sā-*; LKŽ 12, 133 s.v. *sántapa* 'ištižėlis, žioplų'.

35. Название замка *Sanctir* или *Santtir*, 1240, *Zantir*, 1247, *Santir*, 1248 (G. 141—142) и название острова (insule in *Quidino* et) *Santerii*, 1243, (insula) *Zantir*, 1247, (insula) *Santir* (G. 219—220). — Эти названия, видимо, возводимы не к польск. *Sacirz, а к прус. **San-tir(a)s* 'болото как сток' (Шалль), ср. лит. *týras* 'болото, заболоченное место', лит. *týrai* 'пустошь' и т.д. — Лит.: Trautmann APPN 89; Schall in: *Donum Balticum* 454—455; Vanagas LHEŽ 345 s.v. *Týrelis*; Udolph Pomesanien 442.

36. Ойконим *Symken*, 1418 (G. 159). — Г. Гурнович возводит *Symken* непосредственно к польск. личному имени *Szym-ek* (= антропонима *Szymon* 'Симеон'); но существовали в древнепрусский период прус. антропонимы *Symke*, *Symeke* (Trautmann). Исхожу из прус. формы **Sim-ik-(ai)* 'село Симеонов; Симеоны'. *-en* является обычной немецкой адаптацией прусского окончания *-ai*. Вероятнее всего, прус. антропонимы *Simk-e*, *Sim-ik-e* являются заимствованиями из польск. *Szymek* 'Симеон'. — Лит.: Trautmann APPN 92.

37. Ойконим *Sculpin*, 1296 (G. 79). — Ввиду того, что этот ойконим засвидетельствован в ранний период, вряд ли он является поморско-польским *S-kōpīn-o (преф. **sz-* + аппеллятив *kōp* 'лебедь' + суф. *-in-*), как полагает Г. Гурнович. Это явно балт. образование, ср. лит. гидроним *Skalbūnė*. Что касается прусской огласовки корня, то ср. ойконим(ы) *Mulsey*, *Molsey* рядом с регулярным *Malseyne*, который соотносят с первым элементом, наличествующим в имени *Malso-wangus* (Г. Герулис) или в *Multen*, *Molteyn* рядом с регулярным *Malteinen*. Что же касается "чередования" *-b-/-p-*, то сошлюсь на известную работу Кипарского. — Лит.: Gerullis 164 (без этимологии); Trautmann APPN 123 (относительно фонетики *-ul-*, *-ol-* вместо *-al-*); Vanagas LHEŽ 300 с лит.; V. Kiparsky. *Slavische und baltische b/p-Fälle // Scando-Slavica*, t. XIV. Copenhagen, 1968. S. 73—97.

38. Название бывшего моста *Sockaw*, 1354 (G. 232). — Оно определенно связано не с аппеллятивом польск. *żuk* или фамилией *Żuk* (так Г. Гурнович), а с прус. **Sok-av-*, ср. прус. аппеллятив *soakis* 'Grasmücke', родственный лит. глаголу *šok-ti* 'скакать'. Гидронимы типа лит. *Šok-upis*, *Šok-upėlis* показывают, что данный корень применялся для образования балтийских онимов. — К. Буга возводит самбийское *Soke* (нем. *Schaaken*) 1258 г. к ятвяж. *Žōkō, сравнивая его с лит. *Žioka и т.д. — Г. Герулис, однако, сопоставляет ойконим *Soke* с ойконимом *Schokiske* и возводит их к прус. аппеллятиву *schokis* 'трава'. — Лит.: Gerullis APON 162 (s.v. *Schokiske*), 165 (§18), 167 (s.v. *Soke*); Trautmann APPN 96 (без этимологии); Endzelīns DI 4,2, 311; Vanagas LHD 252; Schmalstieg Studies 107 с лит.

39. Ойконим *Stanaw*, 1437 (G. 151). — Данный ойконим идентичен прус. антропониму *Stannow*, 1363, и *Stanno*, 1305 (Траутман). Хотя у Траутмана нет объяснения значения основы *Stan-*, он,

однако, не сомневается в прусском характере данного антропонима. Прус. адъективный суф. *-av-* представлен в записях в различных формах: *-aw*, *-awe*, *-auwe*, он чаще превращается в *-ow*, реже в *-ewe*. Прус. суф. *-av-* соответствует слав. суф. *-ov-*. — Лит.: Trautmann APPN 98 s.v. *Stannow*, *Stanno*. 165, §18; Būga RR 1, 253.435. 3, 106 (*Wosgewiten*).

40. Ойконим *Stiessewite*, 1242 (G. 154—155), триста с лишним лет спустя *Strasewo*, 1565 (G. 154). — Трудное географическое название. По моему мнению, обе записи нельзя объединить в один ойконим. *Strasewo*, на наш взгляд, совсем новое польское название, переделанное, быть может, из *Stiessewite*. *Stiessewite* я считаю первоначальной формой этого ойконима. По Г. Гурновичу, пришлось бы читать *Striessewite*. — Если исходить из *Stiessewite*, то приходится сопоставить его с прус. антропонимом *Stig-ot-s* (1282 г.) и **Stig-e-*. Последнюю форму и Траутман и Герулис абстрагируют из засвидетельствованного антропонима *Stig-ot-s*. Оба исследователя далее сравнивают с ними микропоним *campus Stig-ein-en* и даже литовское название реки *Stig-r-ė*. Последний гидроним А. Ванагас предположительно сопоставляет с лит. глаголами *stigi*, *stygti* 'утихают, успокаиваться'. Исхожу из прус. *Stidz-ev-it-ē, которое в плане конструкции сравниваю с такими ойконимами, как *Baudewith-en*, производным названием от прусского антропонима *Baude* (в документе *Bawde*). — Лит.: Gerullis APON 173—174; Vanagas LHEŽ 314 s.v. *Stigrė*; Schmalstieg Studies 189; Endzelīns DI 4,2, 56—57.

41. Ойконим *Sypenyn*, 1242 (G. 156). — Г. Гурнович возводит этот ойконим к польск. личному имени *Sypan, но *Sypenyn* можно с уверенностью считать собственно прус. личным именем, ср. и другие ойконимы: прус. *Sypanicz* (= прус. *Sipanīt-s*), но и *Seipenicz*, *Seypnicz*, прус. самбийскую фамилию *Sipayne*. Даже если мы признаем и польское влияние, то образование само по себе уже является прусским. Можно предположить и другое толкование, а именно, что прус. **Sipen-in-(a)s* соответствует лит. *Šypen-in-as*, производному от гидронима *Šypė*. Дальше см. у Ванагаса. — Лит.: Gerullis APON 157; Trautmann APPN 92.198; Vanagas LHEŽ 331.

42. Древнее название острова на Висле недалеко от Меве/Гнева *Talints*, 1245, *Talnitz*, 1281, *Thanytz*, 1283 (G. 11.190). — По мнению Г. Гурновича, немецкие писцы просто перепутали фонемы в названии острова; он принимает польск. название *Dolnica. Если для второй записи исходить из прус. **Tal-nī-(a)s*, производного от прус. ойконима *Tolne* 1411/1411, то нет никаких трудностей в толковании: ср. лит. гидроним *Talė*; прус. название озера *Tolyn*. Все эти онимы можно, скорее всего, связать с лит. аппеллятивом *talė* 'takelis per užžėlusių pievą', лтш. глаголом *talūti* 'белить, бледнеть'. Для первой записи от 1245 г. мы можем исходить из прус. **Tal-in-t(a)s*. — Лит.: Gerullis APON s.v. *Tolnė*; Vanagas LHEŽ 339.

43. Ойконим *Tramppenaw*, около 1399 г. (G. 165). — Это географическое название нельзя возводить к польск. *Trebno, а следует считать балтийским, ср. лит. ойконим *Trempinai* и гидроним *Trempiniū*

ežeras. Хотя у этих онимов другая, вероятно, аблауговая огласовка, не подлежит сомнению, что они более близки нашему ойкониму, чем исходная форма Г. Гурновича. Таким образом, я исхожу из прус. **Tramp-īn-av-*. — Лит.: Gerullis APON 185; Vanagas LHD 265—266; Vanagas LHEŽ 348; Fraenkel LEW 1116—1117 s.v. *treĩpti*.

44. Ойконим *Trumnya* или *Trumya*, *Trumpnia*, 1289 (G. 164). — Это не польск. *Trąbna, как считает Г. Гурнович, а балтийское производное имя, ср. лит. гидронимы *Trumpė*, *Trūpis*, *Trumponiū žžeras*, а также личное имя прус. *Trumpis* и гидроним *Trumpa*, лит. *Trūmpė*. — Лит.: Gerullis APON 187 (сомневается, прусское ли это имя); Trautmann APPN 108; Endzelins DI 4,2, 328 s.v. *Trumpis* с лит.; Vanagas LHD 364; Udolph Pomesanien 436 (приводит гидроним *Tromeu*, 1326г.); Vanagas LHEŽ 349.

45. Ойконим *in Wayadekayme*, 1347, *Wadekayme*, около 1399 г., *Wadekowicz*, 1236 (G. 167—168). — Запись *Wayadekayme* представляет собой сложное название, состоящее из прус. личного имени *Wayade* и апеллятива *kaimis* 'село, деревня'. Вторая же запись содержит прус. личное имя в форме *Wadekin* (суф. *-ik-*) — *Vadik-kaim-e, а третья продолжает прус. сложение **Vadik-ov-īt-(a)s*. — Лит.: Gerullis APON 191.259; Trautmann APPN 112.154.165; Endzelins DI 4,2,232 s.v. *caymis (kaimis)*.

46. Ойконим (*Ygel et*) *Werczio*, 1280 (G. 172—173). — Вероятно, можно предположить, что он восходит к тому же балтийскому корню, что в прус. глаголе *etwereis* 'öffne!', ср. лтш. *vērt* 'открывать/открыть'. Следовательно, это не польск. **Wi(e)rz(b)ie)c*, как считает Г. Гурнович. Есть, конечно, и другие возможности толкования этого ойконима, который выглядит как антропоним. Было бы возможно исходить из личного имени *Verstio (— прус. апеллятива *werstian* 'теленек') по аналогии с образованием польск. антропонима *Ciotek* (— польск. апеллятива *ciotek* 'теленек'). Что касается суф. *-io*, то ср. такие прус. имена, как *Paistio*, *Wydrio*, *Wusi-waio*. В случае последней этимологии пришлось бы принять перемещение графем *st* — *ts*. — Лит.: Gerullis APON 200; Trautmann APPN 164; Endzelins DI 4,2,335.

47. Ойконим *Wegene*, 1285, 1293, (G. 173). — Это название нельзя возвести к польск. **Wi(e)rz(b)no* (Г. Гурнович), ибо это прус. географическое название, ср. прус. ойконим *Wer-eyn*, лтш. микропоним *Werr-en*, лит. название луга *Verėnos*, которое Ванас возводит к лит. глаголу *virti (vėrda, vėrė)* 'sieden, kochen; kunkuluoti puo aukštos temperaturos', ср. лит. апеллятив *verėnas* 'варево, отвар' и т.д.; этот корень восходит к и-е корню **uer-* 'вода; дождь; река'. Данное имя можно объяснить и иначе, если сравнить его с лтш. апеллятивом *vėre, vėris* 'лес, большой лиственный лес' и т.д. — Лит.: Gerullis APON 199; Vanagas LHEŽ 373. s.v. *Verỹs*.

48. Ойконим *Wilcow*, 1289, *de Wilkow* 1376 (G. 174). — Хотя здесь очень привлекательной кажется польская этимология, все же нет оснований считать ее обязательной. Можно исходить из прус. праформы **Vilkav-*, которая представляет производное имя от прус. *vilkis* 'волк', ср. также лит. гидроним *Vilkā*, лит. ойконим *Vilkaĩ*,

прус. личное имя *Wilke*. — Лит.: Gerullis APON 201; Trautmann APPN 117; Vanagas LHEŽ 384; Endzelins DI 4,2, 56—57, 337.

49. Ойконим *Alden Wyselen*, 1316 (G. 152) и гидроним *Wisle*, 1198 (G. 272—273). — Г. Гурнович (G. 152) видит в ойкониме кальку польск. ойконима *Stara Wisła*, а в гидрониме — славянское название. Г. Герулис убедительно представляет развитие так называемого древнеевропейского гидронима *Vistla через прус. *Viksla в н.-нем (*Wisel(e)*) и в.-нем. название реки (*Viksel(e)* — *Weichsel*). Любопытно обратить внимание на то, что существует в немецком такое соотношение между различными формами этого гидронима, как между в.-нем. апеллятивом *Weichsel* и н.-нем. *vesel* 'то же'. Ср.: *Wechsel* : *vesel* = *Weichsel* : *Visel(e)*. — Лит.: Gerullis APON 204 с лит.; Būga RR 1,521; Udolph Pomesanien 435; F. Hinze in: *Namenkundliche Informationen*. Leipzig, 1983, Heft 44, S. 71.

50. Ойконим *Wolyn*, 1399, 1408 (G. 176—177). — Производное имя. В данном случае можно исходить из прус. ойконима **Vol-īn-(a)s*, производного от прус. личного имени *Vol-o*, ср. гидроним лит. *Ušlinės, Uolā*, который связывают с лит. апеллятивом *uolā* 'Kiesel', ср. лтш. *uōla* 'žvirgžlas, mažas apvalus akmenukai'. — Лит.: Gerullis APON 206 s.v. *Wolite*; Vanagas LHEŽ 353; Endzelins DI 4,2, 58—59; Fraenkel LEW 1273.

51. Ойконим (de) *Zalnitz*, 1303, *Salewicz*, 1378 (G. 178). — Производное имя от балт. основы *zalo-*, ср. лтш. гидроним *Zalva*, лит. *Zálvas, Zálvė* и т.д. — Лит.: Gerullis APON 149 s.v. *Saloweiten*; Būga RR 1,425 s.v. *Saloweiten* = *Salwitten*; Vanagas LHEŽ 392 s.v. *Zálvas*.

II

Во второй части нашей работы мы хотели бы остановиться на некоторых из тех онимов, которые Г. Гурнович хотя и считает балтийскими, но не дает им убедительного толкования.

1. Микропоним *Bigedis*, 1274 (G. 185). — Прус. сложение *Bīg-ged-is. Хотя В.Н. Топоров называет корень **bīg-* неясным, он все же не сомневается в прусском характере корня, а вторую часть *-ged-* считает исконно прусской. — Лит.: Gerullis APON 20 s.v. *Bigitten* (ср. лит. антропоним *Biga + ĩ-*); Trautmann APPN 133 s.v. *Bt* (IF 34, 302). 138 s.v. *Ged-/ged-*; Топоров Пр. яз. 1, 222 s.v. { **bīg-*}; Топоров Пр. яз. 2, 182—184 s.v. { **ged-/ged-* }.

2. Микропоним, точнее название леса, *Dosin*, 1284, название поля *Dosen*, 1303 (G. 191). — Г. Гурнович признает балтийскую этимологию, но не приводит соответствующего материала для сопоставления. Ср. гидроним лит. *Dus-yn-a, Dus-yn-as* (из лит. апеллятива *dusas* 'Dunst'). — Лит.: Gerullis APON 30; Топоров Пр. яз. 1, 362 s.v. { **dos-*}; Vanagas LHEŽ 98.

3. Ойконим *Kalba, Kalbe, Kalben, Kalbam*, 1280, (de) *Calva*, 1286, *Kalwe*, 1297 (G. 68—69). — Кроме уже существующей этимологии данного ойконима (а именно возведения его к прус. *kalva* 'гора'), можно предложить еще и другую этимологию и возвести данный ойконим к прус. *kalvė* 'кузница'. — Лит.: Gerullis APON 53 (без объяс-

нения); W.P. Schmid in: *Donum Balticum* 478, сноска 41; Топоров Пр. яз. 3, 184—185.

4. Ойконим *Karixer*, 1321 (G. 70) (bis czu der grenicze des dorffis) *Carigeser*, (von der aber bis czu einem see, der ouch) *Carigeser* (heisset), 1321 (G. 248). — В этом случае нужно, по-видимому, исходить из прус. гидронима **Karige-ezer-(a)s*, представляющего совершенно ясное образование. Этимология, предлагаемая Г. Гурновичем (прус. *karige* 'рябина' + аппелятив, соответствующий лтш. *sēra* 'мул'), по семантическим соображениям не является убедительной. Гидроним *Carigeser* был перенесен на название деревни и таким образом возник ойконим *Carigeser*. По нашему мнению, первую часть этого имени можно сравнить с первым элементом в ойкониме *Karixekaymen* или в имени *Karixer*, а именно 1) **Karige-ezer-(a)s* (— *Karig-e-zer* — *Kar-ik-zer* — *Karixer*); 2) **Karig-isk-is kaim-e* (— **Karig-sk-e kaim-e* — *Kariksekaymen*). — Лит.: Gerullis APON 56; Топоров Пр. яз. 3, 232; St.F. Kolbuszewski. Zur Etymologie des PN J. Kariger; Apr. ON *Karigesera*, in: *Lingua Posnaniensis* XXIII (1980), s. 119—126. (Ст. Кольбушевский после моего доклада подарил мне оттиск своей работы. Оказалось, что мы независимо друг от друга пришли к одним и тем же выводам по поводу рассматриваемых здесь прусских названий); Udolph Pomesanien 436.

5. Ойконим *Kersiten*, 1303 (G. 73—74). — Хотя этимология Г. Гурновича идентична этимологии Г. Герулиса, все же стоило обратить внимание на другое толкование. В.Н. Топоров сопоставляет ряд личных имен и топонимов с упомянутым ойконимом, а также с лит. *kéršas* 'пестрый' *kéršis*. — Лит.: Gerullis APON 61.64; Trautmann APPN 44 s.v. *Kerse*; Топоров Пр. яз. 3, 337 s.v. {*kers-}.

6. Микротопоним *Noeapus*, 1260 (G. 210). — Г. Гурнович возводит вторую часть сложного имени *-apus* к прус. *apus* 'колодец', но первая часть остается для него неясной. Хотя такая этимология второго компонента возможна, мне хотелось бы предложить иную этимологию, а именно исходить из прус. праформы *Noji-apus-ē. Чисто фонетически она развилась в форму, засвидетельствованную как *Noeapus*. Первую часть *noji я считаю аналогичной лит. побочной форме преф. *nūogi* = *niō* 'от, с', вторую часть рассматриваю как идентичную прус. аппелятиву *apus* 'осина', а все сложение сопоставляю с балтийским словообразовательным типом лит. *niokalnė* 'Abhang, Senkung', т.е. сложное имя в целом имеет значение 'место вблизи осин'. — Лит.: Gerullis APON 7 s.v. *Abswangen* (там есть и *Apus-wangen*); Endzelīns DI 4,2, 168 s.v. *abse* (*apse*) 'Espe'; Fraenkel LEW 14 s.v. *āpušė*; Топоров Пр. яз. 198 s.v. *ape*; A. Kurschat *Thesaurus linguae lituanicae* 1585; ME 1,118 с лит.

7. Хороним (per) *Pomezaniam*, 1231, *Pomezania*, 1249 (G. 212). — Г. Гурнович повторяет этимологию Г. Герулиса, который считает засвидетельствованные формы латинизированными соответствиями прус. хоронима в устах поляков: *Po-medz-an-ia (из прус. *Pamedian, т.е. преф. *pa-* 'unter, an, bei' + *median* 'лес'). И К. Буга принял (литовскую) праформу *Pamedē, а в качестве названия жителей он принимает форму *pamedėnai*. Новейшую этимологию,

вслед за В. Мажюлисом, повторяет Х. Шалль. Согласно этой этимологии, надо исходить из древнего корня *med-*, который выступает во многих словах со значением 'вода', как например, лит. гидроним *Med-uja*, поморское *Meduia* (из чего нем. *Madü-See*), польск. *Miedwie* и т.д. — Лит.: Gerullis APON 130 s.v. *Pomizania*; Būga RR 2,385; H. Schall in: *Donum Balticum* 453; J. Kabelka. *Baltų filologijas įvadas*. Vilnius, 1982, p. 42.

8. Ойконим *Perwalk*, около 1399 г. (G. 124). — Г. Гурнович убедительно объяснил его прус. преф. *per* 'пере-' + глагол (как в лит. *vilkti* 'тащить'), но не привел другие, морфологически идентичные балтийские ойконимы, ср. лит. *Parvaikai* (нем. *Perwelk*) на Куршском полуострове, лит. ойконим и гидроним *Pervelkà*. — Лит.: Gerullis APON 121; Vanagas LHEŽ 255.

Pensebalcen (G. 259) см. *Peusebalten*.

9. Гидроним *Peusebalten*, 1316 (G. 259). — Этот гидроним является сложением **Peusebalt-*, состоящим из прус. аппелятива *peuse* 'сосна' + *balt-* 'болото' (-en — нем. окончание). Лит. аппелятив *pušis* 'сосна' представляет собой соответствие прус. аппелятиву *peuse*. Г. Гурнович (а вслед за ним и Удольф) считает данный гидроним балтийским, но прочел его неправильно. — Лит.: Gerullis APON 121; Endzelīns DI 4,2, 186 s.v. *balt* и на с. 278 s.v. *peuse*; Fraenkel LEW 679 s.v. *pušis*; Топоров Пр. яз. 1, 189 s.v. {*balt-}; Udolph Pomesanien 435.

10. Ойконим *Poleks*, 1398 (G. 120). — Г. Гурнович правильно считает этот ойконим идентичным личному имени *Poleks* или *Polekse*, но неверно связывает вторую часть сложного названия *-leks(e)* с лит. глаголом *lėkti* 'летать'. На мой взгляд, следует связать это название с прус. глаголом *po-lāik-i* 'остаться', а следовательно, реконструировать прус. **Po-lāik-(i)s*. — Лит.: Trautmann APPN 78 s.v. *Polexe*. 142—143 s.v. *Leik-/Lik-*. 147 s.v. *Pa-* и *Po-*; Fraenkel LEW 372 s.v. *likti*; Būga RR 3,722; Endzelīns DI 4,2,284.

11. Гидроним *Raudune*, 1316 (G. 261). — Этот гидроним считают производным от прилагательного типа лит. *rāudas* 'красно-коричневый' (ср. лит. гидроним *Rauda*) + суф. *-ūn-/un-*. Но возможно и иное толкование, а именно: считать засвидетельствованное название *Raudune* прус. соответствием лит. гидрониму *Raudōnė* или *Raudōnis*, который тоже связывают с лит. прилагательным *rāudas*. Балт. *-o-* в суффиксе очень узкое и могло быть воспринято немецкими писцами как *-u-*. — Лит.: Gerullis APON 139; Endzelin AprGram §67; Vanagas LHD 50.61.189; Vanagas LHEŽ 274; Udolph Pomesanien 435.

12. Ойконим *Rutiz*, 1249 (G. 137). — Это не польск. патронимическое название на *-icy* от прус. личного имени *Rūtis, а прус. производное название с суф. *-īt-* от прус. личного имени **Rūt(is)*, ср. прус. ойконимы *Rut-ith-en*, *Ruht-en* и т.д. Следовательно, исхожу из прус. **Rūt-īt-(a)s*, ср. лит. личное имя *Rūta*. — Лит.: Gerullis APON 137 s.v. *Rutiz*, *Ruhten*; Trautmann APPN 84 s.v. *Ruthenne*, *Rutil*; Udolph Pomesanien 442.

13. Гидроним *Sargen*, 1260 (lacum) *Sargense*, 1285, *Sorge*, 1570

(G. 262—263). — Хотя Г. Гурнович верно реконструирует прус. *Sarijē, но все-таки то, что он связывает формы, которые везде засвидетельствованы с *a* или *o* и никогда с *e* в корне, с такими лит. гидронимами, как *Serijis*, не может нас удовлетворить. Придется привлечь такие формы, в которых выступает балт. *-a-* в корне, как лит. гидроним *Sarià*, лтш. *Sarija*, лит. *Sar-upe*. Ванагас верно связывает их с индоевропейским корнем **sor-/ser-* 'жидкий; течь'. — Лит.: Gerullis APON 262—263 с лит.; Vanagas LHEŽ 291 s.v. *Sarià* с лит.; Vanagas 1983, с. 22 с лит.; Udolph Pomesanien 435.

14. Гидроним *Sassyn*, 1294 (G. 263). — Гурнович неверно интерпретирует Герулиса утверждая, что тот считает гидроним *Sassyn* идентичным апеллятиву прус. *sasins* 'заяц'. Герулис лишь ссылается на ойконим *Sasinpile*. Я считаю и прус. гидроним *Sas-syn* и лит. гидроним *Sasnà* "относительными именами" к уже не существующему адъективу *sasinis 'красно-коричневый', который ярче всего выделяется в прус. прилагательном *sasins* 'заяц' [по существу 'красно-бурый', 'серый'], о чем см. у Ваганаса. — Лит.: Būga RR 3, 118; Trautmann APPN 90 s.v. *Sassin*; Vanagas LHEŽ 291; Endzelīns DI 4,2,299; Udolph Pomesanien 435.

15. Гидроним *Sobis*, *Sobizin*, *Sowicz*, 1330 (G. 264). — Исхожу для *Sobis*, *Sowicz* из прус. форм **Sav-īt-(i)s* (— *Sobis*, *Sowicz*) и **Sav-īt-s-īn-* (— *Sobizin*), ср. лтш. гидронимы *Savīte*; относительно огласовки ср. ятвяж. *Sowik*. В этих гидронимах отражается и.-е. корень *soǵos 'сырость; жидкость', который находится в аблауте с корнем **seǵ-* 'сырой, влажный и т.д.' Оба корня широко представлены в древнеиндоевропейском пласте гидронимии. — Лит.: Gerullis APON 167, 169; Vanagas LHEŽ 292—293 с лит.; Būga RR 3, 677 (приводит различные слова, означающие 'озера, воды', как *-suw(e)*, *-sobe*, *-schobe*, *-sewe*); Udolph Pomesanien 436; F. Daubaras. Sudurtiniai Prūsų hidronimai in: Baltistica XIX (2). Vilnius, 1983, p. 184—190.

16. Гидроним *Sulwe*, 1303 (G. 266), *Solaw*, 1354. — Гурнович неправильно связывает этот гидроним, точнее это название бывшего болота, с такими апеллятивами, как лит. *salà*, лтш. *sala* 'остров'. На мой взгляд, гораздо убедительнее сопоставление этого названия с лит. гидронимом *Suliavà*, прус. микротопонимом *Solo median*, прус. *Sul-patwen* (: ~ апеллятив прус. *sulo* 'geronnene Milch', лит. *sulà* 'Baumsaft, Harz', лтш. *sula* 'то же'). — Лит.: Gerullis APON 176 (без толкования); Būga RR, 2, 100.845; Vanagas LHEŽ 319 с лит.; Endzelīns DI 4,2,319; Udolph Pomesanien 435.

17. Гидроним (vlies) *Swerepa* (нем. название до 1945 г. *Höhische Thiene*) vellet in die *Teyne* (нем. название до 1945 г. *Werdersche Thiene*), 1335 (G. 267). — Г. Гурнович вслед за Г. Герулисом сопоставляет это название с прус. апеллятивом *sweriapis* (что считают заимствованием из польск. *świerzeпа* 'klacz'). У Герулиса есть и другое объяснение этого гидронима, а именно, он считает его сложением, состоящим из **Swer-* (он сопоставляет его с прус. апеллятивом *swīrins* 'зверей', т.е. асс. pl. + прус. *ape* 'вода'). Я бы реконструировал прус. *Sver-ep-a по образцу лит. гидронима *Svēr-ur-is* у Ванагаса, который, хотя и сомневаясь, связывает первую

часть гидронима с лит. глаголом *svėřti* 'uždėti perlenkiant, lenkti'. — Лит.: Gerullis APON 179; Vanagas LHEŽ 323.

18. Гидронимы *di Teyne* (= *Werdersche Thiene*, см. выше), 1355 и *Teyne* (= *Höhische Thiene*, см. выше), 1350 (G. 268). — Г. Гурнович вслед за Г. Герулисом сравнивает эти гидронимы с лит. апеллятивом *tėnė*, *tenė* 'место на реке, скорее всего вблизи берега, где почти не чувствуется движение воды' (Fraenkel LEW 1080) и далее с лит. гидронимом *Tenenys* (Vanagas LHD 133). В связи с этим удивляет реконструкция Г. Гурновича прус. *Tejnē. Мне кажется более правильным возвести засвидетельствованные формы этого гидронима к прус. *Tēnē или *Tenē. Вслед за этим нужно объяснить современные формы этого гидронима в польском и немецком языках. Г. Гурнович ограничивается констатацией того, что в этих языках в данном ониме произошла фонетическая субституция. Я считаю, что поляки адаптировали балт. *Tēnē как *Tejna*. Г. Гурнович приводит такую форму гидронима лишь в качестве сравнения. Этот гидроним означает название объекта в Латвии. Польская форма *Thenna* может восходить к такой форме, как лит. *tenė* (см. выше). Нижнемецкие жители Помезании гласный *ē* в прус. гидрониме *Tēnē заменили гласным *ī* по аналогии с апеллятивом ср.-нем. *bēne* 'пчела', и получилась форма *Tīne*, в официальной орфографии (до 1945 г.) *Thiene*. Удивляет форма *di Teyne* 1355 г., но в этом случае я принимаю замену формы прус. гидронима *Tēnē ср.-в.-нем. *Tejne* (док. *Teyne*) по аналогии с заменой в ср.-нем. апеллятиве *bēne* 'ноги' (эта форма является прежде всего ср.-в.-нем. словом) ср.-в.-нем. формой *beine* 'ноги'. Немецкое же *Thiene* поляки адаптировали по существу только графически, ср. нынешнюю польск. форму *Tyna*. — Лит.: Vanagas LHEŽ 343—344 s.v. *Tenenys*; Udolph Pomesanien 436.19.

19. Гидроним *Tuia*, 1248, *Thya*, 1345 (G. 270), нем. *Tiege*, фонетически *īje* (Шалль), польск. *Tuga*, *Tuja*. Г. Гурнович считает этот гидроним балтийским по происхождению. Поскольку в корне постоянно наблюдалось *-u-*, то лучше всего исходить из гидронима так называемого древнеевропейского пласта. Из засвидетельствованной прус. формы *Tūja* (док. *Tuia*) развилось польск. *Tuja*. Новую нем. форму *Tiege*, фонетически *Tīje*, я объясняю как результат следующего фонетического развития: перед *-je* последующего слога долгое *ū* в немецком закономерно превращается в *ü*, которое в восточнонемецких диалектах регулярно развивается в *ī*. Таким образом: *Tūja — *Tūje* (такое развитие также отражено в засвидетельствованной в 1345 г. форме *Thya*) — *Tīje*. Старопольские формы являются непосредственными континуантами прусской именной формы. Новопольская форма *Tuga* (HW 284) представляет собой контаминацию немецкой литературной (орфографической) формы *Tiege* и более древней польской *Tuja*. — Лит.: Schall in: Donum Balticum 456—457; Vanagas LHD 266.274; Būga RR 3, 542.788; Udolph Pomesanien 441.

20. Гидроним *Walbin*, 1323 (G. 271). — Г. Гурнович правильно сравнивает этот прус. гидроним с такими лит. гидронимами, как

Vēlbenas), *Velbē*, которые К. Ванагас связывает с лит. *vilbėti* 'шебетать, чирикать' и Г. Герулис с лит. *vilbinu* 'beschwichtige, sänfte'. — Лит.: Gerullis APON 193; Vanagas LHEŽ 370 s.v. *Vēlbē*; Udolph Pomesanien 436.

21. Ойконим *Wandofen*, *Wandow*, оба 1396, *Wandouen*, 1414 (G. 168—169). — Г. Гурнович считает этот ойконим производным — посредством суф. *-aw-* от корня, засвидетельствованного в лит. апеллятиве *vanduō* 'вода' и приводит лит. гидронимы *Vandėlė*, *Vaňdupė*. Он далее неверно сопоставляет с нашим ойконимом и нем. гидроним *Wandquer-See*, который, однако, засвидетельствован только в 1902 г. — Я предпочитаю для ойконима исходить из прус. личного имени *Vand-ē (док. *Wande*) + суф. *-av-/ov-* для образования относительных прилагательных. — Лит.: Gerullis APON 194 s.v. *Wandeyen*; Trautmann APPN 115 s.v. *Wande* (не дает этимологии). 165 (о суф. *-aw-*); Endzelīns DI 4,2,55—56.

22. Бывшее поле (микротопоним) *Warmeno*, 1303—1306, *Wermeno*, 1323, 1340 (G. 228, Gerullis APON 200). — Точная этимология еще не выработана, но связь микротопонима с хоронимом польск. *Warmia*/нем. *Ermland* и лит. гидронимом *Vermenė*, *Vařmė* несомненна. Эти онимы, по-моему, правильно сопоставляют с прус. прилагательными *wormyan* 'rot/красный'. Существует и ряд небалтийских соответствий. — Лит.: Gerullis APON 196. 200. 208; Vanagas LHEŽ 364—365 s.v. *Vařmė* с лит. и широким освещением проблематики; Endzelīns DI 4,2,341 s.v. *wormyan*; Fraenkel LEW 1201 s.v. *vařmas*.

23. Ойконим *Wenger*, 1551 (G. 174—175). — Г. Гурнович правильно сопоставляет данный ойконим с лит. гидронимами *Viņgra*, *Viņgrė*, *Viņgrė* и т.д., которые связывают с лит. прилагательным *vingrūs* 'извилистый'. Но он не привел прусских данных, ср. прус. ойконим *Wyngin* и прус. апеллятив *wiņgriskan* (вин. пад) 'List/коварство', другая ступень отражена в прус. *wangan* (вин. пад.) 'конец'. — Лит.: Gerullis APON 195 s.v. *Wangrapia*. 202; Būga RR 2,94; Endzelīns DI 4,2,337; Vanagas LHEŽ 385—386 s.v. *Viņgra*; Fraenkel LEW 1256—1257.

24. Микротопоним *Worpus*, 1361 (G. 229). — Г. Гурнович пытается объяснить это название как сложение, состоящее из прус. **vor-* (выступающее лишь в онимах) + прус. апеллятив *apuz* 'колодец'. Более вероятной мне кажется связь второго элемента этого сложения с прус. апеллятивом *poūis* 'питье', т.е. я исхожу из прус. сложения *Vor-poūis 'старое пойло (для скота)'. Разумеется, есть и другие возможности толкования микротопонима, например, сопоставить его с лит. гидронимом *Vařpė*. — Лит.: Gerullis APON 218 s.v. *Worit*. 210 s.v. *Wurpus*, *Worpus*; Endzelīns DI 4,2,331 s.v. *urs*; 341 s.v. *Worape*; Fraenkel LEW 1274 s.v. *vōras* I; Vanagas LHEŽ 365—366 s.v. *Vařpė*.

III

Балто-славянские или древнеевропейские онимы?

В качестве примера привожу лишь один гидроним, а именно *fluvium Suentam*, 1276 (G. 267—268). — Г. Гурнович (на с. 178—179) считает этот гидроним прусским и правильно сопоставляет его с такими лит. гидронимами, как *Šventė*, *Šventainė*, *Šveñtas*. Далее

он утверждает, что данные гидронимы являются балто-славянскими и, наконец, говорит, что *Suentam* "najprawdopodobniej prasłowiańskie". На с. 267—268 он также склонен объявить этот гидроним славянским, а на с. 356 яснее, чем прежде, высказывается в пользу балто-славянского характера данного названия. Дело в том, что он прилагательные прус. *swints*, лит. *šventas* и прасл. *svęntь считает родственными (и балтийскими и славянскими), но все-таки любопытно, что Я. Эндзелин распределяет свой материал по двум словарным статьям, а именно: прусские апеллятивы он дает под заглавным словом *swints* 'heilig', а все гидронимы и топонимы под заглавным словом *Swent-*, такие, как *Swente-mest*, *Swent(upe)*, *Swentegarben*, *Swent-griff* (озеро). У Г. Герулиса, однако, есть и гидронимы с огласовкой *-i-*, например *Swyntheynen*, *Swynteseyte* и т.д. Согласно Эндзелину, весь прусский материал дает возможность сделать вывод о том, что гидронимы с огласовкой *-e-*, такие, как *Swent-griff*, относятся к более древнему пласту прусской топонимии, чем гидронимы с огласовкой *-i-*, потому что прус. *swints* считают (Эндзелин) заимствованным из польск. *święty* 'святой'. Может быть, Г. Гурнович прав, когда в основе **svent-* видит *n*-инфикс и.е. *svēt (— прасл. *svěť 'свет'). Гидронимы, образованные от корня **svent-*, распространены не только в Прибалтике, но и на поморско-полабской территории, даже в Белоруссии. Если он прав, то в онимах с огласовкой *-i-* следует видеть народную этимологию. По предположению Удольфа, гидронимы этого типа являются древнеевропейскими, но подробнее он свои соображения не излагает. — Лит.: Endzelīns DI 4,2, 320. 321—322; Gerullis APON 178—179. 237—238; Fraenkel LEW 1041—1042; Udolph Pomesanien 435.

IV

Проблематичные имена.

1. Микротопоним *Gutts*, 1624 (G. 58). — Методически трудно дать удачную этимологию названия, засвидетельствованного в столь позднее время. Г. Гурнович возводит его к польск. *Górzec (ныне *Gurcz*, в говоре *Guć*). — По моему мнению, ничто не мешает считать этот микротопоним балтийским. Я исхожу из прус. *Gut-s, ср. прус. гидроним *Guis See*, личное имя *Gutte*, лтш. название *Guta* и т.д. Элемент *-s* является прусским. — Лит.: Gerullis APON 37. 178—179; Топоров Пр. яз. 2, 351.

2. Ойконим *Capainen*, 1575, *Companin*, 1586, *Compannien*, 1586 (G. 73). — Г. Гурнович возводит этот очень поздно засвидетельствованный ойконим к польскому ойкониму *Keřiny, производному от апеллятива польск. *keřina* 'малая ке́ра'. Если этот ойконим не является немецким (нем. диал. *kompanie* 'артель'), то его в той же мере, как и польским, можно считать балтийским, ср. лит. *Kamplnė* (— лит. апеллятива *kaĩpas* 'угол'). — Лит.: Endzelīns DI 4,2, 234; Vanagas LHEŽ 145 s.v. *Kamplai*; Топоров Пр. яз. 3, 196—197.

Итак, можно сделать следующие выводы:

1. В орденских документах до 1250 г. мы встречаем больше прусских ойконимов, чем польских, а именно 21 прусский ой-

коним. Первую группу образуют а) те, которые и Г. Гурнович (G. 11) *expressis verbis* называет прусскими (поэтому пишу их вслед за Гурновичем со звездочкой): <1> *Kvedīns; <2> *Lingvars; <3> *Nerdingis; <4> *Paganstai; <5> *Pasulōvo; <6> *Rezijā; <7> *Sadeluks; <8> *Stumis; вторую группу образуют б) те ойконимы, которые Г. Гурнович считает польскими, а я — прусскими: <9> Barute|Barutin; <10> Berwi; <11> Gimeusle; <12> Carczemidicz; <13> Midicz; <14> Pastoline|Pasteline|...; <15> Prozile; <16> Rutiz; <17> Santir; <18> Stiessewite; <19> Sypanin; <20> Talints; <21> Wayadekayme.

Польскими я могу признать лишь два ойконима, а именно <1> Mirowicy и <2> Wadekowicz, причем затрудняюсь объяснить соотношение последнего с ойконимом Wa(ya)dekaym; может быть, эти названия сосуществовали друг с другом. — Ойконим Swentau может считаться и древнеевропейским и балто-славянским. Этимон его считается родственным (Fasmer REW).

2. В документах до 1300 г., в том числе и в документах до 1250 г., мы встречаем в общей сложности 30 прусских ойконимов², 14 гидронимов, 21 микропоним и один хороним. Это значит, что в XIII в. было зарегистрировано 66 прусских онимов. — Четыре гидронима XIII в. причисляются к древнеевропейскому онимическому пласту, а именно Lyua, Lywencz, Nogat и Wisle (для последнего есть и более древние записи).

3. Из документов XIV столетия я насчитал 82 прусских ойконима, 15 гидронимов и 11 микропонимов³. Из этого выходит, что в документах XIV в. общее число впервые засвидетельствованных прусских имен составляет 108. Напротив, польских ойконимов насчитывается всего лишь 25, при этом нет ни одного микропонима и ни одного гидронима.

4. В документах, относящихся к периоду между 1400 г. и 1525 г., появляются лишь 3 новых прусских ойконима, ни одного микропонима и два гидронима (по материалам Г. Гурновича). К этому же времени, по моим подсчетам, относятся 5 новых польских ойконимов. Их число, разумеется, после 1525 г. росло, но не в той мере, как число немецких ойконимов.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

(Они в принципе идентичны принятой в советских лингвистических публикациях системе сокращений, прежде всего у В.Н. Топорова, Пр. язык, с той лишь разницей, что я прибавляю фамилию автора, например: Gerullis APON, а не только APON).

² По данным Г. Гурновича, в документах XIII в. насчитывается 40 польских онимов. Однако я в его книге нашел лишь 27 онимов, из которых лишь 12 могу считать истинно польскими. Если к ним прибавить еще 9 гидронимов, то в общей сложности XIII в. дает 21 польский оним.

³ Г. Гурнович не приводит конкретного числа онимов для XIV в. Но если, по моим подсчетам, общее число признаваемых им прусских онимов составляет 59, гидронимов 13, микропонимов 9, то общее число прусских онимов для XIV в. будет равно 81.

Udolf Pomesanien — Udolf J. Zur Toponymie Pomesaniens // Beiträge zur Namenforschung. Neue Folge / In Verbindung mit E. Dickenmann und J. Untermann hg. von R. Schützeichel. Bd. 16 (1981). Heft 4. Heidelberg. S. 422—443.
Udolf 1980 — Idem. Alteuropa an der Weichselmündung // Beiträge zur Namenforschung. Neue Folge... Bd. 15 (1980). Heft 1. Heidelberg. S. 25—39.

П. ГАУЧАС

К ВОПРОСУ О ВОСТОЧНЫХ И ЮЖНЫХ ГРАНИЦАХ ЛИТОВСКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ТЕРРИТОРИИ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Проблема установления восточной границы литовского языка в прошлом является весьма сложной. Думается, что до образования Литовского государства эта граница не могла быть ни строгой, ни устойчивой. Синтез имеющихся исторических (археологических, этнографических) и лингвистических данных заставляет полагать, что к XIV в. юго-восточная граница распространения литовского языка стала более устойчивой и не менялась или менялась незначительно вплоть до Люблинской унии или даже несколько позже. Переход с литовского языка на белорусский в юго-восточной части литовской этнической территории, по словам М. Балиньского, начался при Яне Казимире (вторая половина XVII в.) после шведских войн, которые вместе с последующими стихийными бедствиями (голод, эпидемии чумы) погубили значительную часть населения. Новые поселенцы, прибывшие из русской части Великого княжества Литовского (ВКЛ), способствовали смене языка среди оставшихся местных жителей [20, с. 122]. Литовская этническая территория с юго-востока стала сокращаться.

Литовско-белорусскую этническую границу эпохи ВКЛ пытались установить Ф. Нарбут [29], Ф. Якубовский [22], П. Климас [23], Г. Ловмянский [28], В. Голубович [21], Е. Охманский [31], М.Я. Гринблат [7, 8] и другие исследователи, используя сведения о вероисповедании населения, его материальной и духовной культуре, фамилиях, топонимические, археологические, исторические и другие материалы. Их выводы часто не совпадают между собой. В данной работе анализируются сведения о вероисповедании населения и ойконимические материалы (названия населенных пунктов). Это должно помочь уточнить былую литовско-белорусскую этническую границу.

В 1387 г. литовцы были обращены в католичество, а белорусы в основном оставлены православными. Однако часть литовского населения на окраинах этнической территории, уже бывшая православной, по разным причинам не была перекрещена. И все же вероисповедание населения в конце XIV в. следует считать основным показателем, отличавшим литовцев от белорусов [31, с. 39—45].

Так как подробные сведения о распространении типов вероисповедания для того времени отсутствуют, в работе нами использованы более поздние данные. Наиболее детальными считаются данные переписи населения буржуазной Польши 1921 г., которые были опубликованы по населенным пунктам [37, 38, 39]. По этим данным нами подго-

товлена карта вероисповеданий населения северо-западной Белоруссии и части восточной Литвы (карта 1, см. вкладку). Осталась некартографированной территория так называемой "Серединной Литвы" [б. уезды Вильнюс-Гракай, Швенчёнис и Ошмяны], так как в 1921 г. перепись населения там не проводилась. На составленной нами карте смешанные ареалы выделены в том случае, если доля носителей отдельных вероисповеданий составляла от 30 до 70%. Случаи, когда представители вероисповедания оказываются в меньшинстве — менее 30%, но все же более 100 человек, — обозначены соответствующим значком.

Эту карту нельзя считать абсолютно новой, однако все составлявшиеся до сих пор карты были весьма схематичны, в них не выделены смешанные в религиозном отношении территории [1].

Используя данные 1921 г. о религиозном составе населения для определения литовско-белорусской этнической границы на конец XIV в., следует, разумеется, учитывать то обстоятельство, что за последующие столетия произошли изменения в этом плане, вызванные превращением православных приходов в униатские по Брестской унии 1596 г., возвращением униатов к православию после расторжения унии в 1839 г., реформацией, миграциями населения (особенно после эпидемии чумы) и др. Установлено, что предками обелорусившихся литовцев в основном является то католическое население, которое не знало в прошлом унии (т.е. не было униатских, а до унии православных приходов), а христианство приняло в форме католицизма с самого начала (старокатолическое население) [7, с. 148—149, 153]. Ввиду этого при составлении карты вероисповеданий мы учли сведения как о католических костелах, которые были построены с момента обращения литовцев в католичество до середины XVI в. [30, карта] (т.е. задолго до Брестской унии, после которой строительство костелов велось на только в местах с католическим населением, но и в полосе бывшего сплошного православного населения), так и об униатских приходах конца XVII — XVIII в. [17, с. 1190—1257]. Однако во время реформации произошли изменения сети униатских приходов, которые пока исследованы недостаточно.

При установлении литовско-белорусской этнической границы ценными являются данные топонимики. В этой области известны работы К. Буги, М. Фасмера, Я. Сафаревича, А. Непокупного, А. Ванаса, Н. Бирилло, В. Жучкевича и др. Заслуживает особого внимания работа польского языковеда Я. Сафаревича, который подсчитал процент названий населенных пунктов с литовским суф. *-ушки* в каждой волости и составил карту [36, с. 45—46, карта].

На северо-западе Белоруссии сохранились в большом количестве не только гидронимы, но и названия населенных пунктов несомненно литовского происхождения. Хотя литовские окончания этих названий славянизированы, это во многих случаях не стерло их литовского происхождения. Наиболее характерными являются названия населенных пунктов, оканчивающиеся на *-ушки* (литовская форма *-iškės, -iškė, -iškis, -iškiai*). Суф. *-ушк-* характерен только для литовских топонимов. Кроме того, для литовских названий характерны суффиксы: *-аны/-яны* (*ėnai, -onys*), *-они/-ани* (*-onai, -ainys*), *-уны/-юны* (*-ūnai*), *-ейки* (*-eikiai*,

-eikos), *-ейши* (*-eišis, -eiša*), *-ели* (*ėliai*), *-ойцу/-айцу* (*-aičiai*), *-ули/-юли* (*-uliai*), *-уку/-юку* (*-ukai*), *-уци/-юци* (*-učiai*), *-уни/-ыни* (*-iniai, -inis, inė(s), -унė*), *-ени* (*-eniai, -ieniai*), *-олу/-али* (*-aliai, -eliai*) и др. (2). Корни названий в большинстве случаев сохранились литовские (*Погиры, Трокели, Смилгини*), однако довольно многочисленны славянские их переводы или прочие преобразования (*Užugiriai — Залесье, Užubaliai — Заболотье, Забелевы*). В таком случае литовское происхождение ойконима без учета исторических данных установить невозможно.

Наиболее славянизированную форму названия приобрели в пограничной полосе, где литовцы непосредственно контактировали с соседями-белорусами. Здесь имеются многочисленные названия с белорусскими суффиксами *-ичи* и др., которые не характерны для территории, находящейся дальше от пограничной зоны, хотя и там литовский язык был вытеснен белорусским. Иногда и в таких случаях в некоторых названиях все-таки сохранились литовские корни: *Girionys — Гировичи* (у Субботник), *Girevichi* (у Радошкович), *Juodelėnai — Иодловичи* (у Опсы). Даже литовский суф. *-ушки* соседями-белорусами иногда заменялся славянским *-ище*, иногда *-уха* (*Sėliškės — Селище, Bartoniškės — Бартениха* (у Юратишек). Кроме того, по всей Литве много местных названий славянского происхождения. Все эти обстоятельства затрудняют установление восточной границы литовских топонимов.

На составленной нами топонимической карте (карта 2, см. вкладку) к ареалам литовской топонимики отнесены территории, на которых литовские ойконимы (в первую очередь с суффиксом *-ушки*) преобладают, т.е. когда они по численности превышают славянские (или славянизированные литовские). К смешанным ареалам отнесены территории, на которых преобладают славянские (или славянизированные литовские) ойконимы, но довольно многочисленны и литовские. Кроме того, на карте обозначены единичные ойконимы литовского происхождения, а также этнонимические ойконимы, относящиеся к литовцам и их соседям (этнонимы)¹.

Этнонимы бывают двоякого происхождения: одни возникают на окраине своей этнической территории (периферийные), другие — в глубине чужой этнической территории (экстерриториальные), т.е. поселения колонистов, пленных и др. На литовско-восточнославянском пограничье наиболее древними являются этнонимические ойконимы *Кривичи, Кривичане*, которые могли возникнуть в эпоху племенной организации славян — в VII—X вв., а по традиции — и несколько позже. В эпоху Киевской Руси, а возможно и позднее, в соседстве или в окружении литовских поселений возникли этнонимические ойконимы *Русачи, Русачки, Русины, Русское Село* и т.п. Они, как правило, располагаются западнее ойконимов типа *Кривичи*. Это указывает на продвижение восточных славян в эту эпоху [26, с. 32—46; 27, с. 46, 92—93, 95]. Более поздними являются ойконимы типа *Гуды, Гудели* (*gudas* — по-литовски 'белорус'²). Аналогичное положение занимают ойконимы *Литва, Ят-*

¹ Литовские ойконимы определены проф. З. Зинквичюсом.

² Этноним *gudas* в некоторых местах мог относиться и к другим этническим группам: полякам, обелорусившимся и ополячившимся литовцам, даже к отдельным этнографическим группам собственно литовцев.

везь-Дайнова, Латыголь-Латыгово и др. На бывших литовскоязычных островах и на окраине литовской этнической территории в разное время возникли ойконимы *Литва, Литовцы, Литвяны, Литовщина* и под.

Ойконимы, произведенные из фамилий этнонимического происхождения (патронимические; напр., *Русакович* → *Русаковичи, Литвинов* → *Литвиново*), не имеют отношения к этническим границам. Отделить их от этнонимов не всегда удается, поэтому на ойконимической карте нами отмечены все ойконимы этнонимического происхождения (включая патронимические).

Проблематичны ойконимы с суф. *-енята/-еняты* и их явно полонизированные формы с *-енента/-ененты*. В разных источниках на русском языке параллельно употребляются оба варианта, по-польски же они передаются одинаково: *-ienięta*. Такие названия встречаются почти исключительно в пограничной зоне католического и православного населения, в основном в б. Ошмянском и Свенцянском уездах. М.Я. Гринблат [7, с. 147] и В.А. Жучкевич [12, с. 212] считают такие названия бесспорно литовскими по происхождению. Однако названия с такими суффиксами мы не обнаружили на территории Литовской ССР по картам (и в списках населенных мест) царской России и буржуазной Польши, где названия населенных мест представлены в славянизированной форме (за исключением *Дусеняты, Dusienięta* — по-литовски *Dusinėnai* к югу от Вильнюса в Рудоминской вол.). Они отсутствуют и во всей остальной Западной Белоруссии (за исключением *Беленента* у Сопочкина и *Сенниченента/Сенничи* к востоку от Дятлова). Преобладают в этом типе названия со славянскими корнями, но есть и с литовскими. Возможно, что это древнеславянский суффикс, сохранившийся на литовско-белорусском пограничье, а основателями большинства этих населенных пунктов были славяне, по всей вероятности, литуанизированные в начальный период ВКЛ. Из особенностей расположения ойконимов с этим суффиксом следует вывод, что они определяют литовско-восточнославянскую этническую границу, относящуюся, вероятно, к эпохе Киевской Руси, или, точнее, западную границу расселения восточных славян. Эта гипотеза, разумеется, нуждается в проверке.

Ниже прилагается полный список таких названий населенных пунктов (их местоположения отмечены на прилагаемой ойконимической карте): в Лидском уезде: *Бриндзенята*;

в Ошмянском уезде: *Гореняты, Гуд(з)енята, Крошенента/Корешенята* (у Лаздун), *Лубинята/-енята, Мендзенята, Позинята, Старченята, Стриженята/-еняты* (к югу и западу от Ивья), *Коркенента/-енята, Селищенента/-енята, Цепенента/-енята* (к северу от Юратишек), *Сенкенента/-енята, Лодинента/Ледзеченята, Маркиенента/-иняты* (к северу от Траб), *Региченента/Рогиченята, Сокоценента/-енята* (к северу от Гольшан), *Бицинента/-иняты, Гирбинента, Каяценента/-еняты, Мелькиенента, Греценента/-енята, Урленента/-еняты, Загорнята/Загорье, Трасеченята, Личинята* (к югу и западу от Борун), *Макарнята/-няты, Мендзенята, Олещенята, Куценента/-еняты, Раченята, Филиппенента/-иняты* (в окрестностях Забресья и Воложина), *Гуд(з)енята/-еняты, Нестенента/Несценента, Венславе-*

ненте/Венславеты (к востоку от Жупран), *Клидзинента/Клиденяты, Гореняты/Гороняты* (к юго-востоку от Сморгони);

в Свенцянском уезде: *Кореняты/-енята* (к северо-востоку от Кемелишек), *Супронента/-оненты, Рымшененты/-еняты, Старченента/-иненты, Синцененты/-иненты* (на правом берегу р. Вилия у Нестанишек), *Сычинента/-инята, Козиненты/-еняты, Горидзинента/Горидиненты, Черненты/-няты, Войдзинента/-иненты* (на правом берегу р. Вилия у Жодишек и Данюшева), *Столленяты, Завидиненты/Завидзинята, Грумбенента/-еняты* (у Свири), *Выголененты, Старчиненты, Славчиненты, Рымшеняты, Леценяты* (у Вишнева), *Континенты/Конценента, Миценяты/Мицины* (у Шеметова);

в Вилейском уезде: *Менченяты, Черняты* (на северо-восток от Мяделя), *Гритченята, Павлинята* (у Радошкович);

в Дисненском уезде: *Марциняты* (на юг от Иод);

в Новогрудском уезде: *Сенниченента/Сенничи* (на юг от Новогрудка);

в Августовском уезде: *Беленента* (у Сопочкина);

в Виленском уезде: *Дусеняты* (на юг от Вильнюса).

Так как источники, которые были использованы при составлении карт, представляют в основном административно-территориальное деление, существовавшее до первой мировой войны, нам кажется целесообразным рассмотреть этот вопрос по отдельным бывшим уездам.

В Гродненском уезде католическое население преобладает в северо-западной части, православное — в юго-восточной части с вклиниванием на север р. Котра. На юге уезда во многих местах православные проживают вперемешку с католиками. В католической части уезда до середины XVI в. католические приходы появились в Гоже, Каплице, Гродно и Индуре, а униатский приход был только в Гродно. Однако белорусские ойконимы преобладают во всем уезде, а литовские встречаются спорадически. Их больше в окрестностях г. Гродно, особенно к северо-востоку от города (*Путришки, Вертелишки, Пилюки, Пундзишки, Вербишки, Эйсмонта, Ридзели, Помеунь, Соля, Курпики, Бируличи, Котра, Ковши/Ковшево*) и южнее его в пограничье с Сокольским уездом: *Пилсуды, Бросты, Гибуличи, Жиличи, Песли, Индура, Лаша* и др. Известно, что еще в середине XIX в. литовский язык преобладал во всей северной части Гродненского у. вплоть до м. Гожи и д. Новой Руды [7, с. 149—150; 8, 528—529]. Если судить по ойконимам, то в более отдаленные времена литовскоязычная территория с северо-востока доходила до Гродно и продолжалась южнее его. Почти всю территорию уезда к северу от Гродно М.Я. Гринблат отнес к области "ославяненных литовцев" [7, с. 158—159; 8, с. 525, карта, с. 537].

Заслуживает внимания то обстоятельство, что в северной части Гродненского у. литовцы проживали на территориях, где преобладают славянские названия населенных мест, употребляемые литовцами с литуанизированными окончаниями: *Поречье* — *Parieće*, *Перелом* — *Perlantas*, *Глушнево* — *Glušnevas*, *Верхполе* — *Verpolé* и др. Следует полагать, что они были основаны до образования Литовского государства (во время присоединения этого края к Киевской Руси в XI в.) — славя-

нами, которые в начальный период ВКЛ были ассимилированы литовцами. Наверное, это не единственный такой случай на литовско-белорусском пограничье.

Славянские ойконимы многочисленны в некоторых местах севернее Гродненского у. — на окраине нынешнего Варенского р-на Литовской ССР, особенно вдоль р. Нямунас (Неман) до м. Мяркине (*Timakavas, Jablanavas I и II, Pagronyčys, Trasninkas, Utiēka, Radyčius, Piesčiai, Šumas, Dubičiai, Slučajus* и др.). О древнем расселении славян здесь свидетельствует этноним *Русское Село* (современная литовская форма — *Gudakiemis*) северо-восточнее м. Мяркине.

В Вертелишках и соседних деревнях в 1921 г. проживали православные. В прошлом здесь существовал униатский приход. Литовские названия деревень, население которых православное, являются редкими, но не уникальными случаями. Возможно, что в Вертелишках в прошлом проживали православные литовцы.

Литовские (балтийские) ойконимы встречаются (вперемешку со славянскими) на обширной территории юго-восточной части уезда (*Б. и М. Иодковичи, Ремуцевцы, Б. и М. Эйсмонта, Гудевичи, Пилки, Петрулин, Доргужи, Бергели, Вергелевицина, Генюши, Спудвилы, Куркежи, Жебры, Нарейки, Кули, Иодичи, Пелажин, Эйминовцы, Трумпы, Мештуны, Седейки, Бойдоты*) и дальше на восток и юг в пределах Волковысского уезда (*Бутримы, Кувейки, Жарна, Верейки, Шулейки, Шнипово, Немейки* — на северо-западной окраине уезда, *Дегели, Ятвекс* (2 деревни), *Ясколды* (2 деревни), *Жиличи, Ятовты* (около п.г.т. Свислочь), особенно в окрестностях г. Волковыска (*Бердзики, Шандры, Гумбишки, Менчели|Манчели, Ятвезь* — западнее Волковыска, *Видзейки, Ятвезь, Шустики, Монтовты, Мочулиско, Вилейши, Скребы, Довнары, Герутьево, Кривуличи* — юго-западнее Волковыска, *Рупейки, Тевелевицина, Петрулевичина, Дергели, Болотишки, Бобубли, Голишки, Лидяны* — юго-восточнее Волковыска, *Ошмянцы, Мацкелевицина, Войневичи, Зельва* — восточнее Волковыска, *Шауличи|Шавуличи* (2 деревни), *Юндзиловичина, Станелевичи, Рексти, Задейки|Жадейки, Кукути, Доменишки, Зельвяны* (северо-восточнее Волковыска) и др., где они местами даже преобладают. Как и в южной части Гродненского уезда, в значительной части Волковысского уезда население по религиозному составу было смешанным. Католическое население преобладало в окрестностях Волковыска, особенно на запад и северо-восток от города — т.е. примерно там, где представлено обильное скопление литовских ойконимов. Здесь после обращения литовцев в католичество было построено много костелов: в н.п. Волковыск, Шиловичи, Гнезно, Мстибово, Свислочь (западнее Волковыска), Зельва, Межиречье, Мочулино, Стубница (восточнее и северо-восточнее Волковыска) и др. Однако на данной территории существовали и униатские приходы. Следовательно, в Средневековье здесь проживало этнически смешанное население.

Литовские ойконимы весьма многочисленны в северо-восточной части Сокольского уезда (основная часть ныне на территории ПНР): *Немейши, Бакуны, Брузги, Мишкеники, Дойлидки, Лайгоболы, Вызги, Войновце, Szolcinie, Nowodziel, Czepiele* (вол. Кузница), *Zaizdra,*

Sterpejki, Milenkowce, Putnowce, Awuls/Auls, Litwinki (вол. Залесе), *Zwierzany, Nosuta (= Sniczany), Jurasze, Sidra, Siderka, Mikielewyszczyna, Bierniki* (вол. Сидра), *Jatwież, Jaginty, Siruciowce, Butrymowce* (вол. Новы-Двур), *Kundzin, Bilminy, Malawica Mała (= Pucilki), Malawicze Dolne, Malawicze Górne, Drahle, Sokółka, Dajgucie, Wojnachy, Douguciowo (= Kurowszczyna), Bilwinki, Geniusze, Kundzicze, Sciebielec, Sierbowce, Szyndziel, Gilbowszczyna* (вол. Сокулка), *Гребени, Скроблаку, Тоцзе, Билвины, Nomiki, Wojnowce, Miszkieniki Wielkie, Miszkieniki Małe* (вол. Одольск) и др.³ Литовская микротопонимия здесь особенно густа; она представлена не только в деревнях с литовскими названиями, но часто и в соседних деревнях со славянскими названиями [25, с. 87—206].

Литовские (или ятвяжские) ойконимы местами встречаются и на западной окраине уезда у р. Бжозувка.

По сведениям П.И. Кеппена, литовский язык употреблялся в северной части Сокольского у. еще в первой половине XIX в. [14, с. 94—96]. Таким образом, в средние века между Гродно и Сокулкой существовал крупный литовскоязычный остров.

На территории б. Белостокского уезда (ныне ПНР) выделяются два ареала густого скопления литовских ойконимов [25, с. 238, карта 6]. Один из них расположен южнее Белостока, в основном на территории вол. Юхновец и Турось: *Dojnowo, Dojlidy* (ныне оба пункта в составе г. Белосток), *Oliszki, Tołcze, Juraszki, Lubejki, Olmonty, Paceliszki, Dojlidy Górne, Niewodnica Nargilewska, Lule, Romejki, Kojrany, Ciekuny, Oksztule, Klewinowo, Tryczówka, Wojszki*. Этноним *Dojnowo* показывает, что часть населения этого ареала была ятвяжского происхождения и что жили они в литовском окружении (этноним имеет литовскую форму).

Другое скопление литовских ойконимов расположено в самой северной части Белостокского у. на левом берегу р. Бебжи и ее притока Бжозувки на территории вол. Ясьвины, Моньки и соседних: *Jatwież Mała, Jatwież Duża, Tarusy (= Dzięciołowo), Radzie, Jadeszki, Jaświłki, Jaświły, Romejki, Mocieszce, Klewianka, Guzy, Downary, Dobarz, Gugny, Giełczyn, Zubole, Zucielec, Romiejki, Wojszki, Masie, Mejły, Żodzie, Żyburty, Swierzbienie, Ginie, Oliszki, Czekołydy, Gince, Guzy, Wodzitówka, Rekle*. На юге этого скопления (в окрестностях г. Кнышын) есть этноним *Rusaki*, а на востоке (на восточном берегу Бжозувки) — *Dryga* (по-ятвяжски 'русские'). Этот этноним, как и этноним *Jatwież* на восточной окраине ареала, показывает, что данные поселения, расположенные у крупного массива болот, могли быть основаны сохранившимся здесь ятвяжским населением, которое позднее (в эпоху ВКЛ) литуанизировалось.

Оба острова расположены в пограничной полосе белорусских и польских говоров — в первом из них преобладает белорусский говор, во втором — польский [25, с. 324, карта 4]. В средние века, накануне Люблинской унии, они находились на западной окраине ВКЛ.

В Лидском уезде преобладало католическое население. Православные населяли его крайний юг вдоль р. Неман (за исключением устья р. Лебеда) и вклинивались на север: вдоль правого берега

³ Названия населенных мест, находящихся на территории ПНР, приводятся по-польски согласно списку, представленному польским языковедом М. Кондратюком [25, с. 22—86].

нижнего течения р. Жижма до д. Гимбуты, от д. Збяны до среднего течения рек Лебеда и Дитва и в западной части уезда, примыкающего к Гродненскому у. вдоль р. Котра. На данной территории в прошлом существовали униатские приходы. Литовские ойконимы преобладают только в северной половине уезда до линии, проходящей от м. Заболоть, южнее м. Жирмуны до среднего течения р. Жижма. В первой половине [20, с. 264] и в конце [18, с. 64—68; 35] XIX в. здесь преобладало литовскоязычное население. Даже сегодня здесь почти в каждой деревне можно найти говорящих по-литовски стариков. М.Я. Гринблат эту границу считает южной границей славянизированных литовцев. Этот факт как бы подтверждают 4 этнонима *Гуды*, *Гудели* — у Заболоти, в среднем течении р. Дитва и между Журмунами и Лидой.

К югу от этой линии на обширной территории проживали католики. После крещения литовцев здесь было построено много католических костелов: в м. Рожанка, Щучин, Желудок, Ляцк, Ельна, Ищольно, Новый Двор, Ваверка, Верх. Ваверка, Крупово, Лида, Белица. Униатских приходов здесь не было (за исключением г. Лида). Однако здесь преобладают славянские ойконимы, местами встречаются и литовские. Последние преобладают в окрестностях м. Василишки и д. Бакшты, образуя здесь своеобразный полуостров. В нем, по данным переписи населения 1921 г., часть населения указала себя литовцами: в д. С. и Н. Поддубы, Ходзилони, Говдзишки, Бакшты, Банюки [32, с. 28—29, 31—33]. Литовских ойконимов много в южной части территории, заселенной католиками, — в окрестностях местечек Щучина, Желудка и Рожанки: *Буйвиды*, *С. и Н. Герники*, *Доги*, *Дойлидовщина*, *Жагуны*, *Жиличи*, *Кемяны*, *Кудра*-ы, *Маслишки*, *Пинчуки*|*Пилчуки*, *Плянты*, *Романишки*, *Топилишки*, *Шоркини*, *Ятвек* (в Щучинской вол.), *Войделевичизна*|*Вондиловичизна*, *Дубели*, *Кукини*, *Купры*, *Лапишки*, *Ошмянцы*, *Скерси*, *Скобейки*, *Шавдзины* (в Желудокской вол.), *Дырванцы*, *Кирели*, *Марцинишки*, *В. и М. Можейков*, *Нарчи*, *Роубы* (в Лебедской вол.), *Бартошишки*|*Бартошевичево*, (южнее, на берегу р. Неман есть ойконим *Русаки*), *Воронишки*, *Довклевицзна*, *Карпелишки*, *Скавронишки*, *Сонгайловичизна* (в Рожанковской вол.), *Бублейки*, *Малинишки*, *Номейки*, *Ройши*, *Шаруны* (в Ляцкой вол.)⁴. Далее они заходят в Гродненский у.: *Будревцы*, *Жадейки*, *Ятвек* (в Каменской вол.), *В. и М. Стефанишки* (в Мостовской вол.). Литовские топонимы показывают, что в этом массиве в прошлом проживали литовцы. Хотя официальных данных об употреблении литовского языка здесь в XIX в. нет, однако, по сведениям исследователей, в некоторых деревнях (даже среди православного населения) литовский язык употреблялся в конце XIX — начале XX вв., а в д. Герники он сохранился до наших дней. По данным переписи населения 1921 г., литовцами себя указала часть населения в деревнях: *Малевичи Горные*, *Семеняки*, *Сухари* (Рожанская вол. [38, с. 27—28]), *Дворчаны*, *Голынка*, *Шимки* (Орлянская вол. [38, с. 24—25]) и др.

⁴ Названия населенных мест Виленской губернии представлены по изданиям царской России [6].

Севернее этого ареала с литовскими ойконимами проходит полоса с преобладающими славянскими названиями, которая отделяет вышеуказанный ареал от основной территории литовских ойконимов. В этой полосе имеются 2 этнонима *Русаковцы* и *Русачки*. Они свидетельствуют о том, что славяне здесь поселились до образования Литовского государства. Однако население в этой полосе сплошь католическое. Униатских приходов здесь не было. Территории со славянскими названиями населенных мест и старокатолическим населением — своеобразный феномен бывшего литовско-белорусского пограничья. Этническая принадлежность средневекового населения этого ареала нуждается в более детальных исследованиях.

Имеются сведения, что литовский язык в первой половине XIX в. употреблялся в довольно узкой полосе к югу от Лиды до р. Неман, а южнее ее — в окрестностях м. Дятлово [20, с. 264]. В 1921 г. литовцами себя указала часть населения (в основном православная) в деревнях: *Б. и М. Конюшаны*, *Ямонты*, *Минойты*, *Пески*, *Тобола*, *Бондары* (последняя — южнее р. Неман) [38, с. 11—12, 17—18]. Литовские ойконимы здесь образуют полуостров, который тянется от м. Жирмуны через Лиду почти до р. Неман: *Гимбуты*, *Сугайлы*, *Довкни*, *Болтуты*, *Сковроншики*, *Рупейки*, *Дейново*, *Лида*, *Висмонты*, *Иодки*/-о, *Невершики*, *Богдзи*, *Ямонты*, *Минойты*, *Доржи*, *Жамойдзь*... Этот полуостров продолжается за р. Неман, где в окрестностях г. Дятлово (Слонимский у.) имеется ряд населенных пунктов с литовскими названиями: *Дятлово* (*Zietela*), *Бакшты* (*Bokštai*), *Барташу* (*Bartašiai*), *Бердишки* (*Berdiškės*), *Бувиловичи* (*Butvilai*), *Герники* (*Girnykai*, *Girininkai*), *Гезгалы* (*Giežgalai*, *Giedgalai*), *Гиричи* (*Giričiai*, *Yričiai*), *Ятвезь* (*Dainava*), *Кравчишки* (*Kriaučiškės*), *Б. и М. Крагле* (*Krėliai*), *Курпешу* (*Kurpešiai*), *Литаворы* (*Litavarai*), *Молдуци* (*Maldučiai*, *Maldūnai*), *Нарбутовичи* (*Narbutonys*), *Норцевичи* (*Narčiai*), *Обелковичи* (*Obelkonys*), *Олехновичи* (*Aleknos*), *Погиры* (*Pagiriai*), *Пецюки* (*Pečiukai*), *Раклевичи* (*Rėkliai*), *Регуни* (*Raginiai*), *Стрела* (*Strėla*), *Толкуны* (*Talkūnai*), *Засетье* (*Zasečiai*), *Жибортовицзна* (*Žybartonys*), *Жиборты* (*Žybartai*), *Жодейки* (*Žadeikiai*) и др. Такие названия имеются и к востоку от р. Молчадь: *Клишевичи* (*Klišiai*), *Клэвы* (*Klevai*), *Колодишки* (*Kaladiškės*), *Зосин* (2 деревни), *Черная Ланка* (*Juoda Lanka*), *Струмилевичина* (*Strumilai*), *Б. и М. Гайбуты* (*Geibutai*). Деревни с литовскими названиями встречаются и южнее основного дятловского ареала литовских ойконимов: вдоль дороги Дятлово — Слоним: *Медвиновичи* (*Medvinonys*), *Колодишки* (*Kaladiškės*), *Эйсмонтовичи* (*Eismantai*), *Вильмонтловичи* (*Vilmantai*), *Шундры* (*Šundros*), к югу от м. Роготна: *Войневичи*, *Довгяловичи* (*Daugėlonys*), *Иовнишки*|*Ельнишки* (*Jauniškės*), *Рикулишки* (*Rikuliškės*) (литовские формы названий зафиксированы А. Видугирисом). В Дятловском ареале есть два ойконима *Русаки*: северо-западнее Дятлова и южнее Козловщины.

В середине и даже во второй половине XIX в. литовский язык еще преобладал в дер. Засетье, Погиры, Норцевичи, смешанными были дер. Ятвезь, Курпешы, Стрела, Гезгалы и м. Дятлово [40, с. 195—213]. В дер. Засетье часть населения сохранила литовский язык до наших дней. В данном ареале после крещения литовцев католические приходы

были основаны в местечках Дятлово, Дворец, Роготна и Молчадь. Однако там же были и униатские приходы (за исключением Роготны). Есть сведения, что значительная часть здешних литовцев была православной.

Вопрос о происхождении дятловских литовцев в научной литературе не решается однозначно. Некоторые исследователи считают их потомками бежавших в XIII в. из Пруссии ятвягов. Эту гипотезу как бы подтверждает существование там деревни *Ятвезь*, называемой литовцами *Dainava*. Другие исследователи считают, что это потомки древнелитовского населения с некоторой примесью ятвяжского элемента [31, с. 67—68; 40, с. 195—213].

В Новогрудском уезде литовских ойконимов больше в северо-западной части, примыкающей к Лидскому и Ошмянскому уездам (до Новогрудка: *Генюши, Марцули, Войново, Гердовка, Свиры, Невда, Литовка, Евневичи, Буйвидовщина, Осминишки*). Среди населения уезда преобладали православные. В указанной части уезда католики (смешанно с православными) проживали лишь в окрестностях м. Вселюб и частично г. Новогрудок. В северной части уезда только в этих населенных пунктах после крещения литовцев были основаны католические приходы. Отсюда следует вывод, что в средние века в северо-западной части уезда часть населения составляли литовцы. Это подтверждает и ойконим *Литовка* севернее Новогрудка.

Ошмянский уезд большей частью заселен был католиками. Православные преобладали лишь в северо-восточных волостях: Беница, Полочаны, Забрэжье, Воложин, Бакшты (где они составляли более 75% всего населения), частично в вол. Сморгонь (ок. 43%) [34, с. 40]. Здесь в прошлом было 15 униатских приходов. Литовские ойконимы преобладают почти на всей территории, где проживают католики, за исключением юго-восточной части уезда (восточнее Налибокской пуши). Согласно сведениям I половины XIX в., литовский язык употреблялся во всей юго-западной части уезда (около м. Девянишкес, Сурвилишки, Граужишки, Вельбутово, Клевица, Липнишки, Геранёны, Ивье, Лаздуны, Токаришки) и частично в северной его части (около Якентан) [20, с. 251]. В окрестностях м. Девянишкес и частично м. Лаздуны он сохранился до сих пор. Однако литовские ойконимы распространены шире, они преобладают и во всей северо-западной части уезда — в окрестностях г. Ошмяны, м. Жупраны, Солы и др. Можно предположить, что в более отдаленные времена там тоже употреблялся литовский язык [3, 4].

В центральной части уезда около м. Сморгонь, Крево, Забрэжье, Вишнево, Гольшаны, Трабы, Юратишки и др. католики проживали вперемешку с православными. Рядом с литовскими названиями населенных пунктов здесь многочисленны и славянские, которые преобладают в полосе Лоск — Гольшаны — Трабы. После крещения литовцев здесь существовали как католические (в Сморгони, Крево, Забрэжье, Саковщине, Гольшанах, Богданове, Трабах, Вишневе и др.), так и православные (позже униатские) приходы (в Сморгони, Крево, Забрэжье, Михалове, Гольшанах, Трабах, Юратишках). По всей вероятности, в средние века на данной территории литовцы и славяне проживали смешанно.

На юге смешанная территория кончается населенными пунктами Гуденята и Гудишки. Юго-западнее этой клинообразной территории у р. Гавья отмечен ойконим *Русаки* — это говорит о том, что славяне здесь поселились до образования Литовского государства. Не исключено, что в некоторых местах проживали православные литовцы, особенно около Юратишек, Бакшт и Воложина, где многочисленны литовские названия деревень. М.Я. Гринблат к ареалу обелорусенных литовцев отнес западную половину уезда, в которой сплошь проживали католики, но из этого ареала он исключил католический полуостров, тянущийся от м. Липнишки через Ивье, Лаздуны, Токаришки до нижнего течения Неманской Березины, где реально литовский язык употреблялся еще в I-й половине XIX в.

Литовские ойконимы местами встречаются в восточной части Ошмянского уезда. Они образуют своеобразный полуостров восточнее Крева в междуречье р. Вилия-Уша и Березина: *Мигули, Олешишки, Бурдишки, Шиловичи, Дабутишки/Довбутишки, Свирицзна, Дроздишки, Рымцели/Рамцели, Гиры/Гаевцы, Кевлы, Кевлишки, Рымшели-Каскевичи*.

Другое скопление литовских ойконимов тянется севернее Налибокской пуши — от среднего течения р. Березина через Воложню до Першаев: *Жемойдзи/Жемойдзь, Ясинишки, Дайновка, Дайнова Великая, Мойсеишки, Узболоть* (в Забрэжской вол., население православное или смешанное), *Нарейши, Кибуци, Гинтовщина/Мейжиковщина, Коришки, Межейки, Билуци, Бурнейки, Даубени/Довбени, Войниловщина, Даугелевщина/Довгелевщина, Росолишки* (в Воложинской вол.; население в основном православного вероисповедания).

В юго-восточных волостях Налибоки и Деревно, восточнее Налибокской пуши, как и в соседних волостях Рубежевичи и Ивенец Минского уезда, преобладало католическое население. Сведений о существовании здесь униатских приходов нет. После крещения литовцев были основаны католические приходы в Налибоках, Камне, Ивенец, Волме, Кондратовичах, Койданове (ныне Дзержинск). Однако в Деревнянской и Налибокской волостях преобладают славянские названия населенных пунктов. Литовских названий больше в волостях, расположенных к юго-востоку от вышеуказанных, в основном у главного водораздела рек Неманского (в верховьях р. Исloch, Уса, Сула, Усса) и Днепровского (верховья р. Птичь) бассейнов: Ивенец (*Дайнова, Далидовичи, Гудели, Гуды, Яневичи, Куль, Мейшты, Мешкуци, Серкули, Шикуты, Товканы, Троки, Васишки*), Рубежевичи (*Довнары, Дзявги, Литва, Сула, Сутоки, Шальки/Шалькевичи*) и восточнее их, в основном в бассейне р. Усса: *Жебровщина, Надрезишки, Бардзи/Барци, Юрцишки, Горутышки, Гайбуты, Жмуйдяки, Скирмунтово, Курмелево, Нарейки, Яуторы/Евторы* — севернее Дзержинска, *Жилевщина, Кули, Довнары* — восточнее Дзержинска, *Нарейки, Шилвилы, Литвяны, Литавец, Литва* — южнее Дзержинска, *Кальваришки, Антонишки* — западнее Минска, *Марцебелишки, Бакшты/Дукора, Галишки, Дайнова* и др. — юго-восточнее Минска в бассейне р. Свисloch. Е. Охманский полагает, что славяне в окрестностях Деревной поселились до начала XIII в. (здесь имеется ойконим *Русаки*). Вместе с тем, согласно собранным им историческим

материалам, в некоторых деревнях в окрестностях Ивенца и Камня в конце XVI в. проживали литовцы [31, с. 50]. Имеются сведения о существовании литовского языка около Деревной в конце XIX в. [15, с. 45—46].

Ивенцеко-Дзержинский ареал литовской ойконимии на севере соединяется с другим аналогичным ареалом, который тянется от Першаев через Радошковичи до Гайны (пограничье Вилейского, Борисовского и Минского уездов). Этот ареал расположен также у главного водораздела рек Неманского (верховья р. Исloch, Березина, Уша, Илия) и Днепровского (верховья р. Свислочь и Гайна) бассейнов. Население в данном ареале было смешанным по религиозному признаку. После крещения литовцев здесь были основаны католические приходы в Гайне (1387 г., один из самых первых), Радошковичах, Яршевичах, Дуброве, Першаях, Дорах и др. Однако в некоторых местах этого ареала существовали и униатские приходы.

Литовские ойконимы здесь очень многочисленны: *Вилуцевичи, Гердутишки, Довцевичи, Кукели, Погорелишки, Рымцишки, Русалишки, Чернишки* (в Городокской вол.), *Бакшты, Варгинишки, Вязинишки, Германишки, Давгули, Мажулево, Хмаришки|Хмуришки, Ядейки* (в Германишской вол.), *Войтели, Войтяши, Гирдзи, Грунцишки, Дайново, Дырваны, Лабуцишки, Мачулы, Суринты* (в Красносельской вол.), *Б. и М. Бакшты, Вазгели|Вазгилы, Вермейки, Заостишки, Пецюли* (в Радошковичской вол.), *Бузуны, Будровщина, Войтели, Гервели|Гирвели, Германишки, Гиневичи, Гиревичи, Гойжево, Трипуци, Юржишки* (в Раковской вол.), *Б. и М. Бордзинь, Кириши, Кучкуны, Липени, Петришки, Швилы* (в Заславской вол.), *Удра, Раукуцевичи|Равкутичи, Боуби, Ошманцы, Ковшево, Дайнова* (восточнее Радошкович), *Бакшты|Селище, Рапуцево, Бросты, Смердишки, Лявда, Шепели, Буйки, Литвинково, Миселевщина, Ковшичи* (западнее и южнее Гайны), *Гилевщина, Нарбутово, Жирблевичи, Ейноровичи* (севернее Гайны) и др.⁵ Напрашивается вывод, что в Средневековье там существовал крупный литовскоязычный остров или же несколько островов. Это подтверждают исследования Е. Охманьского, который обнаружил множество литовских антропонимов в инвентарных списках крестьян Декшнянского имения конца XVI в. Он предполагает на этом основании, что во владениях данного имения в том время половина деревень были либо чисто литовскими (*Вазгели, Путники*), либо чисто славянскими, другую половину составляли смешанные деревни [31, с. 50—53].

Заслуживают внимания ойконимы *Дайнова* в Радошковичско-Ивенцеком ареале: севернее Воложина, западнее Острошиц, Радошкович и Ивенца и юго-восточнее Минска на р. Цитовка (приток Свислочи). Так литовцы называли селения ятвяжских колонистов, в основном появившиеся в ВКЛ после завоевания ятвягов Тевтонским орденом

⁵ Для территории, расположенной восточнее линии Докшицы — Острошицы и Заславль — Узда — Визна, мы располагали только картами масштаба 1:300000, на которых обозначены лишь наиболее крупные населенные пункты. Поэтому на указанной территории может быть больше литовских ойконимов, чем указано нами на ойконимической карте.

в конце XIII в. Славяне такие деревни именовали *Ятвезь*. Так как ойконим имеет здесь литовскую форму, можно полагать, что ятвяги поселились в литовской среде [31, с. 36—37].

В Свенцяном уезде 1921 г. перепись населения не проводилась. По данным переписи 1919 г., в большинстве волостей православные были малочисленными (менее 5%). Они преобладали лишь в крайних юго-восточных волостях — Занарочской (94,7%) и Войстомской (61,8%). Православных довольно много также в соседних волостях: Кобыльнической (27,1%), Вишневской (25,5%), Шеметовской (14,6%), Дубатовской (13,8%) [34, с. 40]. После крещения литовцев католические костелы в восточной части уезда были построены в м. Войстом, Данюшево, Жодишки, Нестанишки, Свирь, Кобыльник (ныне Нарочь). Униатские приходы здесь были следующие: Ганута, Русское Село, Дубатовка, Светляны (на левом берегу р. Вилия у Сморгони), Ижа, Спягло, Занарочь, Сосново (восточнее Кобыльника). В 1-й половине XX в. сеть православных приходов почти совпадала с бывшими униатскими приходами [17; 33]. Исходя из распространения католических и православных приходов, можно провести следующую границу между католиками и православными: от р. Вилия южнее м. Данюшево на север через Дубатовку, с вклиниванием по направлению к Войстому, по Вишневскому озеру, р. Перекоп, вдоль западного берега оз. Нарочь, через Кобыльник на Поставы, далее по р. Мяделка. Эта граница почти совпадает с установленной М. Я. Гринблатом восточной границей славянизированных литовцев.

Литовские названия населенных пунктов преобладают почти по всей населяемой католиками территории, однако местами между р. Вилия и оз. Свирь, а также около Комаи многочисленны и славянские названия, которые около Данюшева и северо-восточнее оз. Свирь (около Шеметова и Засвири) начинают преобладать. Западнее Кобыльника имеется ойконим *Русаки*. Е. Охманьский, ссылаясь на данные археологии и топонимики, делает вывод, что славяне в окрестностях Засвири поселились в XI в. [31, с. 33]. Этнический состав средневекового старокатолического населения местностей со славянскими названиями в этих ареалах, как и в других аналогичных, требует дальнейших исследований.

Достоверных сведений первой половины XIX в. об употреблении литовского языка в восточной части уезда нет [20, с. 251]. В источниках начала XX в. имеются сведения, что литовский язык наряду с белорусским еще употреблялся около м. Кемелишки, Ключаны, Лынтупы, Комаи (19) и частично в некоторых деревнях у Вишнева (Антосино, Спяглица, Свинка) [41, с. 162].

В Новоалександровском уезде преобладало католическое население. В 1921 г. православные встречались только в некоторых деревнях у самого Браслава [39, с. 3—5]. В прошлом кроме этого православными были жители прихода Слободка, расположенного к северо-востоку от Браслава, который позже был обращен в католический [9, с. 170]. На территории уезда униатские приходы были в Браславе (вместе с католическим) и в Заверье.

Литовские ойконимы преобладают на всей территории уезда к за-

паду от Браславских озер. Северо-восточнее Браслава вдоль р. Друйка преобладают славянские, а юго-восточнее Браслава — литовские. Следовательно, на территории уезда в средние века славяне проживали в полосе по р. Друйка от р. Даугавы до Браслава, а вся остальная территория была заселена литовцами. По имеющимся сведениям 1-й половины XIX в., литовский язык употреблялся сплошь "около Дрисвяты, Видзы и кончался в двух милях от Браслава" [20, с. 292]. Даже в конце XIX в. он употреблялся в основном наряду с белорусским или польским во всех восточных волостях за исключением Слободской [5, с. 326—330; 9, с. 168—174; 13, с. 6]. Поньше он отмечается в некоторых деревнях западнее Браслава, особенно в окрестностях м. Опса.

Литовские названия населенных пунктов встречаются и на окраинах соседних волостей Дисненского уезда, особенно в северной части Богинской вол. (севернее Бельмонтской пуши) и Иодской вол. (от Иказни до Иод: *Ренгелишки, Кумша I и II, Юндзилово, Шауляны, Рукши, Гирдюши, Пурвинишки, Сквиртишки, Щилово, Побярже, Довяты, Талеи, Пашалы, Подобы, Иоды, Игнатишки/М. Мета, Пожардь, Семенишки, Тавкини, Гурвенишки, Кушталы, Свиля I и II*), где они даже преобладают, а также частично в северо-западной части Ново-Погостской вол. (*Клибовщина, Мандрин, Акулишки/Окулишки, Пушелаты, Мяцели/Мицели, Петкуновицина, Жвиранка, Жвиранки, Янишки, Гирнуты, Кульневцы, Ковшелево, Юндзилово, Кадаришки*) и в западной части Друйской и Перебродской волостей. Населявшаяся католиками территория тянется на восток дальше, чем литовские топонимы — вплоть до р. Мерица. Однако на данной территории в прошлом были униатские приходы в н.п. Друя, Козаково, Повятье, Перебродье, Иказнь, Иоды, а католический был только в Иказни. Имеются исторические сведения, что в Иказни католический приход был основан на том основании, что в XV в. ее окрестности в этническом аспекте были смешанными (до того там существовала православная церковь) [31, с. 43].

Заслуживает внимания факт, что в западных частях Перебродской и Друйской вол. литовские названия носят почти только русские старообрядческие поселения: *Алексишки, Гайлешы, Дерванишки, Камаришки, Курмелово, Маркенишки, Пасютишки, Петкуны, Раугелишки, Рудава/-ы, Яветеришки* (в Перебродской вол.; старообрядцы в ней преобладали), *Барбаришки, Бобишки, Шаркелы, Раткуны* (в Друйской вол.). Такие названия могли возникнуть только в условиях литовского окружения, однако соседние деревни с католическим населением имеют в основном славянские названия. М. Я. Гринблат окрестности Друи отнес к территории, где проживают славянизированные литовцы.

Сведений XIX в. об употреблении литовского языка восточнее Браслава нет, а севернее Далекых в некоторых деревнях он сохранился до наших дней.

По мнению исследователей, южнее и восточнее литовской этнической территории в XIV—XVI вв. и даже позже существовали литовскоязычные острова. Они в первую очередь связываются с ареалами католичества, в которых имеются литовские ойконимы. В Вилейском уезде около м. Дуниловичи, Волколата, Докшицы, Кривичи, Долгино-

во тянется полоса католического населения, в которой преобладают славянские ойконимы. Литовские ойконимы сосредоточены в северо-западной части этой полосы (между м. Дуниловичи, Мядель и Волколата): *Шурпики, Гинево, Ковзаны, Войневка, Жилинские, Кукишки/Кукиши, Мяделица, Ожуны* (северо-западнее Дунилович), *Плешкуны, Марцинелевичи, Мартулы, Латыголь, Станелевичи, Лапишки* (восточнее Дунилович), *Гирстуны, Скорбуны, Прусы, Разлутышки, Трумпичи, Борейки, Кевличи, Лабуты* (севернее Дунилович), *Вешторты, Ожарцы, Пожарцы, Бюты, Лотва, Корейвица, Пецюлево* (в окрестностях м. Груздово), *Гирины, Азарки, Пильковицина, Навры/Невры, Мисуны, Дягили, Милты, Римшово, Лейцы, Петрелево, Виржи* (между м. Мядель и Волколата). После крещения литовцев католические приходы были основаны в Дуниловичах, Мяделе и Волколата. В 1921 г. часть населения д. Пожарцы указала себя литовцами [39, с. 29]. Есть основания предполагать, что в средние века здесь существовал литовскоязычный остров или несколько островов.

Нуждаются в более детальных исследованиях этнического состава средневекового населения и другие места вышеуказанного католического массива, особенно те, где униатские приходы отсутствовали: около м. Будслав, Парафьяново, Волколата, Прозороки (здесь в 1921 г. в некоторых деревнях проживали литовцы).

Литовские ойконимы встречаются южнее вышеуказанного ареала, уже на территории, где преобладает население православное. Небольшая группа литовских ойконимов обнаруживается у м. Куренец севернее г. Вилейка: *Литвинки, Пукени/Пукели, Пликовичи, Карвели/Корвели, Журы/Журихи, Бутри/Бутримова, Порсы/Порса, Римши, Талуць, Бонда, Кульшино*. Они встречаются и в окрестностях м. Вязынь юго-восточнее Куренца: *Латыголь, Ромейки, Будревичи/Винцентово, Ковшевичи, Снпичишки*. В этих местах среди сплошного православного населения были небольшие католические островки, а после крещения литовцев в Куренце и Вязыни существовали католические приходы. Есть сведения, что в вол. Вязынь литовский язык еще употреблялся в конце XIX в. [18, с. 68].

Литовскоязычный остров, по всей вероятности, был и в окрестностях м. Докшицы (пограничье Вилейского и Борисовского уездов). Здесь на обширной территории верховой Березины и Вилии западнее крупного массива болот и лесов есть следующие ойконимы литовского происхождения: *Докшицы, Литовцы, Кобели, Скудуцы, Шинделишки, Шилениха, Швепли, Песковишки, Гойголово, Шунели, Свиличи, Боудзи, Шантары/Шанторы* (2 деревни), *Шантаровщина, Перелой, Свирки, Азарино, Азарцы, Гирново, Кейданы, Круки, Крипулы, Бубны, Норвидполь, Бирулы, Шалагиры, Ковли, Варлин, Кальник, Милькуны, Станкуль, Кемешевцы, Лапишки/Задорье, Шилинцы, Литвичи, Шили, Прусовичи*. Правда, в Докшицах католического прихода не было. Ближайший костел был построен в Волколатае, в 25 км западнее Докшиц. Здесь преобладало православное население. Возможно, тут проживали литовцы православного вероисповедания.

В верховьях рек Щара, Уша (бассейн Немана) и Лань (Днепровский бассейн) около Ляхович, Клецка и Несвижа (пограничье Ново-

грудского и Слуцкого уездов) располагаются населенные пункты с названиями: *Литва, Дойники, Гирево, Гирава, Лабусы, Сакуны, Б. и М. Лотва*, а южнее — *Литовка* (между Барановичами и Ляховичами), *Кломники, Ятвезь, Трабовичи, Литвинчицы, Мацелевичина, Жиличи, Наруцевичи, Шингалы, Должинты, Литвиновка, Войниловичи* (между Ляховичами и Несвижем), *Пукелевичи, Бедишки, Радзивилимонт/Шлензаково* (ныне Кр. Звезда), *Вяжевичи* (у Клецка), *Нача, Понача, Тальминовичи, Б. и М. Моствиловичи, Куршиновичи, Жомойдзь, Нарушевичи* (юго-восточнее Ляхович в бассейне р. Нача) и др., а несколько восточнее — у Тимкович: *Иодчицы, Домонтовичи, Урведзь, Прусы*. Е. Охманский в инвентарных списках д. Иодчицы 1614 г. обнаружил исключительно католические и литовские антропонимы [31, с. 68]. В 1921 г. здесь преобладало католическое или смешанное население, а после крещения литовцев здесь были основаны католические приходы в Дареве, Ляховичах, Медведичах, Клецке, Несвиже и др. Однако на этой территории существовали и униатские приходы. Все это свидетельствует о существовании на этой обширной территории в средние века литовскоязычного населения.

Ареал этот интересен еще и тем, что там, кроме *Литва, Литовка, Литвиновка, Литвинчицы*, имеются и другие этнонимические названия, представляющие несколько народностей: *Ляховичи, Ляхи* (2 дер.), *Мазурки, Шлензаки, Русины, Русиновичи, Русовщина, Жомойдзь, Ятвезь, Б. и М. Лотва, Куршиновичи, Прусы* (3 дер.), *Турки, Цыгане*. Е. Охманский предположил, что здесь могли быть поселены люди разных народностей, взятые в плен при походах русских князей в XI—XIII в. [31, с. 66].

Регион Верхнего Понеманья (Радошковичи — Ивенец — Ляховичи) среди других островных ареалов литовской ойконимии выделяется обилием этнонимов, связанных с Литвой, в первую очередь — *Литва*. Это обстоятельство породило гипотезу, что древняя Литва находилась в Верхнем Понеманье, а не на территории современной Литвы [10, с. 69—72].

В окрестностях м. Полонка на территории верхнего течения р. Исса (приток р. Щара, пограничье Слонимского и Новогрудского уездов) есть небольшая группа деревень с литовскими названиями: *Лотвичи, Свираны, Вазгинты, Язвины, Севруки, Кочеришки*. В этих и некоторых соседних деревнях в 1921 г. преобладало католическое население, а после крещения литовцев в Полонке был основан католический приход. Возможно, в средние века там существовал литовскоязычный остров.

Между Коссовом и Ружанами к северу от Ясельдских болот (юг Слонимского уезда) есть группа деревень: *Юндзиловичи, Мизгири, Балты, Даргужи, Капли, Буцьки, Товцьвилы, Милейки, Жмойдзяки/Жемайтяки, Ятвезь*. По мнению Е. Охманского, ойконим *Жмойдзяки* показывает, что здесь могла существовать колония жемайтов (жмудинов) и *Ятвезь* — что часть населения была ятвяжского происхождения [31, с. 65—66]. В 1921 г. население этих деревень было православным, а раньше здесь существовали униатские приходы (в Албе и Мизгирах).

На самой южной окраине Беловежской пуши (пограничье Пружанского, Брест-Литовского и Кобринского уездов) есть две группы деревень, которые могут заинтересовать исследователей. Одна из них находится севернее Жабинки: в центре — *Кривляны*, а на расстоянии до 5 км от этой деревни — *Можейки, Шведы, Бояры, Жадзики, Вежки* (2 деревни), *Столпы, Велунь* (рядом — курганы), *Прусски, Литвинки*, а в 10—12 км на северо-запад — аналогичный комплекс названий: в центре — *Кривляны*, а вокруг — *Пруска* (2 деревни), *Бояры, Вежна, Пилище, Билдейки*. Севернее, у болота *Велатин* и д. *Великий Лес* находится группа ятвяжских курганов. *Кривляны* могли быть центральными поселениями, в которых проживали священники (*kriviai*), *Велунь, Велатин* и может быть *Великий Лес* — топонимы, связанные с курганами (по-литовски *vėlė* 'дух'). Ойконимы *Пруска* показывают, что это, вероятно, поселения прусских колонистов, бежавших в ВКЛ после подавления их восстания.

Кроме литовскоязычных островов в соседних славянских уездах (Гродненском, Волковыском, Слонимском, Новогрудском, Минском) в эпоху ВКЛ поселялись литовские феодалы, которые в XVI в. составили там "очень важное меньшинство населения" [30, с. 81—82]. Их поселения (имения, фольварки, околицы) в большинстве случаев носили литовские названия; после крещения литовцев там были основаны католические приходы.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что наиболее значительные скопления литовских ойконимов обычно встречаются в междуречьях и на водоразделах рек. Этим особенно выделяется главный водораздел Неманского и Днепровского басс.: тут расположены ареалы литовских ойконимов в окрестностях Докшиц, Гайны, Радошкович—Першаев, Ивенца—Дзержинска, Несвижа—Ляхович, Коссова—Ружан. Места главного водораздела, где мало литовских ойконимов или их вообще нет, наверняка служили коридорами, по которым славянское население расселялось на территории Неманского бассейна. Такими коридорами могли служить реки: 1) Западная Двина, далее нижняя Дисна; 2) Днепровская Березина — верховья Вилии; 3) Свислочь — верховья Немана; 4) Щара.

Восточнее исследуемой территории в Средневековье также существовали литовскоязычные острова. Среди них, по данным исследований Е. Охманского [32, с. 147—158] и А.П. Непокупного [16, с. 17, 25—27], — окрестности *Оболец* (Оршанский уезд Могилевской губ.). Исследователей заинтересовал факт, что после обращения литовцев в католичество в Оболяцах в 1387 г. был основан католический приход — один из 7 первых приходов в ВКЛ.

В окрестностях Оболец среди этнонимов, относящихся к литовцам, имеется лишь *Koniec Litewski* [31, с. 63]. Кроме того, у Сенно (25 км севернее Оболец) имеются еще 2 этнонима: *Латыголь* (на юго-запад от Сенно) и *Латыгово* (на северо-восток от Сенно), на которые следовало бы обратить внимание. Е. Охманский считает, что это поселения пленных латгалов [31, с. 64]. Однако они могут быть связаны и с латгальскими колонистами, бежавшими со своей родины после завоева-

ния Латгалии Ливонским орденом; но не следует исключать их возможную связь с дославянским балтским населением (носителями Днепро-двинской культуры?). Это предположение строится на следующем основании: этнонимы *Латыголь*, *Латыгово*, *Латыголичи* встречаются по всей северной Белоруссии, однако большинство их располагается ближе к главному водоразделу Западно-Двинского и Днепровского бассейнов [11, с. 427, карта 6; 10, с. 71, карта], т.е. там, где были наиболее благоприятные условия для продолжительного сохранения местного балтоязычного населения после прибытия славян. Обольцы как раз расположены на упомянутом водоразделе. И, вероятно, не только Обольцы. Лингвистам следовало бы заинтересоваться названиями населенных мест, расположенных у этого водораздела.

Территория Белоруссии представляет собой ключевую область для изучения многих этнолингвистических проблем, еще ожидающих своего решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батюшков П.Н. Атлас народонаселения Западно-Русского края по исповеданиям. СПб., 1864.
2. Бірыла М.В., Ванас А.П. Літоўскія элементы ў беларускай анамастыцы. Мінск, 1968.
3. Видугиріс А.Ю., Климчук Ф.Д. Некоторые вопросы этноязыковых процессов на балто-восточнославянском пограничье // Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом: (Предварит. материалы конф. 11—15 декабря 1978 г.). М., 1978.
4. Гаучас П., Видугиріс А. Этнолингвистическая ситуация литовско-белорусского пограничья с конца XVIII по начало XX в. // Научные труды высших учебных заведений Литовской ССР. География. Вильнюс, 1983. Т. XIX.
5. Гнездовский И. Несколько слов к вопросу об этнографической границе между литовским и белорусским населением в Новоалександровском уезде Ковенской губ. // Памятная книжка Ковенской губернии на 1890 год. Ковна, 1889. Ч. 2.
6. Гошкевич И.И. Виленская губерния. Полный список населенных мест со статистическими данными о каждом поселении. Вильна, 1905.
7. Гринблат М.Я. Белорусы. Минск, 1968.
8. Гринблат М.Я. К вопросу об участии литовцев в этногенезе белорусов // Вопросы этнической истории народов Прибалтики по данным археологии, этнографии и антропологии. М., 1959.
9. Гуковский К. Новоалександровский уезд // Памятная книжка Ковенской губернии на 1895 год. Ковна, 1894. Ч. 2.
10. Ермолович М. О местоположении Древней Литвы и некоторых других балтских земель на территории Белоруссии // Проблемы этнической истории балтов: [Тезисы докладов межреспубликанской научной конференции]. Рига, 1985.
11. Жучкевич В.А. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1974.
12. Жучкевич В.А. Общая топонимика. Минск, 1980.
13. Карский Е.Ф. Белорусы: Введение к изучению языка и народной словесности // Виленский временник, 1904. Кн. 1.
14. Кеппен П.И. О происхождении, языке и литературе литовского народа // Материалы для просвещения в России. СПб., 1827. Кн. 1.
15. Матулянис С.П. Литовское племя в Виленской губернии // Памятная книжка Виленской губернии на 1902 г. Вильно, 1901. Ч. 3.
16. Непокупный А.П. До балто-східнослов'янських мовноэтнографічних та етнічних взаємин // Мовознавство, 1966. № 3.
17. Описание документов Архива западно-русских униатских митрополитов. СПб., 1907. Т. 2.
18. Anonim. Obszar języka litewskiego w gubernii Wileńskiej // Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne. Kraków, 1898. m. 3.
19. Bagdonas J. Lietuvių padėjimas Vilniaus vyskupijoje // Viltis, 1980, Nr. 115(250).

20. Baliński M., Lipiński T. Starożytna Polska pod względem historycznym, geograficznym i statystycznym: Wielkie Księstwo Litewskie. 1846. m. 3.
21. Hołubowicz W. Granica osadnictwa Słowian i Litwinów na Wileńszczyźnie w czasach przed i wczesnohistorycznych // Kurier Wileński. 1938.
22. Jakubowski J. Studia nad stosunkami narodowościowymi na Litwie przed Unią Lubelską. Warszawa, 1912.
23. Klimas P. Lietuvos senybės bruožai. Vilnius, 1919.
24. Klimčiukas F., Vidugiris A. Iš etnolingvistinių ir religinių santykių istorijos baltų ir rytų slavų paribio zonoje // Iš lietuvių etnogenėzės. Vilnius, 1981.
25. Kondratiuk M. Elementy bałtyckie w toponimii i mikrotoponimii regionu Białostockiego. Wrocław, 1985.
26. Łowmiański H. O znaczeniu nazwy "Ruś" w wieku X—XIV // "Kwartalnik Historyczny". Warszawa, 1957. Nr. 1.
27. Łowmiański H. Początki Polski. Warszawa, 1964. T. 2.
28. Łowmiański H. Studia nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego. Wilno, 1931. T. 1.
29. Narbutt T. Oznaczenie granic Litwy właściwej od strony Słowiańszczyzny // Pomniejsze Pisma Historyczne. Wilno, 1856.
30. Ochmański J. Biskupstwo Wileńskie w średniowieczu. Ustrój i uposażenie. Poznań, 1972.
31. Ochmański J. Litewska granica etniczna na wschodzie od epoki plemiennej do XVI wieku. Poznań, 1981.
32. Ochmański J. Ludność litewska we włości Obolce na Białorusi w XIV—XVI w. // Acta Baltico-Slavica. Białystok, 1967. N. 5.
33. Ostrowski J. Mapa województwa Wileńskiego: Kościoły rz.-katolickie i cerkwie prawosławne. 1:1000000. Wilno, 1930.
34. Romer E. Spis ludności na terenach administracyjnych przez zarząd cywilny ziem wschodnich (grudzień, 1919). Lwów; Warszawa, 1920.
35. Rozwadowski J. Mapa języka litewskiego // Polska i Litwa w dziejowym stosunku. Warszawa; Lublin; Łódź; Kraków, 1914.
36. Safarewicz J. Rozmieszczenie nazw na -iszki na pograniczu słowiańsko-litewskim // Sprawozdania Polskiej Akademii Umiejętności. Kraków, 1947. T. XLVIII.
37. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej / Opracowany na podstawie wyników pierwszego powszechnego spisu ludności z dn. 30 września 1921 r. i innych źródeł urzędowych. Województwo Białostockie. Warszawa, 1923. T. V.
38. Skorowidz ... Województwo Nowogródzkie. Warszawa, 1923. T. VII, cz. 1.
39. Skorowidz ... Ziemia Wileńska. Warszawa, 1923. T. VII, cz. 1.
40. Vidugiris A. Kai kurios Zietelos tarmės ypatybės // Lietuvių kalbotyros klausimai. Vilnius, 1959. T. 1932.
41. Vilnius ir Vilniaus kraštas. Kaunas, 1932.

Т.М. СУДНИК

К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПОНИМИИ ЛИТОВСКО-БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

В "Книге регистрации актов продажи, дарения, залога недвижимых имуществ, долговых обязательств, уплаты по ним и др." за 1790—1792 г. Лидского земского суда, хранящейся в Центральном государственном историческом архиве БССР в Минске (Ф 1767, оп. 1, д. 25) на лл. 104—132 об. помещена "Актыкаца Inwentarza Starostwu Borciańskiemu słuźącego", датированная 1790 г. Это не что иное, как полная копия

В старопольском делопроизводстве термином *актыкаца* (или *актыкование*) обозначалась запись (воспроизведение) документа в книге актов: "Po zawarciu umowy między stronami, jeżeli która z nich chciała mieć ją prawomocniejszą, udawała się do kancelaryi grodzkiej lub ziemskiej i składając pismo oryginalne, kazała takowe do ksiąg zapisać. Grody miały jurysdykcję *bonae voluntatis*, t.j. mogły przyjmować wszelkie akta, ale te, o ile dotyczyły dóbr ziemskich,

инвентаря Бортянского староства, который был составлен полутора столетиями ранее — в 1636 г.: "Inwentarz Dzierzawy Starostwa Borciańskiego u Woytowstwa Poniemonskiego... Pisan w Dzierzawie Borciańskiej w siele Wiganach Starych Roku tysiąc szesćset trzydziestego szostego miesiąca septembra dwadziestego piątego dnia". Перед нами самое раннее описание староства² и одновременно — свидетельство его существования до 1790 г. (дата копии). Инвентарь (так называемый "bieczak") представляет собой список крестьян-землевладельцев с указанием земельного надела, денежного и натурального чинша. Антропонимический материал инвентаря заслуживает внимания, тем более, что с Бортянским староством связан эпизод древних балто-славянских контактов, которые, уже в измененном виде, продолжают на этой территории и сейчас.

География староства примечательна в том отношении, что три войтовства, входивших в него, — *Pielaskie, Skolinskie, Horodenskie* — располагались компактно южнее и восточнее Радуня (местечка на средневековом тракте, кратчайшем пути из Вильны в Краков; ныне в Вороновском р-не Гродненской обл.), тогда как четвертое — *Poniemonskie* — находилось в значительном отдалении: над Неманом, в 60 км по прямой линии к югу от Радуня (ныне Шучинский р-н Гродненской обл.).

Как установил в специальном исследовании Е. Охманский³, Бортянское староство ведет свою историю от колонии пруссов, выходцев из прусских земель Барты (ср. название староства) и Скалови (ср. название войтовства: *Skolinskie* по инвентарю 1636 г., *Skolwienskie* по инвентарю 1765 г.). Появление колонии пруссов под Радунью и над Неманом датируется второй половиной XIV в. Оно связывается прежде всего с походом Кейстута и Ольгерда на Скаловию в 1365 г., хотя не исключена возможность как предшествовавшего, так и позднейшего поселения здесь прусских беженцев и пленных. Прусские переселенцы в Великом княжестве Литовском несли постоянную службу по строительству и консервации мостов, наведению переправ в военное время, так что даже этноним *борти*, относившийся первоначально к выходцам из Барты, стал, как пишет Е. Охманский, "synonimem reńnionego na Litwie zawodu budowniczych mostów" (ср.: *борти* — "toż samo co dzisiaj pontonierzy". Encyklopedia Powszechna. Warszawa, 1860. T. IV. S. 121). Население Бортянского староства судя по всему было привлечено к той же повинности — об этом говорит как размещение вблизи рек (Дитвы, Пелясы, Немана), так и особенно под-

winny były być w ciągu roku i niedziel szczęciu przeniesione do właściwego ziemstwa. Takie przeniesienie zwano oblatą, a samo wpisanie przeniesionego aktu do ksiąg ziemskich — актуacją i актуowaniem...". При этом "całe pismo kopjowano do akt." (*Gloger Z. Encyklopedia staropolska. Przedruk wyd. z 1900—1903. Warszawa, 1978. T. I. S. 24—25. s.v. Aktykowanie*).

² До сих пор был известен "Inwentarz starostwa Borciańskiego w powiecie Lidzkim sytuowanego..." 1765 г. (хранится в Центральной научной библиотеке в Вильнюсе, сигнатура F 11—30, лар. 99—116). См.: Feodalinių žemės valdų Lietuvoje inventorių aprašymas. Vilnius, 1963. P. 242, N 688.

³ *Ochmański J. Skolwa i Borcie. Zachodniobałtyjskie osadnictwo na Litwie średniowiecznej // Z polskich studiów slawistycznych. Seria 4. Historia. Warszawa, 1972. S. 83—89.*

чинение староству территориально отдаленного Понеманского войтовства.

Бортянское староство было довольно крупной административной единицей, его четыре войтовства объединяли в общей сложности 22 деревни. Ниже приводятся сведения о структуре староства по инвентарю 1636 г. (в скобках указаны современные белорусские названия деревень, а также литовские — для двуязычных деревень):

Woytowstwo Poniemonskie

Sioło Jasielowicze (Яселевічы)
Mienowtowicze (Мінóтавічы)
Pipirowce (Папéраўцы)
Tołoczki⁴ (Талачкі)
Tureysko (Турэйск)

Woytowstwo Pielaskie

Sioło Leluszy (Лялюшы, Leliùšiai)
Pielasa⁵ (Пелясá, Pelesà)
Piluny⁶ (Пілюнцы, Piliùnai)
Powłoka^{6a} (Пóвалака, Pavalakė)
Podzitwie (Пóдзітва, Padzityvs/Padzivyčs)
Pomiedzie (Пóмедзь, Pamedė)

Woytowstwo Skolinskie

Sioło Wigany Stare (Вігáнцы, Vigónys)
Wigany Nowe⁷ (Смільгіні, Smilginiai)
Pałaszi (Палáшкі)
Dubiny⁸ (Дубі́нцы, Dubiniai)
Kurki (Кúрки, Kúrkiai)
Kurkodany⁹ (Каргаўды́, Kargaudai)
Jatofty¹⁰ (Ятаўты́, Jatautai)
Skireyki (Скірэ́йкі, Skireikiai)

Woytowstwo Horodenskie

Sioło Składancy (Складáнцы, Skladónys)
Woytkuny (Вайкúнцы, Vaikūnai)
Poroyscie (Пóрайсць, Paraiscys)

В настоящее время деревни под Радунью, составлявшие некогда Пеляское, Сколинское и Городенское войтовства, образуют остров литовско-белорусского двуязычия (или литовско-белорусско-польского трехязычия) в белорусском окружении, причем некоторые особенности местного литовского говора (*барцяньскі язык* в народной терминологии, ср.: *гаварыць па-барцяньску*) соотносятся с признаками

⁴ Ср.: *sioła Tołoczkwicz* (110 об.).

⁵ Ср.: *nad rzeką Pełasą* (116 об.), *blota pielaskiego* (2X, 116 об.).

⁶ Ср.: *sioła Pielewicz* (119).

^{6a} Ср.: *tego sioła Podwłoki* (119).

⁷ Уже в инвентаре 1765 г. вместо *Wigany Stare* и *Wigany Nowe* значатся рядом *Wigany i Szmylginie*.

⁸ Ср.: *sioła Dubincow* (115 об., 123 об.).

⁹ Ср.: *Kurkodancow* (124 об., 128), *Kurkodancy* (128), *Korkodancy* (127).

¹⁰ Ср.: *sioła Radunskiego Jatowtowicz* (111), *sioła Jatowtow. Jotałow* (там же).

западнобалтийского типа; та же память о языковом прошлом живет и в реликтовых этнонимах блр. *skaliki, barcyki*, лит. *skalikai, barc'ekai*, уцелевших здесь в совсем иной — пейоративной функции¹¹. На территории бывшего Понеманского войтовства сейчас говорят только по-белорусски, но балтийские следы есть в топонимии и антропонимии — вплоть до таких свидетельств, как название д. *Борці Турэйскія* или фамилия *Прускія*, распространенная, например, в д. *Прэціма* близ Турейска, в 1 км от упомянутых Борцей (записано в 1978 г.)¹².

Инвентарь Бортянского староства 1636 г. приурочен примерно к середине ретроспективы исторически засвидетельствованных балто-славянских контактов в этой области (временного отрезка от наших дней до первых прусских поселений, относящихся, по указаниям хроник, к XIV в.). Данные антропонимии, хотя и представленной в инвентаре в официальной, т.е. полонизированной, форме, во многих случаях позволяют судить о языковой принадлежности носителя имени, а тем самым и о лингвистической ситуации староства в первой половине XVII в.

Особенности антропонимической системы инвентаря

Инвентарь представляет собой списки крестьян-землевладельцев (по деревням), в которых поименно названы около 660 человек, из них 15 — женщины. Сама форма инвентаря (запись в столбец), по-видимому, в какой-то мере повлияла на единообразие его антропонимической системы.

Абсолютно преобладает именование лиц двумя антропонимами — имя (в полной или гипокористической форме) + "фамилия" (термин условный): *Piotr Grykowicz, Witer Mikołajewicz, Szczasny Hładysz, Jurgis Milewski* и т.д. В качестве второго члена антропонимической формулы выступают: п а т р о н и м ы (в подавляющем большинстве случаев; одних только образований на *-owicz, -ewicz, -icz* отмечено более 400): *Jan Grygowicz, Stanisław Ambrozukowicz, Maciey Jurgielewicz, Ambros Walkow, Stanisław Alesiow, Bałtrus Woytkun, Andrzej Janonis* и т.п.; имена (чаще гипокористики): *Szczepan Krzysztapas, Szymko Matelis, Jan Paszko, Marcin Juszko* и т.п.; прозвища: *Paweł Kot, Masiul Karandysz, Anton Bałamut, Gryk Jodzis* и т.п.; обозначения рода занятии: *Hryszko Kowal, Mikołaj Krawiec, Walko Ławnik, Paweł Strzelec* и т.п.; этнонимы: *Andrzej Zomoycin, Marcin Guduk, Woyciech Lach*; и др. Многие из этих антропонимов (вторых членов формулы) входят в корпус фамилий современного населения бывших бортянских деревень. Но в инвентаре это были пока еще "предфамилии", о таком статусе свидетельствуют факты необязательности этих антропонимов — лицо могло называться только по имени (хотя таких примеров в инвентаре всего несколько): *Bartłomiej* (114); *Kasper z pasynkiem* (121), подряд:

¹¹ См. об этом в работах автора: К изучению следов древних пруссов на территории Белоруссии // Конф. "Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом". Предварительные материалы. М., 1978. С. 131—133; К истории языковой ситуации Пелюсы // Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980. С. 181—191.

¹² Тексты, записанные нами в этих местах в 1978 г., см. в указанных материалах конференции (с. 59—60).

Filip, Jan, Piotr (124); неизвестно, наследовались ли они, ясно, что по крайней мере не всегда — ср. именование отца и сына: *Piotr Ułas z synem Woytkiem Juchnowiczem* (121); неизвестна степень антропонимизации апеллятивов (прозвищ, названий профессий, этнонимов), выступающих на втором месте в антропонимической формуле, иногда же играющих роль дополнительных определений при двучленном антропониме, ср.: *Leonard Pieckowicz ławnik* (106), *Stas Piotrowicz zmojdzin* (120 об.) (употребление строчной или прописной буквы ни о чем не говорит, поскольку имена в инвентаре сплошь и рядом пишутся со строчной буквы).

1. Личные имена

Из женских личных имен в инвентаре упомянуты только четыре:

Dorota: Dorota Stanisławowa,

Jahnieszka: Jahnieszka Pawłowa wdowa,

Marcina: Marcina Motowicz,

Nastazyja: Nastazyja Pawłowa wdowa.

Остальные упоминания безымяны: *Janowa Tałutowa, Andrzejowa wdowa, Piotrowa wdowa, Wdowa Bartukowa, Wdowa Czeszulowa, Wdowa Grygowa, Wdowa Mikołajowa, Wdowa Paadziowa, Wdowa Stasiowa, Wdowa Toszyna, Wdowa Walenciejowa.*

Мужских личных имен — 56, не считая гипокористических форм, которые на равных правах с полными служат для идентификации упоминаемых в инвентаре лиц. Гипокористики составляют приблизительно 1/5 часть представленных именованных.

К числу наиболее распространенных относятся следующие имена:

<i>Jan</i>	13%	<i>Andrzej</i>	3%
<i>Mikołaj</i>	8%	[<i>Grzegorz</i>]	2,6%
<i>Piotr</i>	7%	[<i>Jerzy</i>]	2,6%
<i>Maciey</i>	7%	<i>Józef</i>	2,4%
<i>Stanisław</i>	5%	<i>Szczepan, Stefan</i>	2,4%
<i>Marcin</i>	4%	<i>Ambroży</i>	2,3%
<i>Woyciech</i>	4%	<i>Bartłomiej</i>	2,3%
<i>Paweł</i>	3,5%	<i>Szczęsny</i>	2,1%
<i>Krzysztof</i>	3,5%	<i>Szymon</i>	2%
<i>Adam</i>	3%	<i>Jakób</i>	1,8%

Ниже приводится список имен, представленных в инвентаре (в квадратных скобках) — незасвидетельствованные полные формы имен, в круглых скобках указано число случаев употребления):

Adam (19).
[*Alexy*]: *Alexey* (1), *Alexa* (1), косв. формы: tego to *Alexa Janowicza*, tego to *Alexego; Olexey* (1).

Ambroży (2), *Ambrozy* (2), *Ambrożej* (1), *Ambrozey* (2), *Ambros* (1).
Andrzej (17), *Andrey* (1), *Andrys* (1).

[*Antoni*]: *Anton* (1).

Augustyn (1), *Agustyn* (1).

Bartłomiej (12), *Bartomiej* (1), *Bartłomieius* (1), *Bałtrus* (1).

[*Błazej*]: *Błazey* (5), *Błazuk* (1).

[?]: *Błońko* (Ławnik *błońko* Michayłowicz), ср.: LA 126, s.v. *Blanka(s)*.
Bogdan (1), *Bogda* (1).
 [Bonifacy? Benedykt?]: *Bon* (1).
 [Czesław]: *Czesiuk* (1).
Filip (1).
 [Grzegorz]: *Grygor* (1); *Hryhorey* (1); *Gryk* (11). косв. формы: *Grygiem*;
Gryszko (1), *Hryszko* (2), *Hryniec* (2).
 [Harasym]: *Harasim* (1).
Jacek (1).
 [Jakób]: *Jakub* (12).
Jan (80), *Janko* (3), *Januk* (2), *Janiel* (1).
 [Józef]: *Jozef* (13), *Juzep* (1).
 [Jerzy]: *Jury* (9), *Jurgi* (2), *Jurgis* (1), *Jurys* (1), *Jurpiel* (1), *Juruk* (1),
Juhnno (1) — последняя форма в SSNO II 3, 495—496 отнесена к
Georgius, Juryj, в БА I, 69—70 и LA 82, 84 к *Евфимий*.
Kasper (11).
 [Klemens]: *Klim* (1).
Krzysztof (17), *Krzyszto* (1), *Krys* (2), *Krys* (1), *Krysiuk* (1).
 [Leonard]: *Lenard* (6).
 [Wawrzyniec]: *Ławryn* (4), *Łauruk* (1).
 [Łazarz]: *Łozar* (1).
Łukasz (2).
 [Maciej, Mateusz]: *Maciey* (24), *Maciei* (2), *Matys* (6), *Matus* (2), *Matulis*
 (1), *Masiul* (1), *Mot* (6).
Mamko (1) ≙ *Мамант?* или: *Mamaudas?* — см. LA, 249.
Marcin (26).
 [Marek]: *Marko* (2).
Menard (1) ≙ *Менандр?*
 [Michał]: *Michałko* (1), *Michno* (1), *Miś* (2), *Mis* (3), *Misik* (1).
Mikołaj (53), *Mikłusz* (1), *Mikłuszyi* (1), ср.: *Миклаш* БА I, 128—129, *Мик-*
луша БА III, 90—91; SSNO III, 3, 487.
Mysztof (1) ≙ лит. *Mištautas?* ср.: *Mištautas* (совр. лит. фамилия), *Mištautai*
 (топоним) — LA, 175, концовка *-of* вместо *-ow* (ср. ниже: *Rym-*
tow ≙ *Rimtautas*) под влиянием *Krzysztof* (отмечено и *Krzyszto*),
 ср. SSNO III 3, 532: *Miszt, Miszto, Miszta*.
Nietoy (1), см. SSNO IV 1, 49; W. Taszycki (*Rozprawy i studia*
polonistyczne. Wrocław, t. I, s. 65) приводит это имя в списке древних
 польских двучленных имен (*Nie-moj*); ср. LA, 176 — реконструирует-
 ся лит. *Ne* (:ne-) + *mai-us* (ср. совр. лит. фамилии: *Māj-us, Mai-vūd-is*,
 топонимы *Maj-ėliai, -ėnai*).
Paweł (23).
Piotr (40), *Pietraszko* (3), *Pietrus* (1).
 [Franciszek]: *Pronko* (1), ср.: SSNO IV 2, 348—349: *Prońka*, БА I, 171:
Пранко, Пранько, АГБ, 76—77; *Пронь, Пронец, Пронь*; совр. лит.
Prānas/Pranỹs (LVEŽ, 127).
 [Erazm]: *Razmus* (1), БА I, 171, совр. лит. имя *Rāzmas* (LVEŽ, 130).
Razmysł (1), БА I, 172; ср. SSNO IV, 3, 500: *Rozmysł*.
Repert (1) ≙ нем. *Reinhold?* ср. SSNO IV 3, 533: *Rynalt, Rynard*, АГБ,
 64: *Ренальд, Рейналд*.

Rymtow (1) ≙ лит. *Rimtautas* (от формы без окончания).
 [Sebastian]: *Sawoscian* (2).
Szczepan (9), *Stefan* (3), *Sciepan* (2), *Stecko* (1), *Stec* (1).
Stanisław (26), *Staś* (10), *Stas* (6), *Stasuk* (1), *Stasiuk* (1).
Szczęsnny (1), *Szczesny* (1), *Szczasny* (12).
Szymon (2), *Szyman* (1), *Symon* (1), *Szymko* (8), *Szym* (2).
Tomasz (4), *Tomko* (5), *Tom* (1).
Urban (3).
Walenty (4), *Walencyey* (2), *Walko* (3).
 [Bazyli]: *Wasil* (1).
Wiesław (2), *Wiesław* (2), *Wienśław* (1), *Węśław* (1), *Węctaw* (1), *Wienctaw* (1).
Wit (2).
Witer (1), ср. прус. *Witar* (R. Trautmann. *Die altpreussischen Personennamen*.
 Göttingen, 1925, 120), лит. *Výtaras* (LVEŽ, 154).
Woyciech (21), *Woycius* (2), *Woyciul* (1), *Woydych* (1), *Woytek* (1), *Woytko*
 (1).
 Продолжение см. в следующем томе ежегодника.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АГБ — Усціновіч А.К. Антрапанімія Гродзеншчыны і Брэстчыны. Мінск, 1975.
 БА I — Бірыла М.В. Беларуская антрапанімія. Мінск, 1966.
 БА III — Бірыла М.В. Беларуская антрапанімія: Структура ўласных мужчынскіх імён.
 Мінск, 1982.
 LA — Zinkevičius Z. Lietuvių antroponimika: Vilniaus lietuvių asmenvardžiai XVII a. pradžioje.
 Vilnius, 1977.
 SSNO — Słownik staropolskich nazw osobowych / Pod red. W. Taszyckiego. Wrocław,
 1965—1981. T. I—VI.

А.Б. БРЕЙДАК

ЗАПАДНАЯ ГРАНИЦА ЛАТГАЛЬСКОГО И СЕЛОНСКОГО ПЛЕМЕН ПО ДАННЫМ ЯЗЫКА В XIII—XIV в.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Селонские говоры являются прямым продолжением селонского племенного языка¹, а латгальские говоры — прямым продолжением латгальского племенного языка², поэтому существенным является вопрос о генезисе среднелатышских говоров Видземе. В связи с этим в языкознании существуют две противоположные точки зрения³: (1) среднелатышские говоры Видземе — продолжение латгальского племенного языка, 2) среднелатышские говоры Видземе — продолже-

¹ Kušķis J. Dažas sēļu valodas vokālisma īpatnības pēc mūsdienu latviešu valodas sēlisko izlokšņu materiāliem // Latviešu valodas apcerējumi. LVU Zinātniskie raksti. 1967. 60. sēj., 9. A laid., 9. — 20. lpp.

² Брейдак А. Некоторые вопросы истории консонантизма и развитие фонологической системы согласных в говорах Латгалии // Baltistica, 1972. Прилож. I. С. 35.

³ Kabelka J. Baltų filologijos įvadas. Vilnius, 1982. P. 85—89.

ние земгальского племенного языка³. Первая точка зрения основывается на сведениях письменных памятников XIII в., согласно которым на всей территории средней полосы Видземе, которую в наши дни занимают среднелатышские говоры, обитало племя латгалов. Вторая точка зрения основывается на данных языка (в том числе топонимии) и археологии.

Мы решительно отстаиваем последнее мнение Я. Эндзелина, выдвинутое им в статье "Латышский язык в Видземе", согласно которому среднелатышские говоры Видземе по происхождению являются продолжением земгальского племенного языка⁴. С этим мнением Я. Эндзелина созвучна точка зрения археолога Х. Мооры, который считал, что с 1500 г. до н.э. и до начала нашей эры на правом берегу Даугавы обитали земгалы и лишь позже на этой территории стала преобладать латгальская культура⁵. Это мнение Я. Эндзелина и Х. Мооры подтверждается не только данными современных говоров латышского языка, но и самим этнонимом *zēmgāļi* 'земгалы'. На основе рунической надписи в Швеции *Sæimgala* 'страна, обитаемая земгалами' около 1000 г. и написаний *Seimgaler* 'земгалы' в саге Ингвара в XI в. и *Зимигола* в древнерусской летописи Нестора (1056—1116 гг.) языковеды считают, что первоначальной формой этнонима *земгалы* была *ziēmgāļi* 'северяне' (ср. лтш. *ziēma* 'зима', *ziēmeļi* 'север'), а написания *Sæimgala Seimgaler* и *Зимигола* отображают форму с дифтонгом *ei* вместо латышского *ie*. Такое самоназвание могло возникнуть среди самих земгалов, если они когда-то обитали севернее других балтийских племен, или они могли это название получить от своих южных соседей литовцев. Позже в результате переосмысления *ziēmgāļi* получили название *zēmgāļi* (= *zēma gala ļaudis*) 'люди нижнего конца'⁶.

То, что в XIII в. население средней полосы Видземе называлось уже латышами или латгалами (*Letthi vel Lettgalli*⁷, *Летгола*⁸) можно объяснить не только суперстратом латгальской материнской культуры, как это считал Х. Моора, но и западнолатгальским языковым суперстратом⁹.

НЕКОТОРЫЕ ЛАТГАЛЬСКО-СЕЛОНСКИЕ ИЗОФОНЫ

Для выяснения границы между латгальским и селонским племенами, с одной стороны, и земгальским племенем, с другой, большое значение имеют топонимы, зафиксированные в письменных памят-

³ *Endzelins J. Darbu izlase. Rīga, 1980, 3. sēj. 2. daļa, 479. lpp.*

⁴ *Moora X.A. О древнейшей территории расселения балтийских племен // Советская археология, 1958, N 2. С. 23.*

⁵ *Būga K. Rinkiniai raštai. Vilnius, 1959. T. 2. P. 106—107; Idem. Rinkiniai raštai. Vilnius, 1961. T. 3. P. 253; Endzelins J. Darbu izlase. Rīga, 1982, 4. sēj. 2. daļa, 386—387. lpp.; Otrębski J. *Zimigola* // Studia Linguistica in honorem Thaddaei Lehr-Spławiński. Warszawa etc., 1963. S. 47—48; Kabelka J. Baltų filologijos įvadas. P. 77; Zinkevičius Z. *Lietuvių kalbos kilmė. Vilnius, 1984. P. 349—351.**

⁷ *Scriptores rerum Livonicarum: Sammlung der wichtigsten Chroniken und Geschichtsdenkmaale von Liv-, Ehst- und Kurland. Riga; Leipzig, 1853, I. Bd. (далее: SRL I). P. 36.*

⁸ *Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. I, с. 206.*

⁹ *Брейдак А. Диалектная лексика латгальских говоров верхнелатышского диалекта и ее исторические связи: Автореф. дис. канд. филол. наук. Рига, 1969. С. 17—18.*

никах XIII—XIV вв., а также данные современной топонимии и латышских народных песен. Мы выбрали четыре латгальско-селонские изофоны (во-первых, рефлексы восточнобалтийских гласных *ē, *ō, во-вторых, дистрибуцию гласных o:a, в-третьих, рефлексы так называемой первичной позиционной перегласовки восточнобалтийских гласных *e, *ē, и, в-четвертых, аффрикатизацию согласных k, k̄, ġ, ġ) и сопоставили эти изофоны с топонимами, зафиксированными в письменных памятниках XIII—XIV вв., а также с данными современной топонимии и латышских народных песен.

1. Рефлексы восточнобалтийских долгих закрытых гласных *ē, *ō в латгальском и селонском. В глубоких латгальских и селонских говорах восточнобалтийские гласные *ē, *ō изменились в гласные *ī, ū*. Судя по данным письменных памятников XIII в., сужение гласных *ē, *ō в латгальском и селонском, вопреки мнению Я. Эндзелина, началось очень рано. В письменных памятниках XIII в., в топонимах с латгало-селонской территории, вместо ожидаемой графемы *o*¹⁰, которой обозначали фонему /uo/ (например, в хронике XIII в. Генриха Латвийского *Mesothen* (2X) 1219 г. XXIII 4,8 = совр. лтш. *Mežuoīne*¹¹), наличествует графема *u*. Так, в одном документе XIII в. засвидетельствовано название городища *Aszute* 1211 г. (= совр. лтш. *Asuote*)¹². В хронике Генриха Латвийского 24 раза упоминается городище *Kukenois* 1208 г. XI, 8; *Kukenoys* 1205 г. IX, 10, 1206 г. X 3, (2X) 1207 г. XI 8, 9, 1208 г. XII 1, (2X) 1209 г. XIII 1,4, (3X) 1212 г. XVI 7,8, (2X) 1213 г. XVII 2,5, (3X) 1214 г. XVIII 4,9, 1218 г. XXII 3, 1219 г. XXIII 5, (2X) 1221 г. XXV 4,5, 1223 г. XXVII 5; (*in*) *Kukenoyse* 1210 г. XIV 5, 1225 г. XXIX 5; *Kukonoys* 1207 г. XI¹³. В одном документе XIII в. также засвидетельствован вариант названия этого городища *Kukonois* 1211 г.¹⁴.

В некоторых документах XIII в. четырежды написанное название этого городища с графемой *o* в корне слова (*Kokanoys* 1213 г., *Cokenois* 1226 г., *Cocanis* 1237 г., (*de*) *Cocansi* 1226 г.¹⁵), очевидно, отображает земгальскую версию произношения этого топонима с дифтонгом *uo* в корне слова.

Правда, в западной части современных латгальско-селонских говоров, где в письменных памятниках XIII в. засвидетельствованы топонимы *Aszute* и *Kukenoys*, вместо долгих гласных *ī, ū* глубоких латгальско-селонских говоров уже наличествуют дифтонги *ie, uo* (ср. соответствующие современные названия населенных пунктов *Asuote, Kuoknese*). Но раньше в западной части латгальско-селонских говоров, как и в восточной части этих говоров, несомненно существовали

¹⁰ Графемой *o* в письменных памятниках того времени обозначены также фонемы /o/ и /ō/, например, в хронике Генриха Латвийского *Tholowa* (2X) 1208 г. XI 7, 1214 г. XVIII 3, 1216 г. XX 5, (2X) 1224 г. XXVIII 9; *Tolowa* 1225 г. XXIX 3 (= *Tolova* > совр. лтш. *Talava*); см. SRL I 118, 180, 204, 290, 296.

¹¹ SRL I 232, 236.

¹² SRL I 411.

¹³ SRL I 92, 96, 112, 120, 122, 130, 136, 140, 176, 178, 180, 186, 222, 234, 262, 278, 298.

¹⁴ *Latvijas vēstures avoti: Senās Latvijas vēstures avoti. Rīga, 1937, 2. sēj., I. burtņ. (далее: LVA II/I), 45. lpp.*

¹⁵ LVA II/I 57, 108, 196, SRL I 417.

долгие гласные $\bar{i}$, $\bar{u}$ — рефлексы восточнобалтийских долгих гласных $*\bar{e}$, $*\bar{o}$ — и только позже под влиянием среднелатышских говоров эти гласные были заменены дифтонгами ie , uo . Об этом ярко свидетельствует фонетическая аномалия в ареале западных латгальско-селонских говоров — наличие спорадического долгого гласного $\bar{u}$ вместо ожидаемого дифтонга uo в народных песнях и топонимах. В некоторых народных песнях из зоны западных или неглубоких латгальско-селонских говоров присутствует форма $J\bar{u}ds$ вместо $Juods$ ‘чёрт’¹⁶. В Кокнесе вместо ожидаемой формы топонима $Muoku kalns$ наличествует $M\bar{u}ku kalns$ ¹⁷.

Примеры с долгим гласным $\bar{i}$ вместо ожидаемого дифтонга ie в народных песнях менее надежны, например: $s\bar{i}ku naudu m\bar{e}\bar{i}\bar{t}dami$ ‘мелкие деньги меря’, $s\bar{i}ku naudu skai\bar{i}\bar{t}dami$ ‘мелкие деньги считая’ при закономерной строке $siek\bar{i}em naudu m\bar{e}\bar{i}\bar{t}dami$ ‘четверками деньги меря’ в одном и том же типе народной песни¹⁸. Возможно, что после субституции долгого гласного $\bar{i}$ дифтонгом ie в западных или неглубоких латгальско-селонских говорах в результате переосмысления имя существительное $s\bar{i}k\bar{i}m$ ‘четверками’ (твор. пад. мн. ч.) в народной песне было заменено именем прилагательным $s\bar{i}ku$ ‘мелкую’ (вин. пад. ед. ч.).

Восточнобалтийские долгие гласные $*\bar{e}$, $*\bar{o}$ изменились в $\bar{i}$, $\bar{u}$ не только в латгальском и селонском, но и в юго-восточных жемайтских говорах дунининков. Севернбалтийские долгие гласные $*\bar{e}$, $*\bar{o}$ также сузились в одном из севернбалтийских диалектов, который позже был ассимилирован прибалтийско-финским праязыком¹⁹. Если связь сужения гласных $*\bar{e}$, $*\bar{o}$ в латгальском и селонском, с одной стороны, и в одном из севернбалтийских диалектов, с другой, сомнительна по хронологическим соображениям (ведь этот севернбалтийский диалект должен быть отнесен к концу третьего и началу второго тысячелетия до н.э.²⁰, ибо согласно критерию В. Штейница о двояком отображении севернбалтийских смычных согласных p , t , k в прибалтийско-финских заимствованиях из севернбалтийского²¹, эти заимствования

из упомянутого севернбалтийского диалекта относятся к древнейшему слою²²!), то генетическая связь сужения восточнобалтийских долгих гласных $*\bar{e}$, $*\bar{o}$ в латгальском и селонском, с одной стороны, и жемайтских говорах дунининков, с другой, вполне возможна.

На основе выводов археологов о времени соседства латгалов и селонов, с одной стороны, и жемайтов, с другой²³, нами была высказана мысль, что процесс сужения восточнобалтийских гласных $*\bar{e}$, $*\bar{o}$ в латгальском, селонском и жемайтских говорах дунининков начался до XIII в.²⁴. Последние достижения литовской археологии позволяют уточнить это время.

Согласно исследованию А. Таутовичюса, из группы близкородственных племен в IV—VI вв. выделились племенные союзы жемайтов, земгалов и селонов-латгалов²⁵. Естественно, какое-то время жемайты могли соседствовать с селонами и латгалами. Учитывая исследование Л. Вайткунскене и Р. Волкайте-Куликаускене, можно признать, что именно в VII—VIII вв. жемайты могли соседствовать с селонами, а начиная с IX в., они жили уже западнее своей прежней территории²⁶. Следовательно, если действительно сужение восточнобалтийских гласных $*\bar{e}$, $*\bar{o}$ в латгальском, селонском и юго-восточных жемайтских говорах генетически связано и объясняется соседством этих племен в прошлом, как это уже предполагал Я. Эндзелин в статье “О родственных отношениях латышских говоров к литовским”²⁷, то ясно, что сужение гласных $*\bar{e}$, $*\bar{o}$ началось в VII—VIII вв. Однако не надо думать, что изменение гласных $*\bar{e}$, $*\bar{o}$ в $\bar{i}$, $\bar{u}$ осуществилось сразу. Имеются данные, свидетельствующие, что в латгальском языке в XIII в. существовали долгие гласные $\bar{i}$, $\bar{u}$ продолжающие индоевропейские и восточнобалтийские долгие гласные $*\bar{i}$, $*\bar{u}$. В письменных памятниках XIII в. зафиксирован гласный $\bar{i}$, например: $Lixna$ 1230 г., $Nitczegale$ 1245 г. В XII—XIII вв. рядские литовцы (близ Резекне) заимствовали из латгальского ряд слов с долгими гласными $\bar{i}$, $\bar{u}$, например: $c\bar{y}rulis$ ‘жаворонок’, $st\bar{u}r\bar{y}s$ ‘угол’²⁸.

Так как восточнобалтийские долгие гласные $*\bar{e}$ и $*\bar{o}$ и $*\bar{i}$ и $*\bar{u}$ дали неодинаковые рефлексы в латгальских и селонских говорах, то ясно,

¹⁶ Barons K., Visendorfs H. Latvju dainas. Petrograda, 1915. 5. sēj., 396. 397. lpp. (песни N 34043, 11 из Сауки и N 34043, 15 из Синоле); Tautas dziesmas / P.Šmits redakcijā. Rīga, 1938. 3. sēj., 190. lpp. (песня N 55109 из Сеце). См. также материалы народных песен, хранящиеся в отделе фольклора Института языка и литературы Академии наук Латвийской ССР (= ФФ): ФФ 2, 1749 из Синоле, ФФ Вв 43,2195 из Эргли, ФФ 1838, 7490 из Виесниены (первое число в шифре обозначает порядковый номер рукописи, второе — порядковый номер народной песни в рукописи).

¹⁷ Gaudonis J., Urtāns V. Senatnes pēdās. Rīga, 1961, 30. lpp.

¹⁸ См. ФФ 35, 137 из Саркани, ФФ 302, 183 из Сеце, ФФ 191, 4743 из Лубаны.

¹⁹ Брейдак А. Некоторые данные балтизмов финно-угорских языков для истории балтийского вокализма // Baltistica, 1983. N. 19(1). С. 48—50.

²⁰ Moora H. Pirmatnējā kopienas iekārta un agrā feodālā sabiedrība Latvijas PSR teritorijā. Rīga, 1952, 44.—45., 62. lpp. Мейндер К. Финны — часть населения северо-востока Европы // Финно-угорский сборник. М., 1982. С. 11, 25—26; Карпелан К. Ранняя этническая история саамов // Там же. С. 39; Валонен И. Ранние лопарско-финские контакты: Из этнической истории финских племен // Там же. С. 60.

²¹ Steinitz W. Zur Periodisierung der alten baltischen Lehnwörter im Ostsee-Finnischen // Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kuryłowicz. Wrocław, 1965. С. 300—303.

²² Брейдак А.Б. Некоторые данные балтизмов финно-угорских языков для истории балтийского вокализма. С. 49.

²³ Народы Европейской части СССР. М., 1964. Т. 2. С. 15.

²⁴ Брейдак А.Б. Из истории латгало-селонского вокализма // Baltistica, 1979. Т. 15(2). С. 129; Он же. Некоторые вопросы истории латгальских и селонских говоров // Лингвистическая география и проблемы истории языка. Нальчик, 1980 (на обложке 1981). С. 246.

²⁵ Таутовичюс А.З. Балтские племена на территории Литвы в I тыс. н.э. // Из истории балтских народов (по данным археологии и антропологии). Рига, 1980. С. 82.

²⁶ Вайткунскене Л. Контакты между балтскими племенами на территории Литвы в X—XII вв. // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Вильнюс, 1985. С. 67—77; Волкайте-Куликаускене Р. К вопросу этнической принадлежности грунтовых могильников центральной Литвы I—VIII вв. н.э. // Там же. С. 37—38.

²⁷ Endzeliņš J. Darbu izlase. Rīga, 1974. 2. sēj., 51. lpp.

²⁸ Būga K. Rinktiniai raštai. Т. 2. P. 289, 290, 506; Idem. Rinktiniai raštai. Т. 3. P. 45, 570—572; Zinkevičius Z. Nauji K. Būgos rankraščiai // Kalbotyra, 1972. Т. 24(1). P. 122; Latviešu konversācijas vārdnīca. Rīga, 1933—1934, 10. sēj., 20253. sleja.

что в XIII в. в латгальском и селонском языках не могли синхронно наличествовать долгие гласные $\bar{i}$, $\bar{u}$ — рефлексы восточнобалтийских долгих гласных $*\bar{e}$, $*\bar{o}$ — и долгие гласные $\bar{i}$, $\bar{u}$, продолжающие индоевропейские и восточнобалтийские долгие гласные $*\bar{i}$, $*\bar{u}$, ибо в противном случае рефлексы восточнобалтийских $*\bar{e}$ и $*\bar{i}$, $*\bar{o}$ и $*\bar{u}$ в глубоких латгальских и селонских говорах были бы идентичными. На наш взгляд, мнимое противоречие данных письменных памятников и латгальских заимствований в цискадском говоре литовского языка можно разрешить, признав, что в латгальском и селонском языках в XIII в. существовали дифтонгоиды $*\bar{e}$ (или $*e\bar{i}$), $*\bar{u}$ (или $*o\bar{u}$) — рефлексы восточнобалтийских долгих гласных $*\bar{e}$, $*\bar{o}$ — наряду с долгими гласными i , u , продолжающими восточнобалтийские долгие гласные $*\bar{i}$, $*\bar{u}$ ²⁹. Следовательно, эволюцию восточнобалтийских долгих гласных $*\bar{e}$, $*\bar{o}$ в латгальском и селонском можно показать следующими формулами:

1) $*\bar{e} > *e$ (или $*e\bar{i}$) $> \bar{i}$; 2) $*\bar{o} > *u$ (или $*o\bar{u}$) $> \bar{u}$ ³⁰.

На наш взгляд, нет препятствий для объяснения этими же формулами эволюции восточнобалтийских долгих гласных $*\bar{e}$, $*\bar{o}$ в юго-восточных жемайтских говорах.

Если действительно сужение восточнобалтийских долгих гласных $*\bar{e}$, $*\bar{o}$ в латгальском и селонском племенных языках, с одной стороны, и в юго-восточных жемайтских говорах, с другой, генетически связано, то, учитывая все выше сказанное, ясно, что первый этап этого процесса — дифтонгоидизация долгих гласных $*\bar{e} > *e\bar{i}$ (или $*e\bar{i}$) и $*\bar{o} > *o\bar{u}$ (или $*o\bar{u}$) осуществилась в VII—VIII вв. Если же это сужение долгих гласных $*\bar{e}$, $*\bar{o}$ является параллельным, возникшим независимо в двух обособленных ареалах, то процесс дифтонгоидизации долгих гласных $*\bar{e}$, $*\bar{o}$ в латгальском и селонском племенных языках начался по крайней мере до XIII в. Второй этап сужения — монофтонгизация дифтонгоидов $*e\bar{i}$ (или $*e\bar{i}$) $> \bar{i}$ и $*o\bar{u}$ (или $*o\bar{u}$) $> \bar{u}$ в латгальском и селонском осуществилась только после дифтонгизации унаследованных долгих гласных $\bar{i}$, $\bar{u}$ (индоевропейского, общебалтийского и восточнобалтийского происхождения), которая, судя по данным письменных памятников, осуществилась между 1478 и 1519 гг. (ср. один и тот же топоним в Латгалии в двух разновидностях: *Sunakelen* с долгим $\bar{u}$ в до-

кументе 1478 г. и *Sownakell* с дифтонгом *ou* ($< \bar{u} >$) в документе 1519 г.³¹).

Процесс сужения восточнобалтийских долгих гласных $*\bar{e}$, $*\bar{o}$ был поэтапным не только в хронологическом плане, но, кажется, и в ареальном (ср., например, написание ойконима *Barstone* 1375 г.³² и 1389 г., *Barsoon* 1497 г.³³ = совр. лтш. *Bērzaune*, в котором восточнобалтийский долгий гласный $*\bar{o}$ еще не затронут процессом сужения). Очевидно, сужение гласных $*\bar{e}$, $*\bar{o}$ началось на юге селонско-латгальского ареала и постепенно распространилось на север.

В заключение необходимо отметить, что в отличие от юго-восточных жемайтских говоров в глубоких латгальско-селонских говорах восточнобалтийские дифтонгические сочетания $*en$, $*on$, как и долгие гласные $*\bar{e}$, $*\bar{o}$, тоже дали рефлексы — долгие гласные $\bar{i}$, $\bar{u}$. Следовательно, упомянутые восточнобалтийские дифтонгические сочетания в латгальском и селонском идиомах прошли следующий путь эволюции:

$*en > *ē > *e$ (или $*e\bar{i}$) $> \bar{i}$; $*on > *ō > *u$ (или $*o\bar{u}$) $> \bar{u}$.

2. Дистрибуция гласных o (o , $ā$): a . Дистрибуция гласных o (o , $ā$): a (если за этими гласными следуют твердые согласные и в след. слоге наличествуют или существовали в прошлом, но потом, исчезли гласные a , $ā$, o , u , и и дифтонги ai , au , uo) в зависимости от ударности или неударности характерна для многих латгальских и селонских говоров (на севере и западе ареала этих говоров), например: *vokars* или *vākars* ‘вечер’, *vosara* или *vāsara* ‘лето’³⁴. В ваникштенском и купишкенском говорах литовского языка, испытавших сильное влияние селонского языкового субстрата, и в изолированном дотиненском говоре вильнюсской группы говоров аукштайтского диалекта литовского языка также в ударном неоконечном слоге наличествует гласный o или $ā$, в неударном же неоконечном слоге — гласный a , например: *vākaras* ‘вечер’, *vāsara* ‘лето’, *rātas* ‘колесо’, но *ratai* ‘колеса’³⁵. Разумеется, закон дистрибуции гласных o (o , $ā$): a в латгальско-селонских говорах, с одной стороны, и северо-восточнолитовских говорах, с другой, переплетается и с иными специфическими правилами дистрибуции гласных o (o , $ā$): a , присущими только латгальско-селонским или северо-восточнолитовским говорам.

³¹ *Endzelīns J.* Latviešu valodas gramatika. Rīga, 1951, 141. lpp.

³² *de Vartberge Hermannus.* Chronicon Livoniae. Separatabdruck aus dem zweitem Bande der Scriptorum Rerum Prussicarum. Leipzig, 1863. S. 99.

³³ *Bruiningk H., Busch N.* Livländische Güterurkunden (aus den Jahren 1207 bis 1500). Riga, 1908. Bd. I. S. 136, 623.

³⁴ *Endzelīns J.* Latviešu valodas gramatika, 117. lpp.; *Rudzīte M.* Latviešu dialektoloģija. Rīga, 1964, 267. lpp.; *Rudzīte M.K.* Латышская диалектология: (Фонетика и морфология): Автореф. дис. док. филол. наук (по книге “Латышская диалектология”. Рига, 1964, на латышском языке). Рига, 1969. С. 53, карта N 7; *Kolbuszewski S.F.* Z badań nad językami bałtyckimi: O paru izofonach we wschodnich gwarach łotewskich i litewskich // *Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk.* Sprawozdania, Nr. 92 za 1974 r. Wydział filologiczno-filozoficzny. Poznań, 1976. S. 86—87.

³⁵ *Zinkevičius Z.* Lietuvių dialektoloģija. P. 50, žem. Nr. 6; *Idem.* Lietuvių kalbos tarmės. Kaunas, 1968. P. 37; *Брейдан А.* Из истории балтийского вокализма // *Lingua Posnaniensis*, 1980. T. 23. С. 69—70.

²⁹ Сравните аналогичную корреляцию дифтонгоидов и долгих гласных в некоторых современных литовских говорах. См.: *Zinkevičius Z.* Lietuvių dialektoloģija. Vilnius, 1966. P. 87; *Vidugiris A.* Zietelos tarmės daiktavardis // *Lietuvių kalbotyros klausimai*, 1969. T. 11. P. 147—182.

³⁰ После рассмотрения вопроса о развитии восточнобалтийских долгих гласных $*\bar{e}$, $*\bar{o}$ в латгальском и селонском идиомах мы можем уточнить, что зафиксированные формы ойконимов XIII в. *Aszute* и *Kukenoys* отображают действительные формы того времени $*Asōite$ или $*Aspote$ и $*Kōūknojs$ или $*Kūūknojs$. Последний ойконим, очевидно, образован от гидронима $*Kōūkna$ или $*Kūūkna$ — старого названия реки *Pērse*, на берегу которой было расположено городище *Kuoknese* (ср. зафиксированную древнюю форму гидронима *Kokna* = *Pērse* с дифтонгом *uo* в корне слова, см.: *Endzelīns J.* Latvijas PSR vietvārdi. Rīga, 1961, 1. daļa, 2. sēj., 193. lpp.; *Штыхов Г.В.* Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.). Минск, 1978. С. 59.

Данные латгальских и селонских говоров неопровержимо свидетельствуют, что дистрибуция гласных *o* (*o*, *ā*): *a* является очень древней и что в то время, когда реализовалась первичная позиционная перегласовка гласных *e*, *ē*, *i* > *a*, *ā*, *y*, оппозиция гласных *o* (*o*, *ā*): *a* в латгальском и селонском племенных языках уже не была продуктивной. Так, в корнях глаголов с суф. *-in-* (> *-yn*) в латгальских и селонских говорах, как правило, присутствует нерегулярный гласный *a* вместо ожидаемого гласного *o*, например *darynojat* 'делаем' Прейли³⁶, *darynu* 'делаю' Лубана³⁷, *placynoji* 'плющу' Калдабруня (=северная Бебрене)³⁸, *zadynova* '(она) приветствовала' Ливаны³⁹. Этот нерегулярный гласный *a* отображает состояние до первичной позиционной перегласовки *e*, *ē*, *i* > *a*, *ā*, *y*, когда гласный *a* в такой позиции еще был закономерным⁴⁰.

3. Позиционная перегласовка *e*, *ē*, *i* > *a*, *ā*, *y*. Характерной чертой латгальских и селонских говоров является так называемая первичная позиционная перегласовка гласных (*e* > *a*, *ē* > *ā*, *i* > *y*), суть которой заключается в следующем: гласные переднего ряда *e*, *ē*, *i* изменились в гласные непереднего ряда *a*, *ā*, *y*, если в следующем слоге следуют или следовали гласные непереднего ряда и если за гласными не было мягких согласных, например: *saktys* 'мелкий, неглубокий' < *seklos, *sākla*² 'семя' < *sēkla, *vylks*² 'волк' < *vīlkos. В купишкенском говоре литовского языка, испытавшем влияние селонского языкового субстрата, также сохранились следы позиционной перегласовки гласных *e* > *a* и *ē* > *ā*, идентичной с такой же перегласовкой гласных *e* > *a* и *ē* > *ā* в селонских и латгальских говорах, например: *madūs* 'мед', *iāvas* 'отец' в купишкенском говоре⁴¹. В этом говоре observable перегласовка гласных регулярно осуществляется в парадигме спряжения глаголов⁴².

Если верно объяснение происхождения названия города *Zarasai* (< *Azarasai < *Ezerasai: лтш. *ežers* 'озеро'), выдвинутое К. Бугой⁴³, то ареал перегласовки гласных *e* > *a* и *ē* > *ā* в прошлом в северо-восточной Литве был гораздо шире, чем в наши дни.

Судя по некоторым топонимам, засвидетельствованным в письменных памятниках XIII—XIV вв. (например *Gulbana* 1224 г.⁴⁴ < *Gulbena,

³⁶ *Turkopulis J.* Latv. val. Preiļu pagasta izloksnes apraksta turpinājums // *Filologu Biedrības Raksti* (далее: FBR), 1928, 8 sēj., 18. lpp.

³⁷ *Zirnītis E.* Lubāniešu izloksne // FBR, 1937, 17. sēj., 138. lpp.

³⁸ *Kancāns V.* Kaldabruniešu izloksne // FBR, 1937, 17. sēj., 65. lpp.

³⁹ *Latkovskis L.* Līvānu izloksne // FBR, 1940, 20. sēj., 156. lpp.

⁴⁰ *Брейдас А.* Некоторые фонетические явления селонского языкового субстрата в северо-восточной Литве // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Вильнюс, 1985, с. 209.

⁴¹ *Endzelms J.* Latviešu valodas gramatika, 108. lpp.; *Rudzīte M.* Latviešu dialektoloģija, 272. lpp.; *Брейдас А.Б.* О влиянии прибалтийско-финских языков на латгальский и селонский идиомы // *Baltistica*, 1977, прилож. 2. С. 30, карта N 1; он же. Некоторые фонетические явления селонского языкового субстрата в северо-восточной Литве. С. 207; *Zinkevičius Z.* Lietuvių dialektoloģija. P. 54, žem. 12; idem. Lietuvių kalbos tarmės. P. 38.

⁴² *Zinkevičius Z.* Lietuvių kalbos tarmės. P. 38; *Kolbuszewski S.F.* Z badań nad językami bałtyckimi: O paru izofonach we wschodnich gwarach łotewskich i litewskich. S. 86.

⁴³ *Būga K.* Rinktiniai raštai. T. 2. P. 19—21.

⁴⁴ LVA II (1) 80.

ср. совр. лтш. *Gulbene*; *Baršone* 1375 г.⁴⁵ и 1389 г.⁴⁶, ср. совр. лтш. *Bērzaune*) эта перегласовка гласных осуществилась до XIII в.⁴⁷

4. Аффрикатизация взрывных смычных согласных *k*, *ķ*, *g*, *g*. Во многих латгальских и некоторых селонских говорах взрывные смычные согласные *k*, *ķ* изменились в аффрикату *č*, а взрывные смычные *g*, *g* — а аффрикату *dž*, например *čēvē*² 'кобыла' Баркава (ср. нижнелатышское *ķēve*, *ķēve* 'кобыла'). К. Буга, С. Каралюнас, В. Мажюлис и А. Ванас считают топонимы с аффрикатой *č* вместо ожидаемого закономерного взрывного смычного *k* в северо-восточной Литве (например, в названиях населенных пунктов *Čedasai*, *Čivyliai*, в названиях озер *Čėdasas*, *Čiāunas*, *Čičiraitis*, *Čičirys*) селонскими по происхождению⁴⁸. Аффрикаты *č*, *dž* (< *k*, *ķ* *g*, *g*) в латгальском и селонском возникли только в заимствованных словах. На основе этого можно заключить, что южные селоны после поселения аукштайтов на их территории именно в литовских (т.е. "чужих") топонимах заменили взрывной смычный *k* аффрикатой *č*. Но и после полной ассимиляции южных селонов эта фонетическая особенность сохранилась в топонимии северо-восточной Литвы как явление селонского языкового субстрата⁴⁹. Учитывая наличие гипернормального взрывного смычного *k*, *ķ* вместо закономерной аффрикаты *č* (например, *ķūska*² 'змея' Одзена < *čūska*) в западном и южном ареале латгальско-селонских говоров, ясно, что в прошлом аффрикатизация взрывных смычных *k*, *ķ*, *g*, *g* наличествовала во всем ареале латгальского и селонского племенных языков⁵⁰.

Интенсивные связи восточнобалтийских и восточнославянских племен начались в IX—X вв.⁵¹, но в латгальских и селонских лексических заимствованиях из древнерусского языка, как правило, уже отсутствует аффрикатизация взрывных смычных *k*, *ķ*, *g*, *g*. Следовательно, эта аффрикатизация в латгальском и селонском племенных языках осуществилась до IX в. и в IX—X вв. была непродуктивной⁵².

⁴⁵ *de Vartberge Hermannus.* Op. cit. S. 99.

⁴⁶ *Bruiningk H., Busch N.* Op. cit. S. 136, 623.

⁴⁷ *Брейдас А.Б.* О влиянии прибалтийско-финских языков на латгальский и селонский идиомы. С. 30; он же. Некоторые фонетические явления селонского языкового субстрата в северо-восточной Литве. С. 209; он же. Западная граница латгальского и селонского племен по языковым данным в XIII—XIV веках // Проблемы этнической истории балтов: Тезисы докладов межреспубликанской научной конференции. Рига, 1985. С. 168.

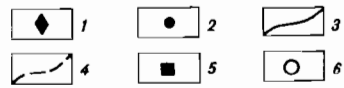
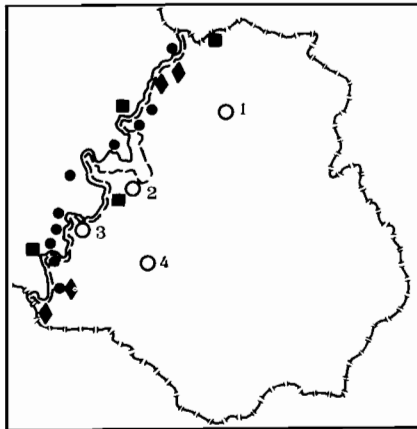
⁴⁸ *Būga K.* Rinktiniai raštai. T. 2. P. 108; idem. Rinktiniai raštai. T. 3. P. 275—276; *Karaliūnas S.* Šėlių kalba // *Mokslas ir gyvenimas*, 1972, Nr. 1. P. 18; *Vanagas A.* Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius, 1981. P. 75—76; Ванас А. Вклад родственных балтийских диалектов в литовский язык (по топонимическим данным) // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Вильнюс, 1985. С. 197.

⁴⁹ *Брейдас А.* Некоторые фонетические явления селонского языкового субстрата в северо-восточной Литве. С. 208—209.

⁵⁰ *Breidaks A.* Über das ostseefinnische Sprachsubstrat in Ostlettland // *Baltistica*, 1977. Bd. 13(1). S. 248; *Брейдас А.Б.* О влиянии прибалтийско-финских языков на латгальский и селонский идиомы. С. 32.

⁵¹ *Būga K.* Rinktiniai raštai. T. 1. P. 350—351; *Endzelms J.* Darbu izlase. 4. sēj. 2. daļa, 36. lpp.

⁵² *Breidaks A.* Baltijas somu un latgaļu-sēļu etnolingvistisko sakaru jautājumi // *Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis*, 1981, Nr. 8, 92—93. lpp.

Карта 1

1 — крайние западные говоры ареала, в котором наличествуют слова *vosara* 'лето', *vokars* 'вечер'; 2 — крайние западные говоры ареала, в котором наличествуют слова *vasara* 'лето', *vakars* 'вечер'; 3 — западная граница ареала, в котором осуществилась первичная позиционная перегласовка *e>a*; 4 — западная граница ареала, в котором осуществилась первичная позиционная перегласовка *ē>ā*; 5 — крайние западные говоры ареала, в котором осуществилась гипернормализация аффрикаты *č>k*; 6 — некоторые населенные пункты в XIII—XIV вв. (1 — *Gulbana* 1224 г., 2 — *Barsone* 1375 г., 3 — *Kukenoys* 1205 г., 4 — *Aszute* 1211 г.)

Выводы. Латгальское и селонское племена в XIII—XIV вв. населяли те территории, которые в настоящее время являются ареалами латгальских и селонских говоров. Западная граница территории латгальского и селонского племен в XIII—XIV вв., судя по данным языка (по древнейшим латгальско-селонским изофонам), проходила по той узкой полосе говоров, которые в наши дни являются крайними западными латгальско-селонскими говорами и переходными говорами между латгальско-селонскими и средне-латышскими (см. карту!).

Западными соседями латгалов и селонов как в Земгале, так и в Видземе были земгалы. Они населяли не только центральную часть Земгале, но также и центральную часть Видземе. Среднелатышские говоры Видземе генетически являются продолжением земгальского племенного языка. Однако не только не исключается возможность латгальского суперстрата в этих говорах, но такое допущение, судя по языковым данным, вполне реально.

Т.В. ЦИВЬЯН

МОТИВ НАКАЗАНИЯ МЕСЯЦА В СЮЖЕТЕ НЕБЕСНОЙ СВАДЬБЫ

Сюжет Небесной свадьбы, столь многообразно представленный в латышских дайнах (которые и положены в основу этой статьи) имеет примечательное ответвление: на казание Месяца¹. Здесь произво-

¹ Этому посвящен специальный раздел в фундаментальной латышской мифологии Х. Безайса: *Biezais H. Die himmlische Götterfamilie der alten Letten*. Uppsala, 1972, 528—530. Ср. подборку соответствующего материала в кн.: *Jonval M. Les chansons mythologiques lettonnes*. P., 1929. Номера дайн, за исключением особо оговоренных случаев, даются по собранию Барона—Виссендорфа.

дится попытка анализа этого мотива в связи с некоторыми универсальными мифологемами, — с привлечением материала и других традиций, имсущих глубинную мифологическую связь с балтийской.

В дайнах о наказании Месяца выделяется достаточно простая композиционная схема: кто — как — за что наказывает Месяца. У Месяца (*Mēness*, мужской персонаж) три вины, объединенные тем, что все они задевают интересы Солнца (*Saule*, женский персонаж): Месяц расстраивает Небесную свадьбу, Месяц морозит розы в саду Сауле, Месяц светит только ночью. В первых двух случаях о реакции Месяца ничего не говорится; в третьем он смиренно / примиряюще оправдывается, просит не наказывать его, вообще занимает слабую, подчиненную позицию. Что касается его "вин", то в определенном смысле они зависят, скорее, от его природы или от расклада взаимоотношений в Небесной семье, чем от его злокозненности. Поэтому, может быть, допустимо определять эту группу не как *Feindschaft oder Kampf zwischen*²: речь идет не о вражде или борьбе между, а о наказании за³.

Первая вина, наиболее непосредственно связанная с Небесной свадьбой, состоит в том, что Месяц уводит невесту у Аусеклиса (Утренняя звезда, мужской персонаж). Кто эта невеста, не говорится, но гнев Сауле, во-первых, и указание на дочь Сауле как на невесту Аусеклиса или его сына в других дайнах (34001, 33804¹, 33745 и др.)⁴, во-вторых, делает правдоподобным предположение, что речь идет о дочери Сауле. Тогда, очевидно, вина Месяца в том, что он нарушает структуру Небесной семьи, нарушает порядок, за что и терпит наказание: Сауле разрубает его острым мечом:

Saul' sacirta Mēnestiņu
Ar aso zobentiņu,
Kam atņēma Ausekljam
Saderētu līgaviņu. (33950)

Можно думать, что речь идет о чем-то более серьезном, чем только нарушение личных интересов Сауле: этим и объясняется появление Перкона (варианты, названные Безайсом *eine unbeabsichtigte Kontamination*)⁵: Перкон, а не Сауле разрубает Месяца. Это находит полное соответствие в литовской песне, хотя к ней принято относиться

² *Biezais H. Op. cit.*, 528.

³ Ср., однако, и другие варианты, например, 33866: Сауле должна бежать от Месяца, который ее преследует (смена дня и ночи): *Mūs, mūs, Saulīte, Mēnesis dzenās!*

⁴ Выбор жениха для Сауле, ее дочери (дочерей) — особая и достаточно сложная тема, которой мы здесь не касаемся.

⁵ *Biezais H. Op. cit.*, 529. — Может быть, стоит упомянуть и варианты с "косвенными участниками" — свидетелями наказания Месяца: сыновья Бога (*Dievs*) наблюдают из листьев мака, как Сауле бьет Месяца серебряным корневишем (33926):

Saule kūla Mēnestiņu
Ar sudraba čakārniņu;
Dieva dēli lūkojāsi
Caur magoņu lapiņam.

с осторожностью: Месяц полюбил Аушрине (Утренняя звезда, женский персонаж); Перкунас в гневе разрубает его саблей: *Perkūns, didžiai supykęs, | Jį kardu perdalijo*⁶.

Вмешательство Перкона/Перкунаса перестает казаться необидительным, если привлечь группу латышских дайн, связанных с участием Перкона в свадебном cortege Сауле/ее дочерей. Прямых указаний на недоброжелательность Перкона к Месяцу нет, ср. хотя бы 33845, Перкон на коне на свадьбе Месяца и дочери Сауле: *Mēness nēma Saules meitu | Perkons jāja vedības*, ср., однако, допускающую разные толкования 33834: Месяц спрашивают, куда он бежит, — он бежит к Сауле, которая, по слухам, отдает дочь за сына Перкона:

*Kur tecēsi, Mēnesīti <...>
Tek' Saulītes aplūkat.
Dzird' meitiņu izdodot <...>
Pērkonīša dēliņam.*

Секрет дайн в том и состоит, что достаточно ограниченное число мотивов и персонажей проигрывается с максимумом разнообразия в поворотах сюжета и сочетаниях персонажей. Золотую середину выбрать сложно: с одной стороны, нельзя — в опровержение или в подтверждение — выбирать в качестве решения один единственный вариант; с другой стороны, нельзя трактовать обилие вариантов как хаотическое безразличие. Жесткость формальной структуры дайн, о которой не раз писалось⁷, это та *forma formans*, которая содержит "созидающую идею целого и всех его частей"⁸ и организует единую мифологическую основу, на поверхностный взгляд, проявляющуюся расплывчато и даже противоречиво⁹.

Неслучайность вариантов, в которых Перкон/Перкунас разрубает Месяц, за то, что тот нарушает matrimониальные планы Небесной семьи, поддерживается дайнами, в которых Перкон разрубает золотой дуб, стоящий во дворе или у ворот Сауле. И здесь, при достаточно разнообразии вариантов, правдоподобно реконструируется сюжет: Перкон наказывает за нарушение matrimониальных планов Месяц, Аусеклиса, Бога — всегда в связи с Сауле или ее дочерьми. Ср. 34047,

⁶ Rēza L. Lietuvių liaudies dainos. Vilnius, 1958. N 27.

⁷ См. в последнее время: Топоров В.Н. К реконструкции одного цикла архаичных мифопоэтических представлений в свете "Latvju dainas" // Балто-славянские исследования 1984. М., 1986. 43 сл.

⁸ Вячеслав Иванов. *Forma formans e forma formata* // Вячеслав Иванов. Собрание сочинений. Т. III. Брюссель, 1979, 679.

⁹ Энтузиазм тех, кто ставит своей задачей перевод дайн на русский язык с наибольшей адекватностью, их деятельность заслуживает самой высокой оценки, см.: Латышские дайны. Рига, 1984 (особенно статью Ю.И. Абызова "Мир дайн и проблемы их перевода". С. 260—300). Поскольку авторы считают свою работу во многом экспериментальной и в этом смысле незавершенной, решаемся сказать, что может быть, стоит в большей степени учитывать чисто грамматическую (синтаксическую) структуру дайн, поскольку нередко образность и эмоциональность парадоксально вытекают из аскетизма, почти бедности их формально-грамматической структуры, развернутой в трудных условиях минимального пространства.

Перкон ударяет в дуб на свадьбе Месяца и дочери Сауле¹⁰:

*Mēness nēma Saules meitu.
Perkons jāja panāksyos;
Pie vārtiem dajādams,
Nosper zelta ozoliņu.*

К этому — литовская песня¹¹: на свадьбе Аушрине Перкунас ударяет в зеленый дуб, из которого начинает течь кровь, мочит одежды и венок; дочь Сауле плачет, три года собирает листья:

*Aušrinė svodba kėlė,
Perkūns pro vartus įjojo.
Ažuolą žalią parmušė.
Ažuolo krauis varvėdams,
Apšlakstė mano drabužius,
Apšlakstė vainikėli.*

*Saulės dukritė verkiant
Surinko tris metelius
Pavytūsius lapelius...*

И, наконец, объект гнева Перкона — сама Сауле: он гремит, сверкает, разбивает золотой дуб; три года плачет Сауле, собирая золотые ветки (34047¹⁰):

*Pērkons rūca, zibenāja.
Saspeļ zelta ozoliņu:
Trīs gadīni Saule raud.
Zelta zarus lasīdama.*

Строго говоря, факт наказания здесь предположителен — это, так сказать *наказание, поскольку неизвестно, каким образом связана свадьба и действия Перкона/Перкунаса: Месяц женится — Перкон разбивает дуб: *а/и в это время?; после этого?; поэтому?* и т.п. Этот спектр толкований в пространстве одного текста как бы отражает спектр вариантных толкований в пространстве всего корпуса дайн. Однако эти амбивалентные, даже разноречивые смыслы могут быть организованы в единую, впрочем, достаточно свободную, семантическую систему, которая в конце концов приведет к реконструкции соответствующих универсальных мифологем.

В данном случае можно говорить о неблагоприятии в Небесной семье, что вызвано неверным выбором брачных партнеров; ошибка ли это, или вина, но она с необходимостью влечет за собой наказание. Вариантность партнеров в matrimониальных парах может свидетельствовать о нарушении правила как такового, о его общем характере. Однако достаточно четко выделяемая группа дайн с протagonистами Сауле — Месяц отсылает к известному сюжету неудачного (или рокового) брака Солнца и Месяца как инцеста сестры и брата, что кончается их вечным разлучением, разделением сфер действия и наказанием брата, инициатора инцеста (в разных традициях им

¹⁰ Biezais H. Op. cit., 530—532.

¹¹ Rēza L. Op. cit., N 62.

может быть и Солнце, и Месяц)¹². Само наказание представляет собой свернутую мифологию: *рассечение, размельчение, раздробление* противника (или детей/сына Громовержца) с помощью *острого, колющего, режущего* (стрелы, копье, меч) или *колотящего*, "размолачивающего" (дубинка, молот) орудия (ср. также бич, розги — *секущее* орудие, соединяющее битье и разрезание). Если таким образом наказывается противник Громовержца, то он уничтожается окончательно, если сын — он воскресает в новой ипостаси.

В латышских и литовских дайнах Перкон разбивает дуб или рассекает своим мечом Месяц¹³. Что касается латышской Сауле, то ее наказания более проработаны; она явно замещает (и с успехом) Громовержца. Сауле разрубает Месяц *ar aso zobentiņu* 'острым мечом', колотит (*kuļ*) его *ar sudraba čakarnīņu* 'серебряным корневищем'¹⁴ (связь с мировым деревом, в контексте дайн — с дубом, в который ударяет Перкон; ср. также известное представление солнца и его лучей как дерева, растущего корнями вниз), она хлещет — сечет его *ar rīkstītēm* 'прутья—розги' или 'бич' (ср. *Дивурикс* Волынской летописи < **Dievo-rykš/tē* 'бич божий'^{14a} или серебряный бич хеттского Пирвы), наконец (в ослабленном варианте) она его *bar* 'бранит'. Во всех этих случаях (кроме, конечно, словесного воздействия) цель — раздробить, "иссечь" Месяц. Разумеется, речь идет о лунных фазах, но в мифологическом преломлении: в реальности увеличение и уменьшение месяца происходит постепенно и плавно, и в этом физическом явлении нет ничего соответствующего внезапным, частым, разбивающим ударам. Можно напомнить, что затмение небесных светил, которое внешне повторяет те же фазы, но спрессованные во времени, в мифологиях представлено обычно как поедание, кусание Солнца и Луны злокозненными существами; процесс тоже не молниеносный.

Можно предположить, что избрание такого способа наказания играет в мифологическом контексте другую роль: оно является гарантией воскрешения, т.е. появления исчезнувшего Месяца вновь на небе (ср. литовскую загадку о месяце: *Kas per metus dvylika kartų gimsta ir miršta?* 'Кто в году двенадцать раз рождается и умирает?')¹⁵. Тогда наказание Месяца нельзя сводить к метафорическому выражению лунных фаз: это прежде всего средство его "вечного возвращения", поддержка космического порядка, установленного после неудач-

¹² К этому же добавляется измена Денницы Громовержцу и низвержение ее на землю, см.: Балтийская мифология // Мифы народов мира. М., 1980, s.v.

¹³ Ср. древнехетт.: «Бог Луны упал сверху с неба... Бога Луны внизу увидел Бог Грозы... Отвечал Бог Грозы: "Вот что я делаю: с гор и со скал перунов и дожди я пускаю". ...Бог Грозы вернул Бога Луны на небо» (Луна, упавшая с неба. М., 1977, 50—51).

¹⁴ "Čakarnis. Čakarnis...1. Ein Wurzelende, Wurzelstück, umgestürzte Baumwurzel mit allem, was daran hängt". (ME, I, 401).

^{14a} Топоров В. Н. Заметки по балтийской мифологии // Балто-славянский сборник. М., 1972, 309—311.

¹⁵ Atbēga elnias devyniaragis. Vilnius, 1986, N 719. О новом месяце см.: Vėlius N. Senovės baltų pasaulėžiūra. Vilnius, 1983, 44—46.

ной попытки свадьбы, которая могла бы вернуть мир к первоначальному хаосу.

Уже беглый просмотр материала показывает, насколько прочно в мифологический словарь Месяца входит идея разбивания, рассечения, измельчения; это не раз отмечалось¹⁶, однако как будто не связывалось с основным мифом, с мотивом воскрешения через уничтожение именно этим способом (хотя связь фаз Месяца с умирающим и воскресающим божеством также отмечена). Ср. примеры, прежде всего фразеологию, где Месяц как бы притягивает понятия *острого* и *размельчения*: лит. *Mėnesis tėvelis dalelę skyrė* 'Месяц батюшка частицу отделил', LKŽ, s.v. (по болгарским представлениям луна при движении теряет частицы, а потом их собирает); *Mėnuo auga, mėnuo dyla* 'Месяц растет, месяц истачивается' ('стирается', ср. *dildė* 'напильник', LKŽ, s.v.); см. повсеместное *серп месяца* (ср. в рус. традиции серп месяца в основании креста, как бы пронзенный его древком; аналогия — лит. подсвечник *saulutė*, где солнце и месяц расположены по вертикали креста, проходящей через них обоих; ср. связь мирового дерева, солнца и месяца в частности в преломлении разобраных выше дайн); рус. *Старый месяц Бог на звезды крошит; Светил бы мне ясный месяц, а по частым звездам я колом пройду*, Даль s.v.¹⁷, *ущерб* месяца, *щербатый* месяц¹⁸, *рога* — острые концы месяца; *на новцу, на торцу, на перекрой месяцу; ни на перекрой месяце, ни на ветху месяце; на покрое месяцу, на исход месяцу* во временных формулах пинежских заговоров¹⁹. В свадебных обрядах метафора разламывания может реализоваться: в Полесье пекут печенье в виде месяца и во время свадьбы *стукающа* им: *Б'юць мезец, чый полондэцца*; на Балканах у саракачан невеста поднимает над головой свадебный хлеб, украшенный крестом, месяцем и змеевидным орнаментом, разламывает его на четыре части и бросает куски около себя²⁰.

Ср. еще в балканской традиции: болг. название убывающего месяца *разсип, усип*, загадку о месяце *половин резник (=резан хляб) у море хвърлен*²¹, ср. вообще загадывание месяца через (отрезанный) кусок, ломоть; алб. *hana e vdjerrë – hënë e thyer* 'сломанная луна'²²;

¹⁶ См. статью "Лунарные мифы" в кн. "Мифы народов мира".

¹⁷ Достаточно широко распространено поверье о том что лунные пятна отображают убийство Авеля Каином, см. к этому полес.: "Ну, от, и господь дав так, шо на місяцовы знак, шо то воні один другога забыв. Вын из ружа був, а то людэ говорять, шо за колб, шо на місяцовы отогб знак, о За колб штэ кбм, цычим, а то чытаця, вут, шё забыв". (Гура А.В., Терновская О.А., Толстая С.М. Материалы к полесскому этнолингвистическому атласу // Полесский этнолингвистический сборник. М., 1983, 129).

¹⁸ Ср.: "На ущербну не делю не сбодють овощи" (Толстая С.М. Полесский народный календарь: Материалы к этнодиалектному словарю: К—П // Славянский и балканский фольклор. М., 1986, 193).

¹⁹ Пинежье: Обрядовая поэзия Пинежья. М., 1980, N 185, 191; ср. связь *торец* с *тереть*.

²⁰ Тураўскі слоўнік. Мінск, 1984, т. 3, s.v. *месеу*; Антонијевић Д. Обреди и обичаји балканских сточара. Београд, 1982, 57.

²¹ Вакарелски Х. Етнография на България. София, 1977, 414; Стойкова С. Български народни гатанки. София, 1970, N 132.

²² Fjalor i gjuhës shqipe. Tiranë, 1954, s.v.

рум. фразеологизм *a da (a zvirli) cu barda in luna* 'бросаться на луну с топором'²³, ср. в румынской же традиции таинственную связь нового месяца с разбиванием посуды: при появлении нового месяца надо соблюдать в доме молчание, иначе *se sparg oalele* 'бьются горшки'²⁴, обращение к молодому месяцу "Разрежь хлеб пополам", поверье, что в это время надо рубить бревна для дома, колья для забора, потому что они тогда долго не сгниют²⁵ и т.д. Наконец, рассечение или отпугивание грозовой тучи острыми, колющими или "колотящими" орудиями (топором, косой, серпом, ножом, мотыгой, спицей, длинными тонкими веточками и т.д.), столь подробно описанное для сербской традиции²⁶, как представляется, также может быть, хотя бы косвенно, сопоставлено с аналогичным уничтожением Месяца.

Если идти дальше в реконструкции сюжета Небесной свадьбы и ее последствий, то можно предположить, что после разрешения матримонного конфликта был установлен новый и окончательный космический порядок чередования небесных светил — Солнца, с одной стороны, Месяца со звездами, с другой — во времени, ограниченном прежде всего сутками, в оппозиции *день/ночь*; для Месяца кроме того устанавливается регламентация по неделям, которые образуют следующую по величине временную единицу — лунный месяц, и т.д.²⁷ Поскольку в основе обеих персонажей лежит близнечность, которую можно понимать и как первоначальную одинаковость и во всяком случае равноправие, то временное разделение как бы аннулирует эти свойства и закрепляет разницу еще и по другим признакам (особо подчеркивается связь Солнца со *светом*, а Месяца с *тьмой*²⁸; оппозиции *жар/холод*, через это *огонь/вода*, *сухой/влажный* и т.д.). Разница могла приводить к недовольству и соперничеству или хотя бы к воспоминаниям о прежнем состоянии.

Такова, как представляется, мифологическая основа насчитывающей более ста вариантов группы дайн, где Сауле (уже известными методами) пеняет Месяцу за то, что он не светит (не ходит по небу) днем, на что он с мирным достоинством отвечает — "Тебе дни, а мне ночи":

*Saule bāra Mēnestiņa,
Kam tas dienu nespīdēja.
Mēnestiņis atbildēja:
Tev dienīņa, man nakstiņa.*

или (вар. 11), почти повторяя формулировку о разделении сфер между

²³ Dicționar de expresii și locuțiuni românești. București, 1969, 222.

²⁴ Gorovei A. Credințe și superstiții ale poporului român. București, 1915, N 930, 931, 1941.

²⁵ Mușlea I., Bîrlea O. Tipologia folclorului. București, 1970, 126, 128.

²⁶ Толстые Н. И. и С. М. Заметки по славянскому язычеству. 5. Защита от града в Драгачеве и других сербских зонах // Славянский и балканский фольклор. М., 1981. — См. реконструкцию аналогичного обряда у фракийцев: Орел В. Э. Комментарии к НДТ. IV, 94, 4 // Проблемы античного источниковедения. М.; Л., 1986.

²⁷ Ср. связь (в том числе и терминологическую) временной регламентации по месяцам с месяцем—небесным светилом в статье "Месяцы" в кн.: Мифы народов мира.

²⁸ Ср. известную шутку о том, что месяц лучше солнца, потому что солнце светит днем, когда и так светло, а месяц — ночью, когда темно.

ведийскими Митрой и Варуной — "Тебе дни с людьми, | Мне ночи со звездами":

*Tev dienīņa ar ļaudīm,
Man nakstiņa ar zvaigznēm.*

Вообще мотив упреков Месяцу за то, что он не светит днем, широко распространен и прежде всего в той же латышской традиции, но дается обычно в ином ключе: Месяц шутливо журят, иногда называя лентяем (33848 и др.)²⁹, ср. рус. клише типа *Месяц ночью светит, а днем нет*; | *Милый когда любит, когда нет* и др. В дайнах встречается и апробация этого чередования, ср. 33735, а также 546, 3749, 30139:

<i>Ei, Saulīti, Mēnestiņ Kā jūs skaisti mijaties: Kur Saulīte ziemu tek. Tur vasaru Mēnesnīca</i>	'Эй, Саулите, Месяц, Как вы красиво меняетесь: Куда Саулите ходит зимой, Туда Месяц летом'.
---	--

Сауле может и сама признавать этот порядок: независимо от усталости, отдыхать нельзя, пока не вззошел Месяц: *Dusināt nevarēju, | Līdz uzlēca Mēnestiņš* (LTDz III, 7940); она же плачет, что ей нет отдыха: днем она идет зеленой рощей, ночью плывет в золотой лодочке: *Dienu teku zaļu birzi, | Nakti zelta laiviņā*, (33860 — в ответ на вопрос Месяца, где Сауле спит ночью) и т.д. Иными словами и здесь латышские дайны проигрывают все возможные ситуации, и каждая из них обоснована, и каждая находит место в масштабно организованной мифологической системе. Что же касается наказания Месяца, в синхронном плане как бы без вины виноватого, то здесь правдоподобно видеть столкновение нового порядка (носителем и защитником которого в данном случае является уже наказанный за прежние вины Месяц) и старого, как бы более справедливого для Сауле порядка, тем более что в предшествующем конфликте она оказалась жертвой Месяца. "Временная" трактовка косвенно подтверждается дайнами, в которых свадьба Сауле отнесена к времени творения мира: *Tad Saulīte brūte bij, | Kad zemīte radījās* (33869); Месяц видел ее невестой и снимал с нее девичий венок: *Mēnestiņis tas redzēja, | Tas nojēma vaiņa dzīņu* (33810). Поэтому враждебность Сауле может рассматриваться и как отголосок той давней трагедии, которая резко и навсегда изменила ее судьбу и весь космический порядок. В параллель латышской версии можно привести сербскую песню, с иными персонажами, где в мотиве вражды к Месяцу просматривается сходная мифологическая подоплека: *Љуба огњевита*, героиня этого сюжета, живет за морем; *Када ходи, како ветар веје, | Кадо говори, како са љом сече*; она бранит (клянется) Месяц за то, что он не светит днем так же, как ночью; примечателен и эпитет, которым она награждает Месяц: *Она куне јаснога месеца: | Еј месеце, царев неверниче! | Зашт' не грејеш дању, како ноћу?*³⁰.

²⁹ Biezais H. Op. cit., 70.

³⁰ Караџић В. Српске народне пјесме. Београд, 1976, N 238. — Ср. мак. этимологическое предание о чередовании Солнца и Месяца (в связи с дальнейшим анализом): Солнце

В сюжете "Сауле наказывает Месяц" осталась нерассмотренной одна дайна (33927), которую Безайс определяет как *eine freie Veränderung aus spätere Zeit*³¹. Действительно, на первый взгляд, она выпадает из мифологического контекста, обращаясь, скорее, к бытовым или орнаментальным деталям:

*Saule kūla Mēnesīcu
Ar sudraba čakarnīņu:
Saule sēja rožu dārzu,
Mēnesīca nosaldēja.*

'Сауле колотила Месяц
Серебряным корневищем:
Сауле посадила розовый сад,
Месяц его заморозил.'

Название Месяца здесь имеет форму женского рода, однако такие вариации не считаются особо существенными³². В данном же случае важно то, что Сауле и Месяц противопоставлены по оппозиции *жар/холод*. Дело не в реальном обосновании этого сюжета (ночные заморозки), а в том, что Месяц предстает в новой ипостаси, которая эксплицирована в русской сказке, записанной на территории Литвы (Ионавский р-н)³³. Это тип *298 "Солнце, Ветер и Мороз", спрашивающие у мужика, кого он выбирает. В данном случае Мороз заменен *Месяцем*, вымораживающим у мужика посев; прося прощения у Месяца и Солнца, мужик называет их соответственно *родной батюшка и родная матушка*.

Но мороз и особенно заморозки — это не просто холод, понижение температуры: это связь с влагой (холодная вода, снег, лед, холодный туман; ср. в др.-греч. связь Луны и снега-воды: Лунной называется гора, снега которой питают Нил/Килиманджаро?/Σελήνης ὄρος 'αφ' οὗ ὑπόδέρχονται τὰς χιόνας αἱ τοῦ Νεῖλου λίμναι)³⁴. Свойство холодного, негреющего Месяца притягивать к себе влагу — росу, туман, придает ему ореол своего рода тайны. Это ощущается, в частности, в загадках, где Месяц представлен как нечто неопределимое, через отрицательную связь с разными объектами, в том числе с водой и льдом: *Катится катушка, | ни зверь, ни птушка, | ни лед, ни вода, | никто не отгадает*; бел. *Ишоў маладзён ні дарагай, ні пучём, а памыўся ні вадою, ні расою, а уцёрся ні тканым, ні праным*³⁵. Ср. сербские заговорные формулы, где солнцу соответствует лес, а месяцу — вода: *ка' жарко сунце и мјесече по гори и по води*³⁶. Стоит учитывать и фразеологизмы, где в паре с солнцем

и Месяц были созданы так, чтобы они светили одинаково, одно днем, другой ночью, за да биди како дено, така и ноқта. Однако Месяц стал хвастаться, рассердил Солнце, и оно бросило в него *една волска лепешка*. С тех пор Месяц стал темным и страшным и прячется от Солнца. (Цепенков М. Македонски народни умотворби. Скопје, 1972, т. 7, N 531). О вражде Солнца с Месяцем и Звездами см. в греч. песне о любви Солнца к земной девушке ('Ελληνικά δημοτικά τραγούδια. 'Αθήναι, 1959, В', N 37).
³¹ Biezais H. Op. cit., 529 (Автор упоминает о ней в сноске 2).

³² О том, как трактовать пол Месяца, вернее, о чередовании форм женского и мужского рода при его назывании, специально говорит Безайс (с. 47—63).

³³ Русский фольклор в Литве. Вильнюс, 1975, N 30. С. 154 ("Солнце, Ветер и Месяц").
³⁴ Der Kleine Pauly. München, 1979. Bd. 5, 83.

³⁵ Рыбникова М. А. Загадки. М.; Л., 1932, N 406, с. 512; Загадки. Минск, 1972, N 55.

³⁶ Раденковий Л. Народне басме и бајања. Ниш; Приштина; Крагујевац. 1982, N 210.

выступает роса, туман и т.п. — на месте ожидаемого месяца (тип *Пока солнце выйdet, роса очи выест*)³⁷, ср. аналогичную замену в сербской песне³⁸:

*А мала ти фала, мој јасни мјесече,
На истоку жарка сунца,*

*Ја имадем млада Стјена господара,
Он је моје жарко сунце,
А које ми сунце нигда не заходи,
Сињу ми мору магла не запада.*

Довольно однотипные балто-славянские загадки о росе строятся таким образом, что роса является "tertium comparationis" солнца и месяца: девица гуляет по полю, теряет ключи, роняет слезы; месяц видит это, но молчит, солнце видит и подбирает; т.е. месяц сохраняет влагу, а солнце ее высушивает. Может быть, не слишком смелым покажется предположение, что в дайне о замерзших в саду Сауле розах угадывается *роса — rasa: Saule sēja rožu dārzu... nosaldēja*. Греймас предлагает мифологическую интерпретацию этих загадок. Роса — бусинки из ожерелья Аушрине, Утренней звезды, которая восходит на небо раньше, чем Солнце (женский персонаж). Месяц влюбляется в нее, изменяет Солнцу, а оно пытается уничтожить соперницу (Greimas A.J. Les voix du mythe en Lithuanie // LALIES. Actes des sessions de linguistique et de littérature. 6. P., P. III. 1984).

Особые связи у Месяца с туманом, а через это с известной символической бракой, свадьбы³⁹. И здесь латышские дайны дают великолепный по сжатости и концентрированности мифологических элементов образец:

*Migla, migla, liela rasa.
Pazūd manis kumeliņš.
Nokrīt migla, nokrīt rasa,
Atrōd' savu kumeliņu.
Atrōd' savu kumeliņu
Pie Mēneša nama durvū.
Mēness nēma Saules meitu.
Leidza mani vadībās (33865).*

'Туман, туман, большая роса,
Пропадает у меня конь.
Падает туман, падает роса,
Нахожу своего коня,
Нахожу своего коня
У дверей дома Месяца.
Месяц взял в жены дочь Сауле.
Пригласил меня в поезжане.'

Не менее прозрачна символика белорусской песни, записанной в Зап. Полесье⁴⁰; она состоит из двух симметрично построенных частей. Первая из них — диалог Зари с Месяцем, где все "пропитано" влагой — туманом, тучами, дождем:

*Пырыхыдна зыронька
Пырышла нзбо-хмару
Дай стала в оболочи,
Місяця в правым боцы.*

³⁷ Ср. лит. и лтш. соответствия в кн.: Kokare E. Latviešu un lietuviešu sakāmvardu paraules. Rīgā, 1980. N 573.

³⁸ Карауић В. Указ. соч., N 560.

³⁹ Об этом, в частности в связи с блоковским: *А Непрядва убралась туманом, | Что княжна фатой см.: Левинтон Г. А. Заметки о фольклоризме Блока // Миф, фольклор, литература. Л., 1978. 175.*

⁴⁰ Климчук Ф. Д. Песенная традиция западнополесского села Симоновичи. // Славянский и балканский фольклор. М., 1978. N 59. Ср. болг. свадебную песню (Шанкарев К. А.

Місяцю журылася:
 — Ой мій місяцю ясний,
 Дз мні подітисся,
 Як яснэ сонцэ зыйдэ,
 Як туман-хмара найдэ?
 — Моя зыронько ясна,
 Ты ж пыйдыш позахмар'ю,
 Хмаркью опустысся,
 Дошчыком обольсся...

Вторая часть переводит "туманную символику" в свадебную: девушка спрашивает у отца, что ей делать, когда на двор придут сваты: — *Мое дітатко ріднэ, | Ты ж пыйдыш позастылло, | Коскамы опустысся, | Слізкамь обольсся*. Таким образом случайный, поздний вариант дайны вводит в рассмотрение самостоятельный круг мотивов, развивающих тему *жара, сухости/холода, влаги* в связи с солнцем и месяцем. Разумеется, приведенными примерами тема не только не исчерпана, но лишь затронута. Однако здесь было решено строго ограничиться анализом сюжета "Солнце на казывает Месяц" и притом на основе прежде всего латышских дайн.

Итак, восстановление мифологической основы рассмотренного сюжета в его трех вариантах можно свести к следующему: Месяц подвергается наказанию за свою вину, выразившуюся в нарушении космического порядка — неправильный выбор брачного партнера. Его наказание — уничтожение способом рассечения, размельчения — обеспечивает его воскрешение в новой ипостаси и соответствует установлению, на этот раз окончательному, нового космического порядка с временным разделением сфер между основными небесными светилами: 1) солнцем и 2) месяцем со звездами. Кажущийся случайным сюжет с замерзшими розами — частное развитие нового противопоставления солнца и месяца (в рамках оппозиции *жар/холод, сухость/влага*)⁴¹.

Сборник от български народни умотворения. София, 1968. Т. 1, 328, N 249, ср. 330, N 254 и др.):

У момкови дворе
 до две слънца огрели
 и до две месечини;
 у момини двори
 томна могла припаднала.

⁴¹ Собственно говоря, мотивы, разобранные в этой статье резюмируются в рус. считалке: *Вышел Месяц из тумана, | Вынул ножик из кармана, | Буду резать, буду бить, | Все равно тебе водить*: наказание резанием или битьем, чередование, связь с влагой. То, что Месяц берет на себя карательные функции, известно по другим традициям (см. хотя бы у Томпсона). Отсутствие матримоняльных мотнвов дополняется другой считалкой: *Выплывает белый Месяц, | а за Месяцем Луна, | Мальчик девочке слуга*. См., как "собрались" эти мотивы в стихотворении Бальмонта "К луне": *Ты — в живом заостреннй ладья, | Ты — развязанный пояс из снега, | Ты — в волнах Океана змея, | Ты — изломанный с края шатер, | Ты кусок опрокинутой кровли... | Ты — пробег через полный простор... | Ты — погибшего мира обломок...*

МАТЕРИАЛЫ К РЕКОНСТРУКЦИИ БАЛТО-СЛАВЯНСКОЙ ПРИЧЕТИ. СЕМАНТИКА ПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Предлагаемые заметки являются составной частью работы по реконструкции¹ содержательного уровня текста балто-славянского причитания. Она строится на выявлении сходжений в литовском, белорусском, украинском и русском тексте. При этом оказывается, что текстовые сходжения происходят в семиотически максимально нагруженных точках. Сделать априорные заключения о возможности реконструкции языковых элементов, в частности формул, специфических только для жанра причитания, отличных от общефольклорных, на данном этапе представляется вряд ли возможным: жанровые особенности текста таковы, что интерпретация, т.е. апелляция к мифопоэтическим представлениям данной культурной традиции, принципиально должна предшествовать реконструкции², а эмпирическая систематизация текстовых данностей идти одновременно с интерпретацией или даже предшествовать ей.

(I) Предикат P¹ 'покидать дом, удаляться', P¹ 'отделяться' выражает один из основополагающих концептов причитания, лексически эксплицируя разделение сфер жизни и смерти; на нем строится формульный зачин плача: лит. *Tėvulis iškeliausi dzidetėn kelionėn* 'Батюшка отправляется в дальнюю дорожку' — блр. *Куды ж гэта ты прыбраўся, У якую староначку, у якую дарожаньку?* — укр. *Куда ви си від нас вібираєте в дилеку дорогу — Моє дитє в путь-дорогу отправляється*. Та же тема отделения, разрушения связи живых и мертвых (см. укр. *паро моя розпарована* — обращение к умершему мужу) единообразно прорабатывается и на метафорическом уровне, при этом субъектом может быть любое из принятых в данной фольклорной традиции переносных — как традиционных, так и окказиональных — замен терминов родства: блр. *Ягадка мая, недаспелая мая! Без пары ты адвалілася* (Галашэні 363) — укр. *Моя шіпочка одщепнула ся, мое яблучко откошило ся, моя маківка осипала ся* (Свенціцький 55). Ею захвачена и система атрибутов: укр. *Птичка моя одлетная, Одлетіла ти од мене* (Свенціцький 89) — блр. *А сынулечка, ..Пчолачка ты адлётненькая, Адлятаеш ад сямеечкі*

¹ Взгляды автора на проблему реконструкции текста, ее возможностей и пределов сформировались в основном под влиянием работ: *Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н.* К реконструкции праславянского текста // Славянское языкознание: V Международный съезд славистов. М., 1963; *Топоров В.Н.* К анализу нескольких поэтических текстов (преимущественно на низших уровнях) // Poetics. Poetyka. Поэтика. Warszawa, 1966; *Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н.* Лингвистические вопросы славянского этногенеза (в связи с реконструкцией праславянских текстов) // Славянское языкознание: IX Международный съезд славистов. М., 1983.

² Отношение мифа (и ритуала) и фольклорного текста рассмотрено в ст.: *Левинтон Г.А.* К проблеме изучения повествовательного фольклора // Типологические исследования по фольклору: Сборник статей памяти Владимира Яковлевича Проппа (1895—1970). М., 1975. С. 314—315.

У сырую зямельчку (Галашэнні 325) — *Отлетел-то да мой милый друг* (Костромские причитания 88).

(II) Специфическая предикативная модель, отмеченная преимущественно в плачах по незамужним/холостым детям, основывается на представлении о жизненном пределе, отпущенном человеку веке как доле, времени расходования жизненной потенции³ и далее о ранней смерти как неизжитом веке⁴, смерти до срока⁵. Во всех приведенных ниже текстах инвариантное значение предиката P² вербализировать довольно трудно из-за множественности способов его лексической передачи — как номинативной, так и метафорической. Основная идея неизжитого века (имеется в виду психологическое, а не числовое восприятие времени) впрямую передается в лит.: *O mano sūneli, mano trumpamžėli* (Juška 311), где маркированный атрибут представляет собой сложное слово, составленное из *trumpas* 'краткий, короткий' и *amžius* 'век, возраст'; *O tėveli mano trumpamžėli* (там же 293); *Motinėle, mažas tavo viekelis* (там же 285) 'Матушка, малый твой век (уменьш.ф.)'; *Sūneli mano jaunus dienelės* (там же 311) 'Сыночек мой, юные денечки', ср. рус. *сын-недоросточек*. Метафорически этот смысл единообразно передан в блр. *Ягадка мая недазрэлая, Без пары ты адвалілася* (Галашэнні 357); *Сыночак ты мой мілы, вішанька наша не сазрэлая,.. яблычка не назрэлае, куды ж ты ад нас, не назрэўшы, адлятаеш?* (там же 344).

Ключевым стержнем причитания является преобразование: в концептуальном плане это преобразование покойника из "своего" в "чужого"⁶, на языковом уровне это преобразование некоего положительного признака, семиотически значимого для рассматриваемой культурной традиции, в свою противоположность, чему на уровне глубинных представлений соответствует разделение сфер живого и неживого. При всем многообразии конкретных текстов число предикатов ограничено несколькими семантическими сферами.

(III) P³ 'быть теплым' — P³ 'быть/стать холодным'. В рассматриваемых текстах эти предикаты приписаны следующим предметам: N₁ — лето, N₂ — ветер, N₃ — дом (метонимически также N_{3a} — стена и N₃₆ — печь). Преобразование (III) N₁&P³ — N₁&P³ в конкретных текстах может реализовываться как за счет антонимических лексем, так и за счет трансформаций типа Adj&N₁ — N₁&V, где V — семантически производно от прилагательного, антонимичного Adj в левой части преобразования: лит. (IIIa) *Išauš šilta vasarėlė* (Juška 285, также 315)

³ Об обрядовой коннотации века и доли, народных представлениях о неизжитом/resp. пережитом веке см.: *Седякова О.А.* Тема доли в погребальном обряде (восточно- и южнославянский материал) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд (рукопись).

⁴ О реконструкции семантики рус. *век* (<*veik<*vej/*voj) как 'жизненной силы, vis vitalis' см.: *Гавлова Е.* Славянские термины "возраст", "век" на фоне семантического развития этих названий в индоевропейских языках // *Этимология*, 1967. М., 1969.

⁵ К этому см. еще: *Милый мой сын, Не пора тебе не времечко, Не срошние тебе года-то* (Костромские причитания 64); *Дзіятка ж ты маё роднёнькае... А соўнёнька ж ты маё краснае, Чаго ж ты без пары Так рана закацілася?* (Галашэнні 356).

⁶ Подробнее см.: *Невская Л.Г.* Семантика *дороги* и смежных представлений в погребальном обряде // Структура текста. М., 1980. С. 230—238.

'Похолодает теплое летичко'; (III2) блр. *Не павеюць на іх (= сирот) ветры цёплыя, А павеюць ўсё халодныя* (Галашэнні 291); (III3) укр. *Лижеш в хаті тепленькі, а тепер в хату таку холодну ідеш* (Свенціцький 36). Однако в тексте рассматриваемое, а также и другие преобразования, могут присутствовать лишь имплицитно, а оппозиция редуцируется за счет позитивного члена: блр. *Наша (= сирот) печачка халодная* (Галашэнні 204); маркированный же негативный признак может разворачиваться в микросюжет типа укр. (III3a): *До кого-ж мені прихидить ся і притулить ся? Чи мені до холодної стіни, чи мені до чужої чужини? Що холодна стіна не нагріє, а чужая чужина не пожаліє* (Свенціцький 74). Употребляемый в реальных текстах чаще всего вне противопоставления негативный предикат 'быть холодным' является атрибутом сферы смерти вообще: лит. *O visi šiaurūs vėjeliai užričia, o vis ant siratėlių...*; *Visi skaudūs lieteliai užlyja* (Juška 297) — 'все холодные ветерочки задувают и всё на сирот...', все жестокие дождички заливают' — блр.: *Ідуць дожджы халодныя. На маіх дзеткушак-сіротушак* (Галашэнні 291). Самая Смерть (в персонифицированном облики) наделяется этим атрибутом: *Подходила тут скоряя смерётушка,...* *Со чиста ли поля шла да вець халодная* (Барсов 2), см. также такие наименования гроба, как *хата, домина, горница халодная*, могилы, как *земелька халодная*. В исключительных случаях в тексте причети вне противопоставления употребляется позитивный член: *теплая горница, теплое гнездышко* — это всегда дом живого человека.

(IV) P⁴ 'быть светлым' — P⁴ 'быть/стать темным'⁷. Это преобразование, воплощающее одну из основных семиотических оппозиций, находящуюся в одном парадигматическом ряду с оппозицией 'жизнь' — 'смерть'⁸, реализуется прежде всего в паре с преобразованием (N₄) 'день' — (N₅) 'ночь', семиотически ему эквивалентным: (P⁴&N₄ — P⁴&N₅; P⁴&N₅ — P⁴&N₄): *Без тебя, болезно дитятко, Белы дни стали темнехоньки, Темны ноченьки светлехоньки* (Костромские причитания 96). Аналогичным образом трансформируется (N₃) дом: *Подхожу-ко я, родимая, Да к своей белой горнице, Там темным темнехонько* (там же, 58), а также дом, метонимически обозначенный через (N_{3a}) окна: лит. *Bus kmurnos dienelės, Bus tamsus langelis Man, senai motulei, Be savo dukrelės* (LT II 533) 'Будут хмурые денечки, Будет темное окошечко для меня, старой матушки, Без своей доченьки', Ср. рус.: *Я глядела во косевчато окошечко Сквозь туманную стекольчатку околенку* (Барсов 218). Отражая реальность обряда, это противопоставление распространяется и на (N₆) одежду: *...Не во светлое ты платье*

⁷ О парадигматических рядах оппозиций, в которых реализуется это противопоставление, см.: *Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965. С. 138—140.

⁸ О реконструкции *beľ/světъ как обозначения мира живых существ в противоположность миру мертвых, атрибутом которого является отсутствие света, тьма, см.: *Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н.* Лингвистические вопросы... С. 157—158. См., впрочем, возобладавшее над мифопоэтическим смыслом десемантизировавшееся в фольклорном языке и приобретшее значение постоянного эпитета: *...проводим-то, батюшко, Во дальню путь-дороженьку... На тот тебя белый свет* (Костромские причитания 80).

наряжаешься, Во опально черно кафтанчишко одеваешься (Агрнева 7). Вне преобразований, в своем "изначально" семиотически негативном для балто-славянского мифопоэтического сознания, употребляются лексемы семантического поля 'темный' 1) в сочетаниях типа *ночь темная* (лит. *O ir ailėkė Trys raibos gegos Vidur tamsios naktelės* — Juška 325 'Ой, прилетели три рябые кукушки среди темной ночи'; см. также *черная ночь* как метафорическое обозначение смерти: *Заря зарница выходит, как красная девица, а ты не взойдешь: с черной ночью сдружилась* — Терещенко 101); *туча темная, черная* (блр. *А наша сонейка закацілася, А нам жа цёмная хмарачка найшла, А каму ж ты нас пакінуў?* — Галашэнні 210); 2) как различные определения локусов смерти типа блр. *А мая мамулечка... А куды ж ты ад нас паляціш? А ў цёмных лясоцкі* (там же 229) и укр. *братика випроважати... чи до червоної калини, чи до чорної могили* (Свенціцький 122); а также 3) как обозначения чужого мира и социума (в частности, деревни мужа), в народном представлении изосемантического пространству смерти: *Я приехала, горька сирота, Из-за лесу-то лесу темного... Из-за грязи ли, грязи черные...* (Костромские причитания 55). Наконец, в описании гроба как посмертного жилища предикат 'быть темным' абсолютизируется в атрибут смерти вообще: лит. *tamsus tavo budinkėlis, tamsūs tavo nameliai be durelių, be stiklo langelių* (Juška 285) темно твоё строенье, темны твои домики без дверей, без стеклянных окошечек' — блр. *Зрубілі ж табе свяцёлачку цёмную, Цёмную без вакошачка* (Галашэнні 211) — укр. *Яка твоя хаточка темна да невидная, Шо ні дверичок, ні оконечка, ні праведного сонечка* (Свенціцький 37).

Притом что предикат P⁴ 'быть белым' преимущественно манифестирует позитивную часть оппозиции P⁴ — P⁹, и балтийскому, и славянскому языковому сознанию не чуждо некоторое его амбивалентное понимание, позволяющее использовать его в качестве атрибута смерти. И если в случае *Vakar tuo čėsėliu dūsavai ant lovelės, o šiandien ant baltos lentelės* (Juška 287) 'Вчера в это времечко вздохнула на постельке, а сегодня — на белых досочках' использование этого эпитета детерминировано семантикой обряда (сакрализация места покойного), то ниже предикат 'быть белым' включен в ряд безусловных атрибутов смерти и тем самым как бы уравнивается с ними в этом значении:

Mano mergelės,	Skrusteliai šalti,
Blėdnas veidelis,	Rankelės baltos,
Pavytės vainikėlis,	Surūdiję žiedeliai
	(Juška 353).

'Бледное личико моей девушки, завядший веночек, скулушки холодные, рученьки белые, заржавевшие перстеньки'.

Не случайно включение в этот синонимический ряд и предиката P₃ 'быть/стать ржавым'. См. такой трансформ преобразования P⁴ — P₃ как: *o mano vaikelio rūdija šviesūs dalgėliai* (там же 309), 'ржавеют

⁹ О лит. *baltas*, используемом в народных песнях в этом смысле, см. специально: *Sauka D. Tautosakos savitumas ir vertė. Vilnius, 1970. P. 186—188.*

светлые косыньки моего дитятки (= косаря)', а так же *Jos vainikėliai pelėjo, Aukso žiedeliai rūdijo* (там же 371) 'Ее веночки покрылись плесенью, Золотые колечки поржавели', ср.: *Ты встань-ко-то, мамонька... Ты сходи-ко, кормилица, На ключи на подземные, Приумой-ко, кормилица, Со бела лица ржавчину* (Костромские причитания 62), аналогично: *Обернись-ко-ся да открой глаза Ты, родимый свет, батюшко... Перелетным ясным соколом Ты слетай-ко-ся на сине море... на Хвалыньское, Ты обмой-ко в нем, родный батюшко, Со бела лица своо ржавчину* (Русские плачи 144). Преобразование P⁴ — P₃ может дешифроваться как деструкция предметов, которая сопровождает смерть, и в этом смысле его скорее нужно отнести к преобразованию типа (VI) (см. ниже). Однако не следует исключать связи предиката 'быть/стать ржавым' с погребением и смертью через предикат 'быть красным', неопределенно, но довольно последовательно в народных представлениях (особенно малороссийских) ассоциирующийся с кругом представлений о смерти¹⁰.

Преобразования P³ — P³ 'быть теплым' — 'быть/стать холодным', P⁴ — P⁴ 'быть светлым' — 'быть/стать темным' выстраиваются в парадигматический ряд, элементы которого по вертикали семиотически уравниваются, так создается "резерв" синонимических средств, которые в реальных текстах могут или заменять друг друга, или выступать вместе¹¹, повторением смысла придавая тексту характерный "фольклорный" облик: *Во дому-то благодатном Без тебя-то темненьхонько, Холодным холодненьхонько* (Костромские причитания 81) — *У такую дамину цёмную пасялўся, Цёмную ды халодную* (Галашэнні 325).

Парадигматический ряд преобразований положительного смысла в отрицательный может быть многократно увеличен, при этом создается открытый список противопоставлений, конкретное значение которых нивелируется, и которые превращаются в способ кодирования основного смысла — противостояние жизни и смерти. Принципиальная открытость этого списка порождает неповторимое многообразие конкретных текстов, как за счет разнообразия кодирующих приемов, так и возможных способов их монтажа. См., например, литовский плач, построенный на комбинации противопоставлений:

Aš pažiūrėsiu	Mano mergelės
Savo mergelės...	
Ar žiba žiedai,	
Ar skaištūs veidai,	Blėdnas veidelis,
Ar žaliuoj vainikėlis?	Pavytės vainikėlis
	(Juška 353).

¹⁰ *Данилов В.* Красный траур в малорусском погребальном обряде // *Живая старина*, год XVIII, 1909. Вып. 4 (отд. I). С. 32. О красном цвете в погребальной украинской одежде см.: *Маслова Г.С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М., 1984. С. 87. О красном цвете как атрибуте противника Громовержца, властителя подземного мира мрака и смерти, см.: *Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н.* Балтийская мифология в свете сравнительно-исторических реконструкций индоевропейских древностей // *Zeitschrift für Slawistik*. Berlin, 1974. Bd. 19, N 2. S. 147.

¹¹ *Невская Л.Г.* Синонимия как один из способов организации фольклорного текста // *Славянское и балканское языкознание: Проблемы лексикологии*. М., 1983. С. 221—234.

‘Я взгляну на свою девицу..., Сверкают ли перстни, Свежее ли (красивое) личико, Зелен ли веночек? — У моей девицы Бледное личико, Завядший веночек’.

Преобразование типа Р—Р̄ в реальных текстах иногда реализуется как игра на соединении в словосочетании противоположных смыслов, актуальных или — чаще — этимологических, типа блр. *свяцёлчакка цёмная*. Такой “энантиосемический стык” особенно част в сюжете “похорон как печальной свадьбы”: укр. *весіле сумне справляю, весілля невяселе, весілечко засмучене* (Свенціцький 45), блр. *зrabіла мне вяселлеяка пячальнае* (Галашэнні 361).

Рассмотренные выше преобразования детерминированы характерным для балто-славянского мифопоэтического сознания бинаризмом. Он не только структурирует семантику соответствующих текстов, но определяет их синтаксис, строящийся на повторении однотипных синтагм с противоположным по значению предикатом (примеры см. выше). Однако специфическое содержание причитания может воплощаться за счет предикатов иного рода и иного (не по принципу оппозиции) их соединения. Предварительный анализ семантики предикативных конструкций в литовской, белорусской, украинской и русской причети позволил свести ее кажущееся разнообразие к нескольким инвариантным смыслам, прежде всего ‘прекращение (об обычном, характерном действии)’, ‘отделение’ (см. преобразование I) и ‘деструкция’.

Предпринятый ранее анализ предметно-атрибутивной сферы причитания¹² показал, что она распределяется соответственно всего нескольким семантическим полям почти без остатка: природа и космос, локусы с сепаратным фрагментом ‘дом — двор — улица’, терминология родства в метафорических заменах, части тела и некоторое количество абстрактных и конкретных лексем преимущественно в символическом использовании. Тем самым одновременно очерчивается круг тем и мотивов, составляющих плач, который строится как соединение в разных комбинациях указанных предикатов с выделенным номинативно-атрибутивным инвентарем, и эти комбинации становятся как бы синонимическими кодами общего смысла.

Подобие изменений, совершающихся в разных предметных сферах, порождено свойственным мифопоэтическому сознанию неразличением идеального и реального, временных и причинно-следственных отношений¹³, представлением об изоморфизме человека и космоса, дома и т.д.

Предикат Р⁵ ‘прекратиться (об обычном, характерном действии)’ в причитании релевантен двум семантическим сферам: космос (N₇ — месяц, N₈ — солнце, N₉ — звезды) и части тела (N₁₀ — глаза, N₁₁ — руки-ноги, N₁₂ — сердце): *Отсветил да светел месяц, Отогрело да красное солнышко, Отжила да ты, родимая, Да моя мамонька*

¹² Невская Л.Г. Материалы к реконструкции балто-славянской причети: Атрибутивные словосочетания // Балто-славянские исследования. 1985. М., 1987. С. 53—60.

¹³ Cassirer E. Philosophie der symbolischen Formen. Bd. 2: Das mythische Denken. Berlin, 1925.

(Костромские причитания 57, а также 68, 88 и др.) — блр. *Закаціліся яны зоркі ясныя, Ля мяне сіраты няшчасныя* (Галашэнні 195) — укр. *Соңейко без тя зайшло* (Свенціцький 45), см. также блр. *Не відала я цёпла лецічка, Не свяціла мне ясна соўнейка, Што так рана яно закацілась, Што мне свяціць перастала, Сталі цёмныя ўсе дзянечкі* (Галашэнні 352). Та же модель используется в случае “космического кодирования” терминов родства: мать — солнце (блр. *Закацілась маё цёплае краснае соўнушка, Не стала яно нас, сіротушак, грэць, Маё цёплае сагрэішча* — Галашэнні 260), дочь — заря (укр. *Зірoнька моя! Ту-ж то мені ясно засвітила, Тай скоро й загасла* — Свенціцький 47) и др.

Предикат Р⁵ в соединении с названиями частей тела, метонимически подменяющими в данном случае человека вообще, порождает словосочетания, являющиеся в сущности метафорическими наименованиями смерти. В реальных текстах в соответствии с характерным для фольклорного синтаксиса “нанизыванием” сближенных по смыслу словосочетаний реализуются одновременно ряды уподобленных конструкций, см. блр. *Галовачка ж мая буйная! А зараненька ж ты склانیлась. А вочачкі ж мае яркія, Зараненька вы зачынілісь, А ручачкі ж мае белыя! Зараненька ж вы сашчапілісь, А ножачкі мае борздыя! Зараненька вы падламлілісь* (Галашэнні 247—248), ср. аналогичное укр. *Отходили твої ніженьки, одробили твої рученьки, оддивились твої оченьки. Занімили твої губочки, заплющились твої оченьки, закріпились твої рученьки* (Свенціцький 103), *Отходили-то ноженьки По новой-то горнице, Отмахали-то белы рученьки* (Костромские причитания 101). См. [к этому также мотив “окаменелого сердца” (Р⁵&N₁₂) ... *tavo širdelė į akmenėlį pavirto* (Juška 283) ‘твое сердечко в камень превратилось’ — рус. *Ты скрепил ретиво сердце Крепее камня ты горячего* (Костромские причитания 53). Как видно из приведенных текстов, число которых может быть многократно увеличено, в основе данной предикативной модели лежит противопоставление ‘быть свойственным живому’ — ‘быть свойственным мертвому’, при этом левая часть противопоставления (голова поднята, глаза открыты, смотрят, руки работают, двигаются, ноги ходят, держат человека и т.п.) в соответствии с ситуацией плача не выражена, и эксплицируются лишь правые части оппозиции.

В сферу действия этого предиката втягивается также конкретная лексика, а образующиеся при этом окказиональные словосочетания приобретают метафорический смысл, например: укр. *дзвони не дзвонять* (Свенціцький 66), *запылетця тее дилечко, що ты робив* (Брайловский 183) и др.

Этот же предикат реализуется в характерной для причети форме ‘прекратить исполнять привычную работу, выполнять обязанности (перед родными) и т.п.’, разнообразие манифестаций которой отражает многообразие былой деятельности оплакиваемых субъектов: *Земли матери теперь да он не пахарь, Не кормитель вам желанным родителям* (Барсов 206), *Отложила, родима матушка, Все свое ты по печенице Ты по нам да все желаньнице* (Костром-

ские причитания 62)¹⁴: Оппозиция 'жизнь — смерть', выраженная через противопоставление 'исполнение — неисполнение хозяйственных работ' порождает текст, подобный укр.:

Ти мені уже послужила,
Ти мені ватерку наклала,
Ти мені водиці принесла,
Ти мені дривець наносила...

Ти уже міні ватерку ни накладеш,
Ти уже міні водиці ни унісеш,
Ти уже міні дривець ни принесеш,
Істочки ни приставиш

(Свенціцький 39)

Одна из модификаций этой модели связана с домом таким образом, что 'ходить по дому/горнице/двору' = 'жить', 'прекратить ходить' = 'умереть': *Отходили-то ноженьки По новой-то горнице И по новой-то светлице* (Костромские причитания 101), блр. *Не ступяць больш ваши ножанькі цераз парог* (Галашэнні 220), укр. *Хто-ж по цьому двору ходити-ме? Хто-ж цьому хозяйству порядок давати-ме?* (Свенціцький 78).

Преобразования VI типа связаны с деструкцией природных объектов (N₁₃ — дорога, N₁₄ — дерево) и жилища (N₃), хозяйства. Одним из основных преобразований является здесь 'возвращение в "дикое состояние"', обусловленное отсутствием человека и обуславливающее в свою очередь окончательную разделенность сфер жизни и смерти. В первую очередь это относится к (N₁₃) дороге как основному медиатору этих сфер:¹⁵ *Užžels takeliai žaliais žolynėliais, užžels kapelis baltais dobilėliais, o aš savo motinėls daugiau nematysiu, daugiau nesutiksiu* (Juška 289) 'Зарастут дорожки зелеными травушками, зарастет могилка белым клевером, а я свою матушку больше не увижу, больше не встречу'; *Užžels grūžučiais takeliai, erškėčiais keleliai*¹⁶. *o jau daugiau nepareisi tu, mano baltasis gulbinėli* (там же 297) 'Зарастут стежки боярышником, а дорожки терновником, а ты не вернешься уже, мой белый голубочек' — блр. *Мая ж цяпер дарожка зарасце ельнічкам* (Галашэнні 214), *Ох, мамка мілая, Твае слядочки паза-растаюць, За мохам не будам відзець* (там же 276), — укр. ... *ваши стежечки травов заростя, а доріжки листом западя* (Свенціцький 87); *Позаростають ти стежки-доріжки, де ти ходив, запалетця тее дилечко, що ты робив* (Брайловский 183) — *А к тебе-то, дорогої, Западет путь-дороженька* (Костромские причитания 95).

Предикативная конструкция R⁶ & N₁₄ лежит в основе отношения эквивалентности S_{неодуш.} R^{destr.} ≡ S_{одуш.} R^{destr.}, в котором S_{одуш.} и S_{неодуш.} соотнесены как умерший (часто эксплицитно не обозначенный) и его метафорическое наименование посредством N₁₄ — дерево (по преиму-

¹⁴ См. несколько иное представление этой же темы в лит.: *Žadėjai, broleli, apverti darželį, išarti linams laukelį. O dabar, broleli, kas man darželį apvertė, kas man laukelį išars?* (LT II 540) 'Обещал, братец, огород огородить, льяное полюшко вспахать. А теперь, братец, кто мне огород огородит, кто мне полюшко вспашет?'

¹⁵ См. к иному способу обозначения той же темы такие атрибутивные словосочетания, как блр. *дарожка невазвратная, невазвратная* и под.

¹⁶ Признак 'колющий, создающий непреодолимое препятствие' является неслучайным для классификаторов этого рода, ср. хотя бы создание с их помощью "зоны временной смерти" в сюжетах типа "Спящей красавицы".

шеству: дуб — муж, сын, липа — мать, вишня, калина — дочь): лит. *Nei šiaurių vėjelių buvo, nei bangių lielių lijo; palaužė tokį ažuolėlį, paskynė mano dobilėlį* (Juška 301) 'Словно холодные ветры были, словно проливные дожди лили, сломали такой дубочек, сорвали мой клеверочек' (из плача по муже)¹⁷ — блр. *А дубочак ты мой зялёненькі ... А ці ветры ж цябе падвеелі, А ці буры цябе падламілі?* (Галашэнні 279). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что эти литовские и белорусские формулы смерти отличаются высокой текстовой частотностью. См. еще укр. *Де ж тії вітри набрали ся, шо вишеньку зломали? І де-ж вони набрали ся, шо на вишеньці листочки оббили?* (Свенціцький 49) — блр. *Ох, мая дочанька! Ох, мая каліна высокая, харошая! Хто ж цябе так рана зламаў?* (Галашэнні 370).

Подтип VI предикативной конструкции R⁶ & N₁₅, где N₁₅ — трава, цветок или венок из них, включается в противопоставление R⁶ — R⁶, т.е. 'быть зеленым' — 'увянуть, пожелтеть' (часто с редукцией левого компонента), которое метафорически моделирует переход от жизни к смерти: лит. *Aš pažiūrėsiu Savo mergelės, ... Ar skaitūs veidai, Ar žaliuoj vainikėlis? ... Mano mergelės Blednas veidelis, Povytyš vainikėlis* (Juška 353) 'Я посмотрю на свою девицу... Красиво ли лицо, Зелён ли веночек? — У моей девицы Бледное личико, Завядший веночек' — блр. *Наша рутачка ў садочку завяла, Зялёная рутачка пажайцела* (Галашэнні 432) — укр. *сонейко без тя зайшло, бервінок у городойку изсох* (Свенціцький 45).

Предикаты в семантическом поле 'дом' двояким образом характеризуют предмет: R⁶ 'подвергнуться различным разрушениям' и R⁶ 'опустеть'. Наиболее проработан первый мотив ('изменушка в хоромном во строеньце' — Барсов 241) в севернорусской причети: *Как зглянула на хоромное строеньце, Што строенье приклонилось ко сырой земли* (там же 149), *Без тебя... развилося, раззорилося Наше вито-тепло гнездышко, Все столбы да пошатилися, Все тынышки роскатилися* (там же 73), *Я пошла-то... во свою ли да горьку хату, Во свою ли да погромлену* (Леонтьев 122). Нарушается связь по линии 'внутренний — внешний', см. сюжет отторжения от дома крыльца, являющегося медиатором в пространстве 'дом — улица': *Отшатилося крыльцо переное от этого хоромного строеньца* (Барсов 20), прерывается связь с внешним миром и родственниками: *Как послы тебя любимая семеюшка... Как по нашему крылечку переному Заколдила путь широка дороженька, Отрекнулась вся порода именитая* (там же 184), *Приуныв стоит висока горница...* *Прирассыпалась частоступчатая лесенка* (Русские плачи 205)¹⁸. Прекращение связи 'внутренний — внешний'

¹⁷ Как всегда в фольклорном тексте, здесь одновременно моделируется несколько планов: параллелизм с природой, растительный код оплакиваемого, метафорическое кодирование темы смерти (сломали дубок и под.). Эта же модель реализуется в сравнении: *А ты ляжыш, Як быліначка зламана* (Галашэнні 253); лит. *O mano sesele, o mano viešnele! O paskynė kaip daržo rūtelė, o perlaužė kaip darželio lelijėlė* (Juška 323) 'Моя сестрица, о моя гостыня! Сорвали, как садовую руточку, сломали, как садовую лилию'.

¹⁸ О лестнице как связующем элементе оппозиции 'внутренний — внешний' см.: Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982. С. 501.

осуществляется и за счет таких элементов дома, как (N_{3в}) окно и (N_{3д}) дверь: *А теперь без тебя, моя кормилица, Ужь закроются окошечки И затворятся все двери* (Костромские причитания 97). Деструкция отдельных элементов дома символизирует изменение статуса, в частности, осиротевших детей: *sunkus suoletis siratėlio, i suoletį sedau — suoletis linko* (Juška 283) 'Тяжела сиротская скамеечка, села бы на скамеечку — скамеечка согнулась'. Предикат P₅⁶ 'стать/быть пустым' детерминирует изменение из 'наполненный жизнью' в 'безжизненный': лит. *Oi, tai sugrižu in tuos namelius, tu šci kampeliai, liūdni laukeliai, kad jau mes neurim savo gaspadorelio...* (Raudos 24) 'Возвращусь я в этот домик, пустые уголки, печальные пашенки, когда нет у нас уже нашего хозяина' — блр. *Последняя й гадзінка... Сваю й матаньку бачу... Куточак будзе й парожні* (Галашэнні 256) — *Опуста-лась наша бела горница Без родимого батюшка* (Русские плачи 213), *Погляди-ко, кормилец мой, Ты на свой благодатный дом, Во своих-то новых горницах Уже все не по-старому, Что во них-то не по-прежнему, Запустел благодатный дом* (Костромские причитания 52). Это изменение захватывает не только пространство дома, но и его ближайшие пределы: блр. *Запусцець жа твая цёпная ізобушка, Шырокая вулушка, гладкай дварочак* (Галашэнні 232). Итак, в пределах VI предикативного типа можно восстановить следующую парадигму синонимических преобразований с общим смыслом 'деструкция', с разных точек зрения кодирующих идею умирания: дороги зарастут, дерево сломано, срублено, вырвано с корнем, зеленое растение завянет, дом разрушится, опустеет. Конкретные тексты используют частичный или максимальный набор этих блоков.

Проведенное рассмотрение семантики предикативных конструкций причети показало, что она сводима к шести инвариантным смыслам: (I) P¹ 'покидать дом, семью; отделяться', (II) P² 'умереть до срока', (III) P³ 'быть теплым' — P³ 'быть/стать холодным' (N₁ — лето, N₂ — ветер, N₃ — дом: N_{3а} — стена, N_{3б} — печь, N_{3в} — окно, N_{3д} — дверь), (IV) P⁴ 'быть светлым' — P⁴ 'быть/стать темным' (P₁⁴ — 'быть белым', P₂⁴ — 'быть черным', P₃⁴ — 'быть ржавым' (N₄ — день, N₅ — ночь, N₆ — одежда, N₁₆ — перстень), (V) P⁵ 'прекратиться (об обычном, характерном, свойственном действии) (космос: N₇ — месяц, N₈ — солнце, N₉ — звезды; части тела: N₁₀ — глаза, N₁₁ — руки-ноги, N₁₂ — сердце), (VI) P⁶ 'деструктурироваться' (N₁₃ — дорога, N₁₄ — дерево, а также N₃ — дом). Соединение этих предикатов с предметно-атрибутивными элементами порождает некоторый (открытый) набор микросюжетов, произвольный монтаж которых в максимальном или редуцированном виде и лежит в основе реальных текстов. Нетрудно заметить, что текстовые сходства литовского, белорусского украинского и русского причитания происходят в точках, семиотически максимально маркированных для балто-славянского мифопоэтического сознания. Таким образом, текст строится вокруг основного противопоставления 'жизнь — смерть' многократным в разных кодах повторением этого смысла, захватывающим сферу человека и ближайшего (часто неотделимого от него) пространства дома, а также природы и космоса.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Агренева — Агренева-Славянская О.Х. Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями: обрядовыми, голосильными, причитальными и завывальными. М., 1877.
- Барсов — Причитания Северного края, собранные Е.В. Барсовым. Ч. I: Плачи похоронные, надгробные и надмогильные. М., 1872.
- Брайловский — Брайловский С. Похоронные причитания Южного края // РФВ. Варшава, 1884. Т. XI, N 12.
- Галашэнні — Белоруская народная творчасць: Пахаванні. Памінкі. Галашэнні. Мінск, 1986.
- Костромские причитания — Смирнов Вас. Народные похороны и причитания в Костромском крае. Кострома, 1920.
- Леонтьев — Печорские былины и песни/Записал и составил Н.П. Леонтьев. Архангельск, 1979
- Русские плачи — Русские плачи (причитания), 1937.
- Свенціцький — Похоронні голосія/Зібрав др. Іляріон Свенціцький // Етнографічний збірник. Львів, 1912. Т. 31—32.
- Терещенко — Терещенко А. Быт русского народа. СПб, 1848. Ч. I—VII.
- Juška — Lietuviškos dainos/Užrašė Antanas Juška. III tomas. Казань, 1882.
- LT — Lietuvių tautosaka. II tomas: Dainos. Raudos. Vilnius, 1964.
- Raudos — Lietuvių raudos iš visur surinktos su d-ro J. Basanavičiaus prakalba. Vilnius, 1926.

В.Н. ТОПОРОВ

ВОКРУГ «ЛЮТОГО ЗВЕРЯ»

(голос в дискуссии)

В публикациях на эту тему (Б.-сл. иссл. 1984. М., 1986, 59—79) в центре внимания оказались два вопроса — о том, какое конкретное животное обозначалось сочетанием *лютый зверь* в старых русских текстах, и не отражается ли в слав. **l'u-(tь)* старое и.-евр. название льва (**leu-*), являющееся по происхождению древнейшим ближневосточным термином миграционного типа (ср. др.-егип. *rw* 'лев' и т.п., о чем подробнее см. Гамкрелидзе, Иванов II, 1984, 510—511). Хотя по своему характеру эти два вопроса существенно различны, но оба они обнаруживают и нечто общее, остающееся пока неизвестным, — для их решения необходимо знать глубинную семантическую мотивировку и.-евр. **leu-*.

Сначала о "лютом звере". Этимология слав. **l'ut* считается не вполне ясной и во всяком случае недостаточно разработанной. Поэтому пока этимологическая информация мало в чем может помочь при определении семантической мотивировки этого слова. В этих условиях центр "информационной" тяжести смещается в сторону узуса этого слова, тех языковых употреблений его, которые отражены в старых текстах и в диалектах и могли бы дать нечто большее, чем знание обобщенного смысла — 'жестокий, свирепый'. Особое значение в данном случае приобретают две группы употреблений элемента **l'ut-* — при обозначении животных и в ономастической сфере, поскольку, если *лютый зверь* было лексикализованным единством, не сводящимся к сумме значений составляющих его частей и, следовательно, высоко конвенциональным, то это со-

четание выступало как своего рода имя или, точнее, "квази-имя" ("пред-имя")

Анализ данных, относящихся к этой проблеме, не убеждает, что *лютый зверь* предполагало именно рысь или волка, или медведя, или тигра, или льва и т.п., как и не делает вероятным предположение, что сочетание *лютый зверь* как лексико-семантическое единство вообще относилось к одному и только одному виду зверей. Зато те же данные как будто говорят за то, что и рысь, и волк, и медведь, и даже неизвестный обитателям Вост. Европы лев могли квалифицироваться как "лютый зверь", но, скорее, не сами по себе (рысь как таковая и т.п.), а в связи с наличием у них неких свойств, которые и определяли их "лютость". Сказанное, разумеется, не исключает того, что для Владимира Мономаха, описывавшего конкретный случай, с ним происшедший, *лютый зверь* был вполне определенным и ему хорошо известным хищником; более того, едва ли можно опровергнуть, что в разные периоды, в разных местах, в разных идиолектах *лютый зверь* мог обозначать некий определенный денотат, и эта связь языкового обозначения и внеязыкового обозначающего признавалась обязательной.

Но после того многого, что уже сделано в этой области (ср. итоговое исследование Т.А. Сумниковой), более существенным представляется вопрос о сигнификате (а не денотате) слова *лютый*, т.е. об этимологической стороне проблемы, и о круге зверей, которые назывались "лютыми". Сначала о последнем — и то лишь кратко, по известным старорусским источникам — оригинальным или переводным, которые в некоторых случаях оказываются даже более показательными (как, например, уже отмечавшийся перевод имени шведского посла *Christer Lowe/Loffue/* через *Констентин Лютой Зверь*). Оставляя в стороне "неидентифицированные" с достоверностью употребления сочетания *лютый звѣрь* (включая и случаи, когда оно переводит определенное слово подлинника, ср.: *Пустить на ня звѣрь лють*. Ис. Нав. XXIII, 5 при τὰ ἄγρια), можно лишь напомнить несколько разных примеров из "Материалов" Срезневского и СлРЯ XI—XVII вв. Один из них важен в плане иерархии лютости, хотя для древнерусского книжника, читателя и слушателя, речь шла о несколько умозрительных вещах: *Что бо есть льва лютьѣ въ четверножжинахъ*. Изб. 1073 г. Поскольку лев — лютейший из зверей, связь его с этим обозначением нередко подчеркивается специально. Ср.: *Привязаша ю львици лютьѣ*. Муч. Фекл. 9 (πικρῶ) и под. Еще интереснее случаи, когда один эпитет *лютый* сам по себе обозначает льва, ср.: *Ты убо есть звѣрь естествомъ, еще же лютый именуется; сей же злодѣй чловѣкъ, а лютостю и жестокою своею горши пса и лютьѣи льва*. Пов. конч. ц. Мих., 7 (1647 г.). Но иногда "лютейшим" оказывается змей (*Что зми лютьѣиши въ ползущихъ по земли*. Сл. Дан. Зат.) при более обычном, в частности, в былинах *лютый змей* (напр., в текстах о Всеславе — о его зачатии (ср. *лутуи змай*, в сербских песнях). Охотно называются лютыми экзотические звери, хотя иногда к ним присоединяются и хорошо известные. Ср., с одной стороны: *Въ Нилѣ рѣкѣ есть звѣрь*

лютой крокодилъ. Арс. Сух. Проскинитарий, 39 (1653 г.), а с другой: *водятся звѣри лютыя: осли, и пардусы, и серны, и свиньи*. Х. Тр. Короб., 43 (XVII в.); но и — *Имяше мужь тѣ елени многы... Едина же бяше ланя люта на члѣвкы ставши проста бяше преднима ногама члѣвкы по главѣ*. Жит. Нифонта, 312 (1219 г.) и даже — *Коня люта и прѣходьна*. Гр. Наз., 255 (XI в.) и др. Но этот последний случай менее "терминологичен" и просто отсылает к идее горячности, необузданности, немногим отличаясь в этом отношении от *лютого мужа* (ср. *лють се мужь*. Лавр. 71), *лютой зимы* или *лютой смерти* (особый случай — *лютор* как обозначение ястреба в загадке, использующей специализированный условный язык. СРНГ 17, 249).

То, что эпитет *лютый* может определять и человека (и не только в связи с его ситуационной, так сказать, минутной характеристикой), нужно считать весьма важным обстоятельством. Прежде всего привлекают к себе внимание ономастические факты. Элемент *l'ut-* выступает в качестве первого члена целого ряда собственных личных имен праславянского происхождения. Чаще всего эти имена характеризуются семантической "сбалансированностью" обоих членов, ср. **L'uto-gnĕvъ* (чеш. *Luto-hněv*, польск. *Luto-gniew*, ср. *Jaro-gniew*), **L'uto-straxъ* (серб. *Ljuto-strah*), **L'uto-branъ* (чеш. *Luto-bran*), **L'uto-borъ* (чеш. *Luto-bor*), **L'uto-vojъ* (макед. *Luto-voj* / Λυτοβόης ὁ Διαβολίτης/, один из предводителей восстания под руководством Петра Деляна в 1040 г.). Впрочем, известны имена, в которых второй член как бы "уравновешивает" семантически первый член или просто определяет-ся им. Ср. **L'uto-mirъ* (польск. *Lutomir*, с.-хорв. *Ljuto-mir*; ср. и **L'uto-mĕrъ*; польск. *Lutomiersk*, ранее — *Lutomirsk*, к зап. от Лодзи, с знаменитым раннесредневековым погребением X — нач. XI в., от **L'uto-mirъ*, ном. прогр.; чеш. *Litoměřice*. Profous II, 641—642, ср. *Lutmeric*, 1226 или *in Lutomircensi provincia* и т.п.; чешские топонимы этого типа, возможно, дают основание для реконструкции еще нескольких подобных ном. прогр., ср. название раннеславянского племени, входящее к **L'utomĕritĭji*), **L'uto-radъ* (чеш. *Luto-rad*, ср. *uxor Luthoradi*, 1239, а также ОН **L'utoradice > Litoradlice*), **L'uto-myslъ* (чеш. *Luto-mysl*), может быть, **L'uto-vidъ* (ср. имя военачальника Лютовиды, 1039 г.). Об этих именах см.: *Schall H. Steigerung im Erstglied westslawischen Vollnamen*. — LPosn., t. X. S. 94—96.

Но история сохранила еще одно важное "простое" имя, которое может быть либо прозвищем, либо сокращенной формой одного из перечисленных имен (первое предположение, однако, правдоподобнее, поскольку речь идет о человеке варяжского происхождения). Этот пример особенно важен: во-первых, он из числа самых ранних (X в.), во-вторых, он неслучаен — речь идет об охотнике, можно сказать, охотнике по преимуществу.

Летопись под 975 г. сообщает: *Ловь дѣюще Свѣналдию именемъ Лютьѣ. ишедъ бо ис Киева гна по звѣри в лѣсъ. и оузрѣ и Олегъ. и рече кто се есть. и рѣша ему Свѣналдичь. и захавъ уби и. бѣ бо ловы дѣа Олегъ. и о томъ быс м[еж]ю ими ненависть...* (Лавр., л. 23). Эта история, имевшая для Олега Святославича, брата Ярополка, чьим воеводой был отец Люта Свеналд, гибельное продолжение и

свидетельствовавшая о формировании права княжеской собственности на охотничьи угодья (под предлогом нарушения этого права Лют и был убит), интересна еще и самой описываемой здесь ситуацией: охотник (ловчий) по имени *Лют* охотится (делает ловы, сочетание *ловы дѣ-ати* / как и *творити* / клишировано), на зверей, очевидно, тоже *лютых*. "Лютый" преследователь и "лютые" преследуемые связаны между собою посредством *лова-охоты*. И места ловчего и ловимого в этой схеме могут меняться: Лют как преследователь зверей активен, хотя в другой ситуации именно он преследуем и гибнет во время лова как затравленный зверь. В эпизоде, описанном Владимиром Мономахом в его "Поучении", активным оказывается не он, искусственный ловчий, но лютый зверь. Учитывая этимологическую связь, существующую между *хитить* (: *хищный*), *хватать*, *хотеть* (*охота*), ср. *xuiti (: **xuŕŕyn-* < **xuŕŕ-yn-*), *xvatati, *xylēti (: *xotēti) и под., можно выстроить два сходных ряда:

1. Ловчий (Subj.)	& ловит	& лютый зверь (Obj.)
(между прочим, <i>Лют</i> , ср. <i>ловкий</i>)	(<i>дѣять ловы</i>)	(напр., <i>левь</i>)
2. Охотник (Subj.)	& охотится	& хищный зверь (Obj.)
(ср. <i>хитрый</i> , <i>хищный</i>)	(<i>охота</i>)	(<i>хищник</i>).

Очень похоже, что связь между элементами в каждом из этих двух рядов осознавалась достаточно четко и становилась предметом "фоно-семантических" упражнений (ср. *Луть... ловы...* и под., а также с включением слова *левь* — как *лютый левь* и под., так и *левь... на лова иды; левь въ лова; лвица из лова изльзши* и др.). Подобная игра всегда имеет отношение к этимологии — или "народной", "мифопоэтической" или "научной", и об этом последнем варианте тоже необходимо помнить.

Но сначала еще об одном названии — этнониме одного из племен полабских славян, *лютичи* (*lutiŕi). Это племя (источники упоминают четыре составные части его) жило к зап. от Одры и к сев. от Лужицы. На сев.-зап. с ними граничили ободриты (бодричи), обычно враждебные им. Лютичи назывались и иначе: с одной стороны, *Welēti*, *Wel(a)tabi*, *Vultabi*, *Wlotabi* и под., с другой, *Wulzi*, *Wilzi* и под. При наличии разных объяснений этих двух типов названия, видимо, несомненна их связь, и формы *Vultabi-Wulzi*, кажется, подтверждают ее. Точно так же утверждается мнение, что *Wulzi-Wilzi* и под. было "военным" именем племени и означало "волки" (*vylci/*vylci). Это название (возможно, тотемическое по происхождению) подчеркивало ту храбрость и воинственность племени — вплоть до свирепости и жестокости, которая, собственно говоря, присутствует и в имени *лютичи* (ср. рус. диал. *лютич* 'злодей', 'варвар', *лютый лютич*. Ряз. СРНГ 17, 248, но и *лютоед* — как о злом человеке, так и о медведе, и др.); можно напомнить, что подобные "воинственные", даже устрашающие названия отмечены как у славян (**lupi-golva-*, букв. 'сорви-голова', на основании *Lupiglaa*, Баварск. Геогр., *Luppoglaui*, с.-хорв. *Lupoglav* и др.), так и у соседних народов (герм. *квады*, букв. 'злые', кельт. *бойи*, букв. 'страшные' и под.); среди подобных названий

были и "волчьи" обозначения военных отрядов или даже целых племен. Гельмольд отмечает связь названий, обозначающих лютичей, с присущими этим племенам особенностями: "Эти четыре племени за свою храбрость называются вильцами, или лютичами" (I, 2). При этом храбрость была направлена не только вовне, но играла существенную роль и в борьбе за внутреннюю гегемонию "Между ними, — пишет Гельмольд об этих четырех племенах, — начался великий спор о первенстве в храбрости и могуществе... дело дошло, наконец, до войны" (I, 21). В этой же связи нужно упомянуть еще об одном названии славян, соседних с лютичами. Когда князь винулов Мстивой был оскорблен маркграфом Теодориком, отказавшимся выдать за него ("за собаку", как было сказано) свою до того уже обещанную родственницу, предводитель винулов "прежде всего направился в город Ретру, что в земле лютичей. Созвав всех славян, живущих на востоке, он рассказал им о нанесенном ему оскорблении и о том, что на языке саксов славяне собаками называются" (Гельмольд I, 16; этот "собачий" мотив отмечен еще у Адама Бременского), ср. "собаки", "псы", но "волки". "Волчье" название лютичей (в частности, со стороны их западных соседей) отчасти находило себе объяснение в том, что после победы Карла Великого над саксами именно лютичи решительно противостояли ему, в отличие, напр., от ободритов. Имя лютичей, впервые зафиксированное в Кведлинбургских анналах (позже — в Гильдесгеймских, у Бруно, Титмара, Адама Бременского, Гельмольда и др.), выступает уже в сопровождении своего "волчьего" варианта: *Carolus gentem Vulzorum subegit, qui Lutici vocantur...* (789 г.). Показательно свидетельство Адама Бременского: *Hos quattuor populos a fortitudine Wilzos appellant vel Leuticos* (Schol. 16/17/ к. II, 21/28), ср. подобное же дублирование II, 22(19); IV, 13 и т.п. (подробнее см. *Brüske W. Untersuchungen zur Geschichte des Lutizenbundes. Deutsch-wendische Beziehungen des 10.—12. Jahrhunderts. Münster—Köln, 1955; Саливон А.Н. Вильцы-лютичи. — ССлав. 1983, 2, 49—58 и др.*). О лутичах-лютичах "Повести временных лет", помещаемых между ляхами и мазовшанами, см. *Nalepa J. Opuscula Slavica. Lund, 1971, 55—70; Idem. — Sl. Occ. 37, 1980, 65—94 и др.*

Приведенные до сих пор примеры, хотя бы в известной степени, помогают уточнить употребление слав. *lutiŕ и позволяют высказать предположение, что при несомненно "устрашающем" значении этого слова оно не носило никогда пейоративного оттенка. Из предыдущего, пожалуй, можно сделать и еще одно предположение — *lutiŕ как-то было связано с идеей крайней воинственности, агрессивности, опасности, исходящей от субъекта этого качества. Идет ли речь о лютом звере или лютичах, важна не столько сила и вытекающая из нее "победительность" того, кто *lutiŕ, сколько их всегдашняя готовность к нападению, к схватке, к инициативе вплоть до смертельного исхода. Поэтому, соблюдая осторожность, пока можно думать, что *лютый зверь* — это по идее хищный, смертоносный, "убийственный" зверь.

Дальнейшие уточнения и продвижения в понимании внутренней

формы слова зависят уже почти исключительно от состояния этимологической разработанности самого этого слова и его семьи. Но как раз в этом отношении положение дел особенно плохо — и на славянском уровне, в том, что касается происхождения **l'utъ*, остающегося по сути дела, и без надежной этимологии и без "своей" семьи (ср. Фасмер II, 547), и на индоевропейском горизонте, где проблема разграничения и связи нескольких корней типа **leu-*, **l̥eu-* и близких к ним **lāu-*, **l̥au-* и т.п. решена более чем приблизительно, если не сказать слабо (ср. Pokorny, I, 681—683, ср. 655). Существенно во всяком случае, что в каждой отдельной словарной статье обнаруживаются те или иные указания на связи, взаимопроникновения, различные "соединительные" семантические ходы и, следовательно, намеки на правдоподобное былое единство (ср. **l̥eu-* : **l̥au-* 'камень' при **leu-* : **l̥eu-* : **l̥au-* 'отделять, отрезать' по аналогии с **karp-* 'скала, камень' при **ker/p/-* 'резать', ср. также и.-евр. название камня как "острого", обрезанного и т.п.).

Оставляя частности до другого раза, здесь уместно в самом общем виде попытаться набросать схему семантических связей "омонимичных" (полностью или почти) корней, оказавшихся в словаре Покорного разрозненными. Предварительно только стоит напомнить о ключевых лексико-семантических единицах, за пределы которых (в понимании Покорного) выходить не предполагается. Речь идет о 1) **leu-/l̥eu-* 'отрезать', 'отделять', 'оставлять', 'развязывать' и т.п. 2) **l̥eu-* 'оставлять', 'выдавать', 'уступать', 'ослаблять', 'ослабевать' и т.п.; 3) **lāu-* 'брать в добычу', 'захватывать', 'пользоваться', 'вкусать', 'наслаждаться' и т.п. В основе предлагаемой схемы лежит идея исходной семантической (а некогда, может быть, и грамматической) амбивалентности и.-евр. **leu-*, которая может бросить луч света и на дальнейшую эволюцию всей соответствующей семьи слов (ср. сделанные в последние десятилетия убедительные анализы таких пар, как 'давать'—'брать', 'прийти'—'уйти', 'оставлять'—'оставаться', 'от'—'до'/'к' и т.п.).

Если отвлечься от деталей, в данном случае едва ли существенных, то и.-евр. **leu-* может быть определено как обозначение изменения статуса целостности, описываемого этим глаголом применительно к носителю соответствующего действия, с последующим изменением статуса принадлежности объекта указанного действия. Это несколько абстрактное описание смысла может быть уточнено указанием двух расходящихся, антонимичных путей его развития в зависимости от того, ориентировано ли соответствующее действие на сам субъект действия (в его пользу) или, напротив, оно направлено от субъекта (отчуждение от него), идет ли речь о приобретении (вознаграждение, приз, выгода) или лишении (утрата, проигрыш) чего-то. Одним словом, для и.-евр. **leu-* характерна идея перераспределения "обладания"; субъект действия может оказаться в убытке или в убытке, что, видимо, отражается соответственно на убытке или прибытке "другого" обладателя (иначе говоря, сам объем "обладаемого" как бы сохраняется). Поэтому наиболее "диагностичными", видимо, нужно считать такие примеры, как гот. *laun*

mysðóς, ὀψώνιον и т.п., т.е. 'мзда' — и как вознаграждение и как возмездие, штраф, пеня (ср. специально гот. *lun* как 'Lösegeld') или др.-ирл. *lōg, lūach* 'Lohn', 'Preis', лат. *lucrum* 'выгода, прибыль, нажива' (: *lucror* 'получать прибыль, наживать' и т.п.), при гот. **l̥ewjan*, **fra-l̥ewjan*, *ga-l̥ewjan* *παράδιδοναι*, т.е. 'выдавать, передавать, отдавать', во всех случаях — отчуждать от себя. Эти "антонимичные" случаи, само терминологическое употребление которых апеллирует к определенной практической сфере, дополнительно отсылающей к исходному единству ("пра-операция"), реализуют два разведенных друг от друга корня в словаре Покорного — **l̥au-*, очень приблизительно определенный как 'erbeuten', 'genießen', и **leu-* 2 'abschneiden', 'trennen', 'loslösen' (здесь же и варианты **leu-*, *leu-*; **l̥au-*; **l̥ū-*). Поскольку форма **l̥au-* не только не обязательна, но в ряде случаев и ошибочна для подкрепляющих ее славянских, германских, латинских, древнеиндийских примеров и существенна лишь для древнегреческого и отчасти кельтского, позволительно, не останавливаясь здесь на частностях, рассматривать все эти факты в более широких рамках единого **leu-*, отдельные отражения которого требуют особых объяснений, но не опровергают тезиса об исходном единстве.

В контексте сказанного "призначение" и.-евр. **leu-*, трудно — при условии должной краткости — формулируемое на естественном языке (та же ситуация что с определением исходного значения, стоящего за глаголами 'давать' и 'брать'), достаточно легко локализуется при указании двух его полюсов, или реально зафиксированных в отдельных и.-евр. языках, или без труда реконструируемых: 'приобретать, присваивать', с одной стороны, и 'отделять, отрезать', 'лишаться', с другой.

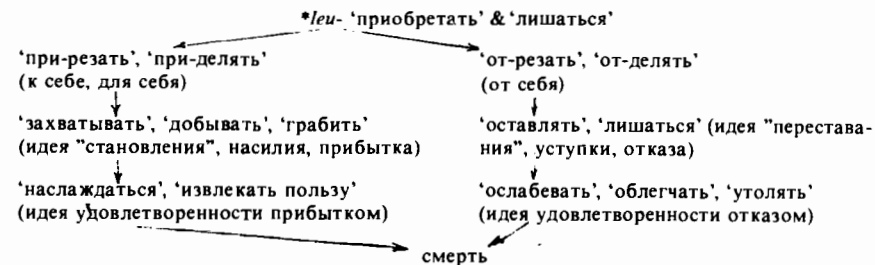
Об этих двух семантических кругах проще судить по несколько более продвинутой стадии их эволюции, когда их противопоставление становится рельефнее, а отчасти и экспрессивнее: 'хватать, захватывать, грабить, добывать' и 'отделять, отрезать', 'оставлять', 'покидать', 'освобождаться'. Примеры того и другого семантического круга приведены у Покорного. Поэтому здесь будут указаны лишь отдельные примеры с напоминательной целью и/или с целью заострения внимания на некоторых особо важных, в частности, славянских и балтийских примерах. Один из наиболее ярких примеров первого круга — слав. *lovь, *loviti, уже упоминавшиеся выше в связи с **l'utъ* (*loq-os : *leu-t-os). Но интересно, что даже "улучшенное" семантически др.-греч. ἄλο-λαύω 'вкусать', 'наслаждаться', 'извлекать пользу' (— 'пользоваться' и т.п.), содержит указание и на воздаяние, а этимологически связанные с ним слова прямо отсылают к идее грубого захвата, грабежа, разбоя, ср. λῆστήρ 'разбойник, грабитель' (< **l̥au-istr-*, ср., может быть, рус. диал. *лю́тра* /< **leu-tr-* / 'чорт-дьявол' [*лю́тра тебя изми*. СРНГ 17, 249, где *изми* как бы оживляет старое значение **leu-*]; 'бойкая женщина'; но, конечно, возможны и иные объяснения), λῆίστωρ, λῆίστός: λεία, λῆϊη, λαία 'добыча, награбленное' (**l̥au-ia*) и т.п. О составе второго круга могут напоминать такие примеры, как др.-инд. *lunāti, lunōti* 'отрезать', *lūna-* 'отрезанное', *lāva-* 'отрезок' (: рус. *лов* и т.п.), лит. *liáutis* 'быть отрезанным' (lū-

tas 'коротконогий'), тох. A lo, B lau 'отдаленный', 'отделенный', др.-греч. λύω 'освобождать' (λύτρον, ср. выше *лүтра*) и т.п.; относящееся сюда лат. *luo* наряду с 'освобождать' сохраняет еще и значения 'искупать' (ср. λύτρον), 'заплатить', 'погашать' (долг) и др.

В связи с каждым из этих семантических кругов уместно указать некоторые дальнейшие направления развития, обнаруживающие и различные и общие явления. Когда действие направлено на активное достижение своих целей ('захватывать') и совершается ради себя, у-становливается (достигается) некий новый, "прибыточный" статус. И язык подчеркивает положительность этого нового состояния, удовлетворение им, извлекаемую из него пользу. Ср. ἄλο-λαύω как 'наслаждаться', 'вкушать' (удовольствие), ср. также (ἀλό-λαύσις, ἀλο-λαύσεις σωματικά. Arst.); кимр. *llawen* 'радостный' (= 'удовлетворенный'), слова со значением 'богатство', 'множество', 'обилие' и т.п. Когда действие пассивно и направлено "от себя", нечто перестает быть, оставляет по себе и, следовательно, вне себя то, что было в его обладании, ослабевает, уступает и т.п. Ср. уже упоминавшееся гот. *lēwjan*, за основным значением которого еще опознается другое — 'überlassen' как уступка; лит. *liáuiti(s)* 'переставать', 'прекращать', 'уняться', лтш. *ļaiīt* 'допускать', 'позволять' и т.п. (тоже как результат уступки) и — еще дальше — чеш. *leviti* 'облегчить', 'умерить', *u-leviti*, укр. *liviti* 'слабеть', 'уменьшаться' и др. Это облегчение, освобождение, умерение—утомление, отражающиеся в разных продолжениях и.-евр. **leu-* 'оставлять после себя', 'ослабевать' и т.п., также должно пониматься как род удовлетворения, но — в отличие от ранее отмеченного удовлетворения "прибытком" — это удовлетворение, наоборот, достигается при отказе от чего-то, отступлении, уступке. Характерно, что в эту же группу входят и слова (в частности, прилагательные), обозначающие слабость, вялость, медленность, тихость, плохость (и даже 'легкость', 'умеренность', 'удобность', ср. чеш., морав. *levný*, словац. *ľavný*, *ľavnota*, *ľavnit'*/*levnit'* и т.п.) и, следовательно, образующие контраст с соответствующими явлениями в предыдущей группе (сила, величина, высокая степень, чрезмерность, быстрота, ср. *лүто* 'сильно', 'очень, много'; 'быстро, скоро', но и 'жутко', 'угрожающе'. СРНГ 17, 248).

Как логическое завершение тенденций развития каждой из этих двух групп (агрессивность—жестокость—захват/разбой и пассивность—отступление—ослабевание) выступает тема конца, смерти, которая представлена рядом слов, безусловно родственных уже приводившимся. Особенно показательно, что эти значения возникают как раз в славянском и балтийском. Ср. прус. *au-lāut* 'умирать' (: чеш. *ú-leva* 'облегчение', 'льгота'), лит. *lavónas* 'труп' и *liavónas* с характерным "по-неволе-этимологическим" объяснением — "Paliovusio gyventi žmogaus kūnas" (LKŽ VII, 1966, 210, где *l/i/avónas: pa-liáuiti*); рус. диал. *лунуть* 'умереть, издохнуть' (в СРНГ 17, 196—197) этот глагол отделяется от других, несомненно, этимологически связанных с ним: *лунуть* 'бросить, кинуть' / '*оставить', *лунуть* 'выстрелить' и т.п.), блр. *лунуць* 'погибнуть', ср. *лунá* 'смерть' (СРНГ 17, 193) и др., ср. выше *лютая смерть* и др.

В схематическом виде изложенное может быть изображено примерно так:

(как результат полного ослабления, освобождения, но и потенциально как результат доведенного до конца насилия, "лютования")

Представленные до сих пор аргументы, несмотря на их краткость, дают, кажется, основания думать о едином и.-евр. **leu-*: **lou-*: **lū-*, которое и было источником всех приведенных примеров, распределенных в словаре Покорного по разным корням. Славянские и балтийские примеры включаются в эту единую систему весьма органично и, более того, фиксируют некоторые важные моменты развития и.-евр. **leu-*, отсутствующие в других языках. В этом отношении особый интерес представляет б.-сл. **lau-* 'умирать', 'смерть', с одной стороны, и первообразный (с вокализмом *-e-*) глагол *leu-tei, ср. лит. *liáuiti(s)*, с другой. Литовский глагол фиксирует тоже грамматическую антонимию — 'прекращать' (нечто) или 'прекращаться', а его причастная форма — *liáuatas* в точности отвечает слав. **l'utъ*, и оба эти слова восходят к единому источнику — б.-сл. *leu-ta-s, условно 'прекращающий', 'полагающий конец' и под. и 'прекращающийся', 'ослабевающий', 'сам сходящий на нет' (уместно напомнить и об образовании на *-n-*, ср. лит. *liaūnas* /*liáuunas*/, *liauñs* 'слабый', 'хрупкий', 'нежный', 'мягкий', 'гибкий' /:*liáuiti*/, а также *liaunėti*, *liauñinti* и под. : рус. диал. *люниться* 'постоянно плакать', 'горевать'. СРНГ 17, 246 [?]; ср. Гамкрелидзе, Иванов II, 510 (с присоединением алб. *letë* < **leut-* 'грива').

В ряду продолжателей и.-евр. **leu-* славянское прилагательное **l'utъ* органично находит свое место, и оно неоднократно перекликается грамматически, словообразовательно и семантически с рядом примеров из других и.-евр. языков. Тот оттенок резкости (ср. выше о семантическом компоненте "резать" в **leu-*), жесткости-жестокости, насильственности, который присутствует в **l'utъ*, а в связи с *лютый зверь* — еще специальное — агрессивности, хищности, "убийственности", хорошо объясняется предысторией всей семьи слов, объединенных и.-евр. корнем **leu-*. Можно думать, что и некоторые другие славянские (и балтийские) слова еще найдут себе место и, следовательно, объяснение внутри этой же семьи (ср. *лытать* — *отлынивать*, *лынять*, *лынь*; *лүтки* 'выгода'; 'лохмотья'; *лытья*, *лутья*, *лутье*, *лут*, *лута*, *луть* как обозначение лыка, ободранной коры и т.п.; *lyko, как и прус. *lunkan* или лит. *lūnkas*, отсылают к инфигированному типу варианта этого же корня **leu-*).

В условиях столь развитой морфонологической системы, скрепляющей воедино такое множество разнообразных слов, конечно, проще считать **leu-* старым и.-евр. наследием со своим кругом значений. Его прикрепление к миграционному термину для обозначения льва, скорее всего, вторично и, возможно, вызвано соображениями "мифопоэтической" этимологии (как это имело место и заведомо позднее — *лютый зверь* как обозначение, в частности, льва). Что касается названий льва в отдельных и.-евр. традициях, давно утративших или даже никогда не имевших связи с зоной распространения льва, то, конечно, наряду с предположением о сохранении в некоторых из этих традиций архаичного наследия общиндоевропейской эпохи, нельзя не считаться и с мнением о серии последовательных (как бы "эстафетных") заимствований из языка в язык, с юга к северу, с востока к западу, ближневосточного (видимо, семитского) обозначения льва.

КНИГА О ЗАМЕЧАТЕЛЬНОМ ЛИТОВСКОМ УЧЕНОМ

"Antanas Baranauskas" (Literatūra ir kalba, XIX) / Vyr. redaktorius K. Korsakas. Vilnius, 1986. 470 с.

Том ежегодника Института литовского языка и литературы АН Литовской ССР, посвященный выдающемуся литовскому писателю и ученому А. Баранаускасу (1835—1902), состоит из двух частей: текстов выступлений и докладов на торжественном заседании по случаю его 150-летия, состоявшемся в Вильнюсе 17 января 1985 г., и на научной конференции, состоявшейся 10 января того же года, а также публикаций сочинений и писем Баранаускаса, писем к нему, других архивных документов, касающихся его биографии и деятельности, отзывов современников о Баранаускасе. Издание снабжено русским резюме, именным указателем и списком сокращений. В предисловии объясняется структура книги и излагаются текстологические принципы публикации текстов Баранаускаса и его сотрудников.

Раздел, отражающий содержание речей на торжественном заседании, включает краткую статью А. Сабалаускаса "Он оставил след и в языкознании". В ней определяется место Баранаускаса в литуанистике, характер его связей с другими лингвистами, круг его языковедческих интересов и основные достижения. Особо отмечена роль Баранаускаса в изучении и классификации литовских диалектов и в разработке литовской лингвистической терминологии.

В разделе книги, где помещены доклады на научной конференции, публикуется сообщение Р. Микшите "Антанас Баранаускас в истории литовской культуры", где, в частности, рассматриваются языковедческие интересы и научные контакты Баранаускаса в более общем историко-культурном контексте. Отмечается его роль как авторитета в области литовского языка, к которому обращались такие лингвисты его времени, как, например, Бодуэн де Куртене, Куршайтис и многие другие. Указывается значение книги "Восточнолитовские тексты", изданной Вебером и Баранаускасом в Веймаре в 1882 г., и посмертной публикации диалектологических материалов Баранаускаса, подготовленной и осуществленной Шпехтом в Лейпциге в 1920—1922 гг. Вместе с тем отмечена и публикация в 1898 г. работы Баранаускаса "О литовском языке и словаре" в трудах Петербургской Академии наук. В статье рассматривается также вопрос о принадлежности Баранаускасу проповеди, изданной анонимно в 1889 г. Как отмечает автор, эта проблема исследовалась в последнее время, в частности, с лингвистической точки зрения (в цитируемой Микшите статье З. Зинквичюса отмечалось наличие в языке текста черт, чуждых языку Баранаускаса).

В обстоятельной статье З. Зинквичюса "Антанас Баранаускас как лингвист" Баранаускас охарактеризован как "гениальный самоучка". Его роль в истории литовского языкознания Зинквичюс видит, в частности, в том, что без него скорее всего не было бы его ученика Яунюса, а без Яунюса не было бы Буги (к которому в большей степени, чем к двум первым, относится цитированная характеристика). В статье дается подробный разбор лингвистических взглядов и работ Баранаускаса и предлагается их оценка с точки зрения современной науки. Автор отмечает парадоксальную ситуацию литовского языка к моменту начала языковедческой деятельности Баранаускаса: этим языком занимались во многих университетах Европы ученые, которых прежде всего занимало его исключительное значение для реконструкции индоевропейского праязыка, но в самой Литве им пренебрегали и его преследовали.

Баранаускас с ранних лет полюбил литовский язык, а первые его языковедческие занятия литовским относятся ко времени его учебы в семинарии (1856—1858). В 1857 г. Баранаускас пишет на польском языке статью "О языке народа жемайтского и литов-

ского", где, по словам Зинкявичюса, уже можно видеть ту программу изучения литовских диалектов, к осуществлению которой Баранаускас позднее переходит. В годы занятий в Петербургской духовной академии Баранаускас благодаря преподававшему в ней А. Шифнеру знакомится с сочинениями А. Шлейхера, чья литовская грамматика была напечатана за несколько лет до того. Баранаускас в 1870 г. переводит грамматику Шлейхера на литовский язык, а в 1875—1878 гг. пишет собственную грамматику литовского языка, которую перерабатывает и позднее. Бодуэн предполагал издать ее по-литовски сперва в трудах Казанского университета, потом — Краковского, но Баранаускас от этого отказался. Зинкявичюс проследивает историю попыток издания грамматики Баранаускаса и ее вариантов на литовском и немецком языках. Он приводит перечень крупных лингвистов, в переписке с которыми был Баранаускас.

Зинкявичюс цитирует слова Баранаускаса, обращенные к русским лингвистам: "Заключая в себе громадный лингвистический материал, с богатой морфологией, литовский язык, по отличной выработке своей многообразной флексии и синтаксических словосочетаний, с точностью и отчетливостью определяющих состояние, положение, количества, качества и соотношения предметов и действий, сам собою представляет важный и интересный предмет для науки. По прозрачности же и полноте своего этимологического строя, по различиям его живых наречий и говоров, язык этот, объясняя законы, по которым в других индоевропейских языках давно уже совершились звуковые перемены и едва заметные теперь процессы, облегчает ученым сравнительные лингвистические исследования. Поэтому европейские лингвисты ревностно изучают литовский язык и оказывают радушный прием сочинениям, посвященным его исследованию... Русские лингвисты находятся в условиях гораздо более благоприятных, нежели заграничные, потому что имеют в пределах отечества живой литовский язык, сохранившийся в древней, почти первоначальной полноте своих этимологических форм, своего ритмического строя и первичного акцента... Я уверен в том, что русские филологи сознают свою обязанность посылить содействовать сохранению в жизни и науке этого замечательного языка". Эти слова, сохраняющие до сих пор все свое значение, могли бы стать девизом и для нашего ежегодника по отношению к литовскому, жемайтскому, латышскому, латгальскому и другим живым балтийским диалектам. В других частях той же работы, цитируемой З. Зинкявичюсом, Баранаускас еще более подчеркивает идею сохранения в литовском той стадии развития индоевропейского, которая была пройдена славянским еще в доисторический (дописьменный) период (сейчас можно было бы в духе работ Шмида говорить об отражении в литовском и вообще балтийском той стадии развития индоевропейских диалектов, с которой связывается идея "древнеевропейского" или "западноиндоевропейского" единства).

В статье З. Зинкявичюса детально описываются также занятия Баранаускаса литовской диалектологией и значение предложенной им и развитой его блестящим учеником Яуносом классификации литовских диалектов. Отмечается проницательность Баранаускаса в описании литовских акцентуационных парадигм: по его словам, "если... некоторые слоги многосложного слова в склонении или спряжении не получают акцента, то нетрудно отыскать их с акцентом в общей морфологии по составным частям того же слова, или в аналогичном образовании других слов".

В статье Й. Кубилюса "Баранаускас и математика" дается обзор математических результатов Баранаускаса, обнаруживавшего большие способности в этой области. Обращено внимание на языковую специфику его математических работ. Они написаны по-польски, как и его письма Бодуэну де Куртене и Дамбраускасу (Якштасу), где он обсуждает математические вопросы. Письма на эти же темы к Веберу написаны по-литовски. Баранаускас много сделал для разработки литовской математической терминологии. Из общенаучных вопросов, касающихся и лингвистики, в сочинениях Баранаускаса затронут вопрос о потенциальности и актуальности (в смысле позднейшей конструктивной математики). Конструктивный принцип построения актуального множества, который в XX в. привел к радикальному пересмотру самих оснований математики¹, Баранаускас противопоставлял оперированию потенциальными множествами.

В одном из писем Веберу с характерным смешением литовского с латинским Баранаускас в 1892 г. пишет: "Aš misliju, jog skirstymas daiktystės, actualis divisibilitas in partes quae actu existunt, turi gale punkte; skirstymas gi galybės, divisibilitas potentialis in partes quae actu non existunt, yra be jokio galo" (с. 95) 'Я полагаю, что разделение вещественности, актуальная разделяемость на части, которые на деле существуют, имеет конечную точку; у разделения же множества, потенциальной разделяемости на части, которые на деле не существуют, нет никакого конца'. В этом утверждении, очень четко сформулированном, можно было бы видеть след влияния идей Кантора, но из других писем Баранаускаса, цитируемых в той же статье, видно, что идея существования "конца" у "нумерации" (т.е. проблема конечности множеств натуральных чисел) его занимала более чем за 30 лет до того. Кажется возможным этот "предконструктивистский" аспект философских математических поисков Баранаускаса связать и с другими его семиотическими размышлениями, прежде всего — лингвистическими, а также и теологическими. Естественным представляется сближение его с П.А. Флоренским — по образованию математиком. А. Баранаускас, как и П.А. Флоренский, — человек целостного духовного проявления, в котором сочетались математические, языковедческие, теологические способности. И кажется особенно существенным интерес обоих мыслителей к философии математики. Из разных семиотических систем, которыми владел Баранаускас, математика была философски особенно важной, как поэзия и с нею связанный литовский язык были для совсем иной сферы сознания и души, для образного их выявления по преимуществу.

В статье Р. Венцкute "Языковедческая переписка Антанаса Баранаускаса" дается описание основных частей переписки Баранаускаса с лингвистами, выделенных автором статьи в зависимости от основных корреспондентов Баранаускаса: подробно рассмотрена его переписка с Шифнером (преимущественно на латинском языке), Бодуэном де Куртене, чьи работы казанского периода он тщательно изучал (автор статьи проследивает их влияние в сочинениях Баранаускаса), Вебером, выступившим в "восточнолитовских текстах" в качестве их издателя и соавтора.

В других статьях, вошедших в первую часть книги, Баранаускас характеризуется преимущественно как поэт, и для оценки его лингвистических занятий эти статьи могут быть интересны по тому, как можно проследить связь импульсов его лингвистических занятий и его литературного творчества. К этим статьям принадлежат в частности: В.Кубилюс "А. Баранаускас и литовская поэзия"; В. Дауэнтте "Антанас Баранаускас — лирик", где специально обращено внимание на погружение Баранаускаса в его поэзии в живую стихию языка; Ю. Гирдзияускас "Ритмика "Аникшайского бора" А. Баранаускаса; Ю. Стонис "Баранаускас и А. Виенуолис". Собственно биографические моменты рассмотрены в статьях Р. Михшите "Друзья юности А. Баранаускаса и его товарищи по литературе" и С. Дауниса "Избушка Баранаускаса в свете новых исследований" — основательном этнографическом исследовании структуры мемориального домика.

Во второй части напечатан литовский перевод первой лингвистической работы Баранаускаса "О языке народа жемайтского и литовского", написанной и ранее публиковавшейся на польском языке. Здесь же напечатано осуществленное Баранаускасом и существенное для балтийской паремиилогии собрание литовских пословиц общим числом 825. Из публикуемого в разделе "Письма" эпистолярного наследия Баранаускаса вопросы изучения литовского языка и его диалектов затрагивают письма к А. Шифнеру, Х. Веберу и лишь отчасти к Бодуэну де Куртене, так как в основном последнему он писал о своих математических занятиях и открытиях. Интересны замечания в письмах А. Дамбраускасу о производившей Баранаускасом широко задуманной работе по новому переводу Библии на литовский язык. Из напечатанных в книге писем корреспондентов Баранаускаса вопросы, существенные для истории лингвистики, освещаются в письмах А. Шифнера (в частности, о работе Шлейхера над "Временами года" Донелайтиса), Ф. Куршайтиса, Х. Вебера. Кроме собственно лингвистических вопросов, обсуждаемых в переписке Баранаускаса, для истории лингвистики важны и извлекаемые из нее сведения о связях Баранаускаса с другими выдающимися людьми, занимавшимися в Центральной Европе прикладным языкознанием и языкостроительством; посылая привет создателю эсперанто доктору Л. Заменгофу, Баранаускас тепло о нем отзывался как о "славном малом". Именно этот ареал Европы сыграл в то время существенную роль как в становлении ряда литературных языков (в том числе и современного литературного стандарта литовского

¹ Ср. Козн Пол Дж. Теория множеств и континуум-гипотеза / Пер. с англ. с добавл. А.С. Есенина-Вольпина. М., 1969; Френкель А.А., Бар-Хиллел И. Основания теории множеств. Пер. с англ. М., 1966.

языка), так и в изобретении новых искусственных языков (таких, как эсперанто). Это и делало занятия языкознанием столь напряженными. Среди архивных материалов напечатан написанный для Отделения русского языка и словесности Петербургской Академии наук отзыв Э. Вольтера на работу Баранускаса "О литовском языке и словаре", способствовавший ее изданию в трудах Академии.

Из помещенных в последней части книги отзывов и воспоминаний о Баранускасе лингвистическая сторона его деятельности освещается в заметке А. Шлейхера, в мемуарах Бодуэна де Куртене, в отрывках из книги Ф. Куршайтиса и статьи Н.Н. Соколова, а также в некрологе Э. Вольтера, впервые помещенном в 1903 г. в "Журнале Министерства народного просвещения", — переведенных в настоящем издании на литовский язык. Книга в целом закладывает собой давно необходимое начало исследования великого представителя духовной культуры Литвы второй половины прошлого века.

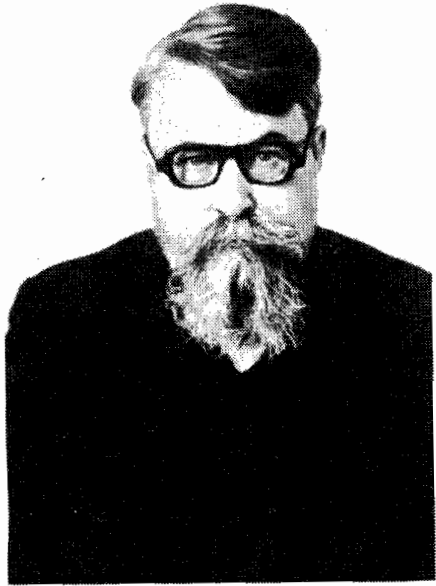
Вяч. Вс. Иванов

К ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЮ В.Н. ТОПОРОВА

5 июля 1988 г. Владимиру Николаевичу Топорову исполнилось 60 лет. Его коллеги, друзья, ученики, среди которых — участники этого сборника, — с особым чувством относятся к этой дате, позволяющей оглянуться назад, на более чем тридцатилетний путь ученого, и посмотреть вперед, на то, к чему устремлены его интересы в будущем. Это особое чувство связано еще и с тем, что научная деятельность Владимира Николаевича воспринимается не только в сугубо академическом, но, может быть, в большей степени в нравственном аспекте, как проявление тех духовных и душевных его свойств, которые многим служат жизненной поддержкой. Поэтому присуждение Владимиру Николаевичу степени доктора наук *honoris causa* оказалось в каком-то смысле более важным для нас, так как это отвечало нашему внутреннему ощущению справедливости.

"Исследования В.Н. Топорова охватывают широчайший круг разных культур, систем знаков и текстов. При этом многообразии их объединяет единство основной, центральной концепции, выработка которой и является главной заслугой замечательного ученого, повлиявшего на науку и культуру всего нашего времени и явившего пример исключительной научной твердости и последовательности", — так заканчивается предисловие к библиографии работ юбиляра, которая подготовлена в Институте славяноведения и балканистики и выйдет в этом году в Самарканде отдельной книгой (в серии "Библиографических указателей по славянскому и общему языкознанию"). К этой библиографии, насчитывающей более 1200 работ, мы отсылаем читателя для полных и подробных сведений, здесь же вынуждены ограничиться лишь кратким перечнем главных направлений научной деятельности В.Н. Топорова.

Жанр библиографии способствует "хронологически-эволюционному" восприятию пути исследователя. Однако в данном случае было бы неверным рассматривать этот путь как развитие от более частных, специально лингвистических работ в поступательном направлении, сопровождающемся освоением новых областей. Скорее это развитие концентрическое, когда едва ли не в каждой работе выделяется ядро, содержащее в себе возможности для распространения виришь и вглубь и органические связи с другими темами и работами, какими бы далекими они на первый взгляд ни казались. Так, первая (диссертационная) работа В.Н. Топорова "Локатив в славянских языках" — не просто лингвистическое исследование о формах выражения места, посвященное частной проблеме сравнительной грамматики славянских

языков, но зачаток тех линий развития, которые через двадцать лет найдут отражение в работах о пространстве конкретных художественных текстов и далее — в исследовании, также связанном с пространственными характеристиками, уже в глобальном масштабе, охватывающем основные проявления ментальной деятельности человека: в работе "Пространство и текст". Концептуальное единство, которым спаяны научные труды В.Н. Топорова, и является фундаментом разнообразия его интересов, точек приложения сил, охвата материала.

Этот выпуск ежегодника открывается статьей Владимира Николаевича "Язык и культура: об одном слове-символе (к 1000-летию христианства на Руси и 600-летию его в Литве)", принадлежащей области, которая в нынешний год является для автора особо живой и близкой: русская духовная культура последнего тысячелетия и ее отношения с мировой культурой. В этой связи Владимир Николаевич обратился к образу Алексея человека Божьего, столь дорогому русской традиции: в нем сгустились идеи русской духовности и святости и их единение с духовностью Запада и Востока. Приводимые дальше строки (из комедии Кузмина "О Алексее человеке Божьем" — освоение этой темы в русской поэзии начала века, которой посвящены многие работы Владимира Николаевича), предваряющие обзор главных направлений деятельности ученого, значимы в этом контексте — не столько своим непосредственным содержанием, сколько

указанием на это единство predeterminedного пути:

.....
Другому снится
Простота твоя.
Предался морю,
Презрев почет;
Но, к счастью иль к горю,
Путь в Рим ведет.
Бежать не можешь
Своего пути,
Суму на плечо положишь,
И должен идти...

Главные направления научной деятельности В.Н. Топорова

I. Языкознание.

Сравнительно-историческое языкознание, этимологические исследования (индоевропейские языки, прежде всего славянские, балтийские, древнеиндийские, древнеиранские, тохарские и др.; енисейские; реконструкция элементов языка и текстов).

Типологическое языкознание (анализ понятия языкового союза применительно к ситуации балтийско-славянского пограничья, центрально-азиатского ареала. "енисейской вертикали", "околобалтийского" союза — вокруг Балтийского моря; грамматические описания древних языков — санскрит, пали).

Теоретическое языкознание (проблема времени и пространства в языке; понятие лингвистического заимствования и его парадоксы, роль тела в становлении грамматических категорий, формирование языковых "пракатегорий" — "глоссогенетика").

II. Семиотика.

Анализ и реконструкция основных символов, описывающих мифопоэтическую модель мира, и строимых на их основе текстов; теория текста *sub specie* семиотики.

"Начала" — исследования мифопоэтических основ "предфилософии", "предлогики", "преднауки", "предыстории", "предмедицины", "предыскуства".

Город как предмет семиотики (Москва, Петербург, Вильнюс и др.); текст города в модели мира и в литературе.

III. Мифология и религия.

Опыты синхронического описания мифорелигиозных систем (общеевропейской, древнеславянской, балтийской, ведийской, кетской, смежных с кетами народов — селькупов, нганасан, энцев, ненцев).

Анализ мифологических персонажей, мифологии, концепций и реконструкция текстов для соответствующих мифологем; проблема взаимовлияний и трансформаций (на древнеиндоевропейском, центрально-азиатском, сибирском /"приенисейском"/ материале); основной миф, его варианты, версии, коды.

Ритуал: его суть, проблема реконструкции, взаимоотношение с мифом.

IV. Фольклор.

Проблема фольклорных жанров: их происхождение, "единый состав", типы трансформаций.

Опыты синхронного описания. Исследования в области реконструкции древнейших фольклорных мифов и персонажей.

Взаимодействие фольклорных структур разных этно-языковых традиций.

V. Литература.

Поэтика. Теория текста ("структура текста"). Интертекстуальность. Опыты анализа "одного" текста.

История литературы. "Начала" литературы — проблема "индоевропейского поэтического языка" и реконструкция фрагментов конкретных текстов. Анализ древних текстов sub specie их связи с ритуальной практикой (древнеиндийские, древнеиранские, древнехеттские, древнегреческие, древнебалтийские, древнеславянские и т.п.).

"Пра-поэт" и его функции. Исследование и реконструкция древнейших типов текстов ("вопросо-ответный", "диалогический", "числовой", "тетический" и т.п.). Звук и смысл — анаграмма и ее функции.

Взаимосвязи литератур (Пушкин — Проперций; Пушкин — Буало — Ронсар; Пушкин — Голдсмит; Батюшков — Парни; Тютчев — немецкие романтики и Шеллинг; Ахматова — Данте — Нерваль — Элиот; Пастернак и Гельдерлин; и др.).

Монографические исследования в области русской литературы (Петр Буслаев, Тредиаковский, Муравьев, Андрей Тургенев, Жуковский, Батюшков, Тютчев, Блок, Ахматова, Кузмин, Кондратьев, Ремизов и прежде всего Достоевский). Русская поэтическая эпитафия по материалам московского и петербургского некрополя.

Древневосточная, античная и западная литература (Дхаммапада; Софокл, Вергилий, Экхарт, Дю-Белле, Верлен, Рильке, Йейтс и др.).

VI. Русская духовная культура.

Софийное наследие Кирилла и Мефодия на Руси. "Слово о законе и благодати" и древнекиевские реалии. Труженичество во Христе (Феодосий Печерский, Сергей Радонежский). На путях с Запада на Восток ("Житие св. Алексия человека Божия" и "Сказание о прекрасном Иосифе" на Руси). Юродивые и дураки. "Огненный Вертоград". Уроки Достоевского. Смысл поэзии Вл. Соловьева.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В.Н. Топоров.</i> Язык и культура: об одном словс-символе (к 1000-летию христианства на Руси и 600-летию его в Литве)	3
<i>Вяч. Вс. Иванов.</i> Балто-славяно-тохарские изоглоссы	45
<i>А.А. Зализняк.</i> Древненовгородское койне	60
<i>А.В. Дыбо.</i> Деклинационные различия новгородских диалектов XIII–XIV в. и их локализация	79
<i>С.Л. Николаев.</i> Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах . I. Кривичи	115
<i>В.Н. Топоров.</i> Балтийский элемент в гидронимии Поочья . I	154
<i>Ф. Хинце.</i> К древнепрусской топонимии Помезании	177
<i>П. Гаучас.</i> К вопросу о восточных и южных границах литовской этнической территории в Средневековье	195
<i>Т.М. Судник.</i> К изучению исторической антропонимии литовско-белорусского пограничья	213
<i>А.Б. Брейдак.</i> Западная граница латгальского и селонского племен в XIII–XIV в. по данным языка	219
<i>Т.В. Цивьян.</i> Мотив наказания Месяца в сюжете Небесной свадьбы	228
<i>Л.Г. Невская.</i> Материалы к реконструкции балто-славянской причеты (семантика предикативных конструкций)	239
<i>В.Н. Топоров.</i> Вокруг "лютого звєря" (голос в дискуссии)	249
Книга о замечательном литовском ученом (<i>Вяч. Вс. Иванов</i>)	259
К шестидесятилетию В.Н. Топорова	263

Научное издание
**Балто-славянские
исследования
1986**

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения
и балканистики АН СССР*

Редактор издательства *Г.Н. Корозо*
Художественный редактор *И.Ю. Нестерова*
Технические редакторы *А.Л. Шелудченко,*
Л.В. Русская

Набор выполнен в издательстве
на электронной фотонаборной системе

ИБ N 37928

Подписано к печати 25.11.88.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 17,0+0,9 вкл. Усл.кр.-отт. 17,9. Уч.-изд.л. 21,9
Тираж 1550 экз. Тип.зак. 800
Цена 4 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485,
Профсоюзная ул., д.90

Ордена Трудового Красного Знамени
1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

**Категория посессивности
в славянских и балканских языках**
20 л., 3р. 80к.

Коллективная монография исследует категорию притяжательности (посессивности) в аспекте ее содержания и выражения, освещает ее место в семантической картине мира, связь категории посессивности с другими содержательными категориями в славянских и балканских языках на фоне других разноструктурных языков.

Для лингвистов-славистов, балканистов, историков, этнографов.

**Общеславянский лингвистический атлас
Материалы и исследования. 1985—1987**
25 л., 4р. 40к.

Очередной (19-й) выпуск ежегодника знакомит читателя как с ходом работы над общеславянским лингвистическим атласом (ОЛА), так и с новыми исследованиями по славянскому языкознанию, основанными на изучении материалов, собранных по программе ОЛА. В статьях советских и зарубежных авторов рассматриваются особенности лексики, семантики, словообразования, морфологии, фонетики и синтаксиса славянских языков и диалектов, а также вопросы этимологии. В сборнике содержатся работы, связанные с изучением различных сторон системы русского языка и его говоров как в синхронном, так и в диахронном аспекте; помещены рецензии на работы последних лет по славянскому языкознанию.

Для языковедов, историков, археологов, этнографов.

Славянское и балканское языкознание

Просодия
20 л., 3р. 50к.

В сборнике славянская акцентуация рассматривается на широком фоне индоевропейской акцентуации и просодии. В работу включены общетеоретические и экспериментально-фонетические исследования. Представлены все акцентно-просодические уровни: слог, словесное ударение и фразовая интонация, синтаксическая акцентология и метрика.

Для фонетистов широкого профиля, историков-компаративистов, акцентологов.

Сталтмане В.Э.

Ономастическая лексикография

12 л., 2р. 10к.

Предлагаемая работа представляет собой первый опыт теоретического анализа словарей собственных имен разных типов. На материале словарей, составленных в нашей стране и за рубежом, показана специфика ономастической лексикографии на фоне общей лексикографии. Разрабатываются ее теоретические предпосылки, показана типология словарей, случаи включения имен собственных в словари общего типа.

Для специалистов по общему языкознанию, общей и ономастической лексикографии, по ономастике.

Балто-славянские исследования. 1987

20 л., 3р. 40к.

В очередном выпуске ежегодника представлены статьи по сравнительно-историческому и сопоставительно-типологическому изучению балтийских и славянских языков, вопросам истории этнолингвистических и этнокультурных связей балтийского, славянского и смежных ареалов. Проблемы рассматриваются на материале языка, ономастики с учетом особенностей духовной и материальной культуры балтов и славян.

Для специалистов по индоевропеистике, историков, этнографов, фольклористов, археологов.

Формирование и функционирование

серболужицких литературных языков и диалектов

16 л., 2р. 80к.

В сборнике на материале малоизученных славянских языков, развивавшихся в специфических историко-культурных условиях, исследуются проблемы формирования литературных серболужицких языков, их взаимодействия с другими славянскими литературными языками и развития лексики, словообразовательной системы и грамматического строя. Большое внимание уделяется сравнительно-исторической и типологической характеристике изучаемых процессов и явлений.

Для филологов-славистов, специалистов по сравнительной грамматике славянских языков.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов "Книга—почтой" "Академкнига":

Магазины "Книга—почтой":

252030 Киев, ул. Пирогова, 4; 197345 Ленинград, Петрозаводская, 7; 117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12

Магазины "Академкнига" с указанием отделов "Книга—почтой":

480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 /"Книга—почтой"/; 370005 Баку, ул. Коммунистическая, 51 /"Книга—почтой"/; 232600 Вильнюс, ул. Университето, 4; 690088 Владивосток, Океанский пр-т, 140 /"Книга—почтой"/; 320093 Днепропетровск, пр-т Гагарина, 24 /"Книга—почтой"/; 734001 Душаибе, пр-т Ленина, 95 /"Книга—почтой"/; 375002 Ереван, ул. Туманяна, 31; 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 /"Книга—почтой"/; 420043 Казань, ул. Достоевского, 53 /"Книга—почтой"/; 252030 Киев, ул. Ленина, 42; 252142 Киев, пр-т Вернадского, 79; 252030 Киев, ул. Пирогова, 2; 277012 Кишинев, пр-т Ленина, 148 /"Книга—почтой"/; 343900 Краматорск, Донецкой обл., ул. Марата, 1 /"Книга—почтой"/; 660049 Красноярск, пр-т Мира, 84; 443002 Куйбышев, пр-т Ленина, 2 /"Книга—почтой"/; 191104 Ленинград, Литейный пр-т, 57; 199164 Ленинград, Таможенный пер., 2; 196034 Ленинград, В/О, 9 линия, 16; 220012 Минск, Ленинский пр-т, 72 /"Книга—почтой"/; 103009 Москва, ул. Горького, 19-а; 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 630076 Новосибирск, Красный пр-т, 51; 630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 /"Книга—почтой"/; 142284 Протвино, Московской обл., ул. Победы, 8; 142292 Пушкино, Московской обл., МР, "В" 1; 620161 Свердловск, ул. Мамина—Сибиряка, 137 /"Книга—почтой"/; 700000 Ташкент, ул. Ю. Фучика, 1; 700029 Ташкент, ул. Ленина, 73; 700070 Ташкент, ул. Ш. Руставели, 43; 700185 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 /"Книга—почтой"/; 634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18; 634050 Томск, Академический пр-т, 5; 450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 /"Книга—почтой"/; 450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; 720000 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 /"Книга—почтой"/; 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 /"Книга—почтой"/

4руб.

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1986

9861